

Новомученики и исповедники Российские
пред лицом богоборческой власти

Да не утратим помалу, неприметно той свободы,
которую даровал нам Кровию Своею
Господь наш Иисус Христос,
Освободитель всех человеков.

8-е правило III Вселенского Собора

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК АНДРЕЙ, АРХИЕПИСКОП УФИМСКИЙ

Статьи 1905–1918 годов, документы и воспоминания

Составители
Н. И. Колева, Л. Е. Сикорская

Москва
БРАТОНЕЖ
2019

УДК 27–36
ББК 86.374
С25

Редактор *И. И. Осипова*

С25 **Священномученик** Андрей, архиепископ Уфимский. Статьи 1905–1918 годов, документы и воспоминания // Сост. Н. И. Колева, Л. Е. Сикорская. — М.: Братонеж, 2019. — 576 с. + [16] ил. — (Серия «Новомученики и исповедники Российские пред лицом богоборческой власти»).

ISBN 978-5-8463-1102-2

Предлагаемый вниманию читателей сборник является дополнением к опубликованной ранее в серии «Новомученики и исповедники Российские пред лицом богоборческой власти» книге, посвященной Уфимскому архиепископу Андрею (Ухтомскому): «Я хочу принадлежать только Св. Церкви...» Священномученик Андрей, архиепископ Уфимский. — М.: Братонеж, 2012.

Преосвященный Андрей (1872–1937) — выдающийся архиерей Русской Православной Церкви, один из самых ярких деятелей церковно-общественной жизни первой половины XX столетия, в трудах и личности которого сфокусировались не решенные по сей день важнейшие проблемы Русской Церкви.

В новой книге представлены газетные публикации владыки Андрея, письма из архива его брата, академика А. А. Ухтомского, материалы к биографии из различных изданий.

УДК 27–36
ББК 86.374

© Н. И. Колева,
Л. Е. Сикорская, сост., 2019

Содержание

Предисловие 11

Часть 1. Статьи и письма архимандрита, епископа Андрея (Ухтомского). 1905–1923 19

Статьи архимандрита (с 1907 — епископа) Андрея (Ухтомского) 1905–1918 годов 21
Пока не поздно 21
Открытое письмо С. Ф. Шарапову 31
Значение «Епархиальных ведомостей» 35
По адресу «Общества церковных старост г<*орода*> Казани» 37
К характеристике г<*оспод*> социалистов 41
В утешение душе смущенной 46
«Россия для русских» 56
Великое начало 65
Опомнитесь! 68
Чем силен социализм 70
Обязанность церковно-приходских советов 74
По адресу «Русского Собрания» и подобных организаций 78
Письмо в редакцию 88
Братья-христиане 90

О социальном значении русского прихода 93
Восстани, спяй!.. 100
Приходская охрана 105
Совесть или только сытость? 108
Открытое письмо к архимандриту Андрею 113
Необходимые разъяснения 116
Внимание читателей 122
Начало народной земщины 125
Первое явление воскресающей соборности 128
Зависть — не политика 132
Памяти великого христианина 134
Как бы не опоздать... 136
Критическое положение приволжской миссии 138
Не мое дело... 141
О русских богослужебных минеях 146
О Казанской «пастырской школе» 149
Помогите! 152
Шедше научите 155
Трудиться — значит молиться 157
О докладе протоиерея Миропольского 158
Когда же будет собор? 159
Забытые идеалы 173
Еще о русском протестантстве 175
О свободе религиозной пропаганды 178
К сведению добрых казанцев 183
Христопродавцы 184
Ближайшая задача «Союза русского народа» 185
Духа не угашайте 188
Заметка 191
О религиозном движении турецких магометан 192
О внецерковности нашей современной жизни 194
Об «обрусении инородцев» 198
Новая эпоха приходской жизни 201
Разрушение церквей 202
Об официальной ученической исповеди 204
Характерное постановление Синода 207

О церковной реформе без собора 208
Ответ волынскому архиепископу Антонию 212
Церковь и «подлежащие» ведомства 219
О монашеском съезде 221
Дикие приемы нашей «духовной» полемики 225
Архиерей и аплодисменты 227
Неудачные русификаторские комбинации 229
Тяжелый месяц в жизни казанской миссии 232
В защиту камчатского миссионера иеромонаха Нестора 237
От председателя педагогического Совета женских богословских курсов в г. Казани 240
Последние дни пребывания епископа Андрея в Казани 241
О разрушающихся церковно-приходских школах 246
Из церковной жизни г<орода> Сухуми 249
Об употреблении христианами христианских имен 251
Об инородцах Восточной России и Западной Сибири 252
Сухумским христианам 254
Хам торжествующий 255
Кто виноват в этом ужасе? 257
Памяти героя (по случаю геройской смерти на поле брани...) 261
О системе обезверивания 263
Внешкольная атеистическая обработка народа 267
О газете «Колокол» 270
Воззвание к пастве уфимской 272
К верующим сынам Церкви 277
Князь Юрий Ухтомский 280
Две темы для размышлений нашим клерикалам 281
Высокопреосвященнейшему митрополиту Питириму 283
О духовности и духовенстве 284
О Туапсинском монастыре 286
От председателя Восточно-Русского общества 290
Социалистическое и церковное самообложение 291
К уфимской православной пастве 294
Воззвание к уфимской пастве 295
Моей о Господе возлюбленной уфимской пастве 296

К выборам в городскую Думу. Воззвание епископа Андрея к уфимцам 300
DUBIA 303
О самосознании 303
Исчадия ада 310
Книга героя 312
Департамент духовных дел и ведомство православного исповедания 314
Не клевещите же на наш народ и на себя 317
Петроград и русская культура Заволжья 320

Письма архимандрита, епископа Андрея. 1902–1923 322
Письма брату Алексею Алексеевичу Ухтомскому 322
Письмо А. И. Зелинской 340
Письмо В. А. Платоновой 341
О подготовке второй революции 342

Часть 2. Материалы к жизнеописанию архиепископа Уфимского Андрея (Ухтомского) 347
Адрес епископу Андрею 349
Церковный листок 351
Великая церковная мысль 351
Замечание на статью «Церковника» в № 39 «Санкт-Петербургских ведомостей» 354
Новый сухумский архипастырь 356
Перемещение епископа Мамадышского Андрея в Сухуми 358
Из Казани 361
О перемещениях архиереев 365
Что говорят в деревнях по поводу ухода преосвященного Андрея в город Сухуми 373
Выгоден ли для казанской миссии уход епископа Андрея? 375
К переводу епископа Андрея 378
Архиерейские перемещения и карьеризм 379
Вести из Грузии о сухумском архипастыре 382
Из Сухуми (Первые шаги сухумского епископа Андрея) 383

Возможно ли возвращение преосвященного Андрея в Казань? ... 384
Заметки по поводу деятельности преосвященного Андрея, епископа Сухумского ... 386
Сухумский епископ Андрей ... 390
Речь при встрече преосвященнейшего Андрея, епископа Уфимского и Мензелинского ... 394
Слово при первом служении преосвященного Андрея, епископа Уфимского, в Уфимском кафедральном соборе ... 396
Рескрипт-1 епископу Андрею ... 399
Рескрипт-2 епископу Андрею ... 400
Посещение преосвященным Андреем, епископом Уфимским, приходов Мензелинского уезда ... 402
Посещение Ея Императорском Высочеством Великою Княгинею Елисаветою Феодоровною Николо-Березовки ... 452
Письмо епископу Андрею ... 462
Дедушка Павел, основатель «Общества некурящих» ... 464
Из беседы с преосвященным Андреем ... 465
От епархиального комитета о беженцах ... 467
Телеграмма ... 468
От епископа Уфимского ... 470
Преосвященный Андрей в земском собрании ... 471
Учащимся ... 472
Общество попечения о беженцах ... 473
Епископ Андрей Уфимский в Москве ... 473
В духовных кругах ... 475
Отклонение ходатайства преосвященного Андрея ... 475
К реформе прихода ... 476
Вниманию учредителей Восточно-Русского общества ... 478
От епископа ... 479
От епископа Уфимского ... 479
Отдел официальный ... 481
Привет оптинского старца о<*тца*> Анатолия епископу Андрею ... 482

Письмо преосвященнейшему Андрею учительницы одной из школ Министерства народного просвещения.... 489
Преосвященный Андрей у военнопленных славян 492
Его преосвященством преосвященнейшим Андреем, епископом Уфимским и Мензелинским, сделано через Уфимскую духовную консисторию следующее распоряжение 493
Преосвященный епископ Уфимский Андрей в Златоустовском уезде 496

Приложение I 498
Новомученик епископ Андрей Уфимский..... 498
О епископе Уфимском и Мензелинском Андрее. Воспоминания монахини Тавифы 524
Из воспоминаний схиигуменьи Сергии 531

Приложение II 542
Письмо владыки Андрея чувашской пастве 542

Именной указатель 571

Предисловие

Предлагаемая вниманию читателей книга — сборник статей и писем священномученика архиепископа Уфимского Андрея (Ухтомского), а также статей и воспоминаний о нем его современников — не очередная в нашей серии. Сложилась она неожиданно, благодаря Наталье Игоревне Колевой, усердно потрудившейся над собранием материалов о священномученике Андрее и любезно предоставившей нам результаты своего скрупулезного труда.

Наталья Игоревна — родственница владыки Андрея по отцовской линии. Ее отец, Галанин Игорь Викторович, — правнук Екатерины Николаевны Ухтомской, в замужестве Козляниновой (1830–1854)[1], тети владыки Андрея, родной сестры его отца, Алексея Николаевича Ухтомского (1842–1902). Дочь Екатерины Николаевны, Александра Николаевна Козлянинова (1853–1913), — двоюродная сестра владыки (в замужестве Галанина), пра-

---

[1] Портрет Екатерины Николаевны находится в Ярославском художественном музее. Там же портреты ее отца, то есть деда владыки, Николая Васильевича Ухтомского (1805–1870), и его матери, то есть прабабушки владыки, Екатерины Егоровны Ухтомской, в девичестве Бобоедовой (1771–1813).

бабушка Натальи Игоревны Колевой. Есть записка, где епископ Андрей упоминает во время своего пребывания в Петербурге, что остановился на Афонском подворье, против дома «Сашеньки Галаниной».

Своему труду Наталья Игоревна Колева предпослала следующее предисловие:

«Собранные материалы представляют собой дополнение к книге "СВЯЩЕННОМУЧЕНИК АРХИЕПИСКОП УФИМСКИЙ АНДРЕЙ (УХТОМСКИЙ). ТРУДЫ"[2] и являются следующим шагом в направлении к изданию полного собрания творений архиепископа Андрея.

Главной задачей нашей работы было не только показать жизненный путь, но и рассказать о человеке высочайшего духовного напряжения — владыке Андрее. Вся его жизнь проходила в тех местах России, где христианство сталкивалось с мусульманством и язычеством и где до него очень редко, а то и никогда не появлялся православный священник. Отсюда и его миссионерская работа, и борьба за чистоту православия. Все свои силы он направил на обновление и возрождение Церкви.

В собрание вошли публикации Андрея, напечатанные в следующих газетах: "Санкт-Петербургские ведомости", "Русь православная и самодержавная", "Казанский Телеграф", "Уфимские епархиальные ведомости", "Уфимская жизнь". Также нами были просмотрены такие журналы, как "Богословский вестник", "Православный церковник", "Вестник Священного Синода", "Московские ведомости", — начиная с 1899 по 1917 год. Читая их, становится понятно, что тексты владыки Андрея не утратили своего значения и в наши дни. Ведь он поднимал самые важные, острые и болезненные вопросы, которые касались церковно-общественной жизни.

---

[2] Священномученик архиепископ Уфимский Андрей (Ухтомский). Труды / Сост. Т. Г. Сидаш, С. Д. Сапожникова. — Санкт-Петербург: Свое издательство, 2013.

Но самыми ценными являются воспоминания о владыке его помощников, соратников, учеников и духовных детей. Из писем мы узнаем, как сильна была их любовь к владыке и вера в него. А вот такие — если очень коротко — были его взгляды:

— Не лгать Христу.

— Никакого епископского величия, так как епископа выбирает народ, а не главный церковный вельможа.

— Самое главное для священника — его приход, и он там первый работник.

— Христианизация власти.

Без христианской этики нет нормальной экономики и невозможно хозяйственное процветание. Если государство не понимает этого, оно обречено находиться в социальном тупике.

За них в 1937 году он заплатил ЖИЗНЬЮ».

* * *

Мы в свою очередь, издавая новую книгу трудов архиепископа Андрея, надеемся, что она послужит как прославлению и увековечению памяти замечательного святителя Русской Православной Церкви, так и осознанию его богатейшего духовного наследия. До сих пор этого не произошло. И высказанное еще в 2006 году точное замечание вдумчивого казанского историка продолжает оставаться актуальным, а предложение, по-видимому, так и не нашедшим отклика у церковной и научной общественности:

> «Учитывая, что наполненная до краев не только подвижническими свершениями и духовными подвигами, но также неоднозначными и на первый взгляд даже противоречивыми поступками жизнь епископа Андрея не может еще считаться в достаточной мере изученной и осмысленной во всей своей

целостности, нет ничего удивительного в том, что взгляд на нее из Казани значительно отличается от взгляда из Уфы или, скажем, Джорданвилля и тем более от взгляда из катакомб. Отнюдь не в последнюю очередь это объясняется степенью доступности к массивам основных источников в том или ином ее периоде. Одновременно не вызывает сомнений, что богатое духовное наследие епископа Андрея является одним из бесценных ключей не только к осмыслению прошлого, но и к пониманию современного состояния православия, русского народа, его государственности, социально-политической и культурной жизни. В связи с этим я обращаюсь ко всем, кому не безразличны богословские, общественные миссионерские идеи епископа Андрея, по возможности глубже изучать его многочисленные проповеди, воззвания и статьи, открыто делясь на сей счет своими соображениями и замечаниями с историками. Думаю, что только так — через конструктивную аргументированную дискуссию — мы сможем приблизиться к целостному пониманию этой неординарной личности и достойной ее истинным масштабам оценке»[3].

Действительно, несмотря на то, что владыка Андрей признается одним из самых ярких деятелей российской церковной истории XX столетия и о нем с начала 1990-х годов опубликовано много статей и книг, все они затрагивают только отдельные стороны его деятельности в разные периоды времени или если и повествуют о его жизни в целом, то крайне сжато и «однобоко». Не желая повторять опыты подобных конспективных изложений, в которых невозможно объективно представить всю полноту такой личности, как епископ Андрей, мы отказались от составления жизнеописания и в первой посвященной ему книге в 2012 году поместили только его труды и письма, а в предисловии специально отметили:

---

[3] *Алексеев И. Е.* Смиренный бунтарь. К вопросу о мировоззрении архиепископа Андрея (князя Ухтомского). — URL: https://ruskline.ru/analitika/2006/08/12/smirennyj_buntar/.

«Архиепископ Андрей — настолько значительная фигура в церковно-общественной жизни России XX века, с таким удивительным своеобразием и независимостью во взглядах и идеях, что невозможно ни правильно понять их, ни оценить в целом его деятельность, ни тем более составить полноценного описания его исповеднической жизни без скрупулезного изучения огромного массива документов по разным регионам страны, где протекала деятельность владыки — от Москвы и Кавказа до Уфы и Сибири, — и серьезного анализа их в контексте сложнейших процессов общественной и церковной жизни XX столетия, активным участником которой владыка Андрей всегда был на протяжении своей пастырской (с 1895 года) и архипастырской деятельности (с 1907 года).

Между тем потребность в этом назрела, интерес к уфимскому владыке и опыту его архипастырской деятельности не ослабевает, и это вполне объяснимо — многое из сказанного и сделанного архиепископом Андреем остается весьма актуальным, можно даже сказать, что важнейшие и не решенные по сей день проблемы Русской Православной Церкви сфокусировались в его трудах.

Публикации некоторых из них уже появлялись в различных изданиях, однако это пока лишь незначительная часть из письменного наследия владыки, причем очень значимые документы из следственных дел, например "Моя политическая исповедь" 1928 года, напечатаны в урезанном и даже отредактированном виде.

Кроме того, с начала 1990-х годов в отношении архиепископа Андрея было опубликовано немало информации легендарного характера, причем до того, как была определена сомнительность источников этой информации, она получила уже широкое распространение в церковных и научных кругах, способствуя созданию вокруг уфимского владыки мифов и небылиц.

Тем настоятельнее ощущается сейчас необходимость в публикации подлинных документов и беспристрастном их изучении. Только на этой основе можно будет рассеять все

домыслы и недоразумения и восстановить историческую истину. С этой целью нами и предпринято составление данного сборника. Помещая документы, которыми мы в настоящий момент располагаем и в которых наиболее ярко отразились основные идеи владыки Андрея, мы намеренно отказались от каких-либо оценочных суждений и критических замечаний. Теперь особенно важно донести до читателей лишь живой голос самого священномученика Андрея.

Полагаем, что еще придет время, когда будет осуществлена действительно объективная оценка и трудов, и всей деятельности архиепископа Андрея и на основании фундаментальных исследований всего комплекса источников будет составлено полноценное его жизнеописание. Отметим лишь самое главное в отношении жизненного подвига владыки: в катакомбных общинах на родине он почитался святым мучеником; а в 1981 году был прославлен в сонме новомучеников и исповедников Российских на Соборе Русской Православной Церкви За границей»[4].

За прошедшие семь лет после выхода нашей книги появились новые публикации, и самая значительная среди них, несомненно, упомянутый петербургский сборник как первая попытка представить фундаментальный корпус сочинений архиепископа Андрея. Однако даже такое монументальное во всех отношениях собрание не охватило полностью трудов владыки (что и признали сами его составители)[5]. В частности, в него не вошли никакие газетные публикации архиепископа Андрея, а именно в них, как убедится читатель, наибо-

---

[4] «Я хочу принадлежать только Св. Церкви...» Священномученик Андрей, архиепископ Уфимский. Труды, обращения, проповеди, письма, документы / Сост. И. И. Осипова, Л. Е. Сикорская. М.: Братонеж, 2012. С. 5–7.

[5] Как они и указали в предисловии: «До издания полного собрания сочинений архиепископа Андрея еще очень и очень далеко» (Священномученик архиепископ Уфимский Андрей (Ухтомский). Труды... С. 3).

лее выпукло и ярко, предельно просто, с несомненным публицистическим талантом и в то же время глубоко и духовно изложены основные идеи владыки Андрея по самым важнейшим, не потерявшим своей значимости и сейчас вопросам церковно-общественной жизни.

* * *

Статьи епископа Андрея (до 1907 года — архимандрита) помещены в первой части представляемой книги. Собранное Н. И. Колевой дополнено и распределено хронологически. Это главным образом газетные публикации 1905–1918 годов. Необходимо отметить, что некоторые из них выходили за подписью «Церковник», но их атрибуция не вызывает сомнений. А вот в отношении статей за подпись «А. Восломский» такой уверенности нет, поэтому мы поместили их в отдельном разделе вместе со статьей 1901 года за подпись «Князь А. Ухтомский».

Завершает первую часть небольшая подборка писем епископа Андрея 1902–1923 годов из архива его родного брата — известного ученого-физиолога Алексея Алексеевича Ухтомского. Эти письма публикуются впервые. К сожалению, не удалось разыскать их в полном объеме, поскольку Санкт-Петербургский филиал архива Российской академии наук, где в фонде академика А. А. Ухтомского они хранятся, закрылся по техническим причинам на «неопределенное время», что лишило возможности непосредственной работы с этим уникальным источником и в целом с материалами фонда. Мы смогли ознакомиться только с теми копиями, которые удалось заказать по записям Н. И. Колевой и которые были замечательно быстро и качественно сделаны работниками архива, за что им всем самая искренняя и глубокая признательность.

Во второй части книги представлены также в хронологическом порядке отредактированные материалы к биографии архиепископа Андрея. В дополнение к ним мы поместили ряд публикаций о владыке Андрее и его последователях в Казанской и Уфимской епархиях. В Приложении I — это главным образом воспоминания его современников, опубликованные в церковных изданиях за рубежом и в России. В Приложении II — архивные материалы и краткие исторические сведения по исследованиям последних лет.

* * *

Работа над книгой осуществлялась в рамках программы Научно-Информационного и Просветительского Центра «Мемориал» — «Репрессии против духовенства и мирян в период 1918–1953 годов». Коллегам по НИПЦ «Мемориал» — искренняя благодарность.

Особая признательность Френсису ГРИНУ, без дружеского участия и постоянной поддержки которого была бы невозможна многолетняя работа в архивах и подготовка к изданию данной книги.

ЧАСТЬ 1

Статьи и письма архимандрита, епископа Андрея (Ухтомского)

1905–1923

Статьи архимандрита (с 1907 — епископа) Андрея (Ухтомского) 1905–1918 годов

ПОКА НЕ ПОЗДНО[6]

<Сентябрь 1905>

«Я не решился бы беспокоить редакцию академического журнала просьбою оказать внимание моим посильным наблюдениям над русскою жизнию, если бы не сознание глубокой своей ответственности пред собратиями моими в случае молчания. Слишком для меня ощутительна и даже близка общецерковная опасность, и чувствую, что в совести своей "биен буду много", если не поделюсь своими предчувствиями.

---

[6] Редакция не разделяет опасений почтенного о<*тца*> архимандрита относительно враждебных Церкви намерений всех русских прогрессивных партий, но мысль его о необходимости приходского объединения приветствует и желает ей скорейшего осуществления. — *Прим. ред. «Церковного вестника»*.

Доселе внешнее положение священнослужителей было в обществе неясно, и во всяком случае ни им, ни их церковному делу (как бы они его ни совершали) не грозила прямая и непосредственная опасность. Теперь времена резко меняются! Ранее встречавшееся в обществе забвение духовенства и игнорирование им ныне переходит в настоящую борьбу, принимающую иногда совсем резкий характер там, где народ имеет основания быть на стороне этого общества (примером этого может быть весь Кавказ).

Вот страшные прецеденты к тяжким временам и обстоятельствам, которые необходимо предвидеть, предусмотреть и по возможности ослабить. Для этого и решаюсь просить помощи у "Церковного вестника"[7] как журнала, близкого к духовенству и авторитетного во духовной среде.

Россия сейчас делится на несколько партий, на знаменах которых одинаково написано: народолюбие. И только на этом основании каждая старается навербовать себе более членов. Но странное дело: народ, несомненно, сторонится всех этих своих радетелей.

Отыскивая тому причину, мы убедимся, что народ сам представляет из себя огромную "партию" (если уж нужен этот термин), которая резко отличается от всех и иных своею религиозностью. Назовем ее церковно-народною. Эта партия собственно и есть сам народ, по количеству самая многочисленная часть населения России.

Около этого численно подавляющего все иные партии большинства группируются другие общественные деятели.

На народном языке выражаясь, другие партии народолюбцев можно назвать: 1) "господская", "барская" (демократы-конституционалисты) и 2) "фабричная" (со-

---

[7] Еженедельный журнал с двухмесячным книжным прибавлением, издаваемый при Санкт-Петербургской духовной академии.

циалистическая) — "отпетый народ", как зовут "фабричных" великороссийские крестьяне.

"Господская" партия, доселе собственно сидевшая на народной шее, что хорошо сознает народ, никогда не будет любима народом и в народе не имеет будущности. Ее прошлое стоит преградою между нею и народом. Да и ее настоящее слишком прозрачно, чтобы в этих "господах" народ заподозрил для себя что-нибудь приятное. Так эти деятели, несомненно, всегда останутся от народа далекими и для него чужими.

Но эта партия как политическая крепко и умно организована. И ее организация может быть для народа очень опасна; народ может оказаться в совершенном подчинении у своих опекунов-радетелей, с надеждою лишь путем забастовок кой-чего время от времени себе добиваться.

С церковной точки зрения от "господ" как политической буржуазной партии тоже хорошего ожидать невозможно. Эти религиозные индифферентисты[8] оставят для народа, в случае своего торжества, религию и Церковь, только снисходя к его "невежеству", и мало-помалу и литературными, и другими путями будут "просвещать" народ своим антицерковным настроением. Церковь будет постепенно вытесняема из всех уголков народной жизни; таково ближайшее будущее церковного уклада св. Руси при ее скором политическом переустройстве в случае торжества "барской" партии. До этого, до этой печальной будущности русское духовенство еще может не допустить свою паству, пока оно в силах еще поддержать привязанность народа к Церкви, — пока еще не поздно!..

Но гораздо худшее грозит Церкви и духовенству в случае торжества социалистической партии.

---

[8] Индифферентист — человек, относящийся ко всему окружающему равнодушно, безучастно.

Социал-демократы по отношению ко всей религии имеют один очень категоричный лозунг: "долой". Долой и Церковь, и духовенство, и нравственный закон, и религию! Все долой! В этом отношении социалистов к религии для русского народа, разумеется, ничего заманчивого нет, как и вообще нет здесь ничего умного. Но оно страшно, когда народ хотя на некоторое время чем-нибудь взволнован, когда в самой ничтожной степени есть возможность для него обратиться в простую толпу. Толпа не знает нравственных принципов, толпа не руководится рассудком, толпа идет только за сильным человеком, способным ее увлечь, хотя бы чрез обман. И страшны в современном социалистическом движении два привходящие элемента: одушевление его приверженцев, по преимуществу пылкой молодежи, и несомненная нервность в современном народном настроении, способном поддаться даже и на обман. Второе обстоятельство очень опасно; оно настойчиво и почти повсеместно подогревается прокламациями (которые не встречают противовеса в церковной печати) и по местам переходит уже в явное брожение, всегда направленное прежде всего против духовенства как самой консервативной части населения. Подобные народные волнения, вызванные всецело социал-демократами, в Гурии (на Кавказе) закончились полным изгнанием духовенства, когда многие священники принуждены были сделаться чернорабочими. Но важно здесь, конечно, более то, что чисто церковное дело здесь, на местах социалистической пропаганды, надолго потеряло среди народа всякий интерес; церковная жизнь, несомненно, здесь замерла надолго, уступив место безрелигиозному быту социалистов.

Все это — безмерно печально; и та, и другая партии, имеющие желание направлять жизнь русскую по своему плану, ничего хорошего русскому народу, очевидно, не принесут... А церковное дело совсем у них будет в гонении.

Нам, церковным деятелям, ввиду всего этого нужно приготовиться к борьбе, нужно выяснить свои силы и отыскать слабые места в своей жизни и деятельности.

По нашему мнению, в жизни духовенства нашего есть одно слабое место: современное духовенство — и черное (монастыри), и белое — висит в воздухе! Висит на той ниточке, которая именуется: "так и раньше было". Но когда теперь везде идет полнейшая переоценка всех ценностей, когда все, что ранее было, подвергается жесточайшей критике (и иногда справедливо осуждается), нужно и духовенству сделать очевидным для всякого необходимость для народной жизни своего существования.

Нужно немедленно восстановить теснейшую органическую связь между духовенством и народом, между "батюшкою", отцом духовным, и его духовными чадами. Это самая насущная необходимость настоящей минуты! Если это не будет достигнуто, то малейший толчок, могущий нарушить обычное течение русской народной жизни, поведет к крупным церковно-народным бедствиям.

И вот, пока не поздно, нужно приниматься за работу. Час приспел! Если наши враги сильны талантами, если они сумели образовать между собою хорошую организацию, если среди них горит яркое пламя одушевления, и во всем этом несомненное их преимущество пред нами, то мы пока еще сильны народною религиозностью, народным к нам доверием. Правда, и это доверие сильно уже подорвано внешними и внутренними нашими врагами, но его еще много во народе. Пока еще не поздно работать на этой ниве; и она может принести великие плоды.

Что же делать?

На этот вопрос мы имеем счастие ответить словами великого труженика Русской Церкви, святителя том-

ского Макария[9], напечатанные в № 39 "Церковных ведомостей", сию минуту нами полученном. "Мы все больны душой, больны нашими дурными привычками и больны нашими нравами, — пишет преосв. Макарий. — Объединимся и будем врачевать, исправлять друг друга! Возвратимся к старым добрым временам. Возвратимся к Церкви. Весь нынешний быт наш святим христианским церковным духом. Оживим нашу приходскую жизнь, привлекая к ней всех числящихся прихожанами Церкви, но не живущих в Церкви. Пусть объединится около пастыря сперва хотя бы два или три человека! Эти привлекут еще столько же; пусть постепенно растет эта дружина, пока все прихожане станут действительными, живыми членами прихода. Тогда воскреснет древняя приходская жизнь"...

Мы имели глубочайшее утешение выписать это мнение из авторитетнейшего источника: таким образом, наш ничтожный призыв потребности русской общегосударственной жизни (см<*отри*> "Рассвет" № 146) ныне не оказывается одиноким.

Итак, "объединимся!" — как призывает нас преосв. Макарий.

"Объединимся" — вот что необходимо для Русской Церкви.

---

[9] Святитель Макарий (в миру Михаил Андреевич Невский, при рождении Парвицкий, 1835–1926); с 26 мая 1891 — епископ Томский и Семипалатинский, с 18 февраля 1895 — епископ Томский и Барнаульский; с октября 1908 — архиепископ Томский и Алтайский; в 1912–1917 — митрополит Московский и Коломенский. 20 марта 1917 — уволен на покой, проживал в Николо-Угрешском монастыре. 20 июля и 20 октября 1918 — при обысках в монастыре у него отобраны все бумаги и дневники, подвергался вооруженному ограблению. После закрытия монастыря в 1925 — проживал в селе Котельники, где и скончался — 1 марта 1926.

Но приходская жизнь предполагает прежде всего экономическую взаимопомощь, о которой говорит и преосв. Макарий. Между тем сельское и деревенское население у нас так материально истощено, что приходская касса, несомненно, окажется надолго пустующею, если будет предоставлена собственным силам. А без средств, без приходской благотворительности — приход останется пустым звуком. Особенно бедность приходов будет ощутительна, и приходы будут бездеятельны среди инородческого населения, где еще не развита мысль о совместном хозяйстве и христианской взаимопомощи.

Здесь на помощь должны бы были прийти приходы более обеспеченные, как это совершенно естественно ожидать по идее приходской жизни и как это, по слухам, можно наблюдать в греческих приходах. Но у нас идея прихода вовсе забыта и непопулярна даже среди духовенства; поэтому о помощи одного прихода другому не может быть и речи.

Ввиду этого обеспечение приходской жизни, хотя бы на первое время, должно принять на себя центральное духовное правительство и обеспечить хотя бы незначительной ссудой беднейшие приходы. Эти ссуды могут быть неприкосновенным или вообще чем-нибудь обеспеченным фондом, и поэтому их целость будет гарантирована. Заслуга же хотя бы самой небольшой субсидии со стороны правительства на образование приходских касс будет очень велика по преимуществу в нравственном отношении; тогда идея прихода поднимется в глазах духовенства и прихожан. И этой нравственной заслуги правительственных ассигновок на приход будет уже достаточно, если они будут даже слишком малы по своей материальной расценке. Однако весьма возможно, что денег все-таки на все приходы недостанет. Тогда восстановлению приходских братств, союзов взаимопомощи и т<*ому*> п<*одобного*>

должны помочь монастыри своими процентными капиталами. Эти капиталы — пожертвования того же народа, дар его любви к православному храму. И храм или монастырь должны сейчас, в минуту народного лихолетья, помочь своему создателю и кормильцу. Монастыри кроме материальной помощи должны бы помочь народу и нравственно; они сами должны бы были и заняться организацией приходских союзов, но ввиду крайнего упадка церковного духа это сейчас невероятно. А ведь как бы расцвели духовно наши монастыри, если бы окружили себя этими союзами или братствами христианской взаимопомощи!

Однако ввиду полной невозможности даже представить это при настоящих духовных силах наших монастырей, об этом и не говорим. Нет, пусть наши св. обители только хотя бы материально помогут образованию церковно-приходской благотворительности. Если враги монастырских общежитий жадными глазами смотрят на богатство (часто очень преувеличенное, а иногда и вовсе мнимое) монастырей и по временам очень недвусмысленно намекают на возможность насильственного захвата чужого (в данном случае — монастырского имущества), то пусть они будут и постыжены великодушием монастырских братий и самопожертвованием в устроении на свой счет церковно-народного быта. Народ не забудет монастырям этой помощи и сторицею возвратит все им взятое, потому что и сам сохранится для Церкви. Но если тот же народ пойдет "на страну далече" и послушает социал-демократических прокламаций, то, уйдя от Церкви, рано или поздно утратит чистоту своего церковного идеала и не поддержит ни храмов Божиих, ни монастырей, когда в этой поддержке встретится необходимость.

А что подобная необходимость будет — это несомненно, только нужно постараться, чтобы время ее наступило позднее...

Итак, или центральное духовное правительство, или монастыри (или те и другие вместе) должны прийти на помощь народу и ответить на его стремление к церковным организациям. Нужно постараться, чтобы народ сознательно остался в Церкви и на красноречивые и заманчивые обещания социалистической пропаганды убежденно мог сказать: "да, у вас хорошо, но у нас лучше; вы только хлопочете о всеобщей сытости и забываете о Боге, и никогда ничем недовольны, а мы и без вас одинаково сыты и за хлеб насущный благодарим Бога, и не завидуем чужому счастию". Пусть русский народ думает так, а не иначе.

Последнее затруднение, стоящее на пути к обновлению церковно-приходской жизни, — это отсутствие деятелей, способных разъяснить народу всю настоятельную в данную историческую минуту необходимость приходских организаций, без которых у русского народа скоро будет исковеркана вся его бытовая физиономия и отнято его лучше украшение — стремление к святости с забвением земных прав без всякого культа так называемого "правового миропорядка". Но если ближе всмотреться в нашу жизнь, то это отсутствие деятелей — лишь кажущееся. На самом деле ввиду крайней важности вопроса и исторического момента, переживаемого родиной, все провинциальные духовные деятели должны взяться за восстановление приходов. Епархиальные и уездные наблюдатели церковно-приходских (так называемых, а на самом деле чисто правительственных) школ, благочинные церквей, епархиальные и уездные, и участковые (где они существуют) миссионеры — все эти силы должны заняться организацией церковно-приходской жизни в полном ее объеме, а не одной только декоративной стороны ее, сводящейся к рапортам: "все благополучно". Итак, деятели существуют! Нужно только всем возвыситься до понимания великой церковной опасности и беззаветно отдаться общецерковному делу.

Это дело будет истинно народное, основанное на народных началах правды и взаимной любви. Церковные деятели будут истинными народниками, не мечтателями, не фантазерами, а истинными слугами народа, устроителями его родного быта.

А устрояя народную жизнь, наше духовенство окажется и лучшим слугою народа и тогда только будет иметь право на народную (правительственную) материальную помощь в своей жизни.

Очевидно, мы всем этим предполагаем свободу союзов и ассоциаций народной взаимопомощи как основной закон; а при прочно организованном и благоустроенном центре, ядре русской народной жизни, ни одна из других свобод, которой домогаются наши либералы, не будет страшна.

Итак, "да созиждутся стены иерусалимские!" Да возродится церковная жизнь на Руси!

Да обновится святая Русь!

Архимандрит Андрей»[10].

---

[10] Церковный вестник. 1905. № 51–52. Под заглавием «Да созиждутся стены иерусалимские» данная статья была опубликована в Казани отдельной брошюрой в октябре 1905 года. В примечании указывалось: «Эта статья под другим названием была отослана в "Церковный вестник", но вследствие прекращения почтовых сообщений она, кажется, потеряна. Поэтому и появляется в качестве приложения к "Деятелю"».

* * *

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО С. Ф. ШАРАПОВУ[11]

<7 июля 1905>

«Я как подписчик "Русского дела" в особом приложении к № 26 вашей газеты получил предложение уполномочить вас ходатайствовать перед Государем Императором о недопущении евреев до возможности влиять на судьбы православной Руси. Так можно перефразировать печатное ваше приглашение, и в такой форме оно, кажется, ярче выражает сущность ваших пожеланий нашей родине. Решаюсь ответить вам на ваше приглашение возможно коротким, но мотивированным письмом. Прежде всего ваше предложение, адресованное православному духовенству участвовать в современных политических движениях, — принципиальная ошибка: апостольские правила решительно запрещают священнослужителям всякие "вмешательства в мирские дела и инородные *<нрзб>*...". Забвение этого *<важного>* и мудрого правила в католической Церкви... ввергло ее в неисчислимые и нескончаемые бедствия". Думаю поэтому, что если духовные лица на ваше предложение участвовать в "народных смятениях" не отзовутся, то поступят мудро и согласно с канонами, а само ваше приглашение считаю недосмотром вашей канцелярии. Однако, пользуясь случаем, делаю вам от себя, как служителя Церкви, свое контрпредложение. Насколько духовенство должно стоять далее от всякого намека на политиканство, настолько оно должно всемерно заботиться о процветании святой соборной Церкви пра-

---

[11] Сергей Федорович Шарапов (1855–1911) — русский экономист, писатель, военный, политический деятель, издатель и публицист.

вославной. И высшие, и низшие служители Церкви "благовременно и безвременно" должны умолять гражданское правительство о даровании свободы Церкви Божьей — не гражданских преимуществ себе, а предоставление соборной Церкви православной, собственным силам во всей их благодатной полноте. Для того Церковь должна не только именоваться соборной, не быть такой по историческим воспоминаниям, а действительно жить соборной жизнью настолько, чтобы соборность была осязательно действующим элементом в жизни Русской Церкви — тем цементом, который связывает разрозненное и собирает расточенное, — в послушание Христово. Нужно признать за непреложную истину, созвание испрошенного Синодом и уже обещанного церквям церковного собора необходимо восстановит начало соборности: сначала в меньших размерах, соборность приходской жизни, — иначе никакой "собор", ни церковный, ни земский не будут народом поняты и потому не будут удачны; и после этого самостоятельно управляющемуся приходу необходимо дать права юридической личности. Правда? — воскликнете вы. Но ведь область права не есть уже дело Церкви, а государства. Без смущения отвечаю: право и у Церкви есть — свое собственное право внутренней жизни — церковной, соборной, вот прежде всего и не нужно лишать Церковь ее собственного права; нужно прекратить гражданские вмешательства в соборную жизнь Церкви, церковный собор не заменять канцелярией. Это необходимо для Русской Церкви, и об этом мы должны молиться Богу и просить нашего Государя. Такова строго-церковная жизненная потребность. Но редактору "Русского дела" необходимо принять во внимание еще одно обстоятельство, о котором говорю уже не как деятель Церкви, а как наблюдатель — русский патриот. Вы, Сергей Федорович, хлопочете о недопущении в собрание народных представителей-евреев. Но даже без них ручаетесь ли вы, что в это собрание попадут под-

линно русские души? Не попадут ли туда властолюбцы, не знающие души народной? Это весьма вероятно, и эта вероятность парализует теперь всякую энергию русского человека. Дело в том, что какую бы систему выборов ни сочинили наши "сочинители", какую бы агитацию предвыборную ни вели будущие "представители" неведомого им народа, русский народ отнесется ко всему вокруг него совершающемуся с непобедимой и нескрываемой апатией, с несокрушимым равнодушием!.. И первые, самые ценные исторические выборы представителей пройдут мимо народа, не заденут его души и будут одной огромной сплошной ошибкой. Почему так? Потому, что народ из предложения собраться для выборов, например, в город или в волость сначала не поймет, потом будет с полным убеждением твердить: "это — дело Царское, а не наше..." И будет выбирать первого попавшегося своего "представителя", лишь бы поскорей домой уйти, с единственным желанием, как бы еще к суду не притянули. Это самый благополучный исход дела, но если какой-нибудь злой дух в крайне левой или крайне правой (хотя по разнородным побуждениям) партии подскажет народу, что эти господа-то неладное затеяли, что тут дело-то чуть-чуть, что не "измена", — ох, тогда произойдет нечто неожиданное для всех наших конституционалистов, произойдет то, о чем так красноречиво намекал князь С. Н. Трубецкой в своей памятной речи 6 июня. На это, Сергей Федорович, обратите ваше внимание; такими вероятностями пренебрегать нельзя, а с моей стороны молчать о них, имея налицо уже несколько к тому прецедентов — преступление перед Церковью и перед родиной, — поэтому и говорю! Какой отсюда выход? Как избежать всяких дурных вероятностей? Для того единственный способ: организовать выборы народных представителей во всех местностях с коренным православным населением около приходских храмов или около соборных, благочинических церквей

(сельских или городских). А наш крестьянин тогда только удивится и даст себе труд задуматься над выборами и их важностью, когда они будут производиться непосредственно Царским голосом, в храмах Божьих. Только в этом случае он будет убежден, что делает серьезное дело, а не подчиняется "барским затеям". И собрание таких представителей нужно назвать не "Государственная Дума", а "Царская": это будет ближе для народа, милее для его сердца. Выборы в остальных местах пусть проходят сообразно с "сочинениями" петербургских прожектеров; русскому народу это почти безразлично, лишь бы по отношению к нему были соблюдены элементарные правила справедливости и лишь бы его не уродовали искусственными рамками, не насиловали бы его душу чуждыми для него принципами. Но я уже предвижу, что над моим предложением только посмеются, что все будет устроено совершенно не так, как любо нашему многострадальному народу, что религиозный склад всего его быта будет вовсе забыт при составлении проектов народных выборов... Это я предвижу... О, тогда-то, в этот страшный момент торжества антирусских начал, приход и будет настоятельно и решительно необходим, как корректив ко всяким нашим парламентам. Единственный способ сохранить тогда русский быт, основанный на стремлении к правде и переросший идею права (Summum jus summa injuria[12]: это давно чувствует русская душа), — восстановление и наискорейшая организация приходской жизни. Вот, Сергей Федорович, где великая опасность, вот о чем нужно всемерно позаботиться: вот с этим предложением восстановления прихода обратитесь к духовенству и какими хотите способами доведите эту мысль до Цар-

---

[12] Summum jus summa injuria — «безусловно осуществленное право (иногда) равносильно высшему бесправию» (латинская поговорка).

ского Престола. Это будет историческая заслуга перед русским народом и Церковью. Тогда церковно-приходская жизнь возвратит русскому народу наполовину отнятую у него общинную жизнь, приучит его к сознательной оценке жизни, сроднит его со всеми православными инородцами и сделает его своеобразным, но стройным и сильным организмом, уничтожит нынешний его унылый вид! Для такого организма не будут опасны никакие паразиты. Они не найдут себе места в этом организме и сами уйдут — будут искать себе более удобных мест. Ну, разумеется, никто тогда их и задерживать не будет... А вам, Сергей Федорович, не придется слышать упреки в человеконенавистничестве. Итак, моя просьба как священнослужителя — заступитесь за Церковь святую соборную; просьба моя как русского гражданина — ратуйте за приход, если хотите идти к Царю, то с этой просьбой, а не с меньшей. Все другие просьбы пустяки сравнительно с этой!.. В добрый путь — Бог в помощь!

Архимандрит Андрей. Казань»[13].

* * *

ЗНАЧЕНИЕ «ЕПАРХИАЛЬНЫХ ВЕДОМОСТЕЙ»

<13 ноября 1905>

«В самом ближайшем будущем значение печати возрастет в России в самой сильной степени; и если на Западе печать, особенно мелкие газеты, имеет почти решающее значение в государственной жизни, то у нас она во всяком случае будет уже иметь значение весьма

---

[13] Санкт-Петербургские ведомости. 1905. № 163. 7 июля.

большое. Между тем народных газет у нас почти вовсе нет, ни по доступности изложения, ни по цене. А крестьяне между тем жадно читают газеты, и эта жажда постепенно будет только увеличиваться. Замечательно в то же время, что у крестьян в руках можно заметить по большей части только их собственные, излюбленные газеты, а из нелюбимых крестьяне читают только телеграммы. Последнее обстоятельство чрезвычайно важно и многозначительно; это значит, что русский крестьянин совсем не так доверчив и не так скоро может поддаться развращающему влиянию газетной лжи, как это казалось. И вот в такое-то время каждое трезвое, жизненное и живое печатное слово может быть поистине чашей холодной воды для нашего крестьянства в его жажде знаний и сведений о текущей общественной жизни. Этой живительной водой должны быть, по нашему глубокому убеждению, "Епархиальные ведомости". Они как местный, ближайший к крестьянству церковно-общественный орган могут сослужить огромную церковную службу нашей родине. Нужно твердо запомнить, что крестьянству газеты сейчас очень интересны, и непременно в самом ближайшем будущем они в деревню найдут доступ. Теперь и является вопросом величайшей важности, какие газеты попадут к народу: свои родные или чуждые ему по духу. Поэтому для "Епархиальных ведомостей" сейчас во всей силе стоит обязанность послужить народу и церкви и сделаться любимым народным органом. В народе уже известно, "что все газеты врут": это ходячая фраза давно проникла в народ. И народный орган должен всемерно постараться дать народу твердое, правдивое и неопровержимое слово правды. Народ будет бесконечно благодарен такой газете, и, главное, он останется таким же спокойным и радостным, какова его прекрасная природа. Правда "Епархиальные ведомости" должны для того, чтобы быть народными, переродиться. Вместо отчетов о деятельности свечных

заводов они должны давать читателям популярные сведения по общественным вопросам, вместо столь же неинтересных отчетов о съездах духовенства "Епархиальные ведомости" должны сообщать о развитии церковной жизни и приходских организаций благотворительности; вместо объявлений о появлении в епархиальном городе нового "духовного портного", конечно, желательнее бы было видеть объявления о новых книгах по пастырству и пр<*очее*>, и пр<*очее*>. Но мы говорим не о том, что есть, а что должно быть. А долг епархиального органа печати — служить Церкви, понимать истинно церковную жизнь, руководить ею, в этом нет сомнения.

Архимандрит Андрей»[14].

* * *

ПО АДРЕСУ «ОБЩЕСТВА ЦЕРКОВНЫХ СТАРОСТ Г<*ОРОДА*> КАЗАНИ»

<22 января 1906>

«Сколько можно судить по газетам, подобного общества в целой России нет. Судя по названию, это общество — чисто церковное и потому заслуживает всяких симпатий. Дело великое, святое взялись делать основатели этого общества, и велика и ответственность их перед теми, кто ищет церковной жизни среди нецерковной современности и найти не может...

---

[14] Санкт-Петербургские ведомости. 1905. № 260. 13 ноября.

Да, ответственность велика... Пусть помнят это г<*оспода*> старосты, основавшие в ноябре месяце прошедшего года свое общество. Еще припоминается при этом одно обстоятельство. Когда старосты казанских церквей решили делать свое великое церковное дело, то ссылались на полную церковную бездеятельность казанского духовенства с его "пастырскими собраниями", и это обстоятельство было в их глазах достаточным извинением их весьма определенно выразившегося сепаратизма в отношении к духовенству. Выходило все, по крайней мере, достаточно логично...

— Действительно, казанские "пастырские собрания" не имеют ничего определенного, никакой жизненной церковной программы и за пять месяцев своего существования решительно никаких дел не сделали. Несомненно и то, что церковное дело, церковная жизнь оказываются без деятелей.

— И спасибо г<*осподам*> старостам, что они обратили внимание на это отсутствие жизни в наших приходах, констатировали церковную бездеятельность наших духовных говорунов и собрались что-то делать... Собрались? — Или еще вы, г<*оспода*> старосты, собираетесь? — Но когда же наконец соберетесь-то что-нибудь предпринять? Идет уже третий месяц с тех пор, как казанцы прочли ваши прокламации; времени достаточно, чтобы уже и к делу приступить... Что же вы доселе сделали?

Я никого не упрекаю в бездеятельности. Я только спрашиваю. Между тем вот что повествуется в одном журнале о деятельности приходского совета, который начал свою деятельность в ноябре же месяце. Во главе приходской организации стал молодой преподаватель семинарии, предложивший свои услуги местному священнику. Они пригласили себе сотрудников и в приходском совете оказались в качестве членов: врач, податный инспектор, присяжный поверенный, купец, несколько

мещан, сапожник и столяр. Собравшись вместе, они решили прежде всего изучить свой приход и для этого разделили его на участки по 10–15 домов; каждый участок был поручен отдельному члену приходского совета, который должен был составить точный список живущих в его участке семейств и ознакомиться с их общественным и материальным положением. Через месяц приход был изучен и обнаружилось, что многие нуждаются в самой разнообразной помощи: одним нужна работа, другие — голодны, третьим нужна нравственная поддержка...

"...Нужно было видеть, с каким одушевлением, с каким удовольствием каждый член попечительства спешил поделиться с другими товарищами своим впечатлением от знакомства с участком. Присяжный поверенный удостоверил бесправность прислуги, которой решено было помочь; семье извозчика, в которой отец и мать были пьяницами, а дети оставались неодетыми, послана была обувь. Старому сапожнику, который не мог быстро двигаться, отыскали заработок. Вдове фельдшера с дочерью-гимназисткой, которая не имела приличного платья, подарена была кофточка и т<*ому*> п<*одобное*>".

Для этого члены приходского совета обошли более зажиточных членов своего прихода и разными путями привлекли их к пожертвованиям и вещами, и деньгами, и советами.

После этого квартира председателя приняла лишь несколько необычный вид: у него лежали кучи обуви, платья, белья, материи, книги и пр<*очее*>. Денежную помощь по приходам решено было оказать следующим образом. Во время обычных визитов батюшки, когда духовенство посещает своих прихожан с праздничной молитвой, ему пришлось ближе познакомиться с приходом, попасть в незнакомые еще для него углы... Приходит священник к богатым домохозяевам.

— А у вас квартиранты-бедняки живут? — спрашивает он.

— Да беднее трудно найти, — последовал ответ, — едва ли к празднику не голодными сидят.

Батюшка идет в полуразвалившуюся избу. По дороге слышит:

— Вы не туда, батюшка, — вот куда вам нужно...

— Нет, нам именно сюда и нужно; слушайте молитву, — ответил священник.

В избе было вовсе холодно — она не была топлена... Когда молитва была окончена, старуха делает вид, что ищет денег заплатить священнику.

— Не трудись, бабушка, твои деньги не нужны, — сказал батюшка, — а вот возьми на праздник от нашей церкви, это тебе добрые люди прислали.

И батюшка передал три рубля. Эффект был полный.

"Старуха была страшно поражена; некоторое время молча смотрела на священника, потом из глаз ее быстро закапали слезы, она упала на колени и стала целовать руки священника".

Но подобные сцены повторялись по всему приходу, где появлялся священник-пастырь, добрый благодетель своего прихода. Так делают там, где хотят делать... Так живут приходы, если в приходе есть хоть одна душа живая, способная оживить других.

Г<*оспода*> казанские церковные старосты! А вы когда же организуете хоть что-либо подобное? Или будете ссылаться на противодействие? Или не хотите делать?

Церковник»[15].

---

[15] Казанский Телеграф. 1906. № 3895. 22 января.

* * *

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ Г<*ОСПОД*> СОЦИАЛИСТОВ

<12 марта 1906>

«Социалисты совсем не любят, когда их спрашивают о принципах их деятельности. Это их больное место... Тут они только кричат и ругаются; других доказательств у них нет для оправдания их деятельности.

И когда в "Казанском Телеграфе" стали появляться статьи с обличением грубой безнравственности социалистических принципов, то казанские ученики г<*оспод*> социалистов стали защищаться, уверяя наивных детей, что их теория основывается "на точном" "изучении общественной истории". Вот об этой "точности" и поговорим сегодня.

Да, социализм только теория и ни в каком разе не наука, как он себя иногда нескромно рекомендует. Между тем социализм — это теория, имеющая многих защитников, очень горячих, но иногда и очень невежественных. Эта теория не замечает, например, такого противоречия у себя: она сейчас же у себя отрицает метафизику христианскую и создает свою собственную — отрицает Царство Божие на небе, а чает какого-то царства права на земле. Социализм говорит, что вся история народов и общественных движений есть борьба за преобладание. И вот на этом догмате представители исторического материализма строят всю свою науку. А раз наука построена на догмате и раз она допускает принципиально эту методологическую ошибку — разве это "наука"?

Нет, социализм — не наука, а теория, временное модное течение и объяснение жизни; это нечто вовсе не похожее на науку, это — теория, и очень подозрительная

в нравственном отношении, и ее новые догматы и "новые нагорные проповеди" — это такие шедевры "научности", что стыдно за человечество становится.

А взгляды Каутского[16] на христианство — это тоже "наука"?

А Лафарг[17] с его воззрениями на апостолов? Это разве "точное" изучение? Нет, это ведь анекдот, а не "наука". И мы не можем удержаться от того, чтобы не привести "научные" мнения этих двух учителей социализма.

Поль Лафарг взялся толковать молитву Господню. И вот в словах этой молитвы: "...остави нам долги наши", — он находит требование об уничтожении... долговых обязательств!!! ...Выходит так, что Иисус Христос учил чуть не об учете векселей и о ликвидациях.

Далее, этот Лафарг уверяет, что апостолы, проповедуя теорию коммунизма, прежде всего заботились "неуклонно наполнять желудки" своих приверженцев... И как бы апостолы ни утверждали ясно и твердо, что они проповедуют только "Христа распятого (хотя эта проповедь для иудеев — соблазн, а для эллинов — безумие)", — напрасно! — социалисты им "не верят" и на основании своей "науки" утверждают, что они, апостолы, только заботились о наполнении чужих желудков...

А кто такие были сами апостолы, по мнению социалистов?

Читатель, несомненно, наполовину уже догадывается, на кого похожи апостолы, изобретенные "научной теорией" социалистов. Крыловская мышь воображала, что "сильнее кошки зверя нет"; мышиная научная объ-

---

[16] Карл Иоганн Каутский — немецкий экономист, историк, публицист и социал-демократический политик; теоретик марксизма.

[17] Поль Лафарг — французский экономист и политический деятель, один из крупных марксистских теоретиков; зять Карла Маркса, муж его дочери Лауры.

ективность и ее познания в зоологии были так ограничены, что она всех земных тварей сравнивала только с кошкой. Кошка для мыши — это idee fixe[18]; это высочайший авторитет, доступный для мышиного ума. Но если мы из фантастической области зоологии перейдем в сферу "научного" социализма, то найдем совершенно подобные заключения. И вот апостолы, по мнению великого историка социализма Каутского, были взяты из "городского пролетариата лохмотников, отвыкших от труда"... Итак, апостолы — это рыбаки, взятые прямо с лодок, — оказываются... городским пролетариатом!

И это пишет Карл Каутский...

Каковы же его "ученые" последователи? Еще немного, и они будут утверждать, что апостолы строили баррикады в борьбе с "царизмом".

Да можно ли серьезно говорить о социализме как науке? Ведь то, что может показаться "наукой" для гимназистов третьего класса, то может быть совсем не наукой, а иногда показывается просто социал-психопатией.

Но как бы то ни было, социализм есть завзятый враг христианства, иногда коварно скрытый, иногда цинично откровенный. Борьбы на баррикадах он не будет вести с христианством, но, чтобы храмы осквернить или допустить наглое издевательство над учением христианским, он всегда согласен — об этом говорят все социалистические книжки.

Мне возразят, что об отношении партии к религии надо судить не по копеечным анонимным брошюрам, а по той программе, которая обязательна для членов партии.

Совершенно согласен!

Но ведь Каутский совсем не копеечная величина для социалистов; это их вождь.

---

[18] Idee fixe — навязчивая идея.

Но ведь сочинение Лафарга ("Благотворительность") принадлежит к руководствам социалистов, и разве они его отвергли, разве они осудили вышеприведенные взгляды на христианство? Что такое "обязательная для членов партии программа"? Когда она обязательна? Для кого? И если Эрфуртская программа сегодня для кого-то обязательна, то завтра могут от нее остаться клочки. Соберутся Каутские, Бебели[19], Комбы[20] и такую вновь составят "обязательную программу", что сам Иуда Искариотский в изумление придет. А признаки этого уже имеются. Припомните французское министерство радикала Комба. Он добился, чтобы Эрфуртская религиозная программа была приведена в исполнение: "религия — частное дело каждого". На этом основании решили вынести Святой Крест из всех правительственных учреждений Франции. Но Комб медлил долго и выжидал наступление Великой пятницы. И в 1905 году, в Великую пятницу, французское правительство уничтожило святые кресты во всех подчиненных ему ведомствах, явно издеваясь над христианством. Ведь Эрфуртская программа об издевательстве ничего не говорит и не запрещает его — значит оно законно...

Но только, г<*оспода*> социалисты, долго еще вам придется ждать на Руси того, чего вы уже достигли во Франции. И на этом пути вам грозят большие сюрпризы.

Припоминается мне рассказ, слышанный в декабре в Казанской губернии.

Явился к правоверному мусульманину какой-то глупый мальчик и начал толковать о равенстве и о том

---

[19] Фердинанд Август Бебель — деятель германского и международного рабочего движения, марксистский социал-демократ, один из основателей и руководителей партии.

[20] Эмиль-Жюстен-Луи Комб — французский государственный и политический деятель; масон, с 1902 — председатель Совета министров Франции.

будущем социальном блаженстве, которое обещают социалисты. Умный религиозный мусульманин долго слушал и недоумевал, как это может быть равенство между людьми, если не равны сами люди...

Потом большое смущение у него еще явилось: "Как же так — он, правоверный мусульманин, будет равен язычнику или христианину", — думал он. Тут социалистический проповедник сказал, что все так и останутся: христианин — христианином, мусульманин — мусульманином — и никакой проповеди не будет, и все будут равны и раздражать друг друга не будут...

...И звона не будет христианского!

— А кресты на церквях будут? — спросил мусульманин.

— Нет; чтобы не разделяли "граждан", крестов тоже не будет на церквях, их совсем не нужно, их снимут...

— Ну, а месяц с мечети тоже снимут?

Собеседник к такому вопросу несколько не приготовился, но нашел в себе мужество сказать: "да, его тоже снимут..."

"Так уходи скорей", — сказал правоверный; и бедному агитатору пришлось быстро отыскивать дверь...

И много, много неприятностей доставит г<*осподам*> социалистам и русский мужик, и правоверный мусульманин. Г<*оспода*> социалисты не знают, что такое эти азиаты. Они как следует еще с ними не встречались.

И долго еще нужно трудиться г<*осподам*> социалистам, чтобы из всех русских азиатов вытрясти всю религию...

Но чем же сильны русские социалисты?

А ведь они действительно сильны, в этом нужно признаться.

Они сильны нашей слабостью.

Они сильны нашей ленью и бездельем.

Они опираются на то, что у нас что ни голова — то отдельная партия.

Одним словом, они грехами нашими кормятся, как о подобных людях говорит Библия (Ос. 4, 8).

Долго ли мы дадим себя на их подобное кормление?

А пока мы не постараемся воссоздать христианскую церковно-народную общину, до тех пор социализм будет только усиливаться.

Приход — вот та живая вода, которая может залить кровавое пламя русского социализма, утолить ту жажду правды, в которой томится русский народ.

Архимандрит Андрей»[21].

* * *

В УТЕШЕНИЕ ДУШЕ СМУЩЕННОЙ

(Слово на день Благовещения Пресвятой Богородицы)

<25 марта 1906>

«1-я часть

В великие дни праздников христианских, возлюбленные братья о Христе, только и хотелось бы христианскому сердцу радоваться о великих, безмерных благодеяниях Божьих, явленных роду человеческому; только и жаждет христианское сердце в эти святые дни жить теми святыми чувствами, той взаимной любовью и той благодатью, которые принес на землю Иисус. Хотелось бы все в мире забыть, ничем не развлекаться, только радоваться и прославлять Создателя и Его безмерное милосердие.

---

[21] Казанский Телеграф. 1906. № 3934. 12 марта.

И в настоящий праздник Благовещения Пресвятой Богородицы, "начало нашего спасения", особенно хотелось бы разделять радость обрадованной Богородицы и вместе с небожителем-архистратигом повторять и всякому человеку, и всякой живой твари: "...радуйтесь! — да веселится тварь, да ликует естество!"

Действительно: еже от века открывается днесь и Сын Божий сын Человече бывает!

Какая мысль может быть дерзновеннее этой? И какой ум может объять эту мысль? Ведь человеку — преступнику нравственного закона — свойственно только бояться Бога и скрываться от Него (Быт. 3, 10), а здесь человек дерзает думать и верить, что "человек бывает Бог", т<*о*> е<*сть*> что Бог снисходит до воплощения, чтобы через это воплощение и в очеловечение приблизить к себе грешную природу человеческую.

Да, эти тайные учения христианские — выше понимания человеческого: ум не может вместить их.

Но далее — эти тайны обязывают человека и его духовную природу к таким нравственным подвигам, которые выше всех духовных сил человека: подобно уму, и сердце человека не вмещает всей высоты любви к Богу и ближнему, которую Богочеловек-Спаситель заповедал последователям своим.

Что же может человека утвердить в истине христианства? Что должно убедить его победить всякие колебания и признать бесконечную, не нуждающуюся ни в малейшем дополнении высоту и истину христианского учения? К этому должна побудить человека вся его природа; не один только ум и не одно только сердце, а полное и искреннее искание истины всем существом человека, всей целокупностью всех его духовных сил. Вот, если так человек будет отыскивать истину, если всецело посвятит себя на это искание, то, конечно, и найдет ее. И как счастливы мы, христиане, что можем указать таких искателей истины, таких всецело самоотверженных

ее служителей, которые ее находили и радовались великой радостью — неземной, и для земного (так сказать, "евклидовского") ума — совершенно непонятной.

Такой-то чистой радостью, хотя бы только в подражание этим героям духа, хотелось бы наслаждаться и нам, братья, и в сегодняшний день — в особенности. Но как-то невольно радость наша омрачается при виде всех бедствий, около нас совершающихся, и того неверия, которое около нас все более и более обнаруживается. Бесспорно, что неверие и маловерие всегда жило и со времени св. апостолов всегда скрывалось в церкви, но ныне оно становится циничным и вызывающе наглым, а потому особенно смущает неутвержденные сердца. Через это совершенно явным и для всех очевидным становится исполнение пророчества об Иисусе Христе, что Он "лежит на падение и на восстание многих в Израиле и в предмет пререканий" (Лк. 2, 34). И в то время, как многие пошлые и грехолюбивые натуры, с удовольствием доверяя словам безбожников, предаются греху и через это всецело отрекаются уже от закона Евангельского, — другие люди, хотя и не утвержденные еще в вере, но любящие Христовы заповеди и слово Божье, тяжко страдают и не перестают искать истины и томятся своим неверием.

И вот как одна чистая, но смущенная сомнениями душа описывает свое настроение и как она просит помощи:

"Только что я прочитал одну книжку, полную самых резких выражений и ругательств относительно христианства[22]. Оказывается, что Евангелию нельзя доверять; что все, написанное там, придумано людьми, что это только красивые рассказы. За все то, что я любил, что почитал как истину, — за все это ухватилась чья-то грязная рука и осквернила всю мою душу... Я не хочу

---

[22] Август Бебель «Христианство и социализм».

половинчатого чувства; не хочу жить и тянуться в пространство, как растение, я хочу знать истину и сознательно любить ее, иначе я не хочу жить! Я не хочу только прицепиться к какой-нибудь религии и только потому, что необходимо дать выход своему чувству; я хочу, чтобы весь мир признавал, что я не в пустое пространство, где бессмысленно вертятся планеты, простираю с мольбой свой взор, — я хочу, чтобы все знали, что Христос, которого я люблю, жив и видит меня... Жить без веры, жить даже с малейшим сомнением, — нет, это страшное мучение!.. Теперь все кричат о борьбе за существование, все пропитано этой социальной борьбой; но я ненавижу всякое насилие — какой же я борец в этой жизни? Нет, я ухожу от этой ненавистной "борьбы", я в ней задыхаюсь...

Но вот вы, пастырь Церкви, — продолжает автор этого письма, — научите же меня, возвратите мне веру в Христа, которого у меня вырывают из сердца, но которого я люблю за то, что только Он научил меня любить людей, жалеть этих потерянных и измученных, не знающих, куда себя пристроить, за какое дело взяться..."

Такой вопль страждущей души раздался в письме по моему адресу, и редко мне приходилось встречать такую обнаженную рану страданий и такую жажду веры сознательной, горячей и безраздельной...

Это — нечто похожее на то состояние самоотверженного и нелицемерного искания истины и жажды поклониться Господу воскресшему, которое испытал св. апостол Фома, пока Сам Спаситель не явился ему. Но не ложно слово Божье: истинно и искренне алчущие и жаждущие правды — насытятся...

Однако как помочь этим несчастным людям? Как поставить их на твердый и безопасный путь в искании истины? Как предохранить их от тех мучений сомнения, которые переживают эти не утвержденные в вере сердца? Как, братья, нам всем, православным христианам,

можно исполнить долг перед своей религией и оправдать ее перед лицом неверия и сомнения? С чего нужно здесь начинать и на чем основывать свою речь? С чего начинать наше благовествование о той радости, которую принес на землю Христос?

Прежде всего убедите всякого сомневающегося, чтобы в деле веры не щадил себя, "не советовался с плотью и кровью" (Гал. 1, 16), т<*о*> е<*сть*> не обращал внимание ни на какие обстоятельства, ни на какие свои привычки, а "от души" (Кол. 3, 23) с полным самопожертвованием предал себя на искание истины.

Вот первое и необходимое условие постижения истины: самоотверженное искание ее.

Второй шаг уже легче: человек должен себя признать тем, что он есть, т<*о*> е<*сть*> человеком, "душою живой" (Быт. 2, 7).

Нужно уверить несчастного, страждущего сомнениями человека, что он сам представляет из себя великое чудо, что его душа — это драгоценность, превосходящая весь физический мир своей ценой (Мф. 16, 26). И пусть он твердо запомнит эту истину; пусть запомнит и то, что единственное знание, которое не подлежит никакому человеческому сомнению, — это сознание, что я мыслю, что существует, значит, моя мысль, мой разум, что существует мое "я", т<*о*> е<*сть*> моя душа, живая и мыслящая. Действительно, если отвергнет человек существование своего духовного "я" и своего разума, то тем признает свое безумие, и с таким человеком говорить, конечно, уже не о чем; но таких сознательных безумцев[23] — немного... А разумного человека нужно только поддержать в том, чтобы он предпочел заботу о своей душе — всем утехам мира.

---

[23] Вернее — психически недоразвившихся и психологически необразованных.

После такого решения у человека открывается великое и прекрасное дело изучения себя и своих душевных способностей. Ни одно из удовольствий мира не может сравниться с тем утешением, которое получает человек от самоиспытания, от исследования духовных сокровищ своей природы. Это изучение дает ему целую новую область чувств и мыслей, открывает постепенно, но неуклонно все новые и новые духовные его способности. И вот это изучение себя и своих духовных сил и есть камень, на котором должна быть основана вера — сознательная и твердая, и недоступная унынию или отчаянью: то, что я сам переживаю, не может быть никем извращено или поругано, и сомнения в том, что я сам пережил и сейчас чувствую, никто у меня возбудить не в состоянии»[24].

<29 марта 1906>

«2-я часть

И в наши времена полного неверия одних и колебания в вере других нужно забыть навсегда так называемую "слепую веру". Слепая вера есть самообман; вера должна быть разумная, основанная на собственном опыте; поэтому и св. апостол Павел заповедовал: не будьте дети умом (1 Кор. 14, 20); и в другом месте он говорил: все испытывайте (1 Сол. 5, 21), особенно же: испытывайте самих себя, в вере ли вы? Самих себя исследуйте (2 Кор. 13, 5).

Но лишь только человек изберет для себя этот хотя и тяжелый, но единственный разумный путь жизни, как он сейчас же заметит в себе нечто удивительное и нечто в то же время для человека унизительное; после

---

[24] Казанский Телеграф. 1906. № 3945. 25 марта.

того, как человек начнет изучать себя, человек скажет: "...я нахожу (в себе) закон, что когда хочу делать доброе, прилежит мне злое... В членах моих вижу иной закон, противоборствующий закону ума моего и делающий меня пленником закона греховного... Бедный я человек!" (Римл. 7, 21, 23, 24).

Такой печальный вывод из изучения своей природы может сделать всякий человек, самоотверженно строго к себе относящийся. В человеке живут два закона: закон любви и закон самолюбия, эгоизма.

И человек, жаждущий правды и любви, ищет только их и находит их; человек же, не сумевший побороть в себе эгоистических себялюбивых инстинктов, начинает оправдывать себя и свои греховные настроения — начинает строить всякие теории, чтобы оправдать свое поведение, сделать его извинительным, по крайней мере, в глазах людей. На этом и основываются все богохульные, антихристианские книжки последнего времени, которыми смущаются нетвердые в вере люди. Но нужно навсегда запомнить, что эти грешные книжки есть дело грешных людей, стремящихся оправдать свой грех и для того изыскивающих всякие, самые разнообразные средства. Они создают иногда целые "науки" для оправдания своих предвзятых мыслей, и всякая такая "наука" всегда послушна своему создателю и прекрасно обслуживает его заранее установившиеся "научные положения" (таковы почти все т<*ак*> н<*азываемые*> "общественные науки"). Но не будем подражать таким "ученым" и учиться по их "ученым" книжкам; будем учиться духовному обновлению, а не греховным увлечениям...

Итак, человек начинает переживать в себе крайнее раздвоение; его "я" делится как бы на две части, и обе воюют одна против другой — добро и зло не могут мирно ужиться между собой. Они в вечной борьбе изначально. Но добро и зло заключаются ли только в природе челове-

ка? Да, конечно, заключаются; но, кроме них, человек прекрасно и ежедневно на себе может испытывать, что на него действуют еще какие-то силы, вне его живущие, силы не ему принадлежащие, пред которыми он чувствует себя бессильным. Эти силы, несомненно, живые; иначе они не ощущались бы как силы... Одним словом, человек начинает чувствовать на себе действие Божье и действие злой силы — сатанинской, и с этих пор для него открывается следующая страница его сознательной жизни: усиленная борьба за добро и истину. Это самое лучшее для человека время, самое достойное его великого звания... С этих пор для него, для его нравственного чувства и ума начинает раскрываться, хотя еще очень смутно, то состояние душевной радости, которое человек испытывает при сознании исполненного нравственного долга.

Но и здесь ум и сердце человека продолжают еще быть его мучителями; эти способности у серьезных искателей истины с течением времени только изощряются и становятся все более и более сильными. Усиливаются и духовные запросы человека.

Что делать в это время?

— Никаких запросов ума не избегать и нисколько их не бояться, а, наоборот, спокойно начать трудный подвиг исследования и отыскивание истины. В это время человек должен помнить заповедь св. Андрея Критского: "...испытай душе и смотряй, якоже Иисус Навин обетования землю, какова есть, и вселися в ню благозаконием". Вот всякий отыскивающий истину жизни, будет ли он отшельником или общественным деятелем, и должен иметь в виду это "благозаконие", т<*о*> е<*сть*> безусловную нравственную чистоту во всей своей жизни и деятельности; и нужно при этом, — еще раз повторяю, — твердо запомнить, что беззаконные и безнравственные

мнения высказываются и беззаконными людьми, от советов которых да спасет нас Господь.

Но на этой ступени духовной жизни, когда человек ведет сознательную, открытую борьбу со злом, у него при всех его духовных смущениях будут уже чувствоваться и усиливаться благие настроения мира и радости — его душа, хотя еще и смятенная, будет уже чувствовать и переживать некие благовестия о будущей ее жизни, о каком-то уже недалеком для нее состоянии всецелого успокоения от всяких забот и треволнений мира сего. Для души уже будет ясно предноситься состояние блаженства...

В это время и всякие сомнения будут мало-помалу покидать душу честного искателя истины. Эти сомнения смущают людей главным образом потому, что сами люди, иногда бессознательно, в самых тайниках души своей сочувствуют тому греху, который порождается или вызывается тем или другим сомнением. Сознательно ненавидя грех, люди могут бессознательно служить ему и сочувствовать всему тому, что дает саму возможность этого греха. Отсюда бывают часто большие смущения в душе; но эти смущения проходят, когда человек научится сознательно бороться с грехом и начнет жить в мире и радости чистой жизни. А если чистая жизнь будет уже достоянием сердца человеческого, если оно научится радоваться истине (1 Кор. 13, 6), то для него святое Евангелие будет лучшей любимейшей книгой; и человек, достигший такой сердечной чистоты, признает, что лучшее руководство к ее приобретению есть св. Евангелие, что эта книга если и написана людьми, то несомненно не простыми грешниками, но при помощи высшей силы; эту силу святая Церковь называет благодатью Божьей. И как бы современные антихристы, Бебели и Ренаны, ни отрицали высоту св. Евангелия, чистое сердце будет доверять только себе и своему непосредственному, неопровержимому духовному опыту.

И как бы эти безбожники ни старались вырвать из человеческого сердца веру в Божество Спасителя нашего, любящее и благодарное сердце не отречется от подателя всяких духовных благ и останется с Ним. Из сердца, освященного Божественным разумением истины, нельзя уже вырвать эту истину! Сердце, освященное любовью, всегда будет почитать Того, Кто первый возлюбил врагов Своих и тем проявил Свое Богочеловеческое милосердие. Чистое и любящее сердце в Иисусе Христе не перестанет признавать Бога воплотившегося. И как бы те же безбожники ни издевались над этой верой, тем они будут только доказывать свою злобу и ненависть к святости и нравственной чистоте и тем далее будут от единой истинной жизни. И сердце, знающее Источник истины, будет всегда полно любви и благодарности к Нему.

Тут не будет уже места "половинчатому чувству", а будет всецелая преданность Богу, полная в Него вера.

И если кто приобрел такую полноту душевной жизни, если кто имеет свое сердце уже преисполненным Божественной любви, то будет не "в пустое пространство, где бессмысленно вертятся планеты, простирать с мольбой свой взор", а весь мир для него будет откровением любви Божьей, и в небесах он увидит Бога. Если же его сердце не будет такое чистое и любящее, то природа ему ничего не скажет. Вот как пророк Исайя описывает состояние грешников:

"...они взглянут вверх и посмотрят на землю; и вот — мрак и горе, густая тьма, и будут поверженные во тьму" (Ис. 8, 22). Поэтому, возлюбленные братья, спасайте каждую душу свою от всего, что противно совести и нравственному закону; это — надежнейший проводник для человека в жизни его и единственное для него средство исполнить его назначение. А все смущения и сомнения — это плод недисциплинированности ума и испорченности сердца; сомнениям нет места в сердце, знаю-

щем свои нравственные обязанности и чистом от всякой, хотя бы малейшей склонности к сознательному греху.

И в таком чистом сердце всегда живет та радость, о которой на земле впервые услышала Благовестие Пресвятая Богородица; и эту Ее радость и это Благовестие Ее переживает и ныне всякое сердце, нелицемерно алчущее и жаждущее правды.

"Итак, укрепите опустившиеся руки и ослабевшие колени (Ис. 35, 3) и ходите прямо ногами вашими, дабы хромлющее не совратилось, а лучше исправилось. Старайтесь иметь мир со всеми и святость, без которой никто не увидит Господа" (Евр. 12, 12–14).

Вот одно из последних наставлений св. апостола Павла к чадам св. Церкви; таково и мое праздничное пожелание вам, возлюбленные чада святой православной Церкви. Аминь.

Архимандрит Андрей»[25].

* * *

«РОССИЯ ДЛЯ РУССКИХ»

<19 апреля 1906>

«Таково знамя "истинно русских" людей, т<*о*> е<*сть*> всех так называемых правых партий. Все партии, исповедующие необходимость русского самодержавия в жизни России, ныне поставили своим гражданским долгом проводить в жизнь вышеприведенный политический принцип.

---

[25] Казанский Телеграф. 1906. № 3947. 29 марта.

Странное противоречие!

Ведь самый лучший аргумент, имеющийся у самодержавников как надежнейшая опора их политической веры, — это этическая сторона самодержавия. Самодержавие — это исповедь взаимного доверия между властью и народом; самодержавный царь — это воплощение правды в личной жизни и проводник правды в жизни народной. Царь — это носитель доверия и любви народной, он — народное объединяющее звено. При такой власти народ оказывается семьей.

Таков славянофильский взгляд на русское самодержавие.

И с этой точки зрения (т<*о*> е<*сть*> чисто этической) славянофилы смотрели (так и нужно смотреть) и на конституцию, и на петербургский период русской истории с его императорским абсолютизмом.

Конституция (всякая) есть недоверие народа к власти.

Абсолютизм есть недоверие власти к народу.

Конституция есть борьба партий; это насилие большей партии над меньшей, вечная взаимная брань и борьба, и клевета одной партии против другой. Это уже не семья! Это какой-то ад! И если государство как географическая единица будет ареной такой борьбы партий, то оно утрачивает все нравственные права на существование. Сосуд хорош, пока он вмещает целебную влагу, но если он лишь вместилище гадов — "блажен, иже иметь и разбиет его о камень...".

Императорский петербургский международный абсолютизм, выродившийся из царско-народного русского самодержавия, сам по себе решительно не имел нравственной почвы и в России исторически не может быть оправдан. Мало того, этот абсолютизм уже и в жизни показал свою этическую непригодность, сначала убив народные церковно-общественные силы и после того всю Россию разбив на политически враждебные друг

другу партии. Но от него иного и ожидать было нельзя, и обо всем этом блестяще и самоотверженно в свое время предсказывали русские славянофилы, никаким идолам не поклонявшиеся и желавшие устроить Русь на началах исключительно нравственного характера. Они всегда говорили, что насилие как бы с внешней стороны ни было блестяще замаскировано, тем не менее гибельно влияет на жизнь народную и, разрушая общество, роет и себе яму, уничтожая свою нравственную связь с народом и действуя на него лишь деморализующе.

Приговор наш над такой властью ясен: он не менее суров, чем первый. Но нужно твердо запомнить, что императорский абсолютизм так же не похож на царскую русскую власть, как не похожа власть полицейского чиновника на нравственный авторитет друга. Абсолютизм есть своеволие власти, как республика — своеволие народа, и там, и здесь эгоистическая воля, не знающая нравственных побуждений.

Итак, космополитически международной императорской власти нужно противополагать не республику, а именно русское самодержавие; абсолютизм и республика с нравственной стороны — родные братья. Конституционная же монархия — это лишь факт, с принципиальной стороны грустный (как и всякая недомолвка), а с нравственной стороны это только недоразумение...

Итак, русская народная власть — это царская, в славянофильском ее толковании; это власть, опирающаяся непосредственно на народ и его избранников.

Эта власть, ни в чем у народа не заискивающая, но ни в чем его и не стесняющая, и тем не разбивающая свой народ на партии, и не вызывающая его на партийную, злобную борьбу.

Такую власть всякий русский человек имеет нравственный долг защищать и всеми мерами охранять.

Но... sit venia verbo, amicus Plato![26]

Мне грустно говорить неприятные для моих друзей вещи, но горе мне, если пожертвую правдой ради чего-либо... Буду говорить о том девизе, который поставлен на знамени наших монархических партий и выписан в заглавии настоящей статьи. Они отстаивают русское самодержавие во имя нравственных начал и в то же время... "Россия для русских!". Да ведь это же самый откровенный эгоизм! Ведь это девиз, современно игнорирующий нравственную сторону жизни на святой Руси!

"Святая" Русь и "Россия для русских!"

Да неужели не ясно, что Россия может быть или святая (и в таком случае любящая), или грешно эгоистическая (порабощающая и давящая других). Одно из двух!

Что "Англия для англичан" — это давно известно! И этот английский принцип позволяет англичанам высасывать кровь из 300 миллионов индусов и варварски-жестоко истреблять целые племена.

Что "Америка для американцев" — это также все знают; и на этом основании американцы со страшным "сверхчеловеческим" цинизмом избивают негров, вовсе не считая их за людей...

Но что "Россия для русских" — это впервые приходится слышать и... страшно становится от этого нерусского девиза.

Славянофилы, отстаивавшие святую Русь, говорили "...русские для России" — и это понятно; но наоборот говорят только... недальновидные и неосторожные русские партийные политические дельцы.

---

[26] Да будет позволено сказать, Платон мне друг.

Это — знамя партии, но не России!

Это — знамя, целиком скопированное с конституционных государств, против быта которых оно и поставлено...

Это — девиз, совершенно чуждый русскому народу, неизвестный святой Руси.

И он русскими монархистами поставлен совершенно напрасно — во всех отношениях.

Наш приговор о нравственном качестве этого нового политического знамени уже сделан.

Но оно, это знамя "истинно русских" людей, является и их политической ошибкой.

Мы должны сейчас заботиться об объединении, о соединении разрозненных сил, разбросанных и разрозненных в России как географической единице. Мы, русские, имеем, к сожалению, основания усиленно настаивать на необходимости всепрощения, потому что во многом перед многими виноваты. И нас, к еще большему сожалению, очень многие не любят и на совершенно достаточных основаниях. И в это-то время та самая часть русского общества, которая хлопочет о неделимой и единой России, — она-то, эта политическая партия, и кричит: "Россия для русских!"

"...Да и прекрасно, — скажут миллионы русских иноверцев, — этого нам и нужно: значит, и мы для себя!" — И уйдут к "кадетам", которые обещают всем все блага. Этот принцип: "Россия для русских" — развязывает руки всем инородцам, окончательно разрывает всякую нравственную связь их с русским народом и дает им право всеми средствами противодействовать русским мероприятиям. А главное, этот ложный принцип разъединяет всех и разрывает Россию, как политическую единицу, на части. И это не было бы досадно, если бы этот принцип жил в душе русского народа. Тогда это был бы грустный факт. А это ведь одно недоразумение! Такого русского принципа — нет; а прививать его искусствен-

но — грех перед Божьей правдой и перед русским народом.

"Истинно русские" люди возразят, что все инородцы должны признавать себя русскими и таким образом, служа России, должны служить и себе...

Кем должны признавать себя инородцы, это вопрос теоретический, а что они не признают себя русскими — это факт.

И нужно в области политики считаться с фактами, а не с фантазиями, хотя и благонамеренными... Спросите любого кавказского горца, живет ли он в России, он вам ответит: "...живу на Кавказе, а в Россию еще не ездил". Спросите русского чиновника, например, в Кубанской области, откуда он сюда попал, он скажет: "...из России". Спросите жителя Сибири, давно ли он прибыл из России, он нимало не удивится, потому что в Сибири, как и на Кавказе, Россией называется Великороссия и Малороссия...

Вообще, Россия — это единица политическая и географическая, но она совсем не представляет ничего нравственно объединенного, органически целого. Между тем разбираемый нами девиз "истинно русских" людей и предполагает несуществующее, т<о> е<сть> эту сплоченность русских инородцев с коренным русским населением; а так как этой сплоченности нет, то всякий инородец, оставаясь на почве фактов, искренне изумится со своей точки зрения этому "русскому" принципу: "Россия для русских". "И с чего же понадобилось русским людям, — подумает инородец, — от нас отказываться? А ведь сами говорят, что Россия для русских, — значит: ...Кавказ для Кавказа, Сибирь для Сибири..."

Итак, русские монархические партии, выдвигая этот новый свой (нерусский) девиз, достигают прямо противоположных результатов, чем то, к чему они стремятся. И самое грустное в этом явлении то, что они окончатель-

но дискредитируют нравственные основы русского самодержавия.

* * *

По нашему мнению, спасение России — не в усвоении эгоистически безнравственных принципов жизни, а как раз наоборот: в нравственном оздоровлении, когда русский человек дорастет до сознания своих обязанностей и забудет о своей силе и правах.

Россия должна быть здорова: ее вся жизнь должна быть основана на нравственных принципах; русская интеллигенция должна нелицемерно служить народу, учась у него в то же время его нравственному величию; русская буржуазия должна, во-первых, забыть это скверное слово, а во-вторых, должна забыть свой космополитический капитализм и не выделять себя из народа.

Горе нашей русской жизни — это возмутительная нравственная беспринципность русской интеллигенции. Что это за удивительное ее существование?! Посмотрите, какую жалкую роль она играла приблизительно с 1902 по 1906 год; припомните: в министерство Плеве[27] она сидела, пыхтела, втихомолку ругалась, но была строго консервативна; при Святополке-Мирском[28] с дозволения начальства все стали либералами и осмелились бывать на политических банкетах. Но тут студенчество стало совсем неосторожно, и либералы спрятались за студенческие спины, всему сочувствуя и ничем не рискуя. Особенно великолепны были г<*оспода*> профессора, то

---

[27] Вячеслав Константинович Плеве — министр внутренних дел России. 15 июля 1904 — убит эсером Егором Созоновым в Санкт-Петербурге.

[28] С 26 августа 1904 по 18 января 1905 — князь Петр Дмитриевич Святополк-Мирский занимал должность министра внутренних дел.

бойкотирующие, то бастующие, то открывающие чтение лекций, — и все по инициативе своих учеников и за их ответственностью; исключение на всю Россию представляли четыре профессора С<*анкт*>-П<*етер*>б<*ургско-го*> Горного института и кн<*язь*> Сергей Трубецкой[29], который не убоялся, по крайней мере, оценить поведение студентов. Наконец, наступили беспорядки среди средних учебных заведений, и вот за 14-летними мальчишками начали забастовку преподаватели их... Может ли быть что-нибудь невероятнее и позорнее этого? А остальное "общество" наше ни звука не подало в осуждение всего происходящего...

И вдруг — аграрный вопрос?.. От либерализма в одну неделю и помину не остается...

На очередь выдвигается чисто деловая горькая думушка: в случае погромов с кого получат убытки? Наша "интеллигенция", поставив этот вопрос, так сейчас на нем и замерла; а в глубине души думает: "...да с кого угодно, хоть с каких-нибудь социалов, — только получить бы! Да разве у них не такое же золото?!" Так-то! Вот тут и говорите: "Россия для русских". Да России-то и нет! Это просто... коллекция какая-то!

"...И оживут ли кости сия?"

С твердой верой и надеждой отвечаем: "...да, оживут"; слишком уж очевидна не одухотворенность, беспринципность такой жизни. И дух животворящий уже витает над русской землей! И когда наша интеллиген-

---

[29] Сергей Николаевич Трубецкой — профессор и ректор Императорского Московского университета. 22 сентября 1905 — из-за студенческих волнений принял решение закрыть университет, что еще больше накалило обстановку, но радикалы лишились площадки для собраний. 29 сентября 1905 — на приеме у министра народного просвещения скончался.

ция не то что "пойдет в народ", как она ходила в семидесятых годах XIX века, а когда она сольется с народом в приходских народных организациях, тогда — обновится и укрепится святая Русь.

Если наши помещики, еще оставшиеся в живых, постараются организовать приходские советы, если они хотя бы немного потрудятся помочь крестьянству "не словами или языком, но делом и истиной", то очень быстро они обратятся в самых близких, лучших друзей народа. И это необходимо и для той, и для другой стороны; и целая стройная, здоровая Русь начнет тогда свою новую жизнь. И славянские ручьи польются в людское море! И инородческие потоки, и струи жизни будут идти не только параллельно с русской рекой и не только не будут отвлекать ее силу и ее иссушать, как это теперь наблюдается, а действительно поспешат потонуть в русском море: это для них будет самое лучшее...

И святая Русь станет на свое место; на служение миру; своим нравственным здоровьем она будет лечить чужие нравственные болезни. Итак: "...святая Русь на службе миру" — вот каков должен быть девиз русских.

Пусть он таким и будет!

Зачем это святое знамя менять на грешное: "Россия для русских"?

Архимандрит Андрей»[30].

---

[30] Казанский Телеграф. 1906. № 3962. 19 апреля.

* * *

ВЕЛИКОЕ НАЧАЛО

<25 апреля 1906>

«Историческое, великой важности время мы переживаем... Периоды исканий и сомнений, фантазий и праздных идеализаций прошли безвозвратно; теперь нужно дело и дело серьезное, сопряженное с борьбой и требующее по временам чуть не полного самоотречения.

Россия перестраивается! Россия сейчас лакомый кусок для всякого, и всякий к этому куску без церемонии протягивает свою, часто совсем не чистую руку...

Россию расхищают, Россию расхитили...

Смиренная, христолюбивая, святая Русь забыта, забита, опозорена...

О Святой Руси забыли и думать!

Перед нами Россия — фабричная, пьяная, безбожная, не помнящая родства, грубая, циничная, развращенная произволом сильных, обманутая в лучших своих чаяниях... Перед нами — Россия г<*осподина*> Горького[31] и г<*осподина*> Витте[32]!

Вот факты; вот глубокие раны, нанесенные русскому народу!

Родная, святая Русь — где же ты? Жива ли? Долго ли ждать нам ответа твоего?..

---

[31] Максим Горький (настоящее имя Алексей Максимович Пешков) — писатель, драматург.

[32] Витте Сергей Юльевич, с 1892 — министр финансов, с 1903 по 1906 — председатель Комитета министров, с 1905 — председатель Совета министров.

Но положительно глаза не верят!

Сердце замирает от восторга и благодарности перед Богом: Русь святая, любящая, беспартийная и деятельная — жива и радостно идет за своими церковными пастырями, знающими свой великий христианский долг, свое великое служение. Мы говорим о пастырях города Царицына, по корреспонденции "С<*анкт*->П<*етер*>б<*ургских*> ведомостей".

В Царицыне местное духовенство, настолько серьезное и церковное, чтобы не записаться ни в какие партии, в продолжение целого ряда праздничных, публичных чтений и бесед в аудитории местного духовно-просветительского союза знакомило своих прихожан с идеей прихода и церковно-приходской жизни. Беседы велись оживленно, и на них ходили тысячи слушателей. Царицын пережил дни духовного обновления...

Когда прихожане прониклись сознанием необходимости объединения около своих приходских храмов, были избраны члены церковно-приходских советов, которые быстро и дружно организовали приходскую жизнь. Чтобы не терять взаимной связи и целесообразнее направлять приходскую жизнь и деятельность, единогласно постановили, кроме того, организовать городской, центральный совет, которому поручено наблюдать за всей церковно-приходской жизнью города и решать разногласия и недоразумения в приходских советах. В состав центрального совета вошло 112 человек выборных от приходов, под председательством священника Строкова[33]. Прекрасная особенность этих царицынских приходских организаций та, что по их уставу ни члены приходских советов, ни центральный попечительный совет не имеют права касаться политики и принимать какую-нибудь политическую платформу.

---

[33] Строков Александр Петрович, священник, служил в храме Царицына, выборный от прихода, протоиерей.

Вот глубокое понимание церковной жизни: она все партии, все лучшее во всех партиях благословляет и никого от себя не отгоняет, лишь бы всякий приходил в церковь с любовью ко всему страждущему человечеству и без партийного человеконенавистничества.

Итак, Царицын можно от всей души поздравить: там не будет более резкой борьбы партий, не будет вражды, клеветы и др<*угих*> прелестей народного разложения в нравственном отношении; в Царицыне — одна семья истинных христиан!..

Господь да благословит это великое начало переустройства и возрождения святой Руси!

По частным сведениям, нечто подобное организуется и в другом городе Саратовской губернии — Вольске. Но там за дело взялись старосты церковные ввиду полного равнодушия местного духовенства по развитию приходской жизни. Старосты начали всеми средствами пропагандировать мысль о необходимости русских организаций хотя бы в защиту от развития всяких нерусских — социалистических, революционных, просто воровских, частных и международных и всяких иных. А единственная русская народная, национальная организация есть приход. Таким образом стала в Вольске вначале укрепляться мысль о приходе как об организации, необходимой в смысле самозащиты. После того стали выясняться и средства, которыми имеют право располагать церковно-приходская организация и старосты, единогласно решили, что церковные деньги принадлежат церкви, т<*о*> е<*сть*> церковной общине, и более никому, и совершенно отказывались от уплаты всяких взносов, ничего общего с развитием церковной жизни не имеющих. Между прочим, старосты отказались от взноса на так называемые духовно-учебные заведения (академии и семинарии), справедливо недоумевая, почему они называются "духовными" и от какого "духа" они получили это название...

На этой стадии развития стоит сейчас в Вольске приходская жизнь. Идея церкви и церковной общественности получает самое широкое, жизненное применение; и если эта волна сознательной церковности пройдет по матушке Руси — воскреснет Русь!

Поскорей бы только все взялись за настоящее дело! Довольно слов; довольно игры в платформы. А огромное, самое живое дело, захватывающее всю жизнь человека, может у него оказаться в руках ровно через полчаса, как он решит им заняться.

И всякий ныне обязан заниматься!

Архимандрит Андрей»[34].

* * *

ОПОМНИТЕСЬ!

<7 мая 1906>

«Недавно через Казань проезжало из Владивостока одно духовное лицо. К нему обратились с вопросом, как им была пережита бомбардировка Владивостока японцами. "Да знаете, — преспокойно ответил путешественник, — японцы показались на горизонте часов в 9 утра, а потом скрылись куда-то; через несколько времени к 12 часам снова показались... А в 12 часов полагается обед, а после обеда я и думаю: стоит ли из-за этих япошек нарушать наш обычай — хорошенько отдохнуть. Я и лег, да и проспал до 4 часов дня. Просыпаюсь, — говорят: бомбардировали город". Так-то пережил этот господин начало великого отечественного и собственного

---

[34] Казанский Телеграф. 1906. № 3967. 25 апреля.

несчастья! Читатель, угадайте, к какой национальности принадлежит этот путешественник из Владивостока? Вы, конечно, уже угадали! Но простите, читатель: вы не узнаете себя в этом путешественнике? Простите за откровенность, но я почти уверен, что еще девять десятых нашего общества именно так относится ко всей той бомбардировке, которую нам устраивают г<*оспода*> революционеры-террористы. Ведь с газетных страниц просто кровь каплет; наполовину телеграммы сообщают только о взрывах бомб и о браунингах; каждый день убитые считаются десятками...

"Ладно! До нас еще не дошло!" — вот единственный ответ на все эти невероятные преступления с нашей стороны. Но разве это не нравственная болезнь? Разве это — не психоз? И чем же кончится все это?

Есть страшная вероятность, "что это нравственное отупение и разложение поведет за собой и крушение всех жалких остатков общественности, которые доживают ныне печально свои дни".

А далее? А далее — все в наших руках! И сейчас еще не поздно взяться за ум. Нужно немедленно организоваться, немедленно создать что-нибудь живое, жизнеспособное и деятельное для борьбы со злом, со всею нашей годами накопившейся злобой. Нужны немедленные нравственные организации, крупно спаянные одной мыслью: послужить на общее благо. Ведь этот проклятый маятник злобы, который раскачали 9 января 1905 года в Петербурге, вот уже полтора года ударяет то в одну, то в другую сторону жизни русской и безжалостно механически ее калечит... Довольно же! Нужно опомниться! Посмотрите же: и в Гос<*ударственной*> Думе только ведь клокочет злоба. Разве не в ослеплении злобой можно было аплодировать Родичеву[35], когда он

---

[35] Родичев Федор Измайлович — член Государственной думы I, II, III, IV созывов.

говорил, что Дума не должна заботиться о нравственности, а должна знать только политику. Какой цинизм общественной безнравственности! Итак, ГРАЖДАНЕ, если мы доросли до этого почетного имени, то должны это доказать... Мы должны организоваться, устраивать общественную жизнь...

Но почему упорно и духовенством, и интеллигенцией замалчивается мысль о приходских организациях? Неужели можно губить и себя, и других только из-за фантастических опасностей излишнего контроля? Неужели великолепную, народную организацию по приходам можно игнорировать потому только, что "мы этого не понимаем" и что "тут ладаном пахнет"? Помните же, возможно одно из двух: или мы должны немедленно восстановить на Руси христианский социализм (т<*о*> е<*сть*> церковность), или нас измучит социализм физической силы, который и погубит Россию.

Архимандрит Андрей»[36].

* * *

ЧЕМ СИЛЕН СОЦИАЛИЗМ

<11 мая 1906>

«Да, он силен и живуч. Перед ним склоняет свою гордую голову сам Вильгельм и чувствует себя совершенно опутанным этой социалистической, еле заметной, мелкой как паутина, но совершенно неразрывной сетью. Буржуазия французской республики стоит тоже перед социализмом в полном бессилии; да и все государства Ев-

---

[36] Казанский Телеграф. 1906. № 3980. 7 мая.

ропы трепещут перед социальной революцией на почве борьбы социалистов против капитала. И социализм силен своей жизненностью, своей заботой о всех обездоленных и отверженных мира сего, своим стремлением облегчить физический труд и физический голод людей, неспособных к самозащите! Прекрасная задача! Великая цель!

Но социалисты изверились в природу человека; они не верят, что люди могут жертвовать собой и своим самопожертвованием строить счастье людей. Социалисты раз и навсегда усвоили тот догмат дохристианской жизни, который гласит: человек человеку — волк (homo homini lupus).

Страшный догмат! И, конечно, кто примет в своей жизни этот догмат языческого Рима, тому в христианстве искать нечего...

Но правы ли социалисты? О, конечно, можно ломать перья и "опровергать" их, можно расточать громы и молнии (конечно, с кафедры) и громить их, этих зловредных социалистов, с точки зрения всяких наук и "от Писания"; в ответ на это социалисты могут с гордостью сказать только: "...мы делаем — а вы"?

И конечно, они будут правы...

Социализм стремится поразить всякими теориями, а социалисты имеют дело только с голыми фактами. И вся ужасная действительность за них. Социализм — это жизненная необходимость; это ведь только самозащита слабых против произвола сильных; это естественное последствие борьбы одних против других.

Но это еще не полная его характеристика; и мои друзья (я говорю без иронии) меня упрекнут и скажут: "но ведь социалисты в Бога не веруют, религию изгоняют, нравственный закон отвергают, свое происхождение от обезьяны исповедуют, юношество развращают, отечество отвергают..."

Все это очень дурно... Но легко ли им все это дается? И что же их заставило быть такими — не помнящими

родства? И неужели можно со спокойным сердцем проповедовать свое ближайшее родство с животными? Ведь это же уродство духовное! Это болезнь, которая требует исцеления, напрашивается на исцеление... Ведь философия социализма есть философия отчаяния!

Таков социализм заграничный, — с одной стороны, имеющий дело с капиталом, покровительствуемым властью, с другой стороны, совершенно не встречающий никакого одушевляющего начала в религии; служители религии там по принципу оказываются только властями мира сего, католичество по своей природе только "господствует".

Но русский социализм — это чистое недоразумение; это уродство выдавили на русском народном теле те, кто сдавил в своих тисках церковную жизнь, кто заменил соборность — канцелярщиной, кто спутал два противоположных понятия: церковность и клерикализм.

Вследствие этого в русских головах появился истинный сумбур по духовным вопросам; и в печати, и в обществе стали раздаваться совершенно невозможные мнения о Церкви, и на этой почве ошибок и выросло социалистическое движение русских рабочих.

Люди возражают против церковной жизни, а на самом деле все их возражения касаются только непорядков "ведомства православного исповедания". Начинают бранить церковные установления, а на самом деле оказывается, что Церковь в большинстве случаев неповинна в этих установлениях, которые оказываются просто консисторскими указами и пр<*очим*>. Действительно, ведь Церковь немыслима без соборного начала; а приход и церковно-приходская жизнь и являются первыми показателями соборности. Но где наш приход? Где церковно-приходская жизнь? Где самоуправляющаяся жизнь прихода? Где соборное начало? Вот где несчастье наше; ничего этого нет, а на мысли этой пустоты вырос социализм. Кто в этом виноват?

Социализм силен нашей не церковностью, нашей духовной ленью; и он, помимо материальной потребности, представляет из себя и психологическую необходимость: человек по природе своей стремится жить жизнью общественной, и, когда наши так называемые "охранители" сдавили жизнь церковно-общественную, в ответ на это на Руси и объявили социализм как протест жизни против излишних (незаконных) рамок.

Действительно, разве нормальный, здоровый человек может удовлетвориться нашей церковной жизнью? Вот как ее характеризует один беспристрастный историк: "Куча камней, не соединенная никаким цементом, более имеет связи, чем члены приходской церкви; ежели один камень возьмешь из кучи, непременно другой соседний камень пошевелится, а бери любого члена в приходе, обижай его и делай с ним что хочешь — все другие члены, за небольшими исключениями, и не тронутся с места, пальцем не шевельнут, только бы их не трогали. Но неужели такие отношения наши правильны? Неужели здесь все, чего от нас требует православная Церковь? Нет, десять раз — нет; это далеко не все, это только явное обличение нашего нехотения пользоваться светом Христовым; это только свидетельство того мертвенного сна, того могильного мрака, в котором мы живем" (Прот<*оиерей*> Ф. Титов[37]).

Вот социализм и есть уродливая, однобокая жизнь среди того "мертвенного сна", от которого не могут воспрянуть наши общественные деятели. А если восстановится церковно-приходская общественная жизнь, социализм, эта нравственная болезнь, мало-помалу пройдет, не оставив следа.

Разве эта болезнь не тяжела прежде всего для самих больных?

---

[37] Фёдор Иванович Титов — православный церковный писатель и историк, протоиерей, профессор духовной академии.

И наша обязанность заключается в том, чтобы исцелиться самим как можно скорее и, когда будем здоровы, другим от всего сердца послужить.

Архимандрит Андрей»[38].

* * *

ОБЯЗАННОСТЬ ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКИХ СОВЕТОВ

<21 мая 1906>

«Чтобы что-нибудь делать, разумеется, еще необходимо знать задачу своей деятельности, ее последнюю цель. Чтобы участвовать в нарождающихся церковно-приходских советах, нужно ясно и отчетливо знать: что они должны делать, чем заведовать, к чему стремиться...

Между тем это представляется каким-то секретом для всех и даже для тех, кому это особенно должно бы быть интересным. По правде сказать, и в голову-то не придет, что обязанности церковно-приходских советов придется объяснить для членов этих самих советов! — А это так! Приходит бедный член совета с мучительным вопросом, куда и зачем его выбрали и что ему теперь делать. Представьте же вы себе, читатель, что какой-нибудь агитатор социализма, чтобы привлечь на свою сторону рабочих еще незнакомого ему завода, возьмет их список и наугад выберет себе помощников, мелких агитаторов, ни слова не сказав им о социализме и его целях. Как его деятельность может увенчаться успехом и как ее оценят

---

[38] Казанский Телеграф. 1906. № 3982. 11 мая.

главные вожаки социализма? Разумеется, такой "проповедник" социализма совершенно к своей деятельности не подготовлен и свой социализм может только дискредитировать. "Какой нам толк от вашего социализма, — скажет любой рабочий, — если мы даже не понимаем, что это такое".

Но буквально такое возражение сейчас приходится выслушивать относительно жизненности и жизнеспособности приходских организаций. Почему это? Да потому, что сами вновь назначенные (или избранные) "попечители" ходят по городу и узнают, что это такое с ними сделали, выбрали куда-то и зачем-то, никому они "кажись" не мешали, жили себе тихо-смирно, а тут случилась оказия такая: в попечители попали! Это — "попечители" из любознательных, а остальные даже и не справляются ни о чем.

Вот какова причина тех разговоров, которые приходится слышать.

— У вас в приходе есть совет или попечительство? Как он действует?

— Да попечительство-то есть, да делать никто ничего не хочет! Да тут ничего не выйдет! — разве можно с таким народом?..

А между тем это "попечительство-то" и создано для того, чтобы "ничего не вышло" и чтобы оно ничего не делало, а только числилось и никому ни в чем не мешало. Одним словом, получается в таких приходах счастливое сочетание приятного с полезным. Однако — на чей вкус! А со стороны смотря, даже нецерковный человек назовет учреждение такого "попечительства" чем-то вроде издевательства.

Итак, прежде начала всякого дела нужно знать это дело; иначе будет не дело, а крупная, серьезная помеха... А что народная, церковно-социальная организация совершенно необходима именно в нынешнее время, это доказывается самой жизнью, необычайным и совершен-

но неожиданным развитием социализма. Но зато — там деятели, а у нас, в церковных приходах, пока деятели мало заметны... Там твердо знают свои обязанности, а у нас о них никто еще не слыхал как следует.

А между тем в "Церковных ведомостях" (1905 год, № 48) мы читаем, что наш Синод признал нужным: "...предложить настоятелям церквей с целью теснейшего объединения прихожан с пастырем и между собой и для суждения о способах удовлетворения нужд прихода в религиозно-нравственном, просветительном и благотворительном отношениях... созывать общие церковно-приходские собрания из достигших гражданского совершеннолетия преданных Церкви прихожан всех сословий и званий. А из состава сего собрания и по его избранию — представлено учреждать церковно-приходские советы".

Итак, вот с чего нужно начинать исполнение церковно-приходских обязанностей: нужно устраивать приходские еженедельные собрания. В каждый праздник или в каждое воскресенье, но непременно хоть раз в неделю нужно собираться всем добрым христианам прихода и толковать об устроении приходской, христианской жизни. Это можно устраивать или в отдельном помещении частном, или в церкви с разрешения священника. Это, несомненно, и послужит к "теснейшему объединению прихожан с пастырем и между собой".

Разговоров найдется очень много, и тогда же, на месте и в каждом приходе своеобразно обозначится, с чего нужно начинать дело. Приходские организации тем и замечательны, тем и хороши, что они не искусственны, а должны соответствовать потребностям самой жизни. Мне недавно попалась под руки книжка с описанием благотворительности в одном из городов Англии. Там одно благотворительное общество подобрало на улице всех безногих калек и отдало их в обучение нанятым для того сапожникам и портным. Допустите, что в Казани

найдется добрый портной или сапожник в каком-нибудь приходе, который при самой ничтожной материальной поддержке согласится у себя приютить приходских калек. Это будет истинное благодеяние для последних, небезвыгодное для первого.

Вот главнейшая обязанность приходских советов и заключается в том, чтобы в своем приходе отыскать людей, преданных Церкви, — будут ли то портные или присяжные поверенные, сапожники или профессора...

А обязанностей, прямо и точно и одинаковых для всех приходских советов, указать невозможно. В одном приходе — одни силы, в другом — другие. Например, в Воскресенском приходе г<*орода*> Казани недавно объявились такие силы, с которыми можно достичь самых лучших результатов в развитии приходской идеи. В Саратове самое деятельное участие при организации прихода принимал присяжный поверенный, и его трудами вся подвальная жизнь прихода вполне преобразилась, — так много может сделать один человек, преданный христианской общине и истинный слуга народа. А в Воскресенском приходе, насколько припоминаю, открыто в печати заявили свой интерес к приходу пять присяжных поверенных и несколько профессоров.

Представьте же себе, если эти силы будут надлежаще организованы!

Представьте, что эти обеспеченные люди сделают объявление: "...я, такой-то, присяжный поверенный (М-в или В-в) или доктор медицины (Р-й) готов бесплатно помогать прихожанам Воскресенской церкви и ближайших приходов" (потому что профессоров-то много). Ведь это было бы истинное счастье для прихода, и большие силы нашли бы себе применение в самом близком служении народу. Вот приходской совет Воскресенской церкви и должен привлечь к приходской деятельности такие силы, искренне преданные приходской идее. Наконец, в каждом приходе живут образованные девицы

и обеспеченные женщины, изнывающие от безделья (и потому неспособные к молитве). Они могут оказать самое великое одолжение приходу и будут этому рады, если возьмутся за обучение грамоте и рукоделию всех бесприютных детей, выброшенных на улицу и томящихся в подвалах.

Этот же женский персонал прихода может организовать и приходскую библиотеку, собрав книги у знакомых. Это дело хлопотливое и требует особенной заботливости, к которой так способны женщины.

Вот каковы обязанности приходских советов. Они должны начать с того, чтобы изучить свой приход и узнать, кто хочет и может чем-либо послужить и кто нуждается в помощи, а потом нужно общие услуги распределить среди действительно нуждающихся.

Архимандрит Андрей»[39].

* * *

ПО АДРЕСУ «РУССКОГО СОБРАНИЯ» И ПОДОБНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

<27 мая 1906>

«С очень сложным душевным настроением начинаю настоящее свое послание к "Русскому Собранию". И боязнь быть непонятым, и желание видеть почти немедленное осуществление обоих желаний и просьб, и чувство глубокого огорчения, что наиболее благоприятное время к тому уже ушло, и сознание собственной в том

---

[39] Казанский Телеграф. 1906. № 3986. 21 мая.

виновности — все это и еще многое как-то одновременно переживается и умом, и сердцем...

"И ублажил я мертвых, которые давно умерли, более живых, которые живут доселе; а блаженнее их обоих тот, кто еще не существовал..."

И в то же время хотелось бы говорить всем и говорить без конца, что жизнь совсем не так сложна, как люди думают, что они напрасно себя мучают, что на земле для людей обеспечены счастье и мир, что они близки к нам: нужно только сознательно и искренне относиться ко всей жизни, нужны нравственные принципы, так ужасно ныне попираемые.

И вот при всех своих грубых тактических ошибках, при всей невероятной бездеятельности и неподвижности русские "патриотические" кружки, рассеянные по всей России, во главе с "Русским Собранием" в Петербурге как центральным органом ставят во главу своей политической программы служение святой Церкви. Правда, уже на второй строчке своей программы "Русское Собрание" делает ошибку, требуя для православия какого-то для него обидного и ему по природе чуждого "господства", но все-таки те общественные организации, которые называют себя "истинно русскими", не вычеркивают из своих программ религиозную сторону народной жизни; значит, пастырю Церкви можно говорить с ними на одном языке, и есть надежда быть понятым.

Поэтому и обращаемся со своей речью к "Русскому Собранию" и его последователям.

* * *

Откровенно говоря, трудно понять деятельность всех "патриотических" организаций. Или они о себе слишком низкого мнения, и тогда они унижают своей ничтожной работой те великие принципы, которые стоят на

их знамени. Или эти организации думают, что они сильны сами по себе в силу исторических традиций, так сказать, — по привычке народа к дорогим звукам: о Боге, о Царе-батюшке и пр<*очее*>, и пр<*очее*>. Но тогда — это жесточайшая ошибка: ни изголодавшемуся (по многим причинам) крестьянину, ни городскому хулигану не дороги никакие звуки... Им нужен пока хлеб и теплое задушевное слово, которое вернет этих "бывших людей" к настоящей жизни. Но скоро, очень скоро они будут требовать только "хлеба и зрелищ", если своевременно им не будет оказана поддержка материальная и нравственная.

Останется третье предложение: наши "истинно русские" организации не знают, в чем заключается их действительная сила. А эта сила у них, несомненно, имеется в руках: это сила нравственного закона.

Но, господа, вера без дела мертва!

Напишите это, припишите к своему знамени; осуществите этот догмат всякой общественной жизни в своей, и вы будете несокрушимы; иначе обеспечено на Руси торжество социализма, за которым имеются несомненные фактические заслуги. Заметьте, что социализм тем и силен, — особенно у нас в России, — что он имеет на себе всю личину истинно нравственных организаций. Он велик своей показной стороной; и русский человек, всей душой стремящийся к живой вере, оказывается, теперь рад уже хотя бы живым делам и уже почти отвернулся от мертвой веры наших официальных покровителей "господствующей" Церкви.

Итак, в России жизненны только крайние партии, во всем между собой несогласные, но сильные своим внутренним одушевлением: первая из них крайняя правая с великолепным знаменем, но без дел...

Эти люди — преданные своим принципам верующие, но дела делать еще не научившиеся... Вторая партия — это социалисты всех оттенков, сильные духом,

хотя о духе ничего не говорящие и личиной добра всех к себе завлекающие. Мои почтенные адресаты в ответ на мои упреки будут вправе указать на некоторые свои заслуги перед отечеством... Да, я о них знаю! Да, я хотел бы их в тысячу раз преувеличить, чтобы на чем-нибудь успокоиться! Но нельзя же закрывать глаза на ужасную действительность, а ведь всю деятельность всех "Русских Собраний" по самому ее существу можно охарактеризовать одним словом: "отбиваются". Но в этом слове, в этой характеристике есть чрезвычайно обидный оттенок: обвинение в отсутствии инициативы... И это совершенно верно: творчества в деятельности патриотических обществ вовсе нет. Они все по-прежнему только кого-то и что-то "охраняют", по-прежнему все чего-то боятся... А сейчас нужно строить и организовать. "Русские Собрания" во всем своем политическом credo опираются на "народ"; но на тот же народ ныне опираются и социал-революционеры. И последние растут и крепнут за счет тех элементов, которые еще вчера были (хотя потенциально) членами "Русских Собраний", а между тем деятельность последних по-прежнему не заметна... По-прежнему они только отбиваются от врагов, видимых и даже невидимых, т<*о*> е<*сть*> мнимых, допуская ошибки в их квалификации.

А между тем ведь на самом-то деле эти патриотические "общества", все эти "Русские Собрания", ведь не одну только политическую партию из себя представляют; они имеют своей задачей воссоздать Россию, и не на началах конституционного права, а на идее высшей правды. Превосходная задача; и доселе, к великому нашему счастью, не утрачена возможность к ее благоприятному разрешению; несмотря на невероятные ошибки нашего духовного и гражданского правительства. Но... но для этого нужно дело, дело и дело, а не одна только прекрасная программа.

* * *

В чем же заключается первоочередное, к счастью, и главное по существу своему дело, открывающееся г<*осподам*> членам "Русского Собрания" в Петербурге и других местах?

— Нужно добиться всеми средствами социализации всего русского, крестьянского во имя нравственных начал. Иначе говоря, нужно из разбитой и разрозненной русской толпы, которую из себя представляет теперь вся Россия, создать русский народ как организованное целое. Самое страшное наследство, которое оставил нам бюрократический режим, — это полная народная дезорганизация! Ведь до 17 октября 1905 года русский народ на законном основании только обращали в "людскую пыль", по остроумному выражению одного русского публициста.

Вот этой-то "пылью" великолепно ныне и пользуются социал-демократы и социал-революционеры. Эту почву и нужно у них вырвать.

И до сих пор это еще возможно, потому что народ еще в глубине души чист и не потерял здорового рассудка, несмотря на глубину своего хронического горя, несмотря на вечную обиду, которую он носит в своем сердце. И в руках "Русских Собраний" находится вся возможность организовать русский народ, возвратить ему тихую, беспартийную, мирную жизнь. Народу возвращена свобода; теперь нужно возвратить ему его быт, а для этого ему нужна помощь. Конечно, народ и сам скоро различит своих друзей от ложных советников, но тогда путь к его миру пойдет через ошибки; а лучше для него, если этих ошибок не будет.

Итак, организуйте русскую силу, организуйте приход. Для этого средства огромны; психологический момент в настоящее время для воссоздания прихода — самый лучший. Крестьяне, даже никогда не слыхавшие

о значении прихода, устраивают у себя общинно-приходское сельское хозяйство, разрешая тем жгучий аграрный вопрос. Газеты сообщают, что крестьяне с<*ела*> Светлицы Боровичского уезда просят помощи у Лиги труда осуществить ее решение, превратить всю деревню в образцовую общину, где земля и орудия принадлежали бы не отдельным собственникам, а всему сходу и чтобы всем этим мир пользовался сообща...

Смотрите же, что это за бесподобное идеально-христианское настроение! И если такому народу оказать самую маленькую поддержку в его мечтах жить истинно общественной, приходской жизнью — он духовно возродится и обновит Святую Русь. А давно ли на приходы целое гонение воздвигали!.. Впрочем, да не возглаголют уста мои дел человеческих!

Вот благодарная и великая задача и историческая заслуга, несомненно, будет за "патриотическими" собраниями, если они возьмут немедленно в свои руки организацию приходов. Одно духовенство слишком для этого косно, слишком отвыкло от дела живого и привыкло опаздывать везде и во всяком деле. А у "Русских Собраний" есть и опыт политический, и знания, и развязанные руки.

Побольше энергии и дела нужного!

И самое необходимое будет сделано!

* * *

За этим главным делом, когда русский народ будет скреплен и спаян христианским социализмом (церковно-приходской общиной) и будет силен для того, чтобы не поддаться никакой пропаганде и никакому нашествию иноплеменников, когда все православные инородцы с радостью будут признаны о Христе братьями в русской семье, тогда все остальное, само по себе

чрезвычайно важное, будет уже логическим последствием этого великого начала обновления Руси. Одним из первых последствий этого будет появление на Руси общественного мнения, будет слышен тогда подлинный народный голос. Ведь почти невероятно, что в России, в этой огромной стране нет, не слышно этого народного голоса, но это так! Правда, за последнее время к русскому голосу никто и не прислушивался, никто им и не интересовался, и огромные реформы во внутренней жизни России проводились из Петербурга в качестве сюрпризов для обывателей, поэтому для наших властей предержащих и не было настоятельной необходимости в русском общественном мнении. Но теперь не то: теперь русский народный голос, подлинное народное мнение совершенно необходимо в решении всех вопросов, а между тем этого голоса-то по-прежнему не слышно, народная мысль по-прежнему где-то скрывается!.. И пока не восстановится русский приход, пока народ не сорганизуется как следует, до тех пор будет происходить фальсификация народного настроения и народных чувств. И это прекрасно знают те, кому это выгодно и кто русской разрозненностью прекрасно умеет пользоваться. И мы видим ряд подделок народного голоса, начиная с подвигов Гапона[40] и кончая тоже своего рода подвигами г<*оспод*> Шмидта[41], Родичева[42],

---

[40] Гапон Георгий Аполлонович, священник, оратор и проповедник, создатель и руководитель организации «Собрание русских фабрично-заводских рабочих Санкт-Петербурга»; 9 января 1905 — организатор массового шествия рабочих к царю с провокационной петицией, закончившегося расстрелом, ставшим началом революции 1905–1907 годов.

[41] Шмидт Петр Петрович, революционный деятель, осенью 1905 — один из руководителей Севастопольского восстания, известен как лейтенант Шмидт.

[42] Родичев Федор Измайлович, член Государственной думы.

Винавера[43], Герценштейна[44] и прочих "освободителей" России. Гапон, безнравственнейшая личность, от имени народа ведет мятежную толпу с заговором на разрушение царского дворца; сумасшедший Шмидт от имени народа посылает телеграмму Государю и бунтует флот; Родичев, избранник народа, говорит в Гос<*ударственной*> Думе, что он в своей деятельности не хочет руководствоваться законами правды и нравственности, а имеет в виду только свою политику... Наконец, эти Винаверы и Герценштейны от имени народа перекраивают всю Россию на свой лад. А Россия смотрит на всю эту ватагу и думает: "да не в сумасшедший ли дом меня ни за что ни про что посадили?"

А далее идут известия: там-то брошена бомба, убито 10 человек — убийцы не разысканы, здесь стреляли из револьверов, ограбили банк — преступники скрылись... Да что это такое, как не следствие глубокой запуганности и разобщенности всех русских благонамеренных элементов и отсутствие поэтому общего твердого общественного мнения? Да разве Родичев мыслим в порядочном обществе? Разве заведомым убийцам можно получить приют и искать убежище среди приходских, истинно русских обществ?.. Но во время этих революционных неистовств что поделывают наши патриоты из "Русских Собраний"?

Они занимаются подсчитыванием отечественных несчастий!.. И только! Да, господа, делайте же! Ведь меры, которые употреблял Дурново[45] для умиротворения оте-

---

[43] Винавер Максим Моисеевич — юрист, политический деятель, член I Государственной думы, один из лидеров партии кадетов, оратор и публицист.

[44] Герценштейн Михаил Яковлевич — ученый, экономист, публицист, политический и общественный деятель, член I Государственной думы.

[45] Дурново Петр Николаевич — министр внутренних дел в 1905–1906 годах.

чества, — это совсем не созидательная работа. А теперь нужно строить и созидать, нужно вызвать к жизни народную мысль и волю, нужно формулировать народные мнения по всем вопросам народной жизни. А этого без сплоченности народа, без народных организаций достичь невозможно.

ПОМОГИТЕ НАРОДУ СПЛОТИТЬСЯ!

Идите к народу и укажите, как это можно поскорей сделать.

* * *

Решаюсь указать еще один пробел в деятельности "Русских Собраний". Все эти "патриотические" организации пользуются доверием и несомненным авторитетом в глазах правительства. Пользуясь таким отношением к себе высших властей, можно достичь многого для умиротворения отечества и исправить многие ошибки. Между тем патриоты "Русских Собраний" или недостаточно энергичны, или опять не понимают своего значения. А между тем вот одна огромнейшая ошибка, в которую впадает вся чиновная Россия и в которую наши "тайные советники" (наушники?) втягивают и русский народ. Это ошибка: извращение Царской власти.

Русский народ смотрит на Царя, православного христианина, как на своего крестьянского Царя. Русский Царь — это народный Царь!

По мнению народа, Царь с народом — это одна сторона, а другая сторона — это министры и все чиновники и сановники, поставленные Царем на службу народу... При таком представлении дела пользующееся царским доверием "Русское Собрание" — это лучшие царские советники и слуги народу, раскрывающие Царю безбояз-

ненно и самоотверженно все народные несчастья. И тогда нравственные, старинные отношения между высшей властью и народом при наличности Гос<*ударственной*> Думы всецело восстановились бы...

А мы видим сейчас нечто совершенно противоположное! Как раз в Государственной-то Думе и уничтожается вовсе нравственный элемент русской Царской власти, и она низводится на степень почти только одной материальной силы. Посмотрите распределение партий в Думе, вслушайтесь в тон думских речей — там народные нужды защищает крайняя левая Думы, а правая, так называемые "трудовики", оказывается на стороне царских министров, бессердечно указывающих, что "абсолютно недопустимо" для народа и о чем еще можно говорить... Можно подумать, что речь идет не от лица русского народа, доселе любящего Царскую власть, а во французской палате депутатов, где борются социалисты и роялисты и только за свою власть. А вследствие такой ошибки в Думе и на все русские монархические кружки, по существу своему народнические, устанавливается взгляд, совершенно противоположный существу дела.

И неужели этого не замечает влиятельное петербургское "Русское Собрание"? А если замечает, то почему оно и ему подобные организации не принимают меры к тому, чтобы исправить указанное извращение русских народных идеалов? Или у них нет достаточно гражданского мужества? Или г<*оспода*> члены этих собраний недостаточно дорожат своими великими принципами? Нет, вы все, взявшие на себя обет служить святой Руси, ее святым заветам и идеалам, — вы должны помочь нашему Царю выбраться из той злой сети, в которую его поставили обстоятельства и нерусские советники; помогите Царю стать непосредственно с народом, сделаться настоящим "крестьянским" Царем. Пусть наш Царь встанет во главе русского православного прихода, пусть он будет первый сын соборной Церкви и обновитель народного церков-

но-социального быта! Пусть Царь оживит своей любовью народную общину! И его благословит народ!

Этот народ благословит и всех советников царских за их труды, если они возвратят народу Царя, покровителя несчастных и обездоленных, питателя вдов и сирот, милующего грешников и праведно карающего преступников.

Г<*оспода*> патриоты! — идите к Царю, — он вам поверит... И великое историческое дело будет увековечено за вами!

Архимандрит Андрей»[46].

* * *

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

<15 июня 1906>

«Милостивый государь,
Господин Редактор!

В номере "Казанского Телеграфа" от 15 июня было помещено письмо И. А. Невзорова[47] в защиту меня от одной из многих на меня клевет. Приношу глубокую благодарность и редакции, и автору указанного письма за их внимание ко мне. Но не могу не сказать по этому поводу несколько слов. Дело в том, что с ноября месяца 1905 года меня стали бранить и в анонимных письмах, и в печати, и просто в глаза, иногда прилично, а иногда совсем неприлично, иногда прибегая к клевете, а иногда без всяких церемоний, — это была брань "по положению"... Но я себе дал слово на печатную клевету никогда

---

[46] Казанский Телеграф. 1906. № 3990. 27 мая.

[47] Невзоров Иван Андреевич — преподаватель Казанской духовной семинарии.

не обращать ни малейшего внимания — и вот почему: на всю клевету любителей нет возможности ответить — времени недостает! Отвечать же на некоторые — это значит быть бессильным против остальных. Поэтому я чувствую себя выше всякой необходимости защищаться против клеветников и ругателей, пребываю совершенно равнодушным и к любительской клевете, и к официальной брани. И очень прошу почтенную редакцию "Казанского Телеграфа" на будущее время не беспокоиться и не стараться меня чем-либо оправдать, хотя повторяю: сердечно благодарю И. А. Невзорова за его заметку. Но к чему я никак не могу привыкнуть — это к тому, чтобы видеть гибель какого-нибудь дела и оставаться равнодушным. Это выше сил моих, и я действительно переживаю иногда тяжелые минуты и тем более тяжелые, чем ближе ко мне дело, обреченное "независящими обстоятельствами" на разложение. Вот видеть медленную смерть такого дела, которому было отдано много времени и собственных сил, и присутствовать при этом в почтительном молчании, не имея ни слов поддержки, — это тяжело. И если когда-нибудь какая-нибудь добрая душа решится поддержать не меня, а то, чему я отдаю свои силы, и оградить от клеветы не мою репутацию, а то дело, которое Бог мне вручил, — я буду безмерно счастлив и благодарен. Поэтому же, пользуясь случаем, я приношу благодарность и редакции "Казанского Телеграфа" за напечатание моих статей, которые я решился писать лишь по долгу пастыря Церкви; в этом и на будущее время прошу мне не отказать.

Архимандрит Андрей»[48].

---

[48] Казанский Телеграф. 1906. № 4008. 15 июня.

* * *

БРАТЬЯ-ХРИСТИАНЕ!

<11 июля 1906>

«Братья-христиане, пора опомниться, пора проснуться нам! Пора вспомнить о наших обязанностях — перед Богом, перед св. Церковью, перед родиной, наконец, перед своей совестью!

Посмотрите: прошедшей осенью, сбитые с толку наглыми переодетыми обманщиками, многие русские люди опозорили себя грабежом чужого имущества, не замечая того, что за их спиной сами эти обманщики брали себе всякого добра гораздо более, но умели вовремя скрываться и оставаться без ответа. Несчастные русские бедняки, обманутые безбожниками, захотели разбогатеть грабежом!

И за это нас постигли ныне чисто библейские бедствия!

"Бог поругаем не бывает" — говорит русская народная мудрость; и вот, когда русский верующий народ ко многим грехам наших так называемых "передовых людей", которые давно сделались "отступниками" (Ос. 9, 15) от святой веры отцов своих, прибавил еще и свои грехи — Господь уже явно проявляет праведный гнев Свой.

Теперь горят уже не отдельные имения богатых людей, а целые города; горит последнее имущество бедняков. Тысячи народа в несколько часов становятся нищими и начинают голодать, не зная, у кого просить помощи.

Горят святые храмы Божьи — неизвестно, от чьей руки; какие-то злые люди оскверняют даже самые алтари церковные!..

Как при пророке Илии за беззаконие израильтян, так и ныне поля народа русского второй год остаются пу-

стыми; земледельцы не могут собрать с полей посеянных семян. Страшный голод и болезни посещают по многим местам русскую землю. И богатый, и бедный оказываются одинаково несчастными.

И самое большое несчастье на Руси — это страшная злоба, которая всех разъединила и обессилила. Смотрите: теперь у нас везде расплодились партии — что ни дом, то отдельная партия! Мало того, в каждой семье образовалось несколько партий. И все друг друга бранят и поносят, все друг другу враги: отец жалуется на сына, сын оскорбляет отца, дети покидают дома родительские, родители отказываются от детей...

Но этого мало: земля русская насыщается кровью сынов своих; люди убивают друг друга. Несчастные, озверевшие люди составляют целые общества для совершения убийств. Эти человеконенавистники одним снарядом, одной бомбой убивают целые сотни ни в чем не повинных людей. Эти убийцы не имеют отечества, не знают заповедей Божьих, отвергают закон Евангельский, поносят жизнь христианскую; Бога забыли они, их Бог — чрево их.

О, несчастное и пренесчастное время!

Страшное время наказания Божьего!

— "Так говорит Господь Саваоф: вот на город сей, на котором наречено имя мое, Я начинаю наводить бедствия; и вы ли останетесь ненаказанными?.. Шум дойдет до концов земли, ибо у Господа состязание с народами... вот бедствие пойдет от народа к народу, и большой вихрь поднимется от краев земли... рыдайте, пастыри, и стенайте, и посыпайте себя прахом, вожди стада, ибо падете, как дорогой сосуд... И не будет убежища пастырям и спасения вождям стада. Слышен вопль пастырей и рыдание вождей стада, ибо опустошил Господь пажить их. Истребляются мирные селения от ярости гнева Господня" (Иерем. 25, 29–37).

Но, братья-христиане, к этим словам своим сам великий Иеремия прибавил: "...исправьте пути ваши и де-

яния ваши и послушайтесь голоса Господа Бога вашего, и Господь отменит бедствия, которые изрек на вас" (Иерем. 26, 13).

Братья-христиане, спасение наше в духовном нашем обновлении, в исцелении совести нашей!

Братья-христиане, мы все и пастыри, и вожди народа, и знатные, и убогие, и богатые, и бедные, и хозяева, и рабочие, — весь русский народ, все должны покаяться в неправдах наших, во многих грехах наших.

Братья, народ православный, пойдемте к храмам нашим, забудем всю злобу нашу, все наши грешные партии, составим все великую семью христианскую!

Пусть древняя община русская, святой приход православный, объединит нас всех; друг другу послужим, один другого поддержим!

Братья! Идите к приходскому храму своему, там объединяйтесь в приходские братства, избирайте приходские советы; обо всем вместе думайте, все общим советом решайте.

Все, что в приходе, в приходской казне, — все должно быть общее, на общую потребу употребляться. И всем своим приходским имуществом приход и должен заведовать.

Непременно, братья-христиане, непременно в каждый воскресный день имейте обо всей своей приходской жизни совещание: как жить, что делать, как нуждающимся помочь, как облегчить их горе. Прежде всего о бедняках приходских заботьтесь и помните, что церковные деньги — это деньги нищих; на помощь им и должны идти эти деньги.

Братья! Православные христиане! Идите же к храмам своим, защищайте их от всякой силы вражеской. Пусть приходской священник будет истинным стражем, добрым пастырем стада своего; пусть он будет отцом и руководителем вашим; сделайте так, позаботьтесь об этом!

И помните: это единственный путь к миру нашему, к нашему общему счастью. Иначе над нашей головой разразится страшная гроза гнева Божьего. И от этой грозы едва ли уцелеет наше отечество, наша некогда святая Русь...

И в этой грозе мы навсегда потеряем духовный мир наш, навсегда лишим себя спокойствия совести нашей.

Братья, сыны Церкви православной!

Забудьте партии и раздоры свои, идите к храмам своим, там общее и счастье, и спасение наше — в мире и всепрощении.

Архимандрит Андрей»[49].

* * *

О СОЦИАЛЬНОМ ЗНАЧЕНИИ РУССКОГО ПРИХОДА

<19 июля 1906>

«Вполне сознавая, что ничего оригинального я сказать о приходе не могу, так как о его значении говорят уже давно люди, вполне преданные изучению родной старины, — решаюсь предоставить слово профессору Ф<*едору*> И<*вановичу*> Титову. И вот что мы находим у этого почтенного церковного историка относительно значения русского прихода.

Церковный приход есть одно из самых древних, самобытно-русских учреждений, создавшихся на почве исконных, общественных начал русской жизни под влиянием христианских идей. Слабый зародыш нашего

---

[49] Казанский Телеграф. 1906. № 4025. 11 июля.

прихода должно искать в языческой древности русского народа. Уже в то время русские славяне-язычники достаточно ясно проявили свойственные их характеру наклонности к общей деятельности, к взаимному общению в своих религиозных обрядах и обычаях. Языческие храмы являлись центрами всей религиозно-общественной жизни народа.

Христианство не разрушило, а только утвердило, преобразовало и значительно расширило практически жизненное значение тех начал, которые возникли еще в языческое время и представляли зародыш будущего прихода. Христианский храм привлек к себе все общественные силы, создал церковный приход, сделавшийся центром религиозно-общественной жизни и деятельности новопросвещенного русского народа.

Устраивая церкви и обеспечивая их содержание собственными средствами, древнерусские христиане, все без различия классов и званий, пользовались правом выбора священника и других членов причта в своей приходской церкви. Приходская община принимала на себя обязательство заботиться о содержании избранного ею причта, причем это содержание, кроме платы за требы, назначалось главным образом из доходов от церковного имущества, которым распоряжалась сама же община. Для более успешного самоуправления и для более правильного и целесообразного распоряжения церковным имуществом приходская община избирала из своей среды особых доверенных представителей, которые в качестве старейших и почетнейших людей заведовали от имени общины всеми этими делами. Приходская община, избиравшая своих представителей для заведывания церковными имуществами и текущими делами всего прихода, не предоставляла им, однако же, полной свободы, а тем более произвола; наоборот, она деятельно участвовала во всех распоряжениях своих выборных, утверждая их действия своим согласием и требуя от них отчетов. Доходы с цер-

ковных имуществ употреблялись далеко не на одно только содержание церкви и причта; значительнейшая часть их шла на дела благотворительные. Благотворительность в древнерусском приходе была сильно развита. На погостах, около церкви, вместе с поповскими и причетническими дворами существовали везде и дворы богадельные под названием "кельи для нищих".

В древних писцовых книгах находим указания на существование около церкви "вдовьих дворов"; кроме того, питались около храмов все бобыли и обедневшие крестьяне. Вообще можно сказать, что в древней России было столько богаделен, больниц и приютов (и для подкидышей), сколько было приходов.

Из церковных сумм и доходов в Древней Руси выдавались ссуды неимущим членам приходской общины, часто даже целым сельским обществам, а равно и членам причта. Эти ссуды выдавались с самыми льготными условиями как деньгами, так и натурой: хлебом, сеном и т<*ому*> п<*одобным*>. Таким образом, церковная приходская казна в Древней Руси являлась в полном смысле слова общенародным приходским благом — приходской ссудной кассой.

Проявляя такую широкую благотворительность в отношении к бедным и вообще нуждающимся, приходская община усвояла себе и право надзора за их образом жизни, за употреблением тех средств, какие они получают от общины. Это право, без сомнения, послужило зерном, из которого постепенно развился потом широкий и всесторонний надзор приходской общины за нравственностью своих членов. Древнерусская приходская община заботилась также о насаждении грамотности и распространении возможного образования среди своих сочленов.

Почти в каждом русском приходе на общий счет содержался особый "мастер", т<*о*> е<*сть*> учитель. Эти "мастера", или "учительные люди", обучали детей при-

хода грамоте в особых помещениях, которые устраивались около церкви и содержались на общий счет; при этом беднейшим ученикам выдавалось обыкновенно пособие из доходов церкви.

Так около приходской церкви при полном внутреннем самоуправлении общины развивалась вся приходская благотворительность; у русского православного народа были в его собственном распоряжении и богадельни, и "убогие дома", и приходские училища, и кассы взаимопомощи.

* * *

Пора все это восстановить!

Для этого русский народ должен потребовать у кого следует, чтобы как можно скорее приход был признан юридическим лицом, чтобы на имя прихода можно было приобретать движимую и недвижимую собственность и чтобы приходу было предоставлено полное внутреннее самоопределение.

Православные русские люди! Объединяйтесь! Берегите свое достояние, не отдавайте его на расхищение!»[50]

* * *

<20 июля 1906>

«В последней статье "Казанского Телеграфа" относительно значения православного прихода в русской народной жизни мы указали (по статье о том проф*<ессо-ра>* Титова[51]), что приход в древности служил и религи-

---

[50] Казанский Телеграф. 1906. № 4032. 19 июля.

[51] Имеется в виду Федор Иванович Титов, церковный писатель, профессор.

озно-церковной, и благотворительно-просветительной общественной единицей. Но этого мало: русский православный приход был и административно-территориальной единицей, т<*о*> е<*сть*> около приходского храма, и управлялся весь приход через своих выборных.

На погосте около храма сосредотачивалась вся церковно-общественная деятельность русского народа, который и официально делился на приходы. Здесь, на церковном погосте жили начальствующие лица, здесь объявлялись правительственные распоряжения, вызовы прихожан на суды, здесь же собирались и мирские приходские сходки для обсуждения и решения общественных дел. Постоянным местом этих сходок жителей известного прихода служили так называемые "сходные избы", которые устраивались при главной церкви прихода. Эти "сходные избы" служили для того, чтобы по воскресным дням "приходские люди" могли собираться туда на сходы для обсуждения своих земских и мирских дел и для решения совместно с причтом и церковным старостой всех и церковно-общинных дел; здесь, в приходских "сходных избах" происходили мирские выборы, принимались отчеты от церковного старосты с передачей новому старосте "всемирской коробки" вместе с грамотами, купчими, заемными письмами и пр<*очими*> документами; эта "коробка" с общественными бумагами всегда хранилась при церкви.

В "сходной избе" приходской объявлялись государевы указы и грамоты.

В "сходную избу" спешил всякий обиженный для сообщения "приходским людям" о насилиях и обидах, какие он терпел от своих недругов, и там приносил свою жалобу на них.

Сюда приносились и здесь около храма обсуждались все "вести" о важных событиях, имевших место в пределах и за пределами прихода. В сходных же избах происходили так называемые "явки", в которых оглашались

всякие преступления, учиненные в округе. Эти "явки" подавались на имя церковного старосты, добрых людей прихода и всех крестьян, и таким образом преступления и преступники становились известными для всех и предавались общему осуждению и презрению. Таким образом, между членами приходской общины в Древней Руси существовали самые близкие взаимоотношения. Близость этих последних особенно сильно выражалась в так называемых "братчинах", которые представляли из себя необходимую принадлежность древнерусского прихода. Не входя в подробное рассмотрение этих "братчин", можно сказать, что они владели правом не только надзора за благочинием, но и правом суда. Этот суд братчин был преимущественно примирительным и касался сравнительно маловажных проступков. К этому суду народ тем охотнее обращался, что с ним было соединено для тяжущихся освобождение от уплаты пошлин. Древнерусское правительство не только не стесняло приходских братчин в отношении их мирового суда, но, наоборот, покровительствовало ему и охраняло его от всяких покушений на его автономию со стороны своих чиновников.

Таков был древнерусский православный приход в своем самосуде, самоуправлении, самопомощи, в своих благотворительных, просветительных и церковно-устроительных делах. Как видим, в Древней Руси храм служил действительным центром всей жизни прихода, и возвышавшийся на нем крест был истинным стягом, под которым собирались все лучшие "приходские люди" не только для обсуждения и решения всех своих приходских дел, но и для изыскивания мер защиты всего русского государства, когда этого требовали обстоятельства. Из всего этого становится ясным, что в свое время приход-погост был живой, сильной и крепкой основой всего русского, государственного и церковного организма. Около прихода выросло и окрепло все русское государ-

ство. В таком виде и с таким значением древнерусский приход оставался приблизительно до конца XVI века. Первый и сильный удар ему был нанесен введением у нас крепостного права. Закрепощение крестьян лишило их права самоуправления, центром которого служил приходской храм. По мере того, как у нас укреплялось и развивалось крепостное право, замирала жизнь и в древнерусском приходе...

Ныне русский народ раскрепощен во всех отношениях, и теперь приходится ему залечивать те язвы, которые ему сделали все законы и реформы его Петербурга. И нужно лечиться от всех этих язв и болезней — лечиться нужно своими русскими средствами, нужно восстановить приход!

Представьте же вы себе, читатель, что православный русский приход восстановлен на протяжении от Петербурга до Владивостока, от Архангельска до Ташкента; представьте, что приходом православным объединены все православные инородцы и Европейской России, и Азиатской.

Да ведь это будет, во-первых, царство земного счастья, потому что более народнической организации, чем приход, нельзя себе представить; во-вторых, это будет действительно сильнейшая Империя в мире, и русская Гос<*ударственная*> Дума будет не искусственно, а совершенно естественно объединять все народности, вошедшие в состав нашего Царства. Буди, буди!

Архимандрит Андрей»[52].

---

[52] Казанский Телеграф. 1906. № 4033. 20 июля.

* * *

ВОССТАНИ, СПЯЙ!..[53]

<23 августа 1906>

«В тысячу первый раз приходится обращаться к нашему пресловутому "обществу" и повторять фразу, поставленную в заглавии, — а спящие все спят и спят!

Никакого творчества, ни малейшего желания пошевелиться и встать за дело на общую пользу, и прежде всего в собственных интересах.

"Вся Россия трещит, покрывается пламенем; во все стороны летят искры и пылающие головни; через этот содом прорываются залпы расстрелов, грохот браунингов и разрывающихся бомб.

И отовсюду — стоны, вопли, крики безумия... Везде кровь, кровь и кровь!"

"Глаза высохли. Слез нет. Замерла жалость. Сердца остановились от испуга и безнадежности..."

Что может в таком состоянии сделать общество? И в особенности — русское общество?..

"Чтобы бороться, чтобы побеждать — нужно одушевление, нужны напряженность, даже экзальтация".

"У нас ничего этого нет... Чтобы остановить заблуждающихся, нужна сознательность, организованность, уверенность в правоте. Этого тоже нет".

Так пишут лучшие, благороднейшие люди нашего времени. Безысходнейшая тоска истинных друзей человечества, ужас перед адской злобой, которая заполняет теперь сердца столь многих, тысячи растерзанных

---

[53] «Востани спяй, и воскресни от мертвых, и освятит тя Христос» (Еф. 5, 14).

и расстрелянных трупов, — и ничего как будто лучшего в ближайшем будущем, — вот картина современной жизни!

И разве можно так жить? Разве сердце человеческое может вынести целые годы такого сплошного страдания? Нет, это невозможно!.. Хоть какой угодно конец, но всякий конец всего этого ужаса — лучше этой жизни по колено в крови... И все мы ждем этого конца; это так естественно. Всякий ищет этого конца, жаждет покоя своему исстрадавшемуся сердцу. И всякий, кто пообещает нам этот покой, кажется уже для нас лучшим другом.

Но прислушиваемся мы, конечно, более к голосу тех, от кого зависит этот покой общественный, кто может и должен указать путь к общественному успокоению.

Мы прислушиваемся к голосу нашего правительства.

А в этом голосе доселе слышится сильнейшая и фактическая, и идейная фальшь. И на эту крупную ошибку и хотелось бы нам обратить внимание нашего "общества". Жизненное правило и гражданский долг каждого должны заключаться в настоящее время в словах: "...встань и делай, делай и делай..."

Правительство же наше доселе убаюкивает общество словами: "...сиди и постарайся быть покоен..."

Это убаюкивание благонамеренных и ищущих плодотворной работы лучших общественных элементов — почти непоправимая ошибка нашего современного правительства; это, можно сказать, и наследственная болезнь...

Нас все успокаивали! Даже Витте еще уверял, что "в его кулаке скрыт секрет спасения России". И все надеялись и продолжали ничего не делать, пока не убедились, что не только кулак Витте, но и сам его обладатель решительно ничего спасительного для России в себе не заключает!

Теперь г<*осподин*> Столыпин[54], по общему отзыву, рыцарь чести и долга, поддался соблазну и опять успокаивает, опять продолжает старое гипнотизирование общества. Мы слышим теперь из Петербурга: "Правительство неуклонно проведет реформы, имеющие обеспечить спокойствие общества"... "Правительство не желает диктатуры и насилия"... "Правительство достаточно сильно, чтобы осуществить все предположенные реформы"...

Ко всем этим "правительственным сообщениям" необходимо добавлять: "...если среди своей деятельности правительство не взлетит на воздух от какой-нибудь бомбы"... А в этом условии теперь все дело! И если это условие только в предположении может существовать, то всякие успокоения — чистейший вздор, только мешающий обществу делать дело и к нему привыкать.

Нет, если правительство сознает опасность, — а ее не сознавать прямо-таки невозможно! — то оно должно сказать обществу: "...мы позаботимся о вашей безопасности, а вы осуществляйте единственную реформу, для вас необходимую: сами приучайтесь к сознательной работе, организуйте на местах общественную силу; составляйте народные организации — какие угодно (только без бомб и браунингов); но обратите внимание на развитие приходских учреждений как ближайших к народу..." Вот это была бы открытая, мужественная речь истинных администраторов, а не обращение "начальства" к малолетним "обывателям", что мы не перестаем выслушивать.

Наше спасение в нашем общем труде — и этот труд будет и источником нашего общественного благополучия. В труде источник нашего мира, а в искусственном покое — верная причина нашей гибели. Поэтому бойтесь ложных уверений в возможности какого-то чудесного

---

[54] Столыпин Петр Аркадьевич — министр внутренних дел, председатель Совета министров.

умиротворения, особенно бойтесь в этом отношении "авторитетных указаний".

Наш мир мы должны выстрадать, мы должны заработать, заслужить его!

И главнейшая реформа нашей жизни должна заключаться в том, чтобы каждый почувствовал свой нравственный и гражданский долг — работать. И к этой-то общей и совместной работе правительство и должно было бы нас всех приглашать, чтобы оздоровить самую сердцевину общественной жизни. А правительство к деятельности приглашает пока только Шипова[55] и Гучкова[56]!.. Странное непонимание настоятельной народной нужды и общественного настроения!

Но общество само уже должно понять теперь, в чем его сила и спасение; оно само должно работать, не дожидаясь указаний и побуждений и тем более не предаваясь — по нынешним временам — преступной лени...

* * *

Я нисколько не желаю заниматься политикой, по принципу противник вмешательства духовенства в эту чуждую для него область. Я говорю об общественной беде потому, что всякое падение общественности в христианском обществе есть и первый показатель падения церковности в нем; таким образом, я хлопочу только

---

[55] Шипов Дмитрий Николаевич (1851–1920) — российский политический деятель, один из лидеров земского движения. В октябре 1905 — отказался от предложенного ему поста государственного контролера в правительстве.

[56] Гучков Александр Иванович (1862–1936) — российский политический деятель, лидер партии «Союз 17 октября». В октябре 1905 — отказался от предложенного ему поста министра торговли и промышленности в правительстве.

о возможном развитии этой церковности при наличных условиях жизни. Как житель Казани решительно не принадлежу ни к какой партии и сочувствую во всех партиях всему хорошему. Я беспристрастно могу сказать, что в Казани самая дельная и серьезная организация — это та, которая на своем знамени поставила два слова: самоуправляющийся приход. Эта чистейшая в нравственном отношении общинно-приходская социализация народа лежит в основе деятельности и всех стремлений казанского отдела "Русского Собрания", и потому этот отдел заслуживает всяких симпатий со стороны народных деятелей. В этом отношении петербургское "Русское Собрание" резко отличается от своего "казанского отдела". Там только "промеж себя разговоры разговаривают" — здесь казанцы стремятся к большому народному делу и по мере сил и средств осуществляют свою деловую программу. И очень было бы важно, чтобы восстановление прихода было поставлено во главу угла всех так называемых патриотических обществ.

Пусть "казанский отдел" разбудит г<*оспод*> патриотов и заставит этих белоручек делать великое дело — служить приходской общине. А без этих разумных народных организаций, без общественной всеобщей деятельности мы погибли — за это можно ручаться!

Итак, — пока не поздно, — восстани, спяй! Учись делать дело, устраивай свою жизнь, пока она не расстроена вконец! А расстроена она уже жестко, общественная жизнь находится в сильнейшей опасности, — пора спасать то, что еще возможно спасти!

Архимандрит Андрей»[57].

---

[57] Казанский Телеграф. 1906. № 4061. 23 августа.

* * *

ПРИХОДСКАЯ ОХРАНА

<3 сентября 1906>

«За последнее время в газетах промелькнули три неутешительных известия, по которым можно судить, как необходима теперь энергичная деятельность тех людей, которым есть что охранять, для которых существует что-нибудь на свете дорогое. Доселе о народной милиции говорили только люди, которые опасались лишь сами за себя и которым хранить было нечего; эти люди из непомнящих родства, забывшие отечество, отвергнувшие всякую религию и имеющие в своем распоряжении только необходимые принадлежности костюма, — очень понятно, зачем им нужна была "милиция", т<*о*> е<*сть*> их собственное вооружение... Но слава Богу, эта милиция скоро прекратила свое существование и не успела натворить тех ужасов, которыми полна история французской революции. Из истории нашей "милиции" можно только указать трагикомические инциденты вроде объявления пятигорских, читинских, верхнеудинских, кутаисских, карских республик или уфимского "самодержавия" г<*осподина*> Элькина... Но настоящих ужасов от этих милиций мы не видели еще. Не дай Бог и увидеть; а если кто хочет о них прочитать, тот пусть прочитает брошюрки о заграничных революциях.

Но вот утешительные известия: в Киеве и Саратове "Союзы русского народа" организовали свою охрану, разделив эти города на части и поручив охрану их местными народными силами.

Величайшее предприятие!

Русские люди совершенно открыто заявляют, что они русские и что они имеют свое отечество! Мало того,

они решили защищать то, чем они привыкли дорожить, что привыкли любить!

Значит, надругательство над Россией перешло всякие пределы, если даже русский человек почувствовал себя оскорбленным. Но, с другой стороны, русские люди, очевидно, изверились во все свои "начальства", перестали ожидать помощи от петербургских властей, которые сами не знают, что им делать, кому помогать и чего бояться.

И совершенно верно: помощи не будет, это русские люди твердо должны запомнить; русское "правительство", не имея нравственной народной поддержки, решило сдаться революционерам и исполнить все их требования. Революционные бомбы сделали свое дело: русское правительство сдалось...

Теперь самим русским людям нужно позаботиться о том, чтобы сохранить свой народный быт (или, вернее, его остатки), защитить свое отечество. И вот киевляне это и поняли и организовали у себя охрану всего того, что им дорого как русским людям; за киевлянами следуют саратовцы.

В добрый час!

Вот два утешительных известия.

Третье — противоположного характера — это известие из Камышина, что г<*оспода*> революционеры, воспользовавшись временным отсутствием войск, в союзе с хулиганами и арестантами начали беспорядки, а потом устроили баррикады и начали обстреливать, что им было нужно.

Но что же здесь утешительного? — спросит читатель. Утешительно то, что дело ведется открыто, что отныне все так и будут знать, на ком и на чем держится порядок. Если солдаты дома — порядок; солдаты ушли, и нанятые хулиганы начинают свои подвиги!

Но представьте нападение на Россию хотя бы тех же японцев, которые настолько еще "варвары", что не знают нашего социализма. Что будет тогда? Будет, ко-

нечно, худшее, чем пережитое нами в прошедшем году; государство даже не в состоянии будет защищаться, и японцы, и прусаки будут вводить у нас свои порядки, пока наши солдаты будут защищать наши собственные города от всякой "милиции"...

Очевидно, нужна охрана, так сказать внутренняя, — самих русских людей, без этого обойтись невозможно.

Правительство даровало всем всякие "свободы", а мы должны защищать свою собственную свободу от всяких на нее покушений.

Но как организовать защиту ее?

Решать этот вопрос можно различно; как решили его в Киеве и Саратове, мы не знаем. Но лично наше мнение таково, что это могут решить выборные от приходов. Самое целесообразное устроить эту охрану по приходам, т<*о*> е<*сть*> на средства объединенных приходов, через лиц — выбранных приходскими советами и по особой инструкции от этих советов.

Пора приниматься за работу русским людям и перестать надеяться на тех, кто так долго и так горько обманывал наши лучшие ожидания; прошли времена, когда мы безмятежно предавались сладким грезам, воображая, что мы безопасны.

Нет, опасность решительно везде: наши храмы, наши школы — вся наша жизнь подвергается громадной опасности полного разрушения, если русские вовремя не объединятся, если вовремя не подадут друг другу руки для взаимной поддержки. А пока над нашим сном, над нашей леностью все только смеются.

Недавно в одной немецкой (!) газетке была помещена карикатура. Стоят два русских революционера, — а немцы прекрасно знают, кто наши революционеры, — стоят над человеком спящим, но огромного роста, закутанным с ног до головы.

— "Вот раненый — говорит один, — нужно помочь ему".

— "Оставь, оставь! — испугался другой. — Это спит русский патриотизм, хуже всего, если его теперь мы разбудим"...

И немцы знают, о чем говорят; знают, в чем наше бессилие заключается!

И конечно, приятно и немцам, и всем нашим врагам, когда мы спим.

А тяжело будет просыпаться, когда мы все проспим!

Архимандрит Андрей»[58].

* * *

СОВЕСТЬ ИЛИ ТОЛЬКО СЫТОСТЬ?

<20 сентября 1906>

«Казанский отдел "Русского Собрания", как известно, высказал совершенно странный для всех современных политических деятелей взгляд, что выборы в члены русского высшего законодательного учреждения необходимо произвести по приходам — среди всего православного населения; и среди инославного, например, мусульманского населения производство выборов по религиозным общинам, как думает "Русское Собрание" в г<*ороде*> Казани, будет очень полезно в государственном отношении и для населения желательно. Мысль "Русского Собрания" — по нынешним временам прямо дерзкая! В наш XX век, в век наступающей всеобщей социальной революции и грядущего торжества всеобщей, тайной, равной и пр<*очей*> подачи голосов, — вдруг такая несообразительность: выборы по приходам!

---

[58] Казанский Телеграф. 1906. № 4070. 3 сентября.

И это говорят казанцы настойчиво и твердо уже чуть не десятый раз и в "адресах", и без адресов. Удивительные люди! Не боятся ни насмешек, ни издевательства, и это опять-таки в наш век, когда клевета и насмешка становится опаснее бомбы; от бомбы человек может потерять только жизнь, от клеветы — и жизнь превращается в мученичество, и имя выставляется как предмет глумления и надругательства. Итак, по нашему мнению, одно уже мужество казанцев — явление совсем незаурядное. Но всмотримся в дело по существу, к чему мы имеем повод ввиду заметки казанского академического журнала "Церковно-общественная жизнь". Почтенный журнал возражает на проект выборов по приходам и говорит, что в таком случае "стены храма увидали бы таких посетителей, кто является в церковь лишь в гробу" (№ 37). Это опасение за чистоту храма как дома молитвы очень серьезно, но... "Русское Собрание" боится того же и нисколько не "отождествляет" выборы по приходам с выборами в храме. Поясним на примере: "Русское Собрание" желает, чтобы у приходов двух-трех была своя аптека и свой приходской врач. Но ведь этим нимало не высказывается пожелание, чтобы в храме помещались аптека, а в церковной сторожке жил доктор! И выборы по приходам можно назначить даже с воспрещением говорить о них в храме хотя бы одно слово. Нет, когда члены казанского "Русского Собрания" в свою программу ввели "выборы по приходам", то вовсе не говорили о выборах в храме, а выражали свое убеждение, что совесть должна быть краеугольным камнем общественной и государственной жизни. Полную противоположность этому исповеданию (позволим себе так выразиться) представляет социализм, к которому логически можно свести все формы парламентаризма, что так блестяще доказывал наш знаменитый Владимир Сергеевич Соловьев. Действительно, что такое наши кадеты или октябристы?

Это люди, которые в ответ на требование социалистов отдать все дают немногое и силой защищают свою собственность. Но как в требовании первых, так и в действиях вторых — одинаковое в принципе преклонение перед силой. И последняя цель тех и других одна и та же: узкоэгоистическая, утилитарная. Первые желают и требуют всего, вторые дают, но дают в качестве уступки — дают немногое, чтобы не потерять всего. Тут причины и цели уже ясны, чтобы можно было спорить; и с нравственной точки зрения социализм и всякий парламентаризм (т<*о*> е<*сть*> конституция) имеют одну цену. И там, и здесь один принцип: в борьбе обретать свое право. Но социалисты способны на всякую борьбу, включительно до убийства своих врагов, а конституционалисты предпочитают более безопасную для себя борьбу — и обделывают свои дела с помощью изворотливости ума, ловкости языка и пр<*очего*>. Построение жизни на таких принципах кулачного права или партийной борьбы имеет одинаково своим конечным идеалом, по выражению Владимира Соловьева, наибольшую равную сытость. Цель жизни каждого отдельного человека при таком построении жизни общественной чрезвычайно упрощается, но и бесконечно опошляется. Если человек имеет целью своей жизни и если общество ставит своим принципом только сытость как идеал общественного благополучия, то, разумеется, в таком случае религия и отечество превращаются в не нужные никому "предрассудки", искусства и науки подвергаются уничтожению и бойкоту и пр<*очее*>, и пр<*очее*>. Но вот находятся люди, которые в противовес принципу "борьбы всех против всех" выдвигают принцип совестливого отношения к жизни, которые утверждают, что как в личной жизни, так и в государственной должна иметь главное значение — религиозная совесть. Это истинно христианский подвиг со стороны казанского "Русского Собрания" и проявление великого граждан-

ского мужества! И по этому проекту в русскую Государственную Думу попали бы действительно представители народной совести — действительно "лучшие люди". При всякой другой системе выборов в Думу пройдут лишь люди самые ловкие, влиятельные в обществе и печати, даже ученые. Но все эти качества нисколько еще не говорят, что это будут "лучшие люди" — ведь ловкость может быть и качеством шулера, и влияние в обществе можно получить, торгуя своими убеждениями, и среди ученых можно найти крупных негодяев; одним словом, если в самой системе выборов не будет принципиально положено совестливое к ним отношение, то о совести при их производстве никто и не заикнется, будут иметь в виду только личную пользу, борьбу, уничтожение врага и торжество своей партии. Конечно, будут раздаваться громкие речи о служении народу, об облегчении трудящихся классов, — но это будут речи... едва ли способные ввести в обман серьезного наблюдателя. Это будет опять атмосфера предвыборной, агитационной лжи, избирательного шантажа. Человек "красного словца" будет и героем дня, и предвыборных собраний: просто противно представить этого кривляющегося оратора перед толпой праздных "граждан", неспособных за словами оратора рассмотреть его намерения. Совсем другая атмосфера была бы в приходских собраниях. Там ценят только слова и обещания; здесь — исключительно дело! Человек, приходу никаким делом себя не зарекомендовавший, не посмеет даже выступить в число выборщиков в члены Думы; и, наоборот, всякий скромный труженик прихода — учитель, фельдшер — и без всякой "агитации" будет выдвинут как полезный, дельный, действительно "лучший" член общества. И всякая предвыборная борьба и пр<*очая*> будет невозможна и излишня, — самое дело будет тогда говорить само за себя. И если состав нашей Думы был бы набран только из таких представителей народ-

ной совести, то, разумеется, наша "конституция" была бы должна включить только одну "палату" — нижнюю, и "верхняя" потеряла бы всякий смысл. И совестливая, святая Русь стала бы на службу миру и засияла бы своим христианским светом. Наше государство стало бы христианским по самому строю своей жизни и оплотом христианства против всяких антирелигиозных и антигосударственных течений. И как это сделать легко, как это близко!

Но читатель спросит, неужели я серьезно думаю о возможности выборов в Думу по приходам? Отвечаю: разумеется, нет! Для этого нужно сделать невероятное предположение, что наши министры — христиане по убеждению и что они сами управляются только христианской совестью. Нет! Наши министры — по-прежнему только чиновники по убеждению и руководятся только модной теорией или принципом наибольшего удобства, а никак не христианскими принципами. Так бывало встарь, так это останется и ныне... На словах, как люди, наши министры ужасаются мысли об отделении государства от Церкви (т<*о*> е<*сть*> о безрелигиозности государства), а на деле, как истинные чиновники, это отделение проводят самым последовательным образом. Странные люди! Связь государства с Церковью они полагают только в зависимости духовенства от государственного казначейства! Вот с такими людьми и извольте говорить о принципах! И конечно, мысль о приходе не укладывается в эти головы.

Архимандрит Андрей»[59].

---

[59] Санкт-Петербургские ведомости. 1906. № 205. 20 сентября.

* * *

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО К АРХИМАНДРИТУ АНДРЕЮ

<3 октября 1906>

«Глубокоуважаемый пастырь!

Трудно что-либо сказать против Вашего совета православным христианам — объединяться по приходам для взаимной помощи и вообще для улучшения жизни на основах христианского социализма. Этот совет можно лишь одобрить. Полагаю, что приход имеет право оказывать влияние и на политические дела. Но идею обратить приходы в политические единицы и возложить на них дело избрания представителей в Государственную Думу, чего добивается также "Русское Собрание", — эту идею я считаю решительно неудачной и имею на это основания.

Первое. Религия в настоящее время уже не может служить цементом, связующим большинство людей, так как религиозность прогрессивно ослабевает даже среди простого народа (не раз указывали на успехи атеистической пропаганды в деревнях). Говорю это с прискорбием, ибо считаю величайшим злом то обстоятельство, что Бог упраздняется раньше, чем укрепились в жизни нравственные идеи, способные до некоторой степени заменить Его и вместе с тем согласные с научным миросозерцанием. Но если даже оставить в стороне атеистов — внутри самого христианства существуют течения, которые никак не могут вместиться в русле приходской духовной жизни.

Например, мне передавали поразительные факты, показывающие, как легко наши простолюдины, прочтя небольшой еретический листок, отрешаются от

веры в Святую Троицу, в непорочное зачатие Иисуса Христа и т<*ому*> п<*одобное*>. Разве такие люди, если они желают остаться искренними, могут быть участниками приходской организации? А ведь на них-то, пожалуй, всего больше и требуется влиять в нравственном смысле.

Второе. Связывать политическую жизнь с приходом — значит отдавать граждан под руководство духовенства. Но едва ли вы не будете принуждены согласиться, что наше духовенство в общей массе стоит ниже своего назначения.

Часть его погрязла в рутине и любостяжании; прогрессивные же элементы, не имея для руководства в своем поведении достаточно прочных научных обоснований и отбросив учение христианской нравственности, которое для частных людей допускает только мирный способ влияния на общественные дела, готовы шагнуть слишком далеко на пути реформаторской деятельности. Шутка ли — принимают участие в вооруженных нападениях! Духовенство некоторых губерний, говорят, почти поголовно проникнуто революционным духом. Но есть пословица: "...Каков поп, таков и приход". Если реакционеры и себялюбцы неспособны умиротворить Россию и направить ее на путь благополучия, то столь же мало пригодны для этого люди, стремящиеся при помощи насилия, т<*о*> е<*сть*> без достаточной идейной и культурной подготовки населения, переделать общественный строй.

Третье. Одарение приходов политическими правами может еще более понизить нравственность общества, и без того уже достаточно испорченного. Всегда найдутся честолюбцы, готовые для достижения личных выгод скрывать свои убеждения и даже надевать личину убеждений, которых они на самом деле не имеют. Так и здесь они будут подлаживаться к религиозному настроению прихода. Уже и теперь находятся атеисты, которые разбивают лоб

об пол при земных поклонах перед святынями для снискания популярности у простого народа, — что же будет тогда, когда приход получит прямое политическое значение? Могут сказать, что для лицемеров не будет особенно вредно, если они полицемерят лишний раз, чтобы привлечь на свою сторону избирателей. Это, пожалуй, верно. Но велика опасность нравственной заразы для тех людей, которые будут наблюдать притворное благочестие честолюбцев, зная, что они притворяются (а ведь действительность не всегда можно скрыть). К этому пункту прибавлю еще следующее соображение.

Не знаю, как об этом думает "Русское Собрание", но с вами, вероятно, мы сойдемся в той мысли, что нет более горького оскорбления и унижения христианства, чем то, если подлецы будут им пользоваться для достижения своих эгоистических целей. Прямые нападки, ругательство и даже кощунство — ничто перед этим.

Итак, не следует мешать религию с политикой.

Н. Бухалов[60]»[61].

---

[60] Бухалов Николай Алексеевич, родился в 1856 в Краснослободске Пензенской губ. В 1884 — окончил Казанский университет, служил прозектором по кафедре физиологии при университете. В 1889 — после обыска привлечен к дознанию по делу офицеров, находился при этом под особым надзором; в январе 1890 — ему была запрещена педагогическая деятельность; после прекращения дознания с осени вновь под негласным надзором полиции. Служил вольнопрактикующим врачом; позднее также в губернском статистическом бюро. В 1900-х — помощник прозектора Казанского университета и преподаватель в фельдшерской школе. В 1906 — в Казани издана его книга «Богатство и бедность».

[61] Казанский Телеграф. 1906. № 4093. 3 октября.

НЕОБХОДИМЫЕ РАЗЪЯСНЕНИЯ

(по поводу письма г<*осподина*> Н. Бухалова)

<12 октября 1906>

«С большой радостью я прочитал благородное по тону письмо г<*осподина*> Бухалова, помещенное в "Казанском Телеграфе" № 4093.

В разгар партийной борьбы и всяких страстей читать серьезную критику на собственные взгляды особенно утешительно, и если бы не было в письме г<*осподина*> Бухалова одной странной оговорки (относительно того, что "Бог упраздняется", — немного не своевременно), то его "открытое письмо" ко мне было бы безупречно и много послужило бы делу выяснения необходимости приходской социализации. Но, по правде говоря, когда я прочитал пункты возражений г<*осподина*> Бухалова, то подумал: "...если против приходов находятся только эти возражения — значит: возражать нечего!.."

Настоящим ответом постараюсь сделать надлежащие разъяснения своих пожеланий относительно развития приходов; считаю это почти своим долгом.

Я совершенно согласен, что "не следует мешать религию с политикой".

Это истина, с которой необходимо согласиться всякому. Величайший абсурд — делать религию средством к достижению политических целей; это значит всецело унижать религию. К такому преступлению против религии способны люди только вовсе безрелигиозные. Мало того, такого "смешения религии с политикой" могут желать, по моему мнению, люди только глубоко невежественные, ведь это значит не понимать сущности религии и забывать цель политики.

Продолжу свои рассуждения: "...мешать религию с политикой" — это такое же преступление перед рели-

гией, как было бы преступлением перед наукой отдавать ее в прислужницы политике. Представьте себе, как г<*оспода*> профессора извратили бы само понятие о науке, если бы, например, государственное право или политическую экономию стали преподавать, подчиняясь требованиям политики или политической партии.

Тогда у них была бы не наука, а сплошная тенденция, тенденциозный подбор фактов. Итак, "мешать науку с политикой — это значит не понимать научных задач, быть совершенно чуждым науке".

Это совершенно бесспорно!

Но отцепите политику от науки!

Постарайтесь представить себе политику, чуждую науке, лишенную руководства науки...

Согласитесь, что легче человека представить без головы, чем политического деятеля, отрицающего науку...

Это так? Да?

Но в таком случае вы согласитесь, что и та политика, которая не имеет в виду нравственных и нравственно-религиозных целей человеческой жизни, тоже совершенно немыслима; это будет не политика, а "экспроприация", т<*о*> е<*сть*> самый настоящий русский грабеж, и только кадет Родичев в нашей злосчастной первой Думе имел столько цинизма, чтобы утверждать, что цель политики лежит вне границ нравственности. Политика и все политические науки должны указывать, при каком строе гражданской жизни тот или иной народ может осуществлять с наибольшим удобством общечеловеческие нравственные идеалы (а истинная нравственность — всегда религиозна). Если этих целей у политики не будет, она не имеет права на существование. Поэтому подчинение политики религиозно-нравственным законам совершенно необходимо; это, по моему мнению, совершенно так же необходимо для политики, как и то, чтобы политика руководилась выводами науки, т<*о*> е<*сть*> была бы объективна, внепартийна...

Но это совсем не значит "мешать" политику с религией или с наукой, т<*о*> е<*сть*> ставить их, так сказать, на одну доску. Нет! Политика должна твердо помнить свое служебное положение по отношению к религии, т<*о*> е<*сть*> свою цель помогать человеку в осуществлении его высших целей жизни и смиренно ждать у объективных ученых истинно научных указаний, как целесообразней достигать этих целей.

Итак, я вполне согласен с мнением г<*осподина*> Бухалова, что "мешать религию с политикой" совершенно невозможно, и упрека в подобном "смешении" не заслуживаю...

* * *

Далее г<*осподин*> Бухалов высказывает то положение, что "связывать политическую жизнь с приходом — значит отдавать граждан под руководство духовенства", что духовенство "в общей массе — ниже своего назначения" и что поэтому организация приходов — дело совсем не целесообразное и к умиротворению России не послужит.

В этих словах г<*осподина*> Бухалова высказано его словами молчаливое мнение всего общества; эта боязнь его — иметь дело с духовенством — страшно вредит организации приходов. Но ведь духовенство явно не желает восстановления приходов. Как же логически возможно передать ему руководство в приходе, если оно от всякой самодеятельности в приходе отказывается?! Ведь это же было бы явной нелепостью... И о такой нелепости я никогда и не говорил.

Я только настаиваю на том, что приход, как стройно организованная общественная единица самоуправления, необходим практически и может существовать даже при равнодушии к нему (хотя в первое время) ду-

ховенства! А потом духовенство мало-помалу, общим подъемом духовных сил прихода будет поставлено на надлежащую высоту в приходской жизни и получит надлежащее значение. Приход — это школа общественной жизни, и хорошо организованный приход будет непременно иметь и хороших представителей. Но и тогда священник в приходе будет не официальный его "руководитель", а отец — батюшка — друг — советник. Полномочия специально духовные — учить, священнодействовать, молиться — у него будут неотъемлемы, каковы они и должны быть по существу своему; все же собственно приходские его права должны быть в полнейшей зависимости от личных его нравственных качеств и определяться этими качествами.

Церковные полномочия духовенства определены Церковью и узаконены ею; а приходские права его — это дар прихода. Таким образом, "граждане" ни в коем случае не должны опасаться, что при организации прихода они попадут в какую-то кабалу духовенства. Ничуть! И уж, конечно, не я стал бы рекомендовать что-либо подобное, на себе испытав, как самовластие "духовенства" может разрушать церковное дело. А если стать на точку зрения г<*осподина*> Бухалова, т<*о*> е<*сть*> что приходские учреждения не нужны и их восстановление невозможно потому, что духовенство стоит "ниже своего назначения", то придется построить и такой силлогизм: во время японской войны офицерский корпус во многом не оправдал себя, армия потерпела поражение — значит... она должна быть распущена!

А поступили гораздо проще — такого силлогизма не строили, а только лишь сменили несколько высших воен<*ных*> начальников...

И разумеется, это уже половина дела!

И для того, чтобы организовать приход, нужны в настоящее время энергичные борцы, честные, убежденные, самоотверженные души. За это дело должно взять-

ся наше общество, наша интеллигенция и на почве доброделания и любви к скорбящим и озлобленным сойтись с лучшими представителями белого духовенства, которых теперь уже немало.

Только удивительно, почему у нас всякое доброе дело долго оказывается непонятым и чуждым для общества...

Ведь в организации прихода и приходских советов "заинтересованы буквально все, и граждане", и интеллигенция, требующая труда и общественной самодеятельности, и народ, нуждающийся в просвещенной помощи...

Против прихода имеет зуб только бюрократия!

И, однако, о приходе молчат, и если говорят, то очень редко.

Хотя бы студенты, так радеющие о народе, обратили внимание на приходские советы и как-нибудь к ним возбудили бы общественный интерес!

* * *

Перехожу к опасению г<*осподина*> Бухалова, что развитие приходской жизни поведет к торжеству религиозных лицемеров, т<*о*> е<*сть*> к усилению самого мерзкого порока. Не думаю, чтобы это было так; ведь приход — это не начальство! Какого-нибудь ханжу, начальника департамента можно пленить показной религиозностью, а приход потребует не приятных манер или сладких речей, а самоотверженного дела. И серьезность, и деловитость известного прихожанина будут определять отношение к нему прихода.

Что касается второго опасения, что приходские организации могут включить в себя людей неверующих, то мне эта опасность не представляется очень важной. Общее, хорошее дело будет иметь своим последствием сначала единодушие, а потом и единомыслие всех участни-

ков приходской благотворительности. Что же касается неверия в таинственные догматы христианства, то тому противоядием может быть хорошая проповедь. Случаи недоумения по поводу христианского учения о Пресвятой Троице или воплощения Спасителя совершенно будут немыслимы, если указать сомневающимся, что все христианские догматы имеют нравственное значение. В этом отношении огромную услугу православной науке оказал архиепископ Волынский Антоний[62], написавший свои блестящие сочинения о нравственном значении христианских догматов. С этими статьями всякому стоит познакомиться...

Заканчиваю свои разъяснения повторением, что для благоденствия русского народа приход необходим. Тому причины:

1) Приходская организация включает в себя все то лучшее, о чем говорит социализм и что служит ко благу человечества.
2) Идея прихода опирается исключительно на нравственный общечеловеческий закон и отвергает социалистическую догматику о братстве народов, всеобщем равенстве и пр<*очем*>.
3) Приход — это место объединения для всех партий: всем достаточно приходского дела, а слова в оценку здесь не ставятся.
4) Приход — это место всестороннего развития общественной самодеятельности; приход — это такая организация, среди которой революционные элементы общества превращаются только в эволюционные и где культ силы заменяется исполнением нравственных обязанностей.

---

[62] Антоний (в миру Алексей Павлович Храповицкий); с 1902 — епископ Волынский и Житомирский, с мая 1906 — архиепископ.

Да, приход необходим...

И наша интеллигенция должна совершить подвиг и подумать о приходской деятельности, а подумав, начать осуществление этого благодетельного для народа предприятия.

Архимандрит Андрей»[63].

* * *

ВНИМАНИЕ ЧИТАТЕЛЕЙ

<15 октября 1906>

«Сегодня, 15 октября, в 7 часов вечера в чайной-столовой общества трезвости (на Булаке) предполагается возобновление диалогических бесед по вопросам веры и жизни христианской. Беседы эти начаты были 19 февраля текущего года с благословения его высокопреосвященства и приостановились с наступлением весеннего дачного сезона. Возобновляются эти беседы потому, что прежние посетители их неоднократно просили об этом прежних устроителей. На этих беседах слушатели предлагают (устно или письменно) религиозные вопросы, на которые дается посильный ответ. Предметом первой беседы будет важнейшая истина веры христовой — Воскресение Христово, историческая действительность этого события и его значение для веры и жизни; этот вопрос необходимо выяснить полнее ввиду широкого распространения сочинений Ренана[64] и др<*угих*> книг, на-

---

[63] Казанский Телеграф. 1906. № 4101. 12 октября.

[64] Жозеф Эрнест Рена́н (1823–1892) — французский философ и писатель, историк религии, семитолог, автор многотомной «История происхождения христианства» и других работ по истории религии.

правленных против христианства. Как устроители бесед обращаемся ко всем, кому дорога вера христианская: ради Бога, помогите! Силы двух человек слишком малы для исполнения великого апостольского повеления: "... Будьте всегда готовы всякому, требующему от вас отчета в вашем уповании, дать ответ с кротостью и благоговением" (1 Петр 3, 15). Не имеем физической возможности обращаться лично с просьбой о помощи отдельно к каждому знакомому и незнакомому богослову; поэтому печатно просим и молим всех: ради укрепления веры Христовой — помогите!

Пастыри стада Христова — отцы духовные!

Помогите давать ответы ищущим истины!

Правда, слово Божье сеется вами в храмах — в поучениях и беседах; но в храме не место для вопросов мирянина пастырю — в храме мирянин может лишь безмолвно внимать слову Божьему. Правда, обращаются к пастырям с вопросами и вне храма; но гораздо лучше и легче дать ответ многим зараз, чем каждому порознь; с этой целью и заведены наши беседы. Конечно, есть у нас в Казани и миссионерские беседы; но в них раскрываются преимущественно вопросы, пререкаемые лицами иных вероисповеданий, — а у нас имеются в виду главным образом православные совопросники. Конечно, можно указать совопроснику какую-нибудь книгу или брошюру; но и такое указание лучше и легче дать многим лицам сразу, чем каждому порознь; да и никакая книга не заменит личной живой беседы. Братия во Христе — педагоги духовной школы — высшей, средней и низшей! Придите на помощь люду православному! Ведь на этих беседах бывают и питомцы духовной школы, семинаристы; вот где благодатная почва для христианского единения с питомцами и для влияния на них! В классе приходится тратить добрую половину сил на борьбу с леностью, шалостями, невниманием и равнодушием; а на беседу пойдет только доброволь-

ный любитель истины, который не проронит ни одного слова.

Братия во Христе — студенты духовной академии! Вам открыта и предоставлена церковно-приходская деятельность; примите посильное участие и в наших диалогических беседах! Это — один из мирных путей служения народу, подготовка для вашей будущей учительской службы. Все, кому дорога вера Христова, не омрачаемая сомнениями и колебаниями! Помогите! Дело не так страшно и трудно, как может показаться сначала. Мы заранее предупреждаем собеседников, что не на всякий вопрос можем давать ответ тотчас же, моментально; вопросы неожиданные мы отлагаем иногда до следующей беседы, а ответ является более обдуманным и подготовленным. Поэтому при нашей постановке беседующий не может оказаться в неловком положении или уронить достоинство веры Христовой; мы предупреждаем, что мы являемся не авторитетными истолкователями всех догматов веры, каждый из нас — только брат во Христе и слагает свои крупицы истины с крупицами других, чтобы приблизиться вместе к великой истине Божьей. Совопросниками нашими по большей части бывают люди искренние, с которыми всегда можно столковаться. Политика из наших бесед решительно устраняется — мы говорим только о вечной истине и духовной христианской жизни, данной на все времена.

Поэтому еще раз просим: помогите!

Чем больше сил христианских, тем лучше!

Придите, посмотрите, послушайте — и ради Бога, помогите!

Архимандрит Андрей»[65].

---

[65] Казанский Телеграф. 1906. № 4104. 15 октября.

* * *

НАЧАЛО НАРОДНОЙ ЗЕМЩИНЫ

<21 октября 1906>

«За последнее время теоретически и практически приходское церковно-народное дело идет довольно быстрыми шагами вперед. Громадную победу приходская идея одержала в Киеве, на съезде монархистов. Там серьезно был поставлен вопрос об организации приходов и признании за ними прав так называемой мелкой земской единицы; наконец сама система выборов в Гос<*ударственную*> Думу по приходам уже введена в общую программу всех монархических партий.

И тем не менее монархисты заслуживают сильного и горького упрека в бездействии. Дело не в программе, а главнейшим образом — в народной организации! Пока народ на своей земле или вообще на местах, еще недоступных атеистической пропаганде, не укреплен духовно, пока он не приготовлен к отражению всякого врага и супостата, до тех пор он представляет из себя сырой материал...

И нужно немедленно дать ему в руки нравственные и материальные силы для борьбы со всем, что нарушает его мирную жизнь. А монархисты все больше составляют свои программы да устраивают патриотические манифестации. Между тем народ нуждается решительно во всем и будет благодарен тем, кто проявит к нему хоть немного внимания и искренней любви.

У монархистов к тому есть все средства!

И горе им, если они этого не понимают!

Между тем мысль о приходе сама собой растет и принимает определенные формы.

Прошло только одиннадцать месяцев со дня распубликования синодского разрешения избирать при-

ходские советы. Эта весть о возможности поднятия церковной жизни вообще и церковно-общественной в частности замалчивалась весьма энергично и печатью, и "обществом". Одни не понимали всей важности развития приходов, другие прекрасно понимали и тем более имели основание молчать; крайняя правая и крайняя левая партии в отношении прихода глубоко сочувствовали одна другой и заключали трогательный союз для молчаливого противодействия приходским организациям.

Самая злая реакция (так сказать, ultra-патриоты) и самая красная революция одинаково, со скрежетом зубовным, отнеслись к развитию общественной жизни на почве истинной церковности. Бюрократия всех званий и состояний тоже к приходам отнеслась с холодным равнодушием — кто же сам себе врагом будет?.. Итак, о приходе говорили только два-три журнала, и если приходы все-таки растут, несмотря ни на что, то это первый признак, что приходские организации — родные для народа.

И вот какое известие мы читаем в газетах: "...в одной из центральных губерний с разрешения губернатора состоялся губернский съезд церковных старост. Решено устраивать периодические съезды старост с участием общественных деятелей для разрешения вопросов церковно-приходской жизни. Исполнительным органом съезда будет губернский совет церковных старост" ("С<*анкт*->П<*етер*>б<*ургские*> вед<*омости*>". № 223).

Это известие год тому назад показалось бы прямо фантастическим, но если бы что-либо подобное было мыслимо именно год тому назад, то у нас не было бы ничего похожего на революцию. И все реформы — без исключения все — и нужно было начинать с организации этих "губернских советов церковных старост", подлинно народных избранников; а названный первый

совет и есть, по нашему убеждению, начало подлинной народной земщины. Это не наше бюрократическое земство, обслуживавшее только крестьян и дворян, и только с материальной стороны; это не то земство, которое все-таки довело и дворян, и крестьян до полного падения хозяйств. Нет, советы старост будут истинными представителями народной совести и народной воли. Они будут захватывать народную жизнь со всех сторон, и прежде всего религиозную ее сторону как главнейшую, — а это самая надежная гарантия правильного развития народной души. Между тем именно религиозная-то сторона нашего общественного строя у нас всегда и была в полном пренебрежении.

Итак, сам собой, совершенно естественно, без всякой административной поддержки, у нас появился первый губернский совет церковных старост — самая "народная" губернская земская управа. И какой великий гражданский подвиг совершили бы земцы, подписавшие в Петербурге в 1904 году 6 ноября знаменитые 11 пунктов конституционных требований, если бы обратили внимание на приходские народные организации и спросили бы русский народ непосредственно, чего ему нужно и не пожелает ли какого-нибудь своего земства...

Вот это был бы настоящий либерализм, который никогда не вызвал бы революции!

В частности, земская управа той губернии, где организовался этот губернский совет церковных старост, не будет ли так великодушна, чтобы запросить правительство о передаче своих функций этому совету?

Проект этой передачи можно опубликовать, а потом опросить все население, как оно относится к этому проекту, и думается: народ протестовать не стал бы. И величайшая реформа земства началась бы быстро, совершенно естественно, в духе народных пожеланий очень дешево и удобно...

И очень "либерально" — не правда ли, г<*оспода*> земцы?

И согласитесь: я все время говорю на основании хотя одного, но чрезвычайно красноречивого факта из самой жизни. А на что опирается наше "земство"?

Но и при действующих узаконениях советы старост могут принести громадную пользу в смысле подъема общественной самодеятельности, и особенно в местностях, пораженных неурожаем. Этим советам можно передать и поручить добрую половину всего продовольственного дела.

Во всяком случае нужно признать за несомненный факт, что народные приходские организации начинают уже активно проявлять свою деятельность.

А "Союз русского народа" и "Русское Собрание" должны эту деятельность всеми средствами развить.

Архимандрит Андрей»[66].

* * *

ПЕРВОЕ ЯВЛЕНИЕ ВОСКРЕСАЮЩЕЙ СОБОРНОСТИ

<16 ноября 1906>

«Под этим названием вышла книжка, принадлежащая перу известного славянофила Афанасия Васильева[67]. В свое время статья под этим заглавием была напе-

---

[66] Казанский Телеграф. 1906. № 4109. 21 октября.

[67] Васильев Афанасий Васильевич — государственный и общественный деятель, публицист неославянофильского направления, член-учредитель и член Совета «Русского Собрания», редактор журнала «Благовест».

чатана в "Церковных ведомостях" (1905 г<*од*>. № 48) и была первым ярким лучом среди тьмы нашей общественной антицерковной и правительственной противособорности; и ныне появившаяся в печати книжка представляет отдельный оттиск из "Церковных ведомостей". В этой книжке излагается постановление Рижского епархиального собора прошедшего года относительно следующих вопросов:

1) о выборном начале в жизни Церкви;
2) об устройстве прихода как церковно-гражданской единицы;
3) о соборном строе епархиального управления;

И

4) об изменении в чине церковного богослужения.

И вот некоторые характерные постановления этого собора. Он признал необходимость восстановления совещательного начала в деле избрания священников. "...На необходимость участия мирян в деле постановления священников указывает самый чин рукоположения: "...аксиос", провозглашаемый хором от лица народа, и тройной возглас: повелите (т<*о*> е<*сть*> народ) и повели (епископ)". "...Клир каждой православной приходской церкви купно со всей его паствой составляют одну неразделенную церковную общину — православный приход (такой-то церкви). Эта церковная община, обнимая собой настоящее и грядущее поколение ее членов, есть собственник и хозяин всего церковного достояния и приходского имущества и всех церковно-приходских учреждений". "...Церковной общиной — приходом управляет, под руководством и наблюдением высшей церковной власти, поставленный к нему с согласия прихожан епископом — настоятель-священник. Годовое приходское собрание собирается для рассмотрения и утверждения смет доходов и расходов приходско-

го попечительства или совета и подведомственных ему приходских заведений: школы, библиотеки, больницы, богадельни, странноприимных домов и т<*ому*> п<*одобного*>; а также доходных статей, например, от нанимаемой приходом или сдаваемой в наем приходской земли, от приходской мельницы, сыроварни, рыбного промысла, продажи в приходе книг, общественной лавки, торговли из приходского склада и т<*ому*> п<*одобного*>".

И вся указанная книжка написана в том же тоне, и она совершенно будет необходима для всех, кто хотя бы немного интересуется работами предсоборного присутствия и самим будущим русским собором. Подобными статьями наши синодальные "Церковные ведомости" и подготовляют к собору мирян.

Архимандрит Андрей.

P.S. Когда эта заметка о первом проявлении соборности была закончена, петербургский "Колокол" принес известие несравненной церковной важности: о выборном русском епископе.

Предсоборное присутствие постановило представить на утверждение собора следующий проект:

1) Епископы должны быть избираемы.
2) Избрание епископов принадлежит собору епископов с митрополитом во главе.
3) Порядок выбора: в избирательном собрании участвуют с правом голоса следующие лица:

    1) наличные в губернском городе священники, как приходские, так и состоящие при разных учреждениях;
    2) представители иногороднего и сельского духовенства по одному от благочиния, избранные на благочинических съездах;

3) настоятели епархиальных монастырей и иеромонахи; в епархиальном городе все лично, в уездных городах и селах — через представителей по одному от монастыря (Четв. 4, Двукр. 4);
4) все служащие в духовно-учебных заведениях, мужских и женских, преподаватели и воспитатели: т<*о*> е<*сть*> которые в епархиальном городе — лично каждый, а служащие в уездных городах — в лице двух представителей от каждого заведения;
5) все занимающие должности при консисториях и др<*угих*> епархиальных учреждениях;
6) представители приходов в лице церковных старост или приходских старшин; находящиеся в епархиальном городе — все лично, а в уездном городе и селах — по одному от благочиния, по выбору их самих. Избрание производится в общем присутствии всех членов избирательного собрания. Под председательством и авторитетом собора епископов и производится закрытой баллотировкой. Епископы не подают голоса наряду с другими, им принадлежит суждение об избранном кандидате. При неудаче выборов епископы могут предложить избирательному собранию своих кандидатов, которые баллотируются обычным порядком.

Это уже великая заря новой жизни во всей вселенской соборной церкви.

А<*рхимандрит*> А<*ндрей*>»[68].

---

[68] Казанский Телеграф. 1906. № 4131. 16 ноября.

* * *

ЗАВИСТЬ — НЕ ПОЛИТИКА

<21 ноября 1906>

«"Казанский Телеграф" некогда поместил на своих страницах мою статью о том, что принципом русской жизни должно быть правило "Святая (не пьяная, не грубая, а святая) Русь на службе миру"; ныне я пребываю в полной уверенности, что "Каз<*анский*> Тел<*еграф*>" не откажет поместить в продолжение моей статьи, хотя бы мои мнения и не были в согласии с воззрением его сотрудников. Мне хочется сказать кое-что относительно статей г<*осподина*> Глебского и показать обязанности русского просвещения в отношении инородцев; хочется и исполнить просьбу г<*осподина*> Глебского, и разъяснить его недоумения, хотя, разумеется, к "высоким представителям миссионерства" мы себя не причисляем. Первая мысль, которая мелькнула у меня в голове, когда я прочел заглавие первой статьи г<*осподина*> Глебского "Татарское счастье", — это мысль: "...наконец-то! Наконец и у нас кто-то счастлив!" И каково же было разочарование наше, когда оказалось, что "Татарское счастье" не дает спать г<*осподину*> Глебскому, что он завидует чужому счастью...

Нехорошее чувство! И очень вредное в политическом отношении. Такая политика, основанная на ложном отношении к чужому счастью и непонимании его, испортила отношение России к Финляндии и портит сейчас отношение к Польше. Вместо того, чтобы учиться быть счастливым, вместо того, чтобы воспитывать у себя ряд блестящих патриотов, которыми теперь сильна Финляндия и Польша, мы, русские, вздумали навязывать чужим народам свою беспорядочную жизнь. Подобная "русификация", во-первых, просто глупа, потому что ее последствия очевидны и прямо противоположны поставленным целям; во-вторых, она и не достойна русского народа, потому что безнравственна.

Да, мы должны быть патриотами, но наш патриотизм и других должен делать счастливыми, и такому патриотизму мы должны учить и инородцев. Пусть ген<*ералы*>-адъютанты, на авторитет которых ссылается г<*осподин*> Глебский, говорят о необходимости обучать инородцев русскому языку. Не в языке дело! Можно знать русский язык и глубоко ненавидеть Россию, — неужели это очевидное наблюдение над жизнью недостаточно убедительно, чтобы не повторять русификаторских приемов прекрасных, быть может, чиновников, но дурных политиков (да, кажется, и мыслителей неважных). На чужом несчастье не построить собственного счастья! А нашего собственного несчастья мы не замечаем; какие-то причины мешают его рассмотреть, хотя оно и широко, и глубоко.

— Это наше несчастье: "...великое самомнение и способность наша друг друга доедать и тем сытым быть"; как заметил один наблюдатель русской жизни, вследствие самомнения мы все изменились, а вследствие вечного взаимопоедания у нас развилась невероятная партийность и погибают лучшие предприятия во всех отраслях жизни. Посмотрите хотя бы на Братство св. Гурия. Ведь оно совершенно разваливается, а почему? Ответ известен всем, знающим его историю. А если бы члены совета братства были избраны из инородцев, привыкших к упорному труду и любящих прежнее братство, то дело пошло бы совершенно в другом тоне, и с большим одушевлением, и с большей пользой для дела.

Нет, нам нужно, не посягая на чужое счастье, устраивать свое; но необходимо привыкать к упорному труду и к самопожертвованию для устройства общего русского благополучия. Иначе уделом нашим действительно будет одна зависть.

Архимандрит Андрей»[69].

---

[69] Казанский Телеграф. 1906. № 4136. 21 ноября.

* * *

ПАМЯТИ ВЕЛИКОГО ХРИСТИАНИНА[70]

<16 декабря 1906>

«"Система Н. И. Ильминского", "забывают систему Н. И. Ильминского", "...извращают дух системы Ильминского" и прочие бесконечные сочетания из подобных слов всякий грамотный казанец слыхал, вероятно, тысячу раз. Но что это за "система" такая, что такое непостижимое кроется в этой "системе Ильминского", за пренебрежение которой все позднейшие просветители Казанского края взаимно друг друга упрекают?

Да, действительно, в ней есть нечто неуловимое и малопостижимое; вот, правда, какая странная "система"! Кажется, по виду — чего же проще ее могло бы быть, а как слово доходит до дела — так сейчас же только одни "извращения" и остаются. Почему это так? Да потому, что люди-то, желающие втиснуть дух Ильминского в систему, совсем на Ильминского не похожи! Дух Ильминского был таков, что в систему-то он вовсе и не укладывался. Какова бы система ни была, как бы она ни была полно изложена, она все-таки безжизненна — духа в нее вдохнуть нельзя; она всегда будет большим или меньшим извращением духа жизни. Ведь как бы картина ни передавала хорошо действительности, как бы она ни была "жизненна" — она все-таки мертва! Так и система мало может отражать дух ее создателя. А ведь "систему Ильминского" создал великий, редкий дух по своей нравственной высоте и чистоте, оставляющий далеко за собой всех своих подражателей и последователей. И они насколько не могут возвыситься до него, настолько не могут быть и его

---

[70] Ильминский Николай Иванович (1822–1891) — выдающийся русский миссионер, педагог, востоковед.

истинными подражателями и совершенно невольно оказываются его "извратителями..."

Но в чем же тайна этой системы?

Да только в том, что Н.И. Ильминский был истинный христианин; вся его "система" проникнута духом самого святого чувства истинного христианства. Н. И. Ильминский был только и исключительно христианин, и патриотом он оказался лишь потому, что в России истинный слуга Церкви является и лучшим сыном своей матери-родины. И великий дух Ильминского был чужд всякой мысли о самом, по-видимому, невинном насилии в какой бы ни было области. Он только любил, и в том заключалась причина его обаяния на окружающих учеников и на всех людей, с ним соприкасавшихся.

Вся его "система" была только служением духу — Христовой истине. А все "последователи системы Ильминского" повторяют его слова, подражают ему в действиях, а духа-то Ильминского, духа любви христианской не имеют в себе. Вот почему все и оказываются его дурными подражателями, вот почему все только "извращают" его систему, даже искренне желая ей следовать. А как теперь нужен именно великий дух Ильминского: дух служения младшей братии, дух любви к ней, дух снисхождения к ее ошибкам, внимательного лечения ее духовных болезней. О, если бы явились истинные последователи Ильминского! О, если бы среди наших администраторов и педагогов нашлись люди, которые бы сказали: "...мы христиане и только христиане!"

Вот где ключ к разрешению всех "окраинных" и "инородческих" вопросов.

Когда русские деятели овладеют этим ключом, которым так прекрасно владел Н. И. Ильминский? Поскорей бы!

Архимандрит Андрей»[71].

---

[71] Казанский Телеграф. 1906. № 4162. 16 декабря.

* * *

КАК БЫ НЕ ОПОЗДАТЬ...

<17 декабря 1906>

«14 декабря в Казани произошло событие по существу своему громадной важности. К сожалению, местная наша пресса, отмечая очень часто скандалы и отрицательные стороны нашей жизни, мало заботится об устроении новых порядков, которые бы обновили и облагообразили все так для нас привычное по своему безобразию. Не отмечено было в печати и собрания представителей церковно-приходских советов в Богоявленской г*<орода>* Казани церкви. Сколько уже лет св. Русь не видела ничего подобного!

В храме Божьем, под председательством православного епископа — преосвященного Митрофана, при мерцании лампад собрались общественные деятели переговорить о своих делах, условиться относительно ближайшего будущего!.. Тихо, скромно, умно, без малейшего намека на партийность шел весь обмен мыслей по текущим приходским делам. Заботились только о деле, изыскивали способ помочь делу... Ах, что это был за незабываемый вечер! Правда, это собрание было уже не совсем оригинальным, например, в Смоленске дело приходских организаций стоит много тверже; там уже функционирует губернский комитет церковных старост всей Смоленской епархии. Там объединившиеся народные избранники, наиболее близкие для народа и ему известные, представляют уже несомненную силу. У нас же в Казани мы видим еще только робкие их шаги; и дай Бог им сил, чтобы вполне окрепнуть и сформироваться. Тогда и православие, и самое полное самоуправление, и "мирное обновление", и разви-

тие русского народа будут ограждены от различных на них покушений. Но нужно торопиться с развитием этого дела, нужно употребить всю энергию, чтобы приходские организации представляли из себя фактическую силу и чтобы наше будущее правительство, будет ли оно составлено из христиан или еще из кого-нибудь, уже было принуждено считаться с наличностью этих организованных приходов. Нужно постараться, чтобы никакому масону и в голову не пришло бы устраивать фантастическую мелкую земскую единицу при очевидной жизненности приходов. Но вот теперь у приходских деятелей и должна быть одна мысль, одна цель: доказать жизненность приходских русских начал и их способность за себя постоять.

Если же произойдет опоздание в этом и если вырастет рядом с приходом безрелигиозная "мелкая земская единица", то начнется борьба этих двух начал — русского и нерусского, причем последнее всегда будет фактическим победителем, обладая и большими средствами, и поддержкой сильных мира сего. Школа приходская, больница приходская, вся касса приходская всегда будут уступать в своем развитии той организации, которая будет пользоваться правительственной поддержкой. Но если приход успеет стать на ноги твердо и приходская касса теми или другими путями будет наполнена, то всякая искусственная иная "единица" сама по себе постепенно погибнет, как погибает сейчас наше земство, несмотря на всю поддержку... Однако нужно всемерно постараться, чтобы наилучшая, и наиболее мелкая, и самая земская единица самоуправления — приход — утвердилась в жизни и окрепла. Что же касается народных симпатий к приходу, то за них опасаться невозможно, народ сейчас живет по приходам, хотя приход ныне для него ничего родного, жизненного вовсе не имеет.

Итак, православные, за дело, с Богом!

Защищайте церковную жизнь от всяких на нее покушений; защищайте русский строй жизни с необходимым для него самым широким самоуправлением!

Архимандрит Андрей»[72].

* * *

КРИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ПРИВОЛЖСКОЙ МИССИИ

<20 декабря 1906>

«О делах миссии как-то не принято говорить в общей печати: это — такой незаметный уголок русской жизни, о котором очень редко вспоминают даже духовные журналы. Миссией всецело ведает соответствующая канцелярия; дело миссии — это почти секрет для общества, так глубоко она закопалась в рапорты, доклады, отчеты, в архивную пыль и пр.; в традиционном нашем болоте официальной отписки и переписки и полуофициальных комплементов по адресу всяких предержащих властей мало-помалу и утонуло все дело миссии, и погиб дух ее. Но, пока это отсутствие духа жива в святом деле искусно было замаскировано внешним порядком, соблазн был еще не так велик. Когда же правительственная власть устранила себя от чуждого ей дела — сейчас же стали обнаруживаться все ужасы нашего нравственного расслабления и церковной недисциплинированности. Болезнь тайная стала явной. Впрочем, это обнаружение болезни, хотя и запоздалое, могло бы принести громадную пользу, если бы мы умели пользоваться хотя бы горьким

---

[72] Казанский Телеграф. 1906. № 4163. 17 декабря.

жизненным опытом. Ничуть не бывало! Мы по-прежнему скрываем от себя действительность, удивляемся, не верим своим глазам и... пишем соответствующие "бумаги". Между тем единственное средство помочь горю: призвать к делу церковному всех желающих трудиться на этом поприще. В церковном деле нужны и церковные средства, как и вообще жизнь общества нуждается в силах всего этого общества. На это отвечают: "не такие времена" — церковным делом никто не интересуется! Но это — совершенно ошибочное наблюдение над жизнью: если не интересуются церковными делами, то все стремятся к добрым делам! И уже на обязанности духовенства лежит обращение общественного доброделания в одно великое и общее церковное дело. В частности, и в деле миссии можно наблюдать и общественный интерес, и частную инициативу. Но в жизни у нас ничто до сих пор не имеет права себя проявлять, пока не состоялась соответствующая "разрешающая" резолюция. Так еле заметная, но несомненно существующая струйка церковной жизни, этой "воды живой" бежит-бежит; очень часто бывает готова обратиться уже в серьезное церковное движение, но... добегает до "бумаги" за номером и замирает. А вот фактические последствия этого: отпадают в мусульманство чуваши-христиане, отпадают в язычество (!!) чуваши и черемисы, принимают мусульманство чуваши-язычники... Просмотрите, читатель, снова эти последние строки... Потрудитесь перечувствовать каждую из четырех последних фраз — сколько безграничного позора для всех современных церковных деятелей они заключают! И это отпадение в мусульманство не есть явление местное, нет, это — явление общее во всем Поволжье. Где причина этого ужаса? Кто виноват в этом? Чем потушить пожар? Г<*оспода?*> миссионеры, откликнитесь! Постарайтесь не замалчивать эти вопросы, а поставить их ребром и всесторонне ответить на них и принять все меры к удалению всех тормозов в развитии церков-

ного дела. Со своей стороны постараюсь помочь вам. В деле миссии, как и во всяком живом деле, виновата отживающая свой печальный век система канцелярского всемогущества. Эта система великолепна по своей простоте: один захотел, другой приказал, третий написал, четвертый подтвердил, пятый расписался в получении и... все взаимно довольны один другим. Но от этого дело ровно нисколько не выигрывает и не идет вперед — вся эта переписка нимало жизни не затрагивает. Однако от этого режима переписки гибла и до сих пор гибнет на местах получения всяких предписаний местная, хотя бы и слабая церковная жизнь, потухает всякая искра этой жизни. У местных деятелей получается убеждение, что все, забытое в указе и циркуляре, и должно быть забыто, что настоящее-то дело — это исполнение циркуляра, а все остальное — пустяки, а с пустяками начальству не надоедай... А главное, не составляй никаких проектов и ничего не выдумывай, сиди себе смирно, и начальство будет довольно, — только не забывай почтительного исполнения циркуляров. А если начал свое новое дело, да не сумел поладить с кем-нибудь, тогда берегись: и отдадут тебя судье, а судья отдаст тебя слуге, и не выйдешь оттуда, пока в конце не намучишься нравственно, пока не забудешь всякое живое дело; а в награду за инициативу появится в соответствующем месте отметка: "беспокойный человек, ни с кем не уживается!.." Поэтому у представителей общества, желающих хоть чем-нибудь послужить делу, но знающих жизнь и наличные ее условия, убивает всякое желание что-либо делать, и гибнет всякая общественная инициатива. А у духовенства сельского воспитался просто панический ужас перед канцелярией, и возможность ради нового какого-либо дела иметь переписку заставляет молодых сельских батюшек бросать всякое дело и сидеть спокойно, сложа руки, в полном бездействии. Получается дикая, невероятная картина общественного и церковного запустения, ког-

да один хочет что-нибудь сделать, да не может, а другой может, да не хочет или совершенно не умеет взяться за дело. Последствия всего этого — у всех на глазах, и они ужасны! Последствия эти прямо позорны и в отношении нашей русской гражданственности: наши власти, все без исключения, должны обратить внимание на это падение просвещения среди русских инородцев. Время переписки канцелярской прошло, нужно большое дело, большие духовные силы... А этих сил в канцеляриях не найти! Нужна местная общественная инициатива, необходимы истинно церковные общественные средства для борьбы с мусульманством и язычеством. Нужно немедленно принять меры к оживлению и объединению этих сил; и если этого не будет, позор наш будет только увеличиваться... И этого позора в мешке не утаишь! Г<*оспода?*> миссионеры, правда ли это? А если не правда, то что нужно? Что может помочь великому горю? — ответьте, ведь горе-то почти нестерпимо. И отвечайте немедленно — на местах вашей деятельности: тушение пожара требует работы энергичной и быстрой.

Архимандрит Андрей»[73].

* * *

НЕ МОЕ ДЕЛО...

<*Март 1907*>

«Вопрос о введении церковно-народных организаций остается у нас до сих пор только вопросом! Все еще "разрабатывается"!.. И несмотря на самые убедительные, жизненные доказательства необходимости немед-

---

[73] Санкт-Петербургские ведомости. 1906. № 281. 20 декабря.

ленной организации приходов, наши представители антикварной quasi-духовной учености очень откровенно собираются весь этот вопрос похоронить! Напрасно финляндский архиепископ Сергий, А. А. Папков и другие указывают, что у нас, собственно, и церковной-то жизни нет, что наше духовенство скоро окажется вовсе без паствы, что, с другой стороны, паства жаждет церковного дела и что нужно хоть немного внимания к ее духовным запросам... Ничто не помогает! Все это, по мнению наших консерваторов, "опасный либерализм" или "просто чушь", как выразился один духовный авторитет, известный резкостью своих суждений при очень небольшой их обоснованности. И вот эти-то общепризнанные "авторитеты", доведшие современную церковную жизнь до очевидного распада, — они и теперь не могут излечиться от своей близорукости и становятся поперек дороги к устроению церковно-приходской жизни. "Как бы не было еще хуже!" — говорят они... Да ведь хуже-то и быть уже ничего не может! Может ли быть что-нибудь хуже того, что церковной жизнью у нас никто не интересуется и никто ее не знает? Где же у нас, наконец, Церковь как общество верующих? Где у нас общественные дела в церкви? Где у нас церковно-общественное имущество? Ничего этого нет; да нет даже и представления-то о возможности этого, нет в обществе и интереса к общественной церковной жизни. У нас проснулся среди русских "граждан" интерес вообще к общественной деятельности; но о церковном обществе, об организации церковно-общественных ассоциаций еще никто и не слыхал. И получилась величайшая несообразность: все русские инославные вероисповедания, все секты и разветвления раскола давно сорганизовались, всяких светских обществ расплодилось у нас бесчисленное множество, а для организации церковного общества, для того, чтобы собрать верующих в сознательное "единое стадо" Христово, —

для этого мы все еще не удосужились подыскать соответствующих канонов... А жизнь не ждет... Жизнь настойчиво требует ответов на предъявляемые запросы и сейчас же уродливо реагирует на отсутствие ответов сколько-нибудь удовлетворительных. Вот небольшая картинка из жизни... Мне пришлось быть в одном большом селе при аресте нескольких крестьян, совершенно развращенных приезжими городскими ораторами. Настроение крестьян было при этом событии ожесточенное и подавленное до крайней степени. Немногочисленные сторонники новых арестантов просто скрежетали зубами в полной ярости на своих односельчан, виновников ареста, и совершенно открыто грозили местью. Настроение же большинства можно охарактеризовать одним словом: отчаяние, — и это отчаяние могло вылиться немедленно или в страшное бешенство, когда одни готовы были растерзать "несчастных политиков"; или в состояние полной подавленности, которую и можно было уже наблюдать. К одному старику, совершенно убитому горем, я обратился за разъяснением, что это за странное отношение к "политикам": почему их так ненавидят? "Да видишь, батюшка, — начал старец почти со слезами на глазах, — терпения у нас ни у кого не стало от них! Начали к нам ездить из города какие-то ораторы и ездили все по ночам; собирались не у нас — на красном ряду (т<*о*> е<*сть*> на главной улице), а все по задворкам. Ну, и смутили наших ребят! Человек тридцать из молодцов наших совсем передались им: чего им те не скажут, то и делали! Со всех наших богачей свой оброк брали — давай денег, да и конец; а не дашь, сожжем! И давали... Стали мы, старики, на сходе об этом толковать; и там ничего нельзя было поделать: наши “политики”-озорники перекричали всех. Наконец, терпения не стало: пошли мы к своему батюшке, его просим унять, уговорить молодцов наших, просили хоть молебен послужить, чтобы Господь спас нас от вся-

кого лихого человека. А священник наш чего-то испугался: “...не мое дело, — говорит, — ...нам-де запрещено всякой политикой заниматься...” Ну, после того мы уже прямо к исправнику: теперь из села у нас человек пятнадцать в тюрьме сидят: сейчас еще вот увезли... Да что теперь у нас и будет? Все они теперь только и грозятся, что нас-де погубили и вам не житье — всех выжжем... Просто у нас теперь не жизнь, а ад какой-то..." Вот бесхитростный рассказ деревенского страдальца! Вот страшное, неутешное горе нашей деревни в чем заключается — в ее полной нравственной беспомощности! Там, где нет и голода, где еще и не слыхали об аграрном вопросе, и там живет великая беда деревни — полное отсутствие в ней духовного руководства. "...не мое дело" — вот классический по своей простоте и бессердечности ответ духовных отцов нашей деревни. Лишенные всякой инициативы, отлученные от всякого живого дела, запуганные всякими отчетами, наши сельские батюшки совершенно потеряли голову и не знают, что делать им — примыкать ли к освободительному движению или запереть двери и ставни и кричать: "...не мое дело..." Да чье же, наконец, дело?! О, это прекрасно знают социал-революционеры и, не опуская рук, не зная покоя ни днем, ни ночью, развращают народ. Пользуясь летаргическим сном наших духовных отцов, безбожники-революционеры путем страшных издевательств над религией отрывают верующие души от Церкви; а где "батюшка" сам присоединился к "освободителям", там соблазн переходит всякие границы, там происходит полнейшее расхищение духовного стада Церкви революционерами при содействии местного рясофорного нигилиста, занимающего место духовного отца. Посвящая мою статью и эти мои последние рассуждения противникам церковно-приходских организаций... Нет, господа! Нужно всеми средствами привлечь народ к Церкви! Нужно употребить все меры,

чтобы заинтересовать мирян церковною жизнью, — иначе они покинут церковную ограду и заинтересуются социалистическими бреднями, столь заманчивыми для наших простодушных бедняков. И пусть все тормозящие развитие приходской жизни помнят, какой грех они берут на свою совесть, губя неутвержденные души и не допуская их до церковной жизни, до деятельного в ней участия. Пусть эти противники приходских организаций перечитают 12-ю главу 1-го пос<*лания*> ап<*остола*> Павла к Коринфянам! Пусть хоть апостол их чему-нибудь научит. Пусть они запомнят, что если духовенство откажется от содействия развитию церковно-приходской жизни, то ведь это с его стороны будет повторением ответа: "не мое дело" — ответа, поражающего своей наивностью, почти глупостью. Такой ответ при наличности социализма ведь будет подтверждением того мнения социалистов, что духовенство — это только паразиты... Русский народ рвется к Церкви; Церковь — его единственная теперь отрада, не затворяйте перед ним церковных дверей! От того или иного решения вопроса о приходе зависит сейчас вся будущая судьба духовенства: или оно станет во главе народной жизни и, оставаясь вне всяких партий, будет пользоваться общим уважением, или... Но второго решения быть не может: это второе решение немыслимо и недопустимо. Итак, пока не поздно, нужно единственное возможное решение данного вопроса провести в жизнь: нужно поскорее забыть то изречение, которое стоит во главе этой статьи!

Архимандрит Андрей»[74].

---

[74] Санкт-Петербургские ведомости. 1907. № 69.

* * *

О РУССКИХ БОГОСЛУЖЕБНЫХ МИНЕЯХ

<20 мая 1907>

«Что можно о них сказать? Их нет! Таков единственный, грустный ответ. Прошло слишком девять веков со времени принятия христианства нашей Русью, нажили мы, — Господь прославил нас, — своих русских святых; но как вообще мы не привыкли дорожить своим русским достоянием, так не привыкли и к почитанию своих русских подвижников. Мы до сих пор пользуемся греческими богослужебными минеями, в которых русские святые почти не упоминаются, а если и упоминаются, то "под числом". Таким образом мы забываем своих и очень небрежно почитаем чужих героев духовной жизни... Но, забывая своих святых, мы забываем вместе и свою родную церковную историю и способствуем полному забвению своих праведников, потому что за пределами Русской Церкви о них и вовсе ничего не знают. Так, например, в октябре месяце мы, русские, забываем вспомнить просветителей Восточной России, казанских святителей Гурия[75] и Варсонофия[76], — потому что их служба стоит "под числом", т<*о*> е<*сть*> на втором месте, а первое место занимает служба священномученика Иерофея Афинского[77] (4-е ч<*исло*> окт<*ября*>). Даже служба московским митрополитам

---

[75] Гурий (в миру Григорий Григорьевич Руготин) — первый архиепископ Казанский и Свияжский.

[76] Варсонофий (в миру Иван Васильевич) — епископ Тверской, в лике святителей, почитается как казанский чудотворец.

[77] Иерофей Афинский — священномученик; по преданию, первый епископ Афинский и ученик апостола Павла.

свв. Петру[78], Алексию[79], Ионе[80], Филиппу[81] оставляется и совершается служба муч<*енице*> Харитине[82] (5-е ч<*исло*> окт<*ября*>). А такие святые, как Зосима[83] и Савватий[84] соловецкие, Сергий[85] и Герман[86] валаамские, Иов[87] почаевский, все ростовские святые, все новгородские праведники — вовсе забыты, и службы им вовсе нет! Все это в высокой степени грустно и печально, и с церковной точки зрения, и с гражданской. И это печальное явление особенно оттеняется ввиду столь великого и столь желательного события, как грядущий русский поместный собор. И ко времени этого собора необходимо собрать, по крайней мере, материал для русских богослужебных миней. Это русский наш долг и перед Церковью, и перед отечественной историей. Но если бесспорно, что это — наш долг, то за решением этого вопроса является сле-

---

[78] Петр — святитель Московский, митрополит Киевский и всея Руси (с 1305 по 1326).

[79] Алексий (в миру Елевферий Федорович Бяконт) — митрополит Киевский и всея Руси (с 1354 по 1378), в богослужебных текстах именуется «святителем Московским и всея России чудотворцем».

[80] Иона — святитель Московский, митрополит Киевский и всея Руси (с 1448 по 1468).

[81] Филипп (в миру Федор Степанович Колычев) — святитель Московский, митрополит Московский и всея Руси (с 1566 по 1569), известен обличением злодейств опричников царя Ивана Грозного.

[82] Харитина Амисийская — святая мученица IV века.

[83] Зосима — преподобный, один из основателей Соловецкого монастыря.

[84] Савватий — преподобный, основатель Соловецкого монастыря.

[85] Сергий — преподобный, просветитель карельских языческих племен; один из основателей Спасо-Преображенского монастыря на острове Валаам в Ладожском озере.

[86] Герман — преподобный, один из основателей Спасо-Преображенского монастыря на острове Валаам.

[87] Иов (в миру Иван Иванович Железо, в схиме Иоанн) — игумен почаевский, преподобный.

дующий вопрос: есть ли возможность выполнить этот громадный труд собрания и редактирования всех разбросанных и не всегда удачно составленных служб русских святых? Есть ли человек, который взял бы на себя это дело? К великому счастью нашему, такой человек, такая нравственная сила, способная выполнить указанную великую задачу Русской Церкви, имеется. Мы говорим о высокопреосвященном Димитрии[88], архиепископе Казанском. Человек громадных познаний в области агиологии, великий знаток жития русских святых — архиепископ Димитрий при своем несравненном трудолюбии может с полным успехом выполнить дело составления русских миней. Мы можем даже сказать, что у него собрана уже и добрая половина материалов к этой работе, и нужно постараться, чтобы этот великий труд, начатый любовью одного, был и благополучно закончен им же, хотя и при сотрудничестве многих, для которых участие в этом труде должно составлять великую честь. Но нужно еще добавить, что высокопреосвященный Димитрий является у нас и единственным человеком, способным выполнить указанную задачу; и этой единственной силой мы, русские сыны Церкви, должны дорожить и просить владыку взять на себя труд столь исключительной церковной важности. Мы должны постараться, чтобы самые великие люди русской земли, русские герои духа, не были забыты на св. Руси; наш долг — позаботиться, чтобы лучшие страницы родной истории не изгладились из народных воспоминаний. Таков наш долг и перед нашим отечеством, и перед св. Церковью.

Архимандрит Андрей»[89].

---

[88] Димитрий (в миру Димитрий Иванович Самбикин) — архиепископ Казанский и Свияжский.

[89] Санкт-Петербургские ведомости. 1907. № 111. 20 мая.

* * *

О КАЗАНСКОЙ «ПАСТЫРСКОЙ ШКОЛЕ»

<18 июля 1907>

«В наш век комиссий и проектов, когда грозит еще опасность нашему отечеству слышать об основании новой комиссии по устройству "пастырских школ", нам хотелось бы поведать миру, что такая пастырская школа уже существует и что устав ее крайне несложен. Мы говорим о том учебном заведении, которое носит довольно длинное и совсем неудачное название: "миссионерские курсы при Казанской духовной академии", что в Спасо-Преображенском миссионерском монастыре. Несмотря на очень серьезные ошибки, допущенные в уставе этих курсов, это духовно-учебное заведение все-таки имеет ту счастливую особенность, что оно вполне жизненно, т<*о*> е<*сть*> служит тому делу, для которого создано; из этого устава курсов мы постараемся указать на те его характерные особенности, которыми необходимо воспользоваться составителям устава новых церковных (а не духовно-сословных) школ. Это — школа духовная не только по названию, но и на самом деле: поэтому она внесословная и доступна для всякого, кто любит св. Церковь и хочет ей посильно послужить. Очевидно из этого, что это учебное заведение вполне церковное: вот качество, совершенно необходимое для всякого "духовного" учебного заведения. Миссионерские курсы помещаются в Спасо-Преображенском монастыре (а совсем не при духовной академии), и учащиеся на курсах почти всецело подчиняются монастырскому режиму. Что это значит? Это значит вот что: 1) учащиеся все время видят молящийся народ, молятся вместе с тем народом, духовному возрождению которого должны будут служить; 2) учащиеся на кур-

сах живут церковной жизнью, воспитываются на церковных воспоминаниях, привыкают ими дорожить... Не правда ли, что все это гораздо важнее, чем знание хотя бы латинских склонений? Между тем главнейший недостаток наших духовных семинарий состоит в том, что они — не церковные, что в них много "образования", но вовсе нет воспитания, что те жалкие клочки церковности, которые живут еще в наших семинариях, вызывают среди ее учеников только насмешки и кощунства. Кто учащиеся на миссионерских курсах? На курсы принимаются все желающие служить св. Церкви и окончившие среднее учебное заведение; ввиду недостатка мест предпочтение оказывается инородцам: татарам, чувашам, черемисам, кроме того, принимаются по преимуществу бывшие народные учителя как люди, наиболее к народу близкие. Из них бывают и люди женатые. Таким образом, возраст слушателей курсов колеблется между 23 и 35 годами. С такими вполне определившимися в нравственном отношении людьми иметь дело очень приятно: это — люди, от которых можно многого требовать и много получать. Разногласий между учителями и учениками, между воспитателями и воспитанниками здесь быть не может; и те, и другие говорят на одном языке, служат одному делу, у тех и других на первом месте стоит Церковь. И разумеется, забастовки против церковности на курсах быть не может... Это был бы своего рода смертный приговор для начальствующих и учащихся, и только для них, потому что ни на какую "систему" ссылаться здесь невозможно; нет, здесь будут виноваты только люди! Какой район обслуживают казанские миссионерские курсы? Стоят ли они производимых на них затрат. На эти вопросы может отвечать беспристрастная статистика, и только ей можно доверять, потому что люди к курсам слишком пристрастны, — это нам известно по горькому опыту. И вот данные из области статистики. На

курсы отпускается в год только восемь тысяч, а совсем не десятки и не сотни тысяч, которые получают духовные семинарии. Содержит курсы, т<*о*> е<*сть*> дает им помещение с отоплением и оснащением, Спасский монастырь, пользующийся за то услугами курсистов в чтении и пении при богослужениях монастырских. И в низких, темных, лишенных всякого комфорта кельях Спасского монастыря за последние восемь лет <*курсы*> окончило до 160 человек, из которых не более двадцати не были удостоены священнического сана. Интересно было бы сравнить, сколько воспитанников из поволжских духовных семинарий за тот же период пошло в священники... Мы не будем делать даже приблизительных сравнений, но мы хорошо знаем, что из некоторых семинарий никто не идет в священники, из многих идут по два-три человека... Повторяем: не хотим мы быть пристрастны, но знаем, что воспитанники курсов, татары и чуваши, стали получать места священников в русских селах. Это уже верх ненормальности, но ясное доказательство того, что семинарии вовсе не удовлетворяют своего назначения не только в качественном, но и в количественном отношении... Из всего вышесказанного позволим себе сделать вывод в виде следующих положений:

1) Тип пастырской школы уже намечен жизнью и вполне удовлетворяет ее запросам.
2) Пастырская школа должна помещаться или при монастырях, или в стенах монастыря; монастырь — это своего рода духовная клиника для будущих пастырей.
3) Пастырская школа, как церковная, должна быть всесословной и иметь учениками людей взрослых, вполне сознательных и убежденных.
4) Очень несложный устав пастырской школы должен иметь в виду прежде всего удовлетворение

местных епархиальных нужд; такая школа будет стоить очень дешево и явится для епархии очень полезной.

Архимандрит Андрей»[90].

* * *

ПОМОГИТЕ!

<25 ноября 1907>

«Обращаюсь за содействием печати по нижеизложенному необычному обстоятельству и поэтому прошу редакции газет, интересующихся жизнью Русской Православной Церкви, перепечатать мою заметку и помочь горю. Прошу не осудить меня, что о серьезнейшем деле я говорю не только в официальной бумаге, но и в газете; но я поступаю так, исполняя свой долг перед Богом и св. Церковью, и должен торопиться: по опыту знаю, как трудно Петербургу знать наши провинциальные нужды, как Петербургу невозможно чувствовать всю горечь нашего положения как защитников православия в нынешние времена. Я взываю ко всем чадам православной Церкви: "...помогите и помогите немедленно спасению язычников-инородцев от инославной и, в частности, магометанской пропаганды!" Это — дело великой церковной и государственной важности. Язычник — это почти друг русского человека, язычник — это дитя, доверчивое и жалкое. Магометанин — это почти всегда фанатик и уже совсем не друг русской гражданственности; он — в самом лучшем случае — только "лоялен", и далеко не всегда.

---

[90] Санкт-Петербургские ведомости. 1907. № 157. 18 июля.

Дело в следующем. Когда в семью язычника является проповедник-христианин, хозяин всегда встречает его приветливо, охотно слушает, поддакивает и почти всегда кончает: "...да если бы Царь велел, так, пожалуй, и мы пошли бы в русскую веру, а Царь не велит, значит, можно и не ходить". Таково совершенно мистическое отношение язычников-инородцев к Русскому Царю. Совершенно такое же отношение к нашему Православному Царю и крещеных татар. Царь — это защитник веры, защитник православной Церкви и храмов Божьих. "...Сам Царь исповедует православную веру" — вот великое утешение для крещеных татар, которых всеми средствами магометанские пропагандисты стремятся возвратить в магометанство. Во всяком случае, авторитет Царя у этих язычников и новокрещеных страшно высок — несравненно выше авторитета духовенства! И если Царь до сих пор не говорил, чтобы все в его царстве были христианами, значит, это ему и не желательно. Так думает язычник Казанской губернии, — да, вероятно, и не одной Казанской... Представьте же себе, читатель, что в эту среду наивнейших людей приходит магометанский пропагандист — уже не столь миссионер, сколько политический деятель. Его речь чрезвычайно проста, кратка и дьявольски убедительна. Он просто достает из кармана дело об исключении таких-то просителей из "православия", а в подлиннике это "дело" озаглавливается такими отдельными рубриками: "По указу Его Императорского Величества N-ская духовная консистория слушали: отношения N-ского губернского правления с ходатайствами Ивана Александрова и Петра Захарова об исключении из православия в магометанство и пр<*очее*>. Приказали: Ивана Александрова и Петра Захарова исключить из метрических книг и пр<*очее*>". Такова чисто канцелярская схема отступнических дел, которой избежать невозможно без указаний свыше. И подобные бумаги действуют ошеломляюще на крещеных татар

и предательски-соблазнительно на язычников. Магометанский пропагандист в пояснении к этой канцелярской бумаге только добавляет: "...видите, сам Царь приказал, и по Его указу все татары и язычники должны быть магометанами? И сама консистория говорит, что по Царскому указу она таких-то христиан перечислила в магометанство". Уже после этого никакая проповедь священника не способна подействовать на смущенные души. "Сам Царь приказал" и пр<*очее*> — и более никаких рассуждений!.. Выходит самая дикая невероятная вещь: происходят отпадения в магометанство из православия от Царского имени, чуть-чуть что не во исполнение Его желания! И вся эта ужаснейшая путаница существует к явному вреду Церкви, к несомненному государственному ущербу и происходит от торопливости составления петербургских узаконений, от неясной их формулировки и от канцелярской рутины. Православные христиане — все, до кого дойдут эти строки! Помогите разобраться в этой русской неразберихе, а по существу дела — помогите закреплению православия среди язычников и вместе с ним и русской государственности. Ведь одно из двух: или язычники должны сделаться верно преданными, истинными сынами русского Царя и России, или они собой усилят инородческий элемент, для России явно враждебный. Неужели это для русского правительства безразлично? В церковном отношении решение этого вопроса понятно само собой. Для благоприятного разрешения обсуждаемого мною дела необходимо уничтожить немедленно эту ужасную форму отступнических дел и вести их только через церковные причты. Необходимо пересмотреть все циркуляры и узаконения относительно свободы вероисповедания: самая ничтожная, случайная оговорка какого-нибудь чиновника может иметь великие последствия там, где с этой оговоркой придется встретиться в жизни. Необходимо все законы о свободе вероисповедания самым автори-

тетным способом разъяснить, чтобы в России была действительно свобода совести, а не величайшее насилие над немощными совестями; в частности, необходимо, чтобы новый закон о разрешении язычникам принимать ислам был формулирован безукоризненно точно и ясно и не подавал бы язычникам повода к самым тяжелым недоразумениям.

Епископ Андрей»[91].

* * *

ШЕДШЕ НАУЧИТЕ

<18 марта 1908>

«Исполняя эту заповедь Господа нашего, я три года уже в "Каз<*анском*> тел<*еграфе*>" и в других изданиях призывал русских людей к единомыслию, к единодушию, ко взаимопомощи и к уничтожению всяких партий во всеобщем служении русскому мужику. Я давно говорил о самой лучшей общественной организации в отношении свободы действий и наибольшей полезности и самой народной в смысле доступности ее для народа, и читатель догадывается, что я говорю о приходе. Что приходские организации близки для народа, что эти общественно-христианские учреждения для него дороги, показывает уже то обстоятельство, что последние мои статьи о приходских братских кружках вызвали уже в некоторых местах появление деревенских библиотек.

Ныне высокопреосвященный архиепископ наш Димитрий оказал великое доверие "Братству Свят<*ите-*

---

[91] Санкт-Петербургские ведомости. 1907. № 286. 25 ноября.

ля> Гурия" и предоставил совету братства организовать приходские кружки, союзы, комитеты, библиотеки, читальни и пр<*очее*>, и пр<*очее*>, — одним словом, совет "Братства Свят<*ителя*> Гурия" может теперь делать все, что угодно, — для пользы Св. Церкви и с любовью ко всем ближним нашим... Я подчеркиваю: с любовью мы должны начать великое дело, а где любви не будет, там дело будет уже не братское, там, очевидно, еще не будет полного понимания, что такое общее дело, что такое дело общехристианское, истинно церковное.

Только любовью, только в Церкви "обновится православная Русь", как я и писал в 1905 году в брошюре под этим заглавием. И очень изумился я тогда и сейчас удивляюсь, что в этой брошюрке добрые (или не добрые) люди усмотрели нечто очень опасное для своих ближних...

Итак, приступим к новому делу!

Лично я чувствую большое смущение при этом: я очень мало знаю жизнь и в этом сознаюсь. Но мое незнание восполняет все та же любовь братии моей, которая всегда приходит мне на помощь. В частности, весьма возможно, что я не буду в состоянии ответить на вопросы приходской общественной деятельности. Заранее прошу прощения; и сам буду в таких случаях обращаться за помощью, и других отправлять за ней к почтенным казанским пастырям; отцу Василию Катагощину (Кирилло-Мефодиевского прихода), отцу Николаю Троицкому (Ягодинского прихода Смоленско-Дмитриевской церкви) и отцу Александру Воронцову (Николо-Ляпуновского прихода) — Господь помог им уже твердо провести в жизнь те начала, которые так необходимы. Будем друг друга тяготы носить и так исполнять закон Христов! Будем учиться истинно церковной, христианской жизни и этот истинный свет любви постараемся донести до тех, кто его еще не знает.

Епископ Андрей.

P. S. Начиная новый ряд статей о приходе, не могу не выразить искренней признательности "Каз<*анскому*> тел<*еграфу*>" за внимание к этому великому вопросу. Кроме того, мои статейки будут печататься еще в издании "Русского Собрания" "Русь самодержавная и православная". Пишу это к сведению тех сельских батюшек, которые заинтересуются статьями моими о приходе и которых эти статьи ближе всего касаются. Постараюсь потом сделать отдельный выпуск, если это удастся.

Е<*пископ*> А<*ндрей*>»[92].

* * *

ТРУДИТЬСЯ — ЗНАЧИТ МОЛИТЬСЯ

<9 апреля 1908>

«В Петербурге издается очень умная газетка, хотя и с глупым декадентским названием: "Литературная газета Рцы". В № 4 этой газетки читаем замечательные мысли протопресвитера Янышева. Вот они.

"Две огромные идеи висят в воздухе, стучатся в двери общественного сознания, настойчиво призывают к себе благожелательное внимание и нашего высшего церковного священноначалия, и наших государственных людей. Эти идеи суть: проблема христианизации труда и проблема христианизации семьи. В сущности, это одна идея, но лишь в двойственном проявлении возможного практического проявления. Если воплощение в жизни “христианской семьи” зависит от сил церковных и требует подвига от верующих, то “христианизация труда”

---

[92] Казанский Телеграф. 1908. № 4514. 18 марта.

требует непременно благожелательной помощи от государства. Laborare est orare![93] Честное исполнение мирянами своего христианского долга в их частной семейной, общественной и государственной жизни есть столь же необходимое условие спасения души, как молитва, участие в богослужении, св. таинствах и вообще религиозно-церковном делании".

Итак, трудиться — значит молиться!

Прекрасная мысль, которая в своем развитии несомненно подозвала бы дополнительное соображение о желательности скорейшего приближения самой Церкви к мирскому труду и его необходимым экономическим и бытовым подробностям.

Е<*пископ*> А<*ндрей*>»[94].

* * *

О ДОКЛАДЕ ПРОТОИЕРЕЯ МИРОПОЛЬСКОГО

<12 апреля 1908>

«Считаю нравственным долгом сказать несколько слов о том докладе, который протоиерей Мирополь-ский[95] прочел в "Русском Собрании" 2 апреля и о котором я узнал только из "Казанского Телеграфа".

---

[93] Laborare est orare! (*лат.* трудиться — значит молиться) — старинный христианский девиз, указывающий на взаимную связь труда и благочестия.

[94] Казанский Телеграф. 1908. № 4532. 9 апреля.

[95] С 1872 по 1907 — протоиерей Александр Мирополь-ский был противомусульманским миссионером-проповедником в Казанской епархии.

Прежде всего должен сказать, что я об этом докладе ранее ничего не знал и, конечно, постарался бы его не допустить. В этом докладе все спорно, и о таких вещах можно вести речь только в специальных заседаниях, разбирая каждое положение, а не читать публичные рефераты, оскорбительные для целых корпораций.

Опровержением всего реферата протоиерея Миропольского служит то обстоятельство, что он, действительно занимавший пост уездного миссионера и бывший 30 лет священником в селе Апазове (Казанского уезда), может указать на плоды своей русской и русификаторской (а не пастырской) деятельности: все село ныне отпало в магометанство (за ничтожным исключением).

Поэтому он нынче никаким миссионером и не состоит. А что было бы, если во всех приходах состояли бы такие же пастыри, которым слишком известны "недочеты миссии" и о которых слишком много дел имеется в Департаменте консистории?

Епископ Андрей»[96].

* * *

КОГДА ЖЕ БУДЕТ СОБОР?

<16–31 мая 1908>

«В церковной жизни на Руси готовится одно событие громадной важности, которое можно рассматривать с разных сторон. Имеем в виду "всероссийский" миссионерский съезд в Киеве...

---

[96] Казанский Телеграф. 1908. № 4535. 12 апреля.

Место для съезда избрал, кажется, какой-то миссионерский комитет города Санкт-Петербурга или какая-то комиссия, там же заседающая, а время указал Св. Синод, пожелавший соединить торжества киевского Михайловского монастыря с открытием миссионерского съезда. Вот новое известие, которым порадовал г<*ород*> С<*анкт*>-Петербург православную Русь.

Откровенно говоря, радость маленькая!

Начнем разбор причин, почему мы совсем не радуемся киевскому миссионерскому съезду с его программой, уже опубликованной и принятой, очевидно, к "неукоснительному исполнению". Отдел исторический (первый) исчерпывает вопросы по расколосектанству и католичеству в России. Эти два подотдела составлены полно и исчерпывают вопросы со всех сторон. Но в этом историческом отделе есть уже нечто недоуменное.

Последняя строчка этого отдела состоит из следующих четырех слов: "По единоверию. Вопросы единоверия". Таким образом, единоверию заранее отведена одна только строчка. Между тем единоверие, ведь это единственное окно в русский старообрядческий мир? Единоверие, все более и более падающее духом под влиянием полного неблаговоления к нему иерархии, нуждается в очень и очень многом, и его нужды ни в каком случае одной строчкой исчерпаны быть не могут. Повторяю, единоверие — это единственная дверь и единственное окно в мире нашего раскола. Теперь более чем ясно, что полемические приемы миссии, все эти полемические беседы с наездами светил нашего миссионерства ни к чему не повели, и раскол все усиливается.

Ясно, как Божий день, что нужна совершенно другая миссия — народная, органическая, а не случайная (так сказать, наездническая). Для народной же миссии против раскола нужно приложить всю любовь и всю заботу к единоверческому старообрядчеству или, вернее, к старообрядческому православию. Между тем будущий

миссионерский съезд главному фактору в деле противораскольнической миссии совсем не уделил место. Это — чрезвычайно большой недостаток программы и громадная принципиальная ошибка; по духу всей программы во главу угла всей работы съезда будет поставлена полемика православия против инославия, а не внутреннее обновление православия. Эта старая ошибка и поведет к старым последствиям — к продолжению отпадений от православия... Возможна ли действительно миссия, если один священник, промучившись три месяца, автору настоящих строк пишет: "...что я могу сделать, как я могу сохранить свой приход от окончательного отпадения от православия, если, по совести, должен сказать, что моя "православная" паства и в нравственном, и в материальном отношении стоит ниже отпадших?"

Вот что ужасно, вот истинная опасность!

А об этой опасности в программе киевского съезда ничего не говорится...

Во втором отделе (апологетико-полемическом) вставлен отдел о социал-демократии и о миссии среди евреев.

В третьем — организационном (?) отделе перечислены всякие недоуменные вопросы миссии. Во главу этих вопросов — первым поставлен пункт "...как привлекать деятелей на службу миссии? Положение о вознаграждении уездных и участковых миссионеров". Грустное впечатление производит это начало "организационного" отдела миссии. Итак, предположены как норма платная должность миссионера, платная полемика, платное одушевление миссионеров. Так вот и мелькают предо мной съехавшиеся в Киев наши действительные статские миссионеры, стоящие во главе блестящего штата коллежских советников, асессоров, регистраторов и подобных quasi-миссионеров... Да, господа, все это не то! Нужна народная миссия, нужно использовать те народные силы, которые таятся или притаились (или даже искусственно запрятаны) в народной глуши. Один-един-

ственный полуграмотный мужичок (ну, хотя бы вятский Кузьма Андреев) может сделать больше, чем толпы патентованных миссионеров. Достаньте, разыщите этих мужичков, горящих ярким пламенем религиозного одушевления, но забытых и отторгнутых от церковной жизни, — и тогда вопрос о том, "как привлекать деятелей на службу миссии", будет праздным вопросом, а вопрос о вознаграждении будет заменен заботой о благовременной помощи добрым христианам, безвозмездно трудящимся на пользу миссии. Во всяком же случае, внесение в программу "положения о вознаграждении" — несомненная ошибка: для миссионеров заранее создано некрасивое положение. Таковы ошибки, чрезвычайно характерные в предложенной и утвержденной программе съезда. Все эти ошибки были и в программах всех предыдущих съездов, которые в свое время были настолько мало полезны, что сам Св. Синод рассмотрел постановления 3-го съезда ровно через два года.

Дурной прецедент для 4-го съезда!»[97].

* * *

«На "всероссийском" июльском съезде в Киеве предположено рассмотреть, как уже сказано, вопросы по сектантству, по расколу старообрядчества, по единоверию, обсудить "социал-демократическое учение", вопросы "по католичеству" и по еврейству. Тут для самого поверхностного читателя — очень многое странно.

Начнем с громких слов "всероссийский съезд..."

Неужели составители программы не знают, что все Приволжье страдает от магометанской пропаганды? Неужели не знают петербургские миссионеры об отпаде-

---

[97] Санкт-Петербургские ведомости. 1908. № 110. 16 мая.

ниях от православия в магометанство — татар, чуваш, черемис, отцы которых были крещены святителем Гурием[98]? Существуют отпадения от православия в язычество. Наконец, стыдно сказать: начинается отпадение русских в магометанство! Целые народности — киргизские и башкирские — поглощаются татарами. Это все совершенно упустила программа "всероссийского съезда". Или Приволжье — не в России? Кроме того, миссия азиатская: алтайская, киргизская, оренбургская миссия, миссия в Тургайской области... Ведь оттуда несутся рыдания и плач миссионеров! Там все разрушается и погибает...

Наконец, опять сердце сжимается от боли: просвещением забайкальских бурят занялись японцы — в Японии печатаются для них те религиозные издания, с помощью которых японцы надеются привлечь и уже привлекли симпатии всего бурятского народа. Это — громаднейшая культурная бескровная победа Японии и столь же великий вред для государственных (не говорю уже о религиозных) интересов России.

А программа 4-го "всероссийского" съезда обо всем этом не обмолвилась ни единым полусловом. Да что же в самом деле, Забайкалье уже к Японии, что ли, причислено?

Мораль из всего этого та, что не нужно играть словами; не нужно употреблять трескучих слов: "всероссийский съезд". Судя по программе, это будет съезд не только не "всероссийский", а не захватывающий собой и десятой части тех церковных болезней, от которых русская Церковь должна исцелиться в ближайшем будущем и о которых правящей иерархии совершенно необходимо позаботиться.

---

[98] Имеется в виду архиепископ Казанский и Свияжский Гурий (Руготин).

Является теперь вопрос: почему же явилась такая программа "всероссийского" съезда, содержание которой мы привели? Почему съезд не собирается, например, в Казани, где был 3-й съезд? Почему не в Москве, центре раскола и единоверия? Почему не в Томске, где светит миру великое украшение русского миссионерства архиепископ Макарий[99]? Почему не в Иркутске, где теперь жизнь бьет ключом; ибо русское дело требует величайшего к себе внимания, и иначе оно может безвозвратно погибнуть? Почему избран Киев? Почему наконец не Вильно? Ведь о католичестве говорить в Киеве — немного все-таки странно...

Все эти недоуменные вопросы составляют чью-то тайну. Очень возможно, что эту тайну нам объяснит редакция "Миссионерского обозрения", во всяком случае, очень просим почтенную редакцию не обойти нас своим вниманием. А то объяснение, которое дает косвенно "Колокол" (№ 658), что предстоящий "всероссийский" миссионерский съезд является "как бы продолжением киевского церковно-православного торжества" в Михайловском монастыре, — такое объяснение тоже смущает. Теперь уже не до торжеств, не до блестящих декораций! Нужна черная, упорная работа, в поте лица, а не "продолжение торжеств...". Довольно уж поторжествовали: дорого приходится расплачиваться за эти "торжества"!

Еще небольшое замечание относительно наименования будущего съезда "всероссийским": о психологическом, так сказать, его значении. Живет где-нибудь закинутый судьбой в Среднюю Азию миссионер. Трудится, выбивается из сил в борьбе с магометанством и природой. Дошла до него радостная весть: в Петербурге обратили внимание на миссию. Уже составился комитет миссионерский: "...еще усилие — и я уже буду

---

[99] Макарий (Невский); с 6 мая 1906 — архиепископ Томский и Барнаульский.

не один", — думает миссионер... Напрасно! Тщетная надежда! "Всероссийский миссионерский съезд" даже и не вспоминает о нем: миссионер оказывается или не в России, или не миссионер. И бросает дело иногда самый лучший батюшка-миссионер (часто так убегают) и, разочарованный, разбитый, возвращается в свое русское село, с грустью вспоминая о несчастной, забытой миссии.

Да не соблазнится кто-нибудь от малых сил. Необходимо переименовать будущий киевский съезд и назвать его: "...съездом южнорусских, противосектантских миссионеров". Это будет более скромно, несомненно, гораздо справедливее, безобиднее и серьезнее.

А о католичестве и расколе — до следующего раза»[100].

* * *

«В предсоборном присутствии высокопреосвященный Никандр[101], архиепископ Литовский, энергично и убедительно доказывал, что учреждение церковно-административных или церковно-просветительных округов в таких местах, как Вильно, совершенно неизбежно и что разрозненность сил православной миссии заранее обрекает ее на полный неуспех.

Архиепископ Никандр был так великодушен, чтобы смиренно сознаться, что в его епархии дело миссии обстоит вполне неблагополучно, что наблюдаются массовые отпадения православных в католичество. Ну, и что же? Какая же оказана после этого помощь православной Литве? Какой ответ получил литовский архипастырь на свои речи?

---

[100] Санкт-Петербургские ведомости. 1908. № 112. 18 мая.

[101] Никандр (в миру Николай Дмитриевич Молчанов) — архиепископ Литовский и Виленский; писатель, магистр богословия.

Ответ вот какой: нужды католической миссии будут обсуждаться — в Киеве. Почему же не в Вильно? Или это удобнее для миссионеров противокатолических? Почему не Варшава, не Люблин, не Почаев, а Киев избран для суждения о католичестве? Это, повторяем, всецело непонятно! Не лучше ли было бы устроить еще съезд, который обсудил бы животрепещущие вопросы такой миссии и такого края, которые к Киеву имеют отношение совсем незначительное. А в Вильно к услугам миссионеров могли быть отведены и монастырь, и семинария — совершенно так же, как в Киеве, только без торжества, т<*о*> е<*сть*> без шума. Но еще не естественное обсуждение в Киеве вопросов старообрядчества: ведь их Киев совсем не знает или знает понаслышке? Почему же не Нижний, не Кострома, ну, наконец, не Москва, эти бесспорные центры старообрядчества, а совершенно его не знающий Киев избран местом изучения новых движений в старообрядческом расколе?

Все это тоже непонятно!

И какое смешное зрелище будут представлять из себя о<*тцы*> и г<*оспода*> противораскольнические миссионеры, которых будут доставлять в Киев на "всероссийский" съезд! С Урала, с Волги, с Камы, из костромских и керженских лесов потянутся в Киев миссионеры промеж себя разговоры разговаривать, с единственным объяснением своей поездки, что-де приказали ехать — вот и едем; только не забыли бы прогоны выплатить!

И все это понадобилось для того, чтобы создать фикцию "всероссийского" съезда! Но, право же, теперь нужно уже делом заниматься, изыскивать новые приемы борьбы с инославием, а не заниматься повторением прежних ошибок. Мне недавно пришлось читать отчет о третьем миссионерском (конечно, тоже "всероссийском") съезде в Казани в 1897 году. Представьте же себе,

что на этом съезде ни слова не было сказано о казанских магометанах, о казанских язычниках, об отпадениях от Церкви в магометанство, которые тогда уже начинались. И вот эта уродливость 3-го "всероссийского" съезда и дает ныне себя чувствовать, когда приходится читать обширные отчеты уже не о съезде, а о тысячных отпадениях от Церкви казанских инородцев.

И ныне ошибочное внесение в программу киевского съезда дел противокатолической и противораскольнической миссии послужит этим миссиям совсем не на пользу.

Всем вышеизложенным мы вовсе не хотим сказать, что киевский съезд будет мало необходим. Но нет ни малейших серьезных оснований быть ему "всероссийским" при той программе, которая ему предначертана. Он должен быть, повторяем, "южнорусским — противосектантским"; но, кроме него, должны быть еще два: в Вильно — противокатолический и хотя бы в Казани (где есть духовная академия и живет г<*осподин*> Ивановский) — противораскольнический.

Эти три съезда будут стоить дешевле одного — менее нужно будет прогонных денег, — а дела будет сделано втрое более.

Но и эти три съезда совсем не захватят всего "всероссийского" дела. Останутся забытыми: громадный район Приуралья с магометанским движением, все приволжские инородцы, до астраханских калмыков включительно, и забыта будет ни более ни менее как вся Сибирь и все среднеазиатские инородцы!

Какой же вывод из этого положения?

Постараемся об этом сказать завтра»[102].

---

[102] Санкт-Петербургские ведомости. 1908. № 114. 21 мая.

* * *

«Нам в церковной жизни необходимо творчество — вот в чем наше спасение, вот что ныне необходимо. Красной нитью мысль об этом творческом элементе проходит через все постановления Предсоборного Присутствия. Почему же в таком важнейшем деле всей русской Церкви явилось опять замедление? Ведь если в государственной жизни всякое замедление — смерти подобно, то в духовной области такое замедление есть уже самая настоящая смерть. Всякое замедление в деле исполнения реформ, предначертанных Предсоборным Присутствием, равносильно духовной смерти десятков-сотен тысяч душ человеческих. Живые люди, помните это! Мы не должны догонять жизнь, мы должны идти впереди ее... Принимая это во внимание, мы и решаемся настойчиво утверждать, что теперь русской Церкви нужен не один фиктивно "всероссийский" съезд, а нужно несколько таких съездов, приблизительно в следующих пунктах:

1) в Киеве — для обсуждения вопросов противосектантской миссии;
2) в Вильно — противокатолический съезд, о чем уже сказано — и кроме них:
3) Нижний Новгород или Казань нужны для устройства противораскольнического съезда;
4) Казань, — кроме того, для обсуждения мер к просвещению инородцев и охране их от исламизма;
5) в Томске — необходимо обсудить дела алтайской и киргизской миссии;
6) в Иркутске — поднять на должную высоту положение православия среди инородцев Восточной Сибири;
7) в Иркутске или ином пункте Сибири нужно собрать съезд русских деятелей, духовных и свет-

ских, для выяснения дел по устроению переселенцев в религиозном отношении.

Вот если будут осуществлены все эти съезды, то действительно тогда начнется настоящее всероссийское (уже без кавычек) дело, вместо нынешней совершенно неблаговременной духовной спячки. И нужны теперь не столько всероссийские съезды разбросанных деятелей, сколько местное дело, местная инициатива — нужны деятели на местах. Это ныне уже совершенно очевидно... Те поместные съезды, о которых мы говорим, могут быть прототипом съездов деятелей церковно-административных округов; они должны выяснять вопросы местной жизни, указывать местные нужды, — одним словом, они будут началом русской церковной жизни. А ныне, как это ни странно, даже ближайшие проводники русского просвещения и православного учения — и те не знают иногда истинного положения вещей и поэтому делают крупные ошибки.

Мало того, у нас вовсе нет деятелей!

Да, да, целые ведомства лишены возможности знать правду потому, что узнать ее неоткуда. Например, во всей Средней Азии единственный знаток местных наречий — это директор, учитель семинарии г<*осподин*> Остроумов. Без него все русские среднеазиатские деятели окажутся всецело отрезанными от туземцев, совершенно глухонемыми, и возможность таких сюрпризов, как андижанское восстание, будет совершенно вероятна.

Допустимо ли это, мыслимо ли с государственной точки зрения?

Но, как это ни странно, все Приволжье, весь Приуральский край находятся совершенно в таком же беспомощном положении; ни русская администрация, ни коронный суд, ни даже учебное ведомство не знают местных наречий и тоже не способны ориентироваться

в вопросах местной жизни. Вся громадная панисламистская, фанатизирующая население литература совершенно недоступна какому-либо надзору!

И об этом петербургские вершители судеб, кажется, совсем и не беспокоятся. Но разве это не странно, что все движения в исламе, столь близком к нам в топографическом отношении, известны нам едва ли более, чем, например, передвижение китайцев в Маньчжурии?

Такое серьезное по своей ближайшей опасности положение русского дела в названных местах должно быть предметом самого глубокого внимания. И эту опасность духовные деятели должны предупредить первыми: на них на первых могут обрушиться все последствия непредусмотрительности русской администрации; и поэтому съезды церковных деятелей настоятельно необходимы в других местах, гораздо более, чем киевский. Дело противосектантской миссии и в литературе, и в жизни поставлено довольно прочно, а все дело Восточной России еще совершенно почти не тронуто. Наконец, за южнорусскую миссию в Петербурге существуют ходатаи в лице сотрудников "Миссионерского обозрения", а восточная миссия — никого не имеет ныне представителем в центральном управлении и поэтому заметно страдает.

Итак, кроме киевского съезда, нужны еще другие съезды, и чем скорее, тем лучше. Они нужны и сами по себе, и как предвестники и организаторы будущего всероссийского собора.

Нужен этот собор!

Нужен собор как проявление и олицетворение церковной жизни. Необходим собор как явное доказательство соборности Церкви нашей и ее силы, в соборности являемой. Необходимо скорейшее созвание собора как явного доказательства лживости врагов церковных, уверяющих, что Церкви-то будто уже и нет, а есть только одна канцелярия.

Да, собор необходим и в самом ближайшем будущем!»[103]

* * *

«Читатель настоящих заметок о современной необходимости поместных церковных съездов в России и скорейшего созвания собора, вероятно, пришел уже к заключению, что автор этих заметок совсем не способен ни к каким комплиментам ни по чьему адресу. И это совершенно справедливо.

Тем с большим душевным удовлетворением приступаем к последним нашим строкам о киевском южнорусском (так будем его называть) июльском съезде и о будущем соборе.

Киевский съезд в одном отношении имеет и "всероссийское" значение; это потому, что ко времени открытия съезда там ожидаются митрополиты С<*анкт*>-Петербургский Антоний[104] и Московский Владимир[105]. Туда же прибудут и обер-прокурор Св. Синода г<*осподин*> Извольский[106] и его товарищ Рогович[107]. Это равносильно переселению, хотя временному, всего Синода в Киев. Кроме того, там ожидается съезд русских иерархов в совершенно небывалом числе.

---

[103] Санкт-Петербургские ведомости. 1908. № 115. 22 мая.

[104] Митрополит Антоний (в миру Александр Васильевич Вадковский); с 25 декабря 1898 — митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский; с 9 июня 1900 — первенствующий член Святейшего Синода.

[105] Митрополит Владимир (в миру Василий Никифорович Богоявленский); с 1898 — митрополит Московский и Коломенский.

[106] Извольский Петр Петрович; с 1906 — обер-прокурор Св. Синода.

[107] Рогович Алексей Петрович; с 1906 — товарищ обер-прокурора Св. Синода, сенатор.

Это будет великое, воистину прекрасное собрание русской иерархии. Подобного которому Россия не видела сотни лет...

Но, зная, каким глубоким уважением и единодушною преданностью пользуется среди иерархии митрополит Антоний, можно с уверенностью сказать, что это собрание, во главе с митрополитом Антонием, будет очень важным, хотя и негласным, и не официальным предсоборным совещанием. И это будет несомненная и действительно всероссийская заслуга киевского съезда! Владыка митрополит Антоний, который по своему характеру может только "быть всем вся", конечно, сумеет объединить все духовные силы, которые соберутся на съезд, и направить их на благоустроение св. Церкви.

Но, быть может, представители гражданской власти будут против восстановления соборности в церковной жизни? Быть может, этот киевский собор будет столь же печален по своим последствиям, как печально было положение киевского и казанского "соборов" в 1884–85 годах, когда их труды не были приняты во внимание канцелярией г<*осподина*> обер-прокурора К. П. Победоносцева[108], а потом и всецело ею заменены? Без преувеличения можно сказать, что канцелярия ведь в то время убила всякую соборность русской Церкви...

Теперь дело обстоит совершенно наоборот.

Г<*оспода*> Извольский и Рогович — счастливое сочетание глубокого понимания истинной церковности и неутомимого на пользу св. Церкви трудолюбия.

Те задачи миссии, которые себе поставили эти деятели, те идеалы церковно-приходской жизни, которые они проводят в жизнь, и широкая реформа, уже проектированная духовной школы, — все это составляет эпо-

---

[108] Победоносцев Константин Петрович — писатель, переводчик, историк церкви, профессор; с 1880 по 1905 — обер-прокурор Св. Синода.

ху в нашей церковной жизни и делает г<*оспод*> Извольского и Роговича людьми совершенно исключительной величины. И если в их присутствии откроется киевский съезд церковных деятелей, если этим деятелям будут переданы на обсуждение те материалы, разработка которых сосредоточена в синодской канцелярии, — тогда киевский съезд будет, несомненно, всероссийским событием! И дай Бог ему быть тем, чем он должен быть: началом возрождения всероссийской церковно-соборной жизни.

Наше приветствие этому началу!

Церковник»[109].

* * *

ЗАБЫТЫЕ ИДЕАЛЫ

<11 июля 1908>

«"...Были, как овцы, не имеющие пастыря" — так характеризует Евангелие тех людей, к которым посланы были апостолы. Если кто видел превеликую глупость овец и овечье стадо без пастуха, тот согласится, что евангельская характеристика очень сильна и состояние людей без пастыря-руководителя и отца очень и очень тяжелое. Но что представляет из себя ныне матушка Русь, как не беспастушное, заброшенное, смятенное стадо?

Где у нас пастырь-отец? Где теперь пастырь-утешитель и руководитель и врач духовный своего стада? Где у нас теперь "батюшка"-старик, всеми уважаемый и любимый?

---

[109] Санкт-Петербургские ведомости. 1908. № 122. 31 мая.

Все это отошло в область преданий — ничего этого нет!

Но это еще не большая беда, если угодно. А ужасно поистине вот что: ужасно, что обо всем этом никто и не заботится. Теперь считается уже за норму такое отсутствие истинного пастырства, от священника никакого собственно духовного делания и не требуется; место доброго пастыря, отца и врача духовного, занял только требоотправитель. Да исправный ли? Ведь, по совести говоря, и того нет, а существует вместо настоящего пастыря некто носящий по непостижимой логике вместо сюртука или вицмундира — ряску, глубоко им презираемую.

И вместо старинного типа добродушного старичка, священника-"батюшки", выступает на вид священник-ловелас, подстриженный, подбритый, под ряской носящий пиджак, танцующий прекрасно мазурку и всю ночь играющий в карты и от карт прямо отправляющийся к богослужению.

И наше "православное" на словах общество, а на деле ни в православии, ни в кривославии ничего не понимающее, — оно уже совсем и не протестует против отсутствия пастырей. В обществе отчасти помутилось, отчасти вовсе исчезло и забылось понимание нужд церковных и церковных болезней. В существе дела вовсе распалась церковная жизнь.

Кто в этом виноват?

Виновата та правительственная политика, которая обратила все духовенство в гражданских чиновников и поставила их в разряд этих чиновников неизмеримо ниже каких-нибудь становых приставов. Поэтому среди крестьян всякий мундир в настоящее время пользуется доверием и уважением гораздо более, чем ряска.

Как же можно после этого говорить о нравственном перевоспитании нашего народа? Как можно говорить об уважении авторитетов, если все действительные нрав-

ственные авторитеты уничтожены, а остался единственный авторитет — сила. Иначе говоря, теперь в жизни нет духовных идеалов: все они вместе с авторитетами — вовсе забыты.

И повторяем: в этом повинна государственная, внутренняя наша политика, для самого же государства неизмеримо вредная...

Quousgue tandem?[110]

Или вместе с падением авторитетов и идеалов церковных еще не очевидна расшатанность нравов? Да ее ведь слепой только не замечает! Или эти идеалы еще недостаточно втоптаны в грязь? Нет, чем скорее будет собран всероссийский собор, чем скорее государство передаст собору церковному все церковные дела, тем ближе будем мы к государственному обновлению и восстановлению нравственных идеалов в глазах народа и общества.

Церковник»[111].

* * *

ЕЩЕ О РУССКОМ ПРОТЕСТАНТСТВЕ

<12 августа 1908>

«В последней заметке (№ 180 "С<*анкт-*>П<*етер*>-б<*ургских*> вед<*омостей*>") о нашем сектантстве мы выразили убеждение, что все наши мистические секты — это протест религиозного чувства против современных церковных неустройств. Психологически наше сектантство совершенно однородно с немецким проте-

---

[110] Quousgue tandem? — Доколе же еще?

[111] Санкт-Петербургские ведомости. 1908. № 156. 11 июля.

стантством, которое явилось неизбежным последствием злоупотреблений католического духовенства.

И вы прислушайтесь к нашему сектантству, послушайте этих ересиархов! Они в большинстве случаев — обличители общественных пороков, против которых ничего не может сказать по разным причинам наше духовенство, или эти вожди сектантов обличают само духовенство во многих прегрешениях... И всегда они молятся, всегда они согласуют свою жизнь с Евангелием: по крайней мере, хотя бы внешне к этому стремятся.

Несомненно, их духовная жизнь глубоко уродлива, но они вполне покойны, потому что собою довольны. Они особенно довольны собой бывают тогда, когда сравнивают себя с православными и когда определенно думают о своей истинной духовности. И они, эти ересиархи, горячо и искренне, всем своим существом протестуют против "мирской" или "плотской" жизни православных. Они протестуют, видя нравственную недисциплинированность в жизни православия; они протестуют справедливо, видя отчужденность православных от православия и их полное неведение своего исповедания; наконец, они протестуют против того явления, что Евангелие, святейшая церковная книга, не оказывает никакого влияния на жизнь православных, что они Евангелия совсем и не знают...

И их последний протест заключается в том, что они живут "как братья", "как евангельские братья" и пр<*очие*>, т<*о*> е<*сть*> живут жизнью своей религиозной общины, а в православной Церкви ни общинной, ни общественной жизни они не видят. Да и трудно увидеть...

Но какова же и на какой почве должна и может быть борьба православия с русским сектантством? Она, по нашему мнению, не сложна. Протест, каков бы он ни был, сам в себе носит зародыш разложения и совсем не имеет собственной внутренней силы; его сила — бессилие противоположной стороны, он силен только этим

бессилием. И для борьбы с этим протестантством в русской Церкви нужно удалить все то из церковной жизни, на что справедливо указывают наши сектанты и чем они смущаются. Ведь религиозная жизнь — это нечто в высшей степени чувствительное и подверженное малейшим воздействиям. И где нет сегодня секты среди нашей беспросветной тьмы, там завтра уже может явиться та или другая нелепая секта. А наши церковные деятели уже целые десятки лет утешаются только проектами улучшений церковной жизни и дальше проектов не идут. Между тем сами-то эти проекты еще более расшатывают церковную дисциплину! Например, "Журналы предсоборного присутствия" вызывают среди православия полное недоумение: или реформы, предначертанные присутствием, нужны — и тогда в чем же задержка для их осуществления... или эти реформы не нужны, и тогда является вопрос: зачем же существовало это самое присутствие? Повторяем: пройдет еще немного времени, и какая-нибудь секта "свободных христиан" будет ссылаться на акты предсоборного присутствия в оправдание своего уклонения от Церкви!

Нужны безотлагательные церковные реформы, нужно оживить нашу церковную жизнь: тогда наши протестанты (сектанты) потеряют под собой почву и заглохнут сами по себе. А без оживления церковной общины никакие усилия миссионеров ровно ничего с сектами не поделают: их дело всецело будет бесплодно.

Церковник»[112].

---

[112] Санкт-Петербургские ведомости. 1908. № 182. 12 августа.

* * *

О СВОБОДЕ РЕЛИГИОЗНОЙ ПРОПАГАНДЫ

<Август 1908>

«Судя по газетным статьям и наблюдая за жизнью, можно сказать, что православное духовенство наконец почуяло опасность для себя и встрепенулось, отыскивая в своей деятельности точку опоры и средства к охранению своей паствы. До сих пор духовенство надеялось, что все лихолетье для православия минует само собой, что все беды, которые постигли жизнь православия после 17 апреля и 17 октября 1905 года, пройдут с изданием новых законов. И вдруг — полная неожиданность: в Государственной Думе имеется законопроект, чрезвычайно неблагоприятный для православия. Если этот законопроект пройдет в Гос*<ударственной>* Думе, то последует немедленное, быстрое и сильное развитие раскола, сектантства и несомненное отпадение в магометанство еще нескольких десятков тысяч приволжских инородцев.

И вот среди духовенства начинается движение против новых вероисповедных законов; начинаются съезды и совещания духовенства (высшего) для обсуждения гибельности для православия новых законопроектов. Самым ближайшим образом соприкасаясь с жизнью инородцев Казанской губернии и следя за магометанской пропагандой, могу и считаю себя обязанным сказать нижеследующее.

Нет ни малейшего сомнения, что ныне же объявленная свобода религиозной пропаганды отторгнет от Церкви несколько сот тысяч человек; в этом отношении и все остальные скороспелые узаконения по введению в жизнь начал веротерпимости, кроме вреда, ничего не принесут. Они вызовут страшную волну грязи, клеветы

и злохуления на все православие и на всех его представителей. Это будет несомненный вред и для Церкви, и для государства. Если при этом жизнь церковная и окрепнет в качественном отношении, то, несомненно, Церковь потеряет немощных чад своих — очень многих, почти буквально не могущих отличить правой руки от левой. И эти будущие ренегаты православия сделаются в то же время не только не друзьями, но и прямо врагами всего русского, всей русской государственности.

Итак, закон о свободе религиозной пропаганды сейчас, в настоящее время, — это нечто очень вредное для государства русского. Вот мое убеждение и пункт совпадения моих взглядов со взглядами наших охранителей и правых членов нашей Государственной Думы.

Но мотивировка этого мнения совершенно различна у меня и моих оппонентов — литературных в прошедшем и всяких других в будущем, — которые думают "охранять" православие.

Все наши охранители думают, что полицейское запрещение свободы религиозной пропаганды и полицейское охранение православия есть норма нашей государственной жизни. На самом же деле это несомненная и обидная для православия ненормальность, — к сожалению, временно на 5–10 лет необходимая. Эта охрана православия совершенно необходима только на некоторое время, как сейчас необходим и закон об ограничении религиозной пропаганды до тех пор, пока жизнь православия не войдет в норму: пока не будет созван Собор и пока на будущем Соборе не будут изысканы способы к поднятию внутреннего одушевления среди православного духовенства и его паствы.

А пока среди духовенства находятся скандальные политические дельцы, пока среди народа живут батюшки, или при своей явной порочности ничего общего с пастырским долгом не имеющие, или благонамеренные бездельники, до тех пор свобода религиозной пропаган-

ды — это яд, один из самых ужасных для нашей народной жизни.

Но в принципе признавать для православия необходимым закон о внешней, полицейской охране — это значит унижать православие, не верить в его внутреннюю силу, не верить в силу той истины, которая в православии заложена Господом и Спасителем нашим. И в манифесте от 17 апреля 1905 года мы читаем прекрасные, классические слова о том, что свобода вероисповедания в России сводится к нравственному возвеличиванию православия, ибо только при этой свободе может воссиять вся его красота духовная и его истина, живая, животворящая.

Однако у многих подозрительных читателей, вероятно, является недоуменный вопрос: да зачем же все эти рассуждения, столь многим надоевшие? Зачем об этом говорит епископ в столь необычной форме, на газетных страницах?

Пишу, отцы и братья, с великой душевной тоской; пишу, чтобы совесть меня не упрекала за молчание. И буду рад, когда буду иметь право молчать. И пишу, чтобы указать на великую опасность тем, кто ее не замечает, кто не замечает гибели христианской паствы.

Представьте себе следующее.

Магометанская (пантюркская) пропаганда идет сейчас со страшным напряжением, не брезгуя даже безнравственными средствами для достижения своих целей.

Духовенство в ответ на это упорно молчит и ничего не предпринимает со своей стороны. Мало того, годовые отчеты многих благочинных, т<*о*> е<*сть*> передовых во всех отношениях священников, уверяют в 1908 г<*оду*>, как в доброе старое время, — почти единогласно: "все благополучно, никакой пропаганды нет". Иначе говоря, и сами не беспокойтесь, и нас не беспокойте... Когда же батюшкам приходится доказать совершенно ясно, что, напротив, дело вовсе плохо, что христианства в его при-

ходе не знают, что любая секта и магометанство могут в несколько лет уничтожить все духовное достояние известного прихода, батюшка с полным недоверием к своему собеседнику и в то же время с полным убеждением в своей правоте отвечает: "да, помилуйте, православие у нас — вера господствующая, этого не позволят (кто?), да разве это возможно? Вот выйдет закон, и все это запретят..."

И верит наше бедное сельское духовенство в этот будущий "закон" и молится, чтобы он поскорее защитил их паству от врагов, видимых и невидимых, и ровно ничего не делает для спасения своей паствы (исключения — ничтожны). И это лучшие из духовенства; а остальные просто рукой махнули на все свое дело и начали политиканствовать, вовсе перестав молиться о чем бы то ни было.

Вот и пишу, чтобы вывести наших православных деятелей из этого летаргического сна.

Дело обстоит так, что в Думе предрешен закон о полной свободе религиозной пропаганды. Это, во-первых, и значит, надеяться не на что. А во-вторых, я должен сказать, что всякий закон о воспрещении этой пропаганды не только не может ее уничтожить вполне, но и ослабить ее может лишь в очень малой степени. Можно сказать, всякий закон, даже наиболее строгий, о воспрещении религиозной пропаганды уничтожает ее не более как на одну пятую часть; иначе говоря, подобные законы — это почти самообман и своей цели не достигают.

Мало того, они бьют по самому православию, заранее поселяя к нему недоверие среди людей маловерующих и льстиво уверяя православное духовенство, что все может быть благополучно, — даже и тогда, когда многие батюшки делают очень мало.

Относительно выполнения этими законами прямых целей уничтожения иноверной пропаганды я уже сказал, что эти цели достигаются в незначительной степени. Они могут прекратить кощунственные проступки,

и литературную брань, и открытые злохуления на православие; но совращений за родственной беседой, магометанской пропаганды через газеты (а татарских газет издается очень много), торговли религиозными произведениями через торговцев всякого вида — этого прекратить невозможно никакими законами. В ответ на силу убеждения нужно противопоставить не меньшую и только духовную силу — вот единственное нормальное средство борьбы с религиозной пропагандой. И все цели миссии, все усилия миссионеров должны сосредоточиться теперь только на поднятии религиозного одушевления среди верующих сынов православной Церкви. Для этого нужно организовать скорее приходскую жизнь и делать все приготовления для созвания Всероссийского Собора. Это главное; все же другие проектируемые меры борьбы с иноверием являются побочными, случайными и очень мало действительными.

Вот что необходимо знать о свободе пропаганды нашим законодателям в Гос<*ударственной*> Думе.

Повторяем: немедленное объявление свободы пропаганды есть объявление похода на беззащитное православие со стороны всех инославий; это будет закон о насилии над совестями, наиболее слабыми.

С введением подобного закона нужно обождать лет пять-семь; и в это время поднять жизнь православия настолько, чтобы хотя сами православные отдавали себе отчет, почему собственно они так называются.

А в настоящее время нет даже этого!..

Когда же после Собора и организации приходской жизни вся церковная жизнь придет в норму, тогда никакое инославие не будет для нее опасно.

Итак, вместе с первосвятителем русской Церкви митрополитом Антонием будем молиться о скорейшем созвании Всероссийского Церковного Собора; будем вместе с владыкой-митрополитом надеяться, как об этом владыка сказал вероисповедной комиссии Гос<*удар-*

ственной> Думы, что Собор укажет нам истинный путь к расцвету и расширению жизни православия.

Епископ Андрей»[113].

* * *

К СВЕДЕНИЮ ДОБРЫХ КАЗАНЦЕВ

<5 сентября 1908>

«Вследствие нескольких запросов, ко мне поступивших, относительно ближайшего будущего Покровской общины, могу и считаю своим долгом сообщить боголюбивым казанцам, что по милости владыки нашего, высокопреосвященнейшего архиепископа Казанского Никанора[114], 9 сентября в этой общине будет совершена закладка храма в честь преподобного Серафима Саровского. В этот же день его преосвященство разрешил освятить и дом для двухклассной школы. Постройка этого дома — светлого и просторного — это всецело дар добрых казанцев. Лично я благодарю от всего сердца всех жертвователей на эту школу с общежитием, но, несомненно, сами учащиеся и пользующиеся приютом свою благодарность чувствуют гораздо глубже. И Господь да воздаст всем благотворителям в меру христианской любви каждого и да укрепит Он всех нас во взаимном доверии на служение скорбящему ближнему.

Епископ Андрей»[115].

---

[113] Русь православная и самодержавная. 1908. № 27.

[114] Архиепископ Никанор (в миру Никифор Тимофеевич Каменский) — архиепископ Казанский и Свияжский, богослов, археограф.

[115] Казанский Телеграф. 1908. № 4649. 5 сентября.

* * *

ХРИСТОПРОДАВЦЫ

<18 сентября 1908>

«При последнем моем посещении Мамадышского уезда, при проезде через Абдинскую и Елышевскую волости, мне пришлось слышать несколько жалоб на то, что многие влиятельные христиане содействуют отчислению крещеных татар от христианства в магометанство. Мне совершенно определенно и твердо указывали на 3 таких дома, где пишут прошения об отчислении в магометанство, где составляются начерно заявления о постройке мечетей, где изыскиваются способы для обхода законов, конечно, законным образом, где отыскиваются такие — своего рода — мертвые души, которые могут помочь в той или другой комбинации, и пр<*очее*>, и пр<*очее*>. Мне понятно, как и почему влиятельные магометане так поступают, и было бы совсем странно, если бы религиозный магометанин не заботился о процветании магометанства, но как христианин может быть вторым Иудой, предателем Христа, это для меня непонятно даже и теперь, хотя один крещеный татарин и говорил мне: "...у него карман большой..."

Итак, это просто христопродавцы, собирающие немалую мзду в свои большие карманы. Когда я впервые услыхал об этом, я глубоко возмутился душой и хотел сразу обличить этих Иудушек "пред церковью". Но пока, по слову евангельскому, я решил их обличить наедине; пусть, читая эти строки, они — каждый сам про себя — обдумают свои поступки, пусть покаются, пусть решатся перенести церковное дисциплинарное наказание. Они, эти христопродавцы, не имеют права приступать ко святому причащению; священник, их духовный

отец, не имеет права оставить их без епитимии. Пусть они временно отойдут от трапезы Христовой, чтобы не быть вечными преступниками перед Христом.

Епископ Андрей»[116].

* * *

БЛИЖАЙШАЯ ЗАДАЧА «СОЮЗА РУССКОГО НАРОДА»

<Сентябрь 1908>

«Меня очень часто обвиняли в партийности, т<*о*> е<*сть*> в том, что я могу беспричинно предпочитать одних людей перед другими. Эти обидные для меня обвинения совершенно не справедливы: без основательной причины никому ни по какому поводу я не делал предпочтения. Если же "Союз русского народа" ближе для меня, чем другие партии, то это потому, что он сам по своему духовному строю всецело присоединился к моим воззрениям и ни одного своего убеждения я не переменил ради того, чтобы "Союз" принял меня в первые свои ряды, за что я его глубоко благодарю.

Кроме того, я не считаю "Союз русского народа" партией: этот "Союз" и есть русский народ, те бесхитростные, не мудрствующие люди, для которых вера всего дороже на свете и которые своей веры не стыдятся.

Для них православие дороже всего; оно дает им содержание всей их немногосложной, но по идеалам — очень высокой жизни. И в то время, как у настоящих партий религия и православие являются только незна-

---

[116] Казанский Телеграф. 1908. № 4659. 18 сентября.

чительными подробностями их партийной программы, у "Союза русского народа" православие занимает первое место, и вся его программа исчерпывается главным образом служением православию. Иногда "Союз" допускает и ошибки, но эти ошибки общего направления его деятельности не меняют; православие остается по-прежнему на первом месте среди всех забот "Союза". И городские руководители "Союза" в этом отношении, как и многие другие, уступают деревенским представителям и членам отделов "Союза"; а там вера, религиозность и одушевление занимают очень высокое место и совсем не поддаются никаким соблазнам, что еще заметно среди горожан. Об эту скалу народной веры и разбилась наша безрелигиозная и нравственно беспринципная революция. Она погибла нравственно в тот момент, когда против нее выступил "Союз русского народа". А теперь она, наша безумная революция, погибла и во всех других отношениях. Что же осталось после нее? Чем теперь жить, какими принципами в жизни руководиться? Около чего необходимо устроить нашу общественную жизнь, чтобы она удовлетворяла верующую душу, дала ей полное удовлетворение? Мой ответ, я уже повторяю чуть не 101-й раз: только около Церкви, только с развитием народной самодеятельности и приходской взаимопомощи русский человек может жить безбедно и в нравственном, и в материальном отношении, иначе он по-прежнему будет голодать душевно и телесно, не будет иметь пищи и для души и всегда будет в зависимости от своего часто безжалостного кредитора.

Но вот что новое: ныне все отделы "Союза русского народа" (Казан<*ской*> губ<*ернии*>) должны немедленно преобразоваться в церковно-приходские советы, сохраняя свою связь с казанским "Русским Собранием", которое ставит своей целью развитие приходской взаимопомощи, — отсюда можно всегда получить и совет, и поддержку, и хорошую книжку.

Таким образом в каждом приходе и организуется своя приходская здоровая, сильная, боголюбивая и царелюбивая Дума. Русский мужик в своих лаптях тут не будет чужой — это будет его собственное мужицкое, дорогое для него церковно-приходское дело.

Но является вопрос: сладят ли русские деревенские жители с таким делом? Посильно ли будет им выдержать борьбу со всеми врагами православия, скрытыми и явными? И, конечно, многие ответят, что и ума, и грамотности у них недостанет для этого великого дела организации приходской жизни.

Решаюсь сказать, что это ошибка. Да, председателям отделов "Союза русского народа" нужна поддержка, нужно небольшое руководство, но послушайте-ка, как они умно и толково говорят о беспорядках в своей жизни, послушайте, как они горячо обсуждают, как с пьянством нужно бороться, иначе-де погибнем, как жалуются, что такой-то учителишка "ребят не добру учит", что они все "не могут напасть на путевую, т<*о*> е<*сть*> хорошую газету" и пр<*очее*>, и пр<*очее*>. И можно поручиться, что у этих мужичков-председателей дело приходское, приходская борьба со всяким злом скоро наладится и разовьется.

Закончу настоящую заметку сообщением об очень радостном для меня событии.

Против моих статей о развитии церковной и приходской жизни говорили и писали (и на них жаловались) достаточно. Но меня огорчило исключительно то, что на них очень неблагосклонно смотрели и многие мои учителя, мнением которых я дорожу.

Какова же была моя радость, когда архиепископ Волынский Антоний недавно циркулярно предложил своему духовенству стать во главе отделов "Союза русского народа"! А если во главе этих отделов будут стоять священники, то у нас и явится самая лучшая приходская община (организация). Владыка Антоний: "...несколько

отделов союза уже избрали окружными председателями крестьян, чем, конечно, уронили авторитет местного духовенства... Но надо самим приходским пастырям взять в руки пробудившуюся народную жизнь, пока не забрали другие. Не большая беда была, когда священник был ненавистен людям порочным и безбожным, но плохо будет, если он ненавистным окажется ревнителям веры и благочестия... Спешите, отцы, возглавить собой движение народное, чтобы не быть отброшенными от него и чтобы без вас самого народа хитрые враги не отбросили от церкви". Так пишет великий ревнитель церкви, архиепископ Антоний. И это — великое приобретение для приходского дела!

Конечно, лучше и нормальнее было бы не через "Союз русского народа" идти к церковной жизни, а через правильную организацию приходов (во главе с пастырями) устраивать самый союз, но и за то нужно благодарить Бога, что мы сейчас видим и слышим.

Епископ Андрей»[117].

* * *

ДУХА НЕ УГАШАЙТЕ

<Сентябрь 1908>

«Когда я кончил последнюю статью о приходе и говорил о том, как владыка — архиепископ Димитрий поручил Братству св. Гурия познакомить казанскую паству с мыслью о приходской взаимопомощи, и не думал, что через три-четыре часа это будет уже только архипастыр-

---

[117] Русь православная и самодержавная. 1908. № 29.

ским завещанием новопреставленного святителя Казанского!

Царство небесное незабвенному архипастырю, всю жизнь проведшему среди ученых трудов во славу святых праведников земли русской.

И творя волю почившего, продолжаю свою речь о приходе, о жизни русского православного народа возле храма Божьего, в церковном взаимообщении.

Обыкновенно опасаются многие введения приходов и приходских собраний потому, что тогда церковно-приходские советы будут вмешиваться в церковное хозяйство.

Эти опасения очень странны. Они показывают, что есть причины, побуждающие кого-то бояться, за что-то опасаться. А чтобы ничего не бояться, нужно очень немногое, нужно удалить причины этой боязни! Но сейчас я говорю не об этих причинах и даже вообще не о церковном хозяйстве. Организация церковно-приходской жизни имеет гораздо более важную, воистину святую цель: поддержать тот благодатный неземной огонек, который горит в душе каждого человека.

"Духа не угашайте!" — вот эту заповедь апостола мы все и должны всегда помнить. А именно дух, душа человеческая всеми и забыта в настоящее время. И чем более люди говорят и пишут о богатстве, о свободе, о счастье, о служении народу, тем более народ беднеет, чахнет и телом, и душой, а очень часто и голодает. Это потому, что человеческого счастья нельзя устроить без душевного мира, без духовной радости, без любви.

А о любви-то, об этом даре Божьем, теперь никто и не говорит, о ней и не заботится никто из тех, кто хочет служить людям.

Вот приходская жизнь и должна начаться с заботы каждого доброго христианина о том, как бы послужить ближнему, как бы спасти его от греха, как бы поддержать его, когда он сам не в силах будет бороться со всеми искушениями жизни.

Не угасите духа в ближнем своем!..

Но мне уже приходилось не один раз слышать: "Да как же я буду делать и что? Да я не умею!"

Это — ложь! Всякий сумеет сделать то, что ему Бог сделать повелел, когда посылал его в эту жизнь, но очень мало таких людей, которые хотят это делать. Вот это горькая правда: христиане не хотят жить так, как заповедал Христос, — т<*о*> е<*сть*> в любви не на словах, а на деле, в полной взаимопомощи.

И гаснет дух любви христианской среди нас, гаснет душа человеческая; замирает она одинокая, никого не любящая, для всех чужая и только помышляющая о том, чтобы своего не потерять.

А на самом-то деле так и бывает. Кто не работает, тот не развивает сил своих и губит их. Кто не увеличивает своих талантов, полученных от Бога, тот их зарывает в землю.

"Кто не собирает со Мною, тот расточает", — сказал Господь. И эта психологическая истина совершенно для всех очевидна, каждый может ее испытать на себе.

Итак, ты, всякий христианин, должен делать что-нибудь на пользу ближнего. Ты должен и можешь. И не лги себе, не уверяй себя, что тебе кто-то мешает делать добро, что у тебя руки связаны обстоятельствами. Нет, помни: ты должен делать и делай. Либеральные слова о служении "народу", о "народном" благе — эти слова достаточно надоели всем. До "народа" нам далеко — мы должны служить ближнему; а кто не умеет послужить ближнему, тот никогда не будет истинным слугой народа.

Значит, не в церковном хозяйстве дело, а в церковной любви; ни о чем другом мы не должны так хлопотать, как только о благодатной помощи Божьей, постараться ее заслужить. А без помощи этой нам не устроить нашей жизни: наши партии могут только ссориться и спорить, а дела доброго никогда не сделают.

Не угашайте же духа любви в себе.

Не угашайте духа любви в ближнем своем.

И этот дух любви умиротворит жизнь нашу, успокоит сердца скорбящие и озлобленные.

Сие буди!

Епископ Андрей»[118].

* * *

ЗАМЕТКА

<16 октября 1908>

«Предупреждаю г<*оспод*> членов Братства св. Гурия, что в последнем отчете Братства св. Гурия вкралась досадная корректурная ошибка: пропущена строка расхода в шестьдесят рублей, которая имеется в отчете ревизионной комиссии; таким образом на стр<*анице*> 59 итог 26 157 руб<*лей*> 30 коп<*еек*> сделан верно. Если принять во внимание пропущенную наборщиком и корректором строчку о непредвиденных расходах в 60 рублей.

Очень прошу прощения за эту ошибку, а указавшего эту ошибку члена братства И.П. Пихтина сердечно благодарю за внимание к отчету.

Епископ Андрей»[119].

---

[118] Русь православная и самодержавная. 1908. № 31.

[119] Казанский Телеграф. 1908. № 4682. 16 октября.

* * *

О РЕЛИГИОЗНОМ ДВИЖЕНИИ ТУРЕЦКИХ МАГОМЕТАН

<20 ноября 1908>

«Чувствую потребность выразить глубочайшую благодарность редакции "Казанского Телеграфа" за помещение в этой газете время от времени утешительных и вообще интересных в церковной жизни сведений. Мы как привыкли к унижению всего русского, национального, родного, так привыкли и к унижению и заплеванию нашего родного православия, что всякое торжество вселенской истины становится новостью почти невероятной. И как это ни странно, но сообщение "<*Казанского*> Телеграфа" о присоединении к Церкви 60,0 тыс<*яч*> трапезундских магометан у многих вызвало только чувство недоверия.

"Как, у нас татары отпадают от православия, а в Турции магометане отказываются от Магомета? Да не выдумка ли это газетная?" Так мне говорят многие.

Правда, правда! Господа, благодарите за эту правду! Это — истинная правда, что в Турции христиане, живя под вечным гнетом, научились помогать друг другу, поддерживать один другого.

И вот как только у власти оказалось младотурецкое правительство, христианство проявило свою силу духовную, и десятки тысяч магометан переходят в православие! А мы, русские, оказались совсем плохими христианами, совсем забыли о своей матери Церкви и немощной братии, не заботимся о росте и процветании православия. Оттого от православия и отпадают среди нас, что мало среди нас любви Христовой, которая может — только одна — соединять, а не разъединять. Но вот еще известие, которое может глубоко обрадовать всякое любящее пра-

вославное сердце и взволновать даже равнодушного ко всему русского человека. Известие касается уже египетских магометан и сообщается в серьезных изданиях, — значит, достоверное. "...Православная церковь в Египте за последнее время сильно преуспевает. Магометане в значительном числе переходят в православие. Целые века бывшие закрытыми митрополии восстанавливаются, и там, где никогда не было христиан, учреждаются святительские кафедры. К митрополиям, существовавшим и частью восстановленным в 19 веке (ливийской, фиваидской, триполийской, киринейской и др<*угим*>), в нынешнем году прибавились птолемаидская, леонтопольская и аксирнская. В недалеком будущем предстоит восстановление еще трех митрополий и образование Синода при Александрийском патриархе".

Вот великая радость наша, православные христиане! — Но, простите, я не могу удержаться от просьбы: помогите же снять пятно с русского православия! — Ведь стыдно сказать: в 50 верстах от Казани еще живут язычники, в ста верстах от Казани — еще более тяжкая картина!..

Изучайте же святое православие! Изучайте безгранично прекрасное вероучение православия, помогайте православной Церкви чем угодно и как угодно!

"Сторицею примете!" И ваша жизнь будет глубоко содержательна.

Епископ Андрей»[120].

---

[120] Казанский Телеграф. 1908. № 4711. 20 ноября.

* * *

О ВНЕЦЕРКОВНОСТИ НАШЕЙ СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ

<6 декабря 1908>

«С тяжелым чувством сегодня пришел я к вам, добрые русские люди, и не хотел ничего говорить, даже зная, что вы ждете от меня слова ободрения или научения. Я не хотел говорить потому, что ради сегодняшнего праздника не хотел огорчать вас своими горькими мыслями и чувствами. Но я вспомнил, что сегодня день святителя Мирликийского Николая, великого борца за Церковь Христову, и мне стало стыдно своего малодушия.

Еще я вспомнил, что сегодня день Ангела нашего Государя, которого мы так любим и которому должны служить. И мне стало вдвойне неловко, ибо чем я могу служить ему, как не моим словом, хоть и немощным, — словом назидания Его подданных...

И вот я перед вами, чтобы сказать вам несколько слов.

Вы знаете, что мой идеал, единственная моя мысль, единое мое желание — Святая Русь. Я знаю, что многие из вас меня за это осуждают; им хочется, чтобы я говорил только о сильной Руси, никакого врага не боящейся и всякого супостата покоряющей. Но я твердо помню: "аще не Господь созиждет дом, всуе трудишася зиждущие; аще не Господь сохранить град, всуе бде стрегий".

Но чтобы Господь сохранял наш "град", нашу Русь, она должна заслужить это, она должна по крайней мере стараться быть святой, по крайней мере стремиться к этой святости. Между тем у нас все теперь на Руси есть. Нет только церковной жизни, нет — ничего нет, что необходимо для развития церковности.

Церковь отныне нисколько не освещает нашего исторического пути.

Церковь не имеет своего голоса в государственном деле.

Церковь уже не кормчий нашего Государственного корабля, каким она была целые столетия. Церковных мнений ныне никто ни по каким вопросам и не спрашивает.

Правда, и в нашей Государственной Думе, и в Государственном Совете сидят иереи и архиереи; но они сидят там со своими собственными мнениями, свои собственные мнения и суждения они там и говорят; а еще чаще молчат о своих мнениях. А общего церковного голоса они не имеют: этого голоса у нас и нет, и никто о нем и не заботится, никто его и не спрашивает. Но и этого мало! Вы знаете, что главнейшее дело обновления нашей жизни есть организация приходов, т<*о*> е<*сть*> такого устройства жизни, при котором русские люди жили бы около церкви, около своих храмов, чтобы они о другом заботились, друг другу во имя Божьего помогали; это главное дело — об этом нужно молиться, этого желать и к этому стремиться.

Однако этого все нет и нет! Я лично надеялся на Киевский съезд наших духовных деятелей; меня на этот съезд благословлял ехать и там говорить о настоятельной необходимости коренных церковных реформ сам отец Иоанн Кронштадтский[121]. Но в Киеве написали целые листы одних только постановлений, а как их осуществить, этого приходится ждать — впредь до получения указа. Но через "указы", разумеется, ничего сделать невозможно; никогда по указу жизнь не делалась — "указы" всегда оставались сами по себе, а жизнь сама по себе. Между тем

---

[121] Иоанн Ильич Сергиев (1829–1908) — протоиерей, настоятель Андреевского собора в Кронштадте, духоносный пастырь. Прославлен во святых РПЦЗ в 1964 году.

нашими архипастырями, в особенности епископом Могилевским Стефаном[122], архиепископом Финляндским Сергием[123] и архиепископом Рижским Агафангелом[124], выработан проект реформы церковно-приходской жизни, когда будет хоть слабый намек на соборность в жизни нашей Церкви. И можно было надеется, что если уж не желают у нас спрашивать церковного мнения по государственным вопросам, то, по крайней мере, развитию церковной жизни по каноническим нормам никак не будет поставлено препятствий.

Но и это достаточно справедливое желание по нынешним временам не признается подлежащим удовлетворению, и чисто церковная реформа передается на обсуждение "подлежащим ведомствам для согласования с законоположениями, этих ведомств касающимися". Так передают газеты, и дай Бог, чтобы это была неправда...

Ибо неужели мыслимо, неужели возможно такое положение вещей, чтобы проект церковной реформы нуждался в согласовании его, например, с питейным уставом, со взглядами акцизного ведомства или просто с мнениями хотя бы октябристов, этих безукоризненных представителей оппортунизма во всех областях жизни.

Я уже неоднократно говорил, что главным принципом переустройства нашей общественной жизни нужно поставить совесть, а не всеобщую равную сытость.

Но совесть выдвигает Церковь, а сытость все наши политические партии. О совести говорят наши иерар-

---

[122] Стефан (в миру Николай Павлович Архангельский); с 1904 — епископ Могилевский и Мстиславский.

[123] Сергий (в миру Иван Николаевич Страгородский); с 6 октября 1905 — архиепископ Финляндский и Выборгский.

[124] Агафангел (в миру Александр Лаврентьевич Преображенский); с 4 октября 1897 — архиепископ Рижский и Митавский.

хи, выдвигая проекты церковно-общественной жизни, а о сытости и только о ней говорят все наши реформаторы, выдвигая реформу "мелкой земской единицы". И вот эта мелкая оппортунистическая беспринципность и давит, и уничтожает последние остатки христианского быта нашего русского народа, у которого при всех его грехах всегда была любовь к Христу и к Церкви, и эти чувства выражались в его жизни. Да и за последнее время, в страшную осень 1905 года только нравственное чувство, только совесть народная, воспитанная на церковном учении, на житиях святых, спасли остатки тогда беззащитного гражданского строя от полной гибели в разных иллюминациях, устроенных внецерковным элементом нашего государства.

И за бесчисленные услуги Церкви русского государства она теперь и забывается, исполнение ее насущных потребностей откладывается вместе с реформой какого-нибудь железнодорожного департамента. Забота о сытости, таким образом, совершенно открыто первенствует над всеми запросами совести; и наш государственный организм еще через несколько времени вытравит из себя последние остатки церковности, если он останется внецерковным в той же степени, как и ныне. Тогда о христианизации русского государства, об этой последней цели всякого государства, придется забыть.

Страшно тяжело об этом говорить!

Тяжело потому, что все дело к этому и клонится. А что мы можем сделать? Чем ты можешь служить в Церкви?

Братья! Будем только молиться и молиться; будем стараться, чтобы нам лично хотя бы не быть причинами унижения Святой Церкви и имени Христова.

Хочется сказать, хочется надеяться, что Бог воздвигнет же когда-нибудь себе мужа по сердцу своему, который обновит жизнь Церкви русской. Но кто он будет? Где он? А он нужен ведь сейчас...

Братья! Будем молиться Богу, да не оставит Он нас милостью Своей.

Епископ Андрей»[125].

* * *

ОБ «ОБРУСЕНИИ ИНОРОДЦЕВ»

<12 декабря 1908>

«С величайшим сожалением я вынуждаюсь сказать несколько слов об этом "обрусении".

Вопрос избитый, вопрос, над разрешением которого трудились люди, посвятившие всю свою жизнь только ему, вопрос, который прямо нужно считать решенным, — этот вопрос снова дебатируется громко, страстно, без достаточного знакомства не только с литературой по этому вопросу, но и с жизнью... Господа! Это делается только на радость нашим врагам и уже несомненно во вред пресловутому "обрусению"! Когда в № 4457 "Каз*<анского>* Тел*<еграфа>*" был помещен отчет о заседании Казанского губернского земского собрания, в котором указывалось, что "постановка учебного дела в школах Братства св. Гурия нуждается в коренной реорганизации", что нужно заменить учителей-инородцев другими учителями, то я утешался мыслью, что репортер что-нибудь изложил не точно... И в утешение всех обеспокоенных этим отчетом я должен сказать, что в этом отчете много неточностей и что эти вредные неточности не будут проведены в жизнь. Но в № 4460 "*<Казанского>* Телеграфа" я, к изумлению своему, уви-

---

[125] Русь православная и самодержавная. 1908. № 41.

дел отчет о публичном заседании губернской комиссии по народному образованию и рассуждения этой комиссии о русификации...

Автор этого отчета ничего не понял из того, что я говорил в этой комиссии, и то, что он мне приписал, — я не говорил. Признаюсь, мне писать сейчас совершенно некогда; пишу наскоро и потому и не полно, но я глубоко скорблю, что русские люди с легким сердцем произносят это слово "русификация"... Ведь в этом слове заключается страшная историческая трагедия вообще для очень многих, для целых народностей. А люди так бессердечны, что тычут в нос инородцам этой "русификацией", не замечая, что они делают им просто больно!.. "Обрусение", ведь этот вопрос прежде всего нравственный, а его выносят на площадь... Но я попрошу вдумчивого читателя сделать вывод из следующего эпизода. Я посетил черемисскую деревню, чтобы видеть черемиса[126]-кугосортинца[127], отставшего от православия. Он прекрасно говорит по-русски. На мой вопрос, почему он перестал ходить в церковь, почему, окончив обучение грамоте, отпал от "русской веры", он ответил: "...да я хоть в церковь не хожу и попа не принимаю, да водку не пью, табак не курю. Смирно живу, лошадь не крал, — чего тебе от меня нужно?" А я был в этой деревне в воскресенье, и вся деревня черемисская была поголовно полупьяная...

Кроме того, я знаю, что в Цивильском уезде недавно чуваши отпали в магометанскую веру, хотя окружены чувашами и полуславянскими и получувашскими богослужениями. Поэтому я в назидание комиссии и не говорил, и не мог сказать, что "черемисы и чуваши связаны прочно (!!) одной верой".

---

[126] Черемис — устаревшее русское наименование марийца.

[127] Кугосортинцы — особо выдающиеся приверженцы язычества среди марийцев.

А говорил я вот что: что, пока не будет поднято в культурном отношении само русское население Казанского края, пока оно само будет стоять почти ниже инородческого, до тех пор об "обрусении" говорить рискованно. Инородец никак не поймет прелестей этого обучения и, прекрасно зная русский язык, не будет русским в душе...

Я слышал, что "русский язык — основной элемент русской культуры..."

Да ведь это же — заблуждение!

Кто самые страшные враги русской культуры? Евреи. А разве они не владеют русским языком? Что же г<*оспода*> Гессены[128], Винаверы[129] не знают русского языка? Да разве в казанских судебных учреждениях не блещут выдающимся русским красноречием люди, презирающие нынешнюю Россию? Нет, с инородцами нас объединит только единство веры, единый общерусский православный приход. Вот о чем я говорил в комиссии по народному образованию 10 января с<*его*> г<*ода*>. Но на мои слова о церковном приходе никто не обратил внимания. Разговор о православии для нас еще не понятен...

Но, господа, русская культура без православия или разговор об этой культуре с непонятным еще православием — это абсурд; на это не стоит тратить времени.

И об "обрусении" пока нужно говорить с большой осторожностью, чтобы не вышло большого конфуза.

Епископ Андрей»[130].

---

[128] Гессен Владимир Матвеевич (Вольф Мунишевич) — юрист, либеральный публицист, депутат II Государственной думы.

[129] Винавер Максим Моисеевич — оратор и публицист, один из лидеров партии кадетов.

[130] Казанский Телеграф. 1908. № 4461. 12 декабря.

* * *

НОВАЯ ЭПОХА ПРИХОДСКОЙ ЖИЗНИ

<31 декабря 1908>

«Газеты сообщают нечто столь невероятное, столь радостное, что невольно рука православного христианина хочет перекреститься. Русские люди единогласно решают идти в церковь и в церковной жизни искать и успокоения собственного, и общественного. Русские люди перестают смешивать православие с деревянным маслом и служение Церкви с отправлением обязанностей церковного сторожа... Это новая эра в нашей русской жизни! Это — эра нашего обновления... Итак, читаем телеграмму:

"...Смоленское земское собрание возбудило ходатайство о признании юридическим лицом не храма, а церковной общины, обнимающей всех постоянных жителей на приходской территории, и об обязательном осуществлении приходского самоуправления на основе определения синода от 18 ноября 1905 года, но со следующими изменениями:

1) председательство в приходском совете принадлежит избранному приходским собранием лицу;
2) приходской совет управляет приходским имуществом, состоя под контролем епархиальной власти;
3) все сборы церквей в пользу епархиальной власти налагаются на приход с согласия приходского собрания;
4) всякие сборы в церквях производятся согласно определения приходского совета ("Моск<*овские*> вед<*омости*>". 1908 г<*од*>. № 16)".

Здесь все прекрасно! Можно здесь спорить о подробностях, можно с ними не соглашаться, но обратите внимание: губернское земское собрание говорит о приходских делах, земцы единогласно ходатайствуют об упорядочении приходской жизни, земцы борются против не церковности в обществе. Слава Богу!

Действительно, точно великая ноша с плеч свалится у церковных деятелей, когда будут нести бремя служения Церкви не только они, эти ныне несчастные в своем одиночестве деятели, но и все живые члены живой Церкви.

Начало сделано...

В добрый час!

Церковник»[131].

* * *

РАЗРУШЕНИЕ ЦЕРКВЕЙ

<14 января 1909>

«Недавно в одной из провинциальных газет мы прочитали прелюбопытное мнение относительно будущности наших храмов. Дословно воспроизвести это мнение мы не беремся, но мысль такая: наше духовенство, чуждое для народа и народом нелюбимое, а по местам народом презираемое за пьянство и др<*угие*> пороки, — наше духовенство давно уже протягивает руку и требует казенного жалованья. Духовные чада решительно отказываются содержать своих отцов. Но это — еще начало! А скоро, — так пророчествует автор цитируемой статьи, — скоро и храмы православные будут нуждаться

---

[131] Казанский Телеграф. 1908. № 4472. 31 декабря.

в правительственной субсидии. Церкви наши, обремененные самыми непомерными обложениями, совершенно не в состоянии себя поддерживать! Оказывается, что они вносят 93% со своих доходов на самые разнообразные нужды, из них — более 50% на школы духовного сословия. Если это так, то это поистине ужасно. И если сейчас духовенство тщетно добивается себе жалованья от государства и, вероятно, не добьется, то уж церкви-то, конечно, не могут рассчитывать на казенную поддержку: казны на это решительно не хватает!

Ведь за православием потянется и всякое наше инославие к казенному сундуку и будет требовать с довольно логичной последовательностью, со своей точки зрения, помощи на содержание костелов, хуралов, мечетей?.. Мы, впрочем, говорим только о величайшей ненормальности в жизни православия! Легко сказать, разрушаются храмы вследствие непомерных обложений на неизвестные и непонятные ни для кого нужды!

По какому праву существуют эти обложения?

Только по праву силы с одной стороны и вследствие непростительного отсутствия среди православных всякого интереса к церковной жизни.

Кому эти насильственные обложения нужны? Церкви, может быть? Может быть, эти обложения идут на церковные нужды, на развитие церковной жизни? О, нет, читатель! И не надейтесь по-пустому! Церковные нужды никому не интересны... а эти громадные средства, собираемые с церквей, ныне разрушающихся, идут на всякие сословные нужды людей, при храмах состоящих, от храмов церковных питающихся, но очень мало служащих этим храмам и совсем не служащих Церкви.

Однако когда же Церковь будет поставлена на свещнице?

Когда святые храмы соберут вокруг себя рассеянное стадо Христово? Когда осуществится церковно-общественная жизнь, о которой так заботятся лучшие сыны Церкви?

Или мы будем свидетелями разрушения храмов церковных, как наши отцы и деды были свидетелями разрушения общественной церковной жизни?

Печальная участь...

Церковник»[132].

* * *

ОБ ОФИЦИАЛЬНОЙ УЧЕНИЧЕСКОЙ ИСПОВЕДИ

<16 февраля 1909>

«Наступивший Великий пост, время душевного обновления и очищения совести верующих сердец, заставляет меня urbi et orbi[133] рассказать несколько наблюдений своих над учащейся — преимущественно в средних учебных заведениях — молодежью. Мне хочется сказать о великой ненормальности обязательной ученической исповеди у своих собственных законоучителей. Это оказывается совершенно непосильным бременем не только для подростков 15–16 лет, но и для детей; и в таком случае вся исповедь, святейшее таинство, оказывается средством к величайшему обману и духовника, и родителей, и себя, — иначе говоря, величайшим нравственным уродством, которое калечит души детские в самый нежный период их развития. Я помню, как вводился в средние учебные заведения этот порядок обязательной исповеди у официально назначенного духовника-законоучителя, и вспоминаю, как более вдумчивые родители возмущались этим нововведениям. Но тогда, в начале 90-х годов

---

[132] Санкт-Петербургские ведомости. 1909. № 10. 14 января.

[133] Urbi et orbi (лат. — городу и миру).

прошедшего столетия, все подводилось под одну форму, все подтягивалось и вставлялось в казенные рамки: вставили в рамку и ученическую совесть. Но я утверждаю, что это — величайшая ошибка и общепедагогическая, и что важнее, величайшее несчастье в религиозном отношении. Сегодня мальчик сознательно не говорит правды духовнику, а завтра с двойным сознательным грехом идет приобщаться св. таин. И мало-помалу начинает быть безобразнейшим продуктом педагогической грубейшей ошибки. Удивляюсь, почему об этом никто не говорит, а сам я вынуждаюсь указать обществу на эту официальную ученическую исповедь исключительно потому, что это — вопрос моей совести. Дело в том, что мне приходится уже не один год быть неофициальным духовником многих несчастных деток, которые потихоньку и от своих родителей прибегают ко мне, — так сказать, для беловой исповеди. Своему духовнику они говорят кое-что, а самое дурное, наиболее тяготящее их совесть они скрывают от своего законоучителя-духовника... И худшие так и приступают ко св. приобщению с сознательным обманом, а лучшие — те после многих мучений бегут искать настоящего духовника. И несчастные прибегают и ко мне. И никакие просьбы и убеждения не действуют на них — они ни за что не хотят вернуться к своему духовнику кончить первую исповедь. Помню, что только два-три раза мне удалось упросить своих 13–14-летних исповедников вернуться к своему духовнику и сознаться в какой-то ничтожной шалости. Но грехи против седьмой заповеди, которых дети часто и назвать не могут, — эти грехи остаются решительно неизвестными для казенного духовника. И дети с более чуткой совестью в подобных случаях заслуживают самого искреннего сожаления. Я знаю одного юношу и знал другого, уже умершего, которые на почве мучений совести при умалчивании своих грехов на исповеди совершенно сошли с ума, и один из них умер. Вообще эти грехи юности и неведения для многих детей являются

страшным кошмаром и иногда на всю жизнь уродуют их душевное развитие. Вот еще характерный случай. Приходит ко мне мальчик — с "большим" грехом... Спрашиваю, что его так беспокоит.

— Смеялся над Священным Писанием.

— Как же так? Почему ты смеялся и что там смешного?

— Там много непонятного и смешного.

— Разве ты читал Священное Писание?

— Нет, не читал, но в катехизисе смешные тексты...

Моему изумлению не было предела, а на мою просьбу указать эти "смешные" тексты мальчик начал очень быстро читать некоторые тексты, немилосердно их извращая и, конечно, без всякого смысла. И этот ребенок был совсем не глупый и имел хороший балл по Закону Божьему. Выводов я не делал из этого примера — они понятны. И мое глубокое убеждение, что современную обстановку казенной ученической исповеди нужно изменить. Я знаю многих прекрасных законоучителей средних учебных заведений; они — прекрасные люди и учителя, но начальнику быть духовником своего ученика совершенно невозможно, и нынешнюю исповедь нужно заменить как можно скорее исповедью учеников в семейной обстановке, предоставить ученикам право исповедоваться у лучших духовников или у более уважаемых городских священников, любимых родителями, а не случайных молодых законоучителей, которые очень часто сами не знают, как им вести себя в качестве духовников, и совершенно не могут кем-либо руководить. И очень хорошо было бы, если бы наступающая вскоре Страстная неделя сделалась для всех без исключения учеников источником духовной радости, а не чем-либо противоположным.

Епископ Андрей»[134].

---

[134] Санкт-Петербургские ведомости. 1909. № 37. 16 февраля.

* * *

ХАРАКТЕРНОЕ ПОСТАНОВЛЕНИЕ СИНОДА

<1 апреля 1909>

«В Святейшем Синоде начались занятия по разбору постановлений Киевского миссионерского съезда. Этих постановлений — громадное количество, и все такого свойства, например, чтобы все священники вдруг сделались идеальными пастырями, а все дьячки сельские — народными миссионерами. Что касается простых смертных — мирян, то съезд признал необходимым, чтобы все, без различия пола и возраста, знали молитвы церковные, а если кто не знает, так должен выучиться, а батюшка должен с такими людьми заниматься перед службами изучением молитв.

Что касается отпадений от православия, то киевский съезд признал их очень нежелательными; постановлений очень много было сделано по этому поводу, и сущность их сводится к тому, что православие заключает в себе несомненную истину, но, к сожалению, никто этой истины со стороны рассмотреть не может, а сами православные плохо ее чувствуют, а потому и отпадают. Относительно русских раскольников съезд выразил такое мнение, что они — круглые невежды и что необходимо их просветить.

На все это теперь и ожидаются соответствующие указы, которые разольют по Руси всякое благополучие и духовное просвещение. Киевский съезд также обратил свое внимание еще на то, что в г<*ороде*> Кронштадте издается совершенно безграмотная газета, редакторы которой — несомненно иоанниты.

Съезд постановил отлучить редакцию безграмотной газеты от Церкви за вредное хлыстовское направление ее редакторов. И вот из всех постановлений, сущность

которых мы выше указали, утверждено пока только это последнее...

Удивительное начало церковного устроения!

Съезд киевский сделал много серьезных постановлений: казалось бы, с них и нужно было начинать, — преобразовывая нашу жизнь церковную, чтобы прекратились отпадения от Церкви на Севере (в Карелии), на юге (на Кавказе, во всей Малороссии), на востоке (почти повсеместно) и на западе (тоже почти во всей Польше и во всей Литве), а мы начали эту церковную реформу с отлучения "иоаннитов" от Церкви... Иначе говоря, к отпадениям от Церкви прибавили еще отлучения!..

По какому же, собственно говоря, принципу эта церковная реформа у нас совершается?

Почему многополезные киевские постановления начали проводиться в жизнь с отлучения безграмотной толпы иоаннитов от Церкви? А если здесь все совершается по какому-нибудь принципу, то это — принцип очень характерный при всей своей загадочности.

Церковник»[135].

* * *

О ЦЕРКОВНОЙ РЕФОРМЕ БЕЗ СОБОРА

<27 апреля 1909>

«Недавно в "Русском Собрании" в Петербурге состоялась лекция на тему: о церковной реформе без собора. Тезисы автора этого доклада таковы: собор опасен; он может вызвать разногласия даже среди иерархии;

---

[135] Санкт-Петербургские ведомости. 1909. № 71. 1 апреля.

возможен раскол; лучше все дело церковной реформы передать в руки бесспорно церковного одного лица: например, архиепископа японского Николая[136], или архиепископа херсонского Димитрия[137], или волынского Антония[138]. Вот тезисы доклада г<*осподина*> Преображенского, и чрезвычайно характерно замечание газеты "Колокол", что такое "творчество" в русской Церкви возможно, потому что вообще примеры "такого творчества в нашей русской жизни (в области музыкальной и законодательной) уже были (№ 909)".

Странно слышать, что церковные реформы можно производить... по образцу музыкального творчества!! И новый церковный проект сводится, таким образом, к очень простому средству: нужно отыскать соответствующего дирижера или капельмейстера — и реформа его будет для Церкви очень благодетельна.

В мысли автора этого нового способа оздоровить жизнь православия рисуются, несомненно, те счастливые времена, когда все было "в порядке"; когда в Синоде за порядком смотрел "сам Константин Петрович", когда все архиереи в мнениях не расходились, когда они были, безусловно, единодушны в своем молчании и во всяком послушании...

Невольно вспоминаются слова Алексея Толстого об идеальном русском порядке:

Такой завел порядок,
Что — покати шаром...

---

[136] Николай (в миру Иван Дмитриевич Касаткин) — основатель Православной Церкви в Японии; с марта 1906 — архиепископ Японский.

[137] Димитрий (в миру Климент Иванович Муретов) — архиепископ Херсонский и Одесский.

[138] Антоний (Храповицкий) — архиепископ Волынский и Житомирский.

И вот ныне существует несомненное желание довольно влиятельных при синодских кругах все дело церковной реформы скомкать, составить просто-напросто "комиссию по вопросу о церковной реформе" или иную комиссию и все в полном порядке обделать канцелярским путем. Проще — вся логика в этом деле сводится к таким положениям:

1) Собор опасен.
2) Канцелярия — какова бы ни была — вполне безопасна и всегда во всем послушна.
3) Да здравствует канцелярия!

— И все это, бесспорно, очень заманчиво, очень красиво, вполне безопасно, — но все вместе с тем глубоко антицерковно!..

Правда, г<*осподин*> Преображенский выдвигает такую светлую личность истинно церковного деятеля, как архиепископ японский Николай, и надеется, что этот святитель единолично проведет реформу русской Церкви и что его авторитет не встретит возражений.

Однако эти надежды тщетны: японский святитель не согласится взять на себя всю великую ответственность перед Богом и всей Церковью за судьбы Церкви русской.

Мы знаем владыку Николая как человека глубоко церковного; мы знаем, что Церковь японская живет ежегодными соборами (священников и катехизаторов[139]), твердо уверены, что прибытие архиепископа Николая в Россию возможно или на собор, или для собора, а не иначе! А единоличного "творчества", столь желатель-

---

[139] Катехизатор — специалист, получивший систематическое богословское образование, необходимые умения, навыки и пастырское благословение для проведения на своем уровне духовно-просветительской деятельности.

ного нашим поклонникам синодской канцелярии, владыка Николай в делах "святой соборной Церкви" проявлять не дерзнет; на это дерзают только такие глубоко антицерковные деятели, как покойный обер-прокурор Победоносцев, все прибравший к своим рукам, всеми делами руководивший, всех собою заменивший и всех от церковного дела оттолкнувший...

Нет, нам нужно не единоличное "творчество" (т<*о*>е<*сть*> канцелярское сочинительство), а соборный подвиг всепрощения и смирения и молитва. Собора не бояться нужно, а ждать со страхом и радостью — со страхом потому, что это будет действительно подвиг, который обнаружит великое множество (грехов) наших перед Церковью. Он — будущий собор — обнаружит нашу религиозную неискренность, наше административное лицемерие, наше забвение и пренебрежение к церковным интересам. Собор эти язвы обнаружит и исцелит — вот наша радость.

Но еще несравненнее и величественнее наша радость будет потому, что собор церковный — будет и может быть актом исключительно русского Самодержавия. Ни грязные руки наших партийных думских дельцов, ни оскудевшая духом русская иерархия, ни тем более "единоличное творчество" наших чиновников не способны что-либо создать, не способны на подвиг духовный.

Этот подвиг может совершить лишь великодушие русского Самодержца, и тот преемник византийских автократов, который совершит этот подвиг, сплетет себе нетленный венец в самосознании вселенского православия. Полное объединение православия, слияние старообрядчества со вселенской Церковью, несомненное ослабление сектантства, этой язвы русской государственности, развитие сознательной церковности, несомненное и быстрое усилие православной миссии и др<*угие*> величайшие и благотворительнейшие последствия будущего русской Церкви — вот чего мы

ожидаем в ближайшем будущем для дорогой родины. А мысль обойтись без собора, провести церковные реформы с помощью единоличного сочинительства какого-нибудь новоявленного гения, самодовольного и безгранично самонадеянного, — эта мысль может только уничтожить последние следы церковного самосознания на Руси и совершенно никаких благ не обещает ни для Церкви, ни для отечества.

Церковник»[140].

* * *

ОТВЕТ ВОЛЫНСКОМУ АРХИЕПИСКОПУ АНТОНИЮ

<13 мая 1909>

«В №№ 936 и 937 газеты "Колокол" появились две статьи волынского архиепископа Антония[141] относительно "восстановления прихода". Эти статьи важны не сами по себе, потому что ни одной новой мысли они не заключают, а имеют симптоматическое значение: они могут указывать на современное настроение высших синодских сфер по отношению к вопросу о приходе. И, судя по статьям архиепископа волынского, дело с восстановлением приходской жизни обстоит очень дурно, — очевидно, в правящих сферах это дело решили основательно похоронить, т<*о*> е<*сть*> похоронить все труды 4-й комиссии предсоборного присутствия, труды

---

[140] Санкт-Петербургские ведомости. 1909. № 69. 27 апреля.

[141] Архиепископ Волынский и Житомирский Антоний (Храповицкий).

комиссии архиепископа Агафангела Рижского[142], — решительно все, что уже было в этом деле подготовлено.

Все это, очевидно, признано излишним и опасным, а нормой церковно-приходской жизни, очевидно, ныне признается полное ее отсутствие. Этим совершенно доволен владыка волынский и большего ничего не желает...

Мы же смотрим на этот приходской вопрос совершенно не так, и крайняя резкость архиепископа Антония в суждениях о церковно-приходской жизни заставляет нас, нравственно обязывает нас выступить в защиту постановлений предсоборного присутствия против мнений владыки Антония.

* * *

Мы должны предупредить читателей, что мы преисполнены к архиепископу волынскому чувством самого искреннего, глубокого уважения. Это — человек громадных способностей; в области богословской и философской мысли это — человек, почти не имеющий себе равных среди современников. Это — великий творец православного пастырского богословия, автор бессмертных статей по истолкованию догматов, несравненный проповедник, человек безукоризненной нравственной жизни.

Но... но представьте гениального поэта Пушкина в роли интендантского чиновника!

Представьте гениального творца русской музыки Глинку в положении заведующего ну хотя бы землеустроительной комиссией.

Мне думается, что Пушкин стал бы тогда в принципе отрицать интендантство, а Глинка — так и оставил бы наших крестьян нищими, но, несомненно, много прият-

---

[142] Имеется в виду архиепископ Агафангел (Преображенский).

ных минут пережили бы вследствие знакомства с гениальным музыкантом и его произведениями.

Вот совершенно таков же архиепископ Антоний в практической жизни. Он то отрицает возможность голода, когда голодающий стоит пред ним, то старается излечить русскую жизнь своими гениальными проповедями, когда нужны просто семена для посева, а их вот взять негде...

Владыка волынский создан для "звуков неземных", и земная музыка для него непонятна.

Вот наше мнение об этой исключительной личности.

Еще два слова. Владыка Антоний иногда имеет слабость к публицистике. Это ужасно низко для его таланта: публицистика — совсем не его дело. Он — великий богослов и архипастырь и совсем дурной публицист. Его остроты (вроде "юридический затылок" — вместо "юридического лица"), его фантазии (вроде регента, в церкви исполняющего "камаринскую"). Его нарушение третьей заповеди (вроде: "но, ради Бога, ведь это все давно делается") — все это очень грустно...

Переходим к статьям архиепископа Антония по существу.

* * *

Возражать владыке Антонию в высшей степени трудно: никак нельзя установить его тезисов, а потому приходится или их угадывать, или выписывать буквально те или иные его положения. Но, в общем, его коренная ошибка — та, что он хочет Церковь вырвать из жизни или, вернее, жизнь оторвать от Церкви. При этом взгляд на жизнь беспросветно пессимистичный; вот подлинные слова архиепископа Антония: "...разве в России может собраться 12 человек без того, чтобы в воздухе не потягивало сивухой?.."

Владыка! Если это так, если вы так смотрите на жизнь, то вам не место среди нас, грешных: если ваши 25-летние труды на пользу России не привели ни к чему лучшему, то ваше место где-нибудь ближе к Богу, на Афоне, но не с нами! И что же, какое общество вас окружает?! Если ваше мнение принять, то придется признать, что благодать Божья отступила от России и никакие реформы ни к чему не приведут. Но, нет, уверяю вас, что этого нет. Грехов наших много, но мы еще боремся, мы еще надеемся на победу и умоляем вас: не вырывайте из наших рук тех способов, тех средств, которые приведут нас к исправлению! По вашим словам, мы — пьяницы поголовно и неисцелимо: вы решаетесь это сказать?! Так и оставьте нас, не мешайте нам. И мы попросим у вас же святейших молитв и скоро надеемся утешить вас; если вы не помешаете нам устроить церковно-приходские организации, сивухой в России потягивать будет менее. Вы, владыка, как неземной житель, не можете понять, как это будет; вы даже уверяете, что в России (!) 12 человек не может собраться без пьянства... Оставьте же нас! Только помолитесь. А мы, защитники приходских прав и обязанностей, останемся при своем мнении и постараемся быть и искренними, и серьезными — об этом мы не заставим вас делать напоминания...

В доказательство своих суждений о невозможности восстановить церковно-приходскую жизнь владыка Антоний приводит следующую тираду:

"...Мы не предсказываем будущее; мы говорим о том, что совершается на наших глазах. Я получил из разных епархий, начиная со своей волынской, десятки священнических писем, написанных слезами и кровью, в коих они просят совета, что им делать... Содержание сетований заключалось в том, что с учреждением приходского парламента священник перестает быть духовным отцом и пастырем прихожан, а обращается в общественного

приказчика, которому прихожанин поручает исполнить требу" и пр<*очее*>, и пр<*очее*>.

Таковы десятки жалоб, полученные владыкой Антонием.

И очень странно, что их насчитывается только десятки... Если эти нелепые батюшки ухитрились вместо церковных советов учредить у себя "приходские парламенты", то они и жаловаться ни на кого не имеют права, а могут только сетовать или на свою непроходимую недальновидность, или на отсутствие должного руководства в самом важнейшем деле приходской жизни. И если мы на основании отзыва таких церковных деятелей будем судить о пользе или вреде приходских организаций и степени их осуществимости, то придется признать основательность таких нравоучений: "...не молись, потому что при этом некоторые разбивают лоб" или "...не езди ни на лошадях, ни на пароходах. Ни на чем другом, потому что многих лошади убивали, многие пароходы тонули" и пр<*очее*>.

На самом деле восстановление приходской жизни крайне важно и сложно. Оно требует постоянного и бдительного наблюдения за собой, всякая ошибка в этом святом деле может привести к большим и дурным последствиям. И разумеется, крупные ошибки уже совсем невозможны в таком великом деле церковного благоустроения.

Между тем в то время, как светские власти для земельного благоустройства крестьян собирают съезды и совещания, церковная власть решительно ничего не предпринимает, чтобы устроить церковную жизнь. Все должно устроится как-то само по себе...

А при таком отсутствии руководства возможны и большие ошибки. А в одном случае была допущена громадная ошибка со стороны епархиального начальства: разрешено было всем церковно-приходским советам распоряжаться всеми сторонами приходского дела и допущено было смешение капиталов церковных, причтовых

и собственно приходских. Получилась, конечно, целая куча неудовольствий, и приходская жизнь была разбита здесь во всех отношениях. Но следует из этого только то, что важные дела нужно и всесторонне обдумать, а не решать по первому настроению или по личным симпатиям и антипатиям. И те нелепые, не знающие жизни корреспонденты архиепископа Антония, на которых он ссылается, устроив в своих приходах парламенты, очевидно, выпустили из рук руководство над приходом, не поняли цели учреждения приходских советов и, несомненно, совершенно не имели в своих приходах достаточного авторитета. Проще говоря: дурные пастыри дурно и повели у себя дело...

А мы имеем сведения, мы знаем пастырей, великолепно устроивших свою приходскую жизнь с церковно-приходскими советами: они буквально захватили в свои руки все стороны жизни своих прихожан и сделались действительно их духовными отцами — пастырями не только их карманов, но и их самих. Эти батюшки вырвали свой приход из социалистической пропаганды и доказали своим прихожанам, что когда у них, отцов духовных, просят хлеба, то они хлеб и подают просящим, а не камень — не заменяют рыбу змеей...

А там, где пастыри устроили у себя парламент, — нужны другие пастыри, — и только! Там, где их "тянут к ответу", где они идут в приходское собрание "как зверь на травлю", — там опять-таки нужны другие пастыри, которые бы на свой приходской труд вразумения грешников не смотрели как на их собственную травлю.

* * *

Переходим к последним интересным словам владыки волынского, — потому что фантастические картины, которые он рисует в своих статьях, неопровержимы:

мало ли что может кому-то показаться?! Но предупреждаем, что все невзгоды в приходской жизни возможны только у батюшек, чуждых своей пастве, не знающих ее и паствой нелюбимых.

Вот еще интересная тирада архиепископа Антония о предположении дать православным приходам права юридического лица. Он пишет: "...будь у нас не только юридическое лицо, но и юридический затылок для спасения-то, для нравственного совершенства — какая тут польза, какая связь между тем и другим?"

Какая тут путаница во всем: и в понятиях, и в постановке вопроса!

"Юридическое лицо", признание за приходом со стороны государства прав иметь свою больницу, свою богадельню, свою приходскую казну. Это дарование приходу подобных прав собственности есть средство для прихожан не быть безбожными, озверелыми нищими, а привыкнуть к разнообразной христианской взаимопомощи.

Это — требование жизни, а нравственное самоусовершенствование, духовное возрождение — это уже дело благодати Божьей, дело пастыря, совершителя таинств.

Церковно-приходская жизнь и признание за приходом прав "юр<*идического*> лица" важны для пастырской деятельности наших отцов духовных не как для треб совершителей, а просто как для учителей доброй жизни, — как способ сохранять то, что даровано Богом, а не расточать Его дары.

И именно для государства очень полезно дать православному приходу права иметь собственность. Это значит — насаждать добро: как, например, истреблять работников есть отрицательная заслуга государства — искоренение зла. Но важен ли для Церкви этот вид борьбы со злом и укрепления добра? Конечно, важен; однако это еще не все: несравненно важнее — дело, принадлежащее собственно Церкви, дело пастырей — спасителей грешных душ. Это "юр<*идическое*> лицо" (или "юр<*и-*

дический> затылок, если это более нравится архиепископу Антонию) имеет значение не для Церкви, а для государства. Но и для Церкви они совсем не безразличны, потому что ей важно иметь благолепие храмов, а не нищету их, важно иметь членов Церкви, не скорбящих и озлобленных, а радостных и благословляющих Бога и пр<*очее*>, и пр<*очее*>. И если Церковь будет от себя отталкивать права, которые ей дает государство, — то будет только вредить себе.

Тем, кто живет на земле, это важно, — а кто витает в небесах, тот этого даже и не понимает.

Церковник»[143].

* * *

ЦЕРКОВЬ И «ПОДЛЕЖАЩИЕ» ВЕДОМСТВА

<1 июня 1909>

«Недавно в газетах промелькнуло известие, что проект о приходе, важнейший проект реорганизации народной жизни, из совета министров возвращен в канцелярию синодального обер-прокурора для сношений "с подлежащими ведомствами", интересы которых соприкасаются с предложенной приходской реформой.

Со стороны государства — это глубоко несправедливо и непоследовательно. На основании уже действующих узаконений всякая сектантская община (если не ошибаюсь — только в пятьдесят человек) имеет право свободно организоваться, явочным порядком заявив о своем бытии и быстро подведя свою жизнь под защиту закона.

---

[143] Санкт-Петербургские ведомости. 1909. № 104. 13 мая.

Между тем стоит кому-либо назваться православным, как он в своей религиозной жизни должен быть безгласной овцой, ничем не интересоваться, никому не служить и только давать деньги своему священнику, когда потребуется: "...кадило, кропило и могильный заступ".

Интересная перспектива для всякого инославия!

И очень понятно, что представители сильнейших по религиозному одушевлению сект слышать не хотят о православии и глубоко его презирают как вместилище религиозного индифферентизма и всякой безжизненности.

Но все православные люди не теряют надежду на восстановление церковно-общественной жизни с введением реформы приходской.

Проект уже готов и церковным ведомством рассмотрен...

Впрочем, делаю поправку. Этот несчастнейший проект был:

1) в предсоборном присутствии; был внесен сюда в трех редакциях, был подробно рассмотрен и в единой редакции принят;
2) был после этого в особой комиссии, специально собранной для его пересмотра под председательством архиепископа финляндского Сергия[144];
3) был передан архиепископу Агафангелу[145] еще для поправки; и
4) просмотренный, проверенный, очищенный от всего, что могло уже очень скоро оживить церковную жизнь, этот устав о церковно-приходских советах был отпечатан в официальном органе "Церковные ведомости" и передан на утверждение.

---

[144] Сергий (Страгородский); с октября 1905 — архиепископ Финляндский и Выборгский.

[145] Агафангел (Преображенский); с 1904 — архиепископ Рижский и Митавский.

А теперь этот многострадальный проект о православном приходе будет обсуждаться "подлежащими ведомствами".

Да им-то какое дело? Это — дело исключительно церковное: это — вопрос самый острый в церковной жизни, ибо у нас существуют церковные сборы, существуют "мелочи архиерейской жизни", бывают более и менее крупные скандалы в жизни иерейской, — но общественной жизни при православии нет!

И вот вместо того, чтобы помочь православию сравняться с инославием в силе религиозного одушевления, наши власти в чисто церковных вопросах сносятся с кем-то, теряют время, убивают церковные силы... Или пресловутое "укрепление начал веротерпимости" не коснулось православия? Или инославие теперь свободно, а православие в политическом отношении неблагонадежно и нуждается в опеке, в охране, в соблюдении известных для него ненужных условностей в сохранении только для православия известных рамок? Все это — очень странно, обо всем этом говорить — очень больно!

Церковник»[146].

* * *

О МОНАШЕСКОМ СЪЕЗДЕ

<21 июля 1909>

«Хотя и с некоторым опозданием, но хочу и чувствую себя обязанным внести некоторую поправку в газетные сообщения о монашеском съезде[147]; особенно тяжело мне видеть ошибочные суждения и заключения в тех

---

[146] Санкт-Петербургские ведомости. 1909. № 4. 1 июня.

[147] С 5 по 13 июля 1909 — был проведен I Всероссийский съезд монашествующих.

изданиях, которые дорожат церковной жизнью и для которых монашество не есть предмет только злобных издевательств. Поэтому и тороплюсь, еще не доехав до своей Казани, внести поправки в статью в С<*анкт*>-П<*етер*>б<*ургских*> вед<*омостях*> (№ 153) относительно монашеского съезда, происходившего в Троице-Сергиевой лавре с 5-го по 15-е число июля с<*его*> г<*ода*>. Автор этой фактически неверной и принципиально ошибочной статьи о монашестве пишет, что "или он ничего не смыслит в идее православного монашества, или тут (т<*о*> е<*сть*> на съезде) скрыто что-то нехорошее". Я не смею утверждать справедливости первой части этой альтернативы, но что вторая часть совершенно не верна, это для меня несомненно: на съезде не было ни одной темной черты какого-нибудь двусмысленного отношения к святой идее монашества, не было намека на какой-нибудь иезуитизм или стремление внешним благолепием замаскировать внутренние грешные побуждения и греховную жизнь. На съезде не было "компромиссов" ни с чем и ни с кем; здесь было воистину все чисто и свято. Тут было некоторое незнание внешней жизни, по временам слышал с детской наивностью в устах старцев, живущих небом, а не землей, но — повторяю: здесь была речь о борьбе с грехом, здесь была молитвенная, мирная, святая борьба со злом, и ни одно ухо не могло бы уловить здесь какой-нибудь фальшивой нотки. Нужно было только послушать этих воистину духоносных старцев-подвижников, как Иерон Ново-Афонский[148], человек ангельской кротости и несокрушимой духовной

---

[148] Иерон (в миру Иван Васильевич Носов; он же Васильев); с 1862 — в Афонском Свято-Пантелеимоновом монастыре, 14 марта 1864 — пострижен в мантию, с 23 марта 1875 — иеромонах; с января 1876 — возглавил строительство Новоафонского монастыря в Абхазии (Кавказ), с 4 мая 1880 — игумен, в схиме; с 7 августа 1889 — архимандрит.

энергии, архимандрит Агафангел[149], простец по речи, но человек великой духовной мудрости, или два старца Зосимской пустыни — Герман[150] и Алексий[151], из которых последний пребывает в затворе и только по благословению владыки-митрополита прибыл на съезд. Эти старцы и другие их сотрудники проявили себя такими ревнителями истины, такими искателями правды Божией, что мне лично впервые стал казаться и очень осуществимым, и даже очень близким наш будущий русский поместный собор. Эти старцы и на будущем соборе постоят за истину; они могут быть и там такими же совершенно несокрушимыми исповедниками истины в церковной жизни, как доныне пребывают яркими светильниками веры в своих кельях. Они не "томятся в своих застенках", они по духовной природе своей неспособны "бросить тяжкие обвинения в лицо высших Иерархов Церкви", они живут в свободе духа и в молитвенной любви к братии. Интересно было видеть, как они, эти старцы, относились к злобной клевете клеветнических газет: они буквально проходили мимо них, не замечая этих газет, — проходи-

---

[149] Агафангел (в миру Алексей Иванович Амосов), с 1861 — трудник Валаамской обители, в 1880 — пострижен в мантию, с 1885 — иеромонах, с 1891 — настоятель Александро-Свирского монастыря, с 1892 — архимандрит, добился расцвета обители.

[150] Герман (в миру Гавриил Семенович Гомзин), с 1868 — в Черниговско-Гефсиманском скиту, 29 ноября 1877 — пострижен в мантию с именем Герман, иконописец, с 17 августа 1885 — иеромонах, духовник иноков; с 26 сентября 1897 — настоятель Смоленской Зосимовой пустыни, ввел старческое окормление и строгое богослужение; с 1902 — игумен.

[151] Алексий (в миру Фёдор Алексеевич Соловьёв), с 1867 — служил диаконом в церкви Николая Чудотворца в Толмачах, с 1895 — священник в Успенском соборе в Кремле; в 1898 — поступил в Зосимову пустынь, 30 ноября пострижен во иеромонаха с именем Алексий, с лета 1906 — старчествовал, с 3 февраля 1908 — в неполном затворе.

ли из своих келий к своим местам в зале для занятий. Когда случайно номер такой газеты с клеветой на съезд попадал через прислугу в кельи старцев, его никто не читал: так мало огорчила "клевета человеческая" этих не злобливых людей "не от мира сего"! Автор статьи о съезде монашеском в "С<*анкт-*>П<*етер*>б<*ургских*> вед<*омостях*>" г<*осподин*> Рославлев[152] построил свои выводы о нем на предложении: "если справедливы газетные отчеты о нем". Могу сказать твердо: газетные отчеты совершенно не справедливы, а следовательно, и все построения г<*осподина*> Рославлева до предложения его монахам обучать народ сельскому хозяйству на отрубах — сплошная ошибка. Можно сказать всем, кто ожидает нашего церковного обновления, что монашеский съезд — это великое событие нашей церковной жизни. Он велик тем, что обнаружил великую силу духа, сокрытую в наших святых древних обителях. Если и наш русский собор так же будет блистать сокровищами веры и любви, смирения и твердости, простоты и величия, — то, нет сомнения, обновится православная Русь и пребудет надолго и святой, и сильной.

Епископ Андрей»[153].

---

[152] Рославлев Александр Степанович — поэт, прозаик, критик (статьи в газетах, журналах).

[153] Санкт-Петербургские ведомости. 1909. № 161. 21 июля.

* * *

ДИКИЕ ПРИЕМЫ НАШЕЙ «ДУХОВНОЙ» ПОЛЕМИКИ

<6 сентября 1909>

«В духовных журналах и единственной "духовной" газете идет сейчас очень одушевленный обмен мнениями относительно возможности и надобности восстановления церковно-приходской жизни. Одни находят, что это восстановление необходимо, а другие находят, что это будет началом конца всей русской Церкви, что тогда начинается всеобщее разрушение всех основ и "низвержение православия..."

Конечно, мнения разные бывают, и упрекать кого-либо за то, что его природа наделила иногда совсем вредными "мнениями", — это будет несправедливо. Но мы намерены отметить сейчас нечто иное: мы хотим указать не сами мнения противников приходских организаций, а только мотивы их и их полемические приемы.

Итак, церковно-приходские советы не нужны и вредны. И вот почему это так. Прежде всего, — говорят наши духовные и миссионерские газеты, — потому, что все православные прихожане — пьяницы и от них "несет сивухой". А т<*ак*> к<*ак*> наши отцы духовные и в рот не берут даже никакого вина, то, ясное дело, они должны оберегать свою нравственность от своей пьяной паствы и пр<*очее*>, и пр<*очее*>. Это вот самый сильный аргумент против церковно-приходских советов; и этот аргумент взял под свое покровительство сам наш духовный официоз, составляющий обязательное чтение для нашего духовенства. Наши батюшки, с удовольствием прочитав эту бестактнейшую статью своего официоза о поголовном пьянстве всей паствы их, махнули на все рукой и решили по-прежнему ничего не делать. Но наша

духовная газета — единственная во всех отношениях — взглянула на дело глубже и "беспристрастнее". Это замечательно беспристрастная газета! Сегодня она пишет, всячески защищая приходские советы и красноречиво отмечая всю пользу их, а завтра на всякий случай филиппику поместит против этих самых советов, что беспристрастность ее становится вовсе очевидной: и нашим, и вашим, и кому что угодно — только чтобы и левые, и правые довольны были. Так, эта единственная "духовная" и миссионерская и вполне беспристрастная газета поместила недавно статью: "Приходские кадеты" или что-то в этом роде. Тут доказывалось, что все эти господа, толкующие о приходе, — все это кадеты. Они говорят о Церкви, о служении ей — это все неспроста: это они обманывают, всякое начальство только за нос водить хотят... Тут непременно масоны замешаны! Это они научили разных Папковых, да Киреевых, да Тихомировых говорить о приходе. А эти господа, опять-таки с задней мыслью, говорят о торжестве православия, а сами покушаются на приходские советы. Одним словом, все, кто говорит о приходе, о церковно-приходских советах, — все люди в большей или меньшей степени недобросовестные, а настоящие — истинно-православные — должны сидеть смирно, ничего не желать, ни о чем не говорить, а главное, не заботиться о Церкви Божьей; обо всем начальство предписание сделает само, а беспокоить его какими-то "советами" — это явное кадетство!

И вот наша приходская реформа на своем пути и встречает таких противников, такие политические аргументы...

Как-то более не хочется писать, руки опускаются! Но невольно при этом приходят на память слова: "...горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что обходите море и сушу, дабы обратить хотя бы одного, и когда это случится, делаете его сыном геенны".

Действительно, если вся наша православная паства такова, что ее можно заподозрить в неблагонамеренности и нечестности, то — о чем же еще говорить?!

Вот до каких несообразностей может довести наших "духовных" писателей их полемический азарт.

Одна неправда влечет за собой другую...

Церковник»[154].

* * *

АРХИЕРЕЙ И АПЛОДИСМЕНТЫ

<1 октября 1909>

«Двум епископам — членам Гос<*ударственной*> Думы — приходится очень часто выступать в Думе в защиту церковных учреждений. Почти всегда, когда им приходится говорить, они выслушивают себе аплодисменты. Это не хорошо! Вообще думские аплодисменты — дело очень серьезное, и жаль, что на них не обращает внимания сама Дума. Эти думские аплодисменты превращают Думу в площадь, в политический турнир; они разжигают страсти, но, главное, они незаметно приучают народ несерьезно относиться к серьезнейшему делу — к делу государственного служения. Где народ слышит аплодисменты? Конечно, только там, где он бывает, и, конечно, не в театре, эта роскошь народу недоступна. А бывает народ в скверном, очень часто неприличном балагане. Там он "все руки себе отхлопывает" — по адресу или скабрезных куплетистов, или акробатов.

---

[154] Санкт-Петербургские ведомости. 1909. № 200. 6 сентября.

И где еще народ слышит об аплодисментах? — Да вот в Гос<*ударственной*> Думе! — Итак, скверный балаган да Государственная (не какая-нибудь другая) Дума стоят рядом. Ранее народ "в ладоши хлопал" только тогда, когда можно было вволю погулять, а теперь "хлопает в ладоши" — в Думе. И привыкает относиться легкомысленно к серьезнейшему делу.

Мне возразят, что эти аплодисменты, во всяком случае, выражение сочувствия к оратору. Соглашаюсь. На самое-то сочувствие от такого выражения его принижается, почти опошляется... Во всяком случае, думские аплодисменты — это несерьезное выражение несерьезного сочувствия.

И если подсчитать время, потраченное Думой на аплодисменты, то они обойдутся дорогонько. Эта роскошь тоже русскому мужичку не по карману. Но аплодисменты по отношению к преосвященным архипастырям — это уже прямое неуважение к ним! Русский народ выражал свое уважение к святителям тем, что выслушивал их, стоя в глубоком молчании. Об аплодисментах как выражении сочувствия к своим архиереям русский народ еще не слыхал и краем уха. И это думское нововведение глубоко не симпатично и идет совершенно вразрез с народными взглядами на деле.

Чем скорее в Думе будет вообще уничтожено "хлопанье в ладоши", тем более Дума приобретет себе народных симпатий; а относительно епископов — членов Гос<*ударственной*> Думы и об ограждении их от оскорблений аплодисментами должны позаботиться русские монархические организации.

Церковник»[155].

---

[155] Санкт-Петербургские ведомости. 1909. № 217. 1 октября.

* * *

НЕУДАЧНЫЕ РУСИФИКАТОРСКИЕ КОМБИНАЦИИ

<26 января 1910>

«Было время, когда известную христианскую систему просвещения инородцев, неразрывно связанную с именем Н. И. Ильминского[156], считали очень правою, ретроградною и посматривали на нее снисходительно-пренебрежительно. Теперь времена — не те! Теперь инородческий вопрос — это своего рода пробный экзамен на патриотизм. Ругать инородцев всех без различия — и крещеных, и некрещеных, и "жидов", и обруселую мордву, — подозревать одинаково поляков, финляндцев и мамадышских крещеных татар и царевосанчурских черемис-язычников в государственной измене, все это ныне признается признаком истинно русского патриотизма. И ныне система Ильминского — в большом подозрении. Так меняются времена и нравы! А система Ильминского остается все той же, неизменно живою, целою и неуязвимою. Причина этого заключается в том, что она — истинно христианская, основанная на несокрушимых данных здравого смысла и нравственных начал. Система Ильминского — это система ап<*остола*> Павла. Но допустим, что пожелания наших просветителей, противников системы Ильминского, одержали верх и их собственная система обрусения инородцев уже осуществляется... Берем крещено-татарское село, заподозренное нашими quasi-патриотами в сепаратизме. Допустим, что в такое село назначается священник и псаломщик русский, не знающий татарского языка. Одновременно

---

[156] Ильминский Николай Иванович — выдающийся русский миссионер, педагог, востоковед.

с тем учителем назначается по мановению волшебного начальственного жезла тоже русский. Что из этого выйдет? А вот что выходит на моих глазах, в моем присутствии как "заведующего миссией"... Приезжаю в село. Встречает толпа народа. Начинается богослужение. Целый храм молящихся вначале. Начинается в вотско-татарском селе чтение и пение церковное по-русски. Я прошу отправлять богослужение на языке, понятном для молящихся, — вотском или татарском. Оказывается, псаломщик русский прислан для обрусения края... И ни слова не понимает на местных наречиях. Через полчаса произнесения этим русификатором непонятных для богомольцев звуков храм опустел... Я, епископ приезжий, священник и псаломщик остались в храме — со сторожем и двумя учителями; это не фантазия моя; это — факт! Это не теоретическое предположение, это — действительность... Но скажут мне разрушители системы Ильминского: "ушли сегодня, ушли из храма на полгода-год, но после того возвратятся снова, выучившись русскому языку, придут тогда уже совершенно обруселыми?" Господа! Да ведь этот год без религиозной жизни стоит же, наконец, этим несчастным инородцам чего-нибудь! Неужели простой жалости у вас нет настолько, чтобы не разрушать душевную жизнь человека и не подвергать его медленной пытке? И неужели такая безжалостность есть признак политической мудрости? Но вы все-таки надеетесь, что они, эти несчастные крещеные инородцы, после вашего русификаторского эксперимента вернутся в Церковь? Вы предполагаете эту возможность? Отвечаю опять-таки на основании опыта: не надейтесь! Не вернутся! Помните, — да вы это и сами знаете, — что ведь эти крещеные инородцы живут среди татар-магометан, что они говорят на одном языке. И если сегодня крещеные инородцы непонятным богослужением будут отогнаны от храма, то совершенно невольно они окажутся в атмосфере магометанства, и через полгода они ока-

жутся не в православном храме, а в мечети. Это — опять страшная действительность, вызванная ошибочными канцелярскими теориями. Сохрани, Господь, от них каждого православного человека! Беру еще пример из самой жизни. Вот русский священник безупречной жизни, попавший в инородческий приход. Перед Великим постом, года два тому назад, один из татарских батюшек явился ко мне... "за советом". "Не знаю, — говорит он, — что мне делать; но как только наступает Великий пост, я не нахожу себе места. Наступает время исповеди, а я не знаю, как мне исповедовать, когда я не знаю языка своего прихода". На мой вопрос, как же он поступает в таком случае, несчастный батюшка откровенно ответил, что он в качестве переводчика на исповедь приглашает "отставного солдата, из пожилых"! Этот солдат из инородцев на службе освоился и с русским языком — так вот он и пригодился батюшке в качестве переводчика на исповеди. Как вам нравится такая исповедь, господа русские люди, поставившие православие во главу угла своего политического credo? Потрудитесь поставить себя перед отставным солдатом в качестве переводчика вашей исповеди; представьте это, и вот вам яркий пример преданности православных инородцев православию, несмотря на такую исповедь, они все-таки остаются православными. Заметьте еще, что они живут среди татар, вечно насмехающихся над всякой исповедью и над всеми христианскими таинствами... И несмотря ни на что, инородцы остаются в православии. Но берем последний случай возможности неудачного способа русифицировать инородцев уже через икону и русского учителя. В одном селе в последнюю осень была основана земская школа; ранее в этом крещено-татарском селе была школа миссионерская, по обычаю беднейшая. Но, несмотря на все неблагоприятные условия жизни этой школы, она собрала 40–50 учеников. Но кому-то нужно было открыть тут школу земскую; и в эту земскую шко-

лу была назначена учительница. Миссионерская (Братства свят. Гурия) школа была перенесена в другое место. Начинаются занятия. Учительница своим незнанием татарского языка в первый же месяц разогнала учеников первых двух отделений — остались только старшие ученики. Пришлось снова возвращать школу, которая собирала и обучала учеников; а если бы Братство свят. Гурия на это не согласилось, то в крещено-татарском селе остались бы школьное здание и учительница, но не было бы учеников. Вот такие случаи могут быть в жизни, если применять ревность не по разуму в наиболее сложном и тонком вопросе христианского просвещения инородцев. Поспешность в русификации может только все испортить и ничего не создать.

Епископ Андрей»[157].

* * *

ТЯЖЕЛЫЙ МЕСЯЦ В ЖИЗНИ КАЗАНСКОЙ МИССИИ

<16 апреля 1910>

«В высокой степени своеобразный Казанский край требует чрезвычайного внимания и тонкого чутья, чтобы можно было разобраться во всех подробностях местной жизни. Первый встречный, или поверхностный наблюдатель, или даже легкомысленный администратор центральных губерний могут оказаться в полном недоумении и совершенно запутаться при оценке явлений казанской жизни. Очень долго и очень серьезно нужно

---

[157] Санкт-Петербургские ведомости. 1910. № 20. 26 января.

изучать здешний край, чтобы безошибочно определить то, что здесь необходимо для торжества русской культуры. Конечно, эту русскую культуру нужно и любить, чтобы служить ей, и уж, во всяком случае, не относиться к ней безразлично. Для того чтобы служить русской культуре и быть полезным для русского дела, нужно заботиться о нем. Нужно изучить его задачи, а не думать только о том, как по тому или другому поводу взглянет то или другое "его высокопревосходительство". Казанский край, обнимающий несколько губерний Приволжья, представляет из себя арену борьбы двух культур: христианской и мусульманской, русской и совершенно откровенно антирусской. Вот основной тон здешней жизни. И эта борьба происходит на почве религиозной, экономической и даже отчасти политической. Самая заметная сторона борьбы этих двух культур, конечно, религиозная, выражающаяся в периодических массовых переходах в магометанство крещеных и некрещеных инородцев. Но в этом отношении дело борьбы с турецко-татарско-мусульманской культурой изучено, твердо обосновано теоретически и практически, и в принципе за эту сторону жизни опасаться нельзя. Гораздо труднее решить вопрос с экономической стороны, т<*о*> е<*сть*> вопрос о том, как вырвать слабую в экономическом отношении деревенскую часть населения из полной кабалы у богатых татар. Эта сторона жизни здесь вовсе не изучена и потому представляет совсем больное место в жизни наших инородцев.

* * *

Такова наша действительность. Но за последний месяц местная quasi-патриотическая пресса не переставала травить крещеных инородцев — всех без различия: все они, оказывается, изменники России, пре-

датели, сепаратисты! Все они — элемент вредный, и их нужно отовсюду "гнать"... Вот такой пароль дан теперь казанской "патриотической" прессе. Жиды и все (даже крещеные) инородцы, инородцы и жиды и искоренение их всякими средствами — вот тема, которая разрабатывается сейчас нашими патриотами. Таким образом, в религиозную жизнь крещеных инородцев, принципиально хорошо поставленную, ворвался за последнее время какой-то шквал, который стремится вырвать с корнем все то хорошее, что сделано и делается ныне по духовному ведомству и по министерству народного просвещения. Сейчас дело не идет далее газетных статей; но и эти статьи производят самое удручающее впечатление на всех, кто знаком с делом и кто понимает подкладку этой инородческой травли. Эти статьи все-таки фабрикуют общественное мнение как в русской части общества, так и в инородческой, что несравненно важнее, потому что в этой области можно непоправимо все испортить. Подчеркиваю: совершенно непоправимо можно этим путем испортить все настроение православных инородцев и совершенно оттолкнуть их от симпатий ко всему русскому. А кому это нужно? Это нужно татарам, казанским "татарсымакам" и более решительно никому! Между тем в наше время, когда ко всему прислушиваются, когда малейшая шероховатость производит беспокойство среди больших групп населения, — в наше время травля в течение месяца православных инородцев получает значение почти события. Это явление у них никак не может пройти незамеченным. А татары будут потирать руки, и крещеным инородцам будут вечно показывать эти статьи, поясняя: "Вот видите, до чего дождались! Вам всем никто из русских патриотов не верит. И что вы ни делайте, как ни уверяйте этих патриотов — все равно вас будут только ругать и вам не доверять. Идите вы в татары!" Вот какие практиче-

ские последствия могут быть от тех "патриотических" статей казанской прессы, которыми православные инородцы так обеспокоены. И наши "лжеправославные лжепатриоты" этого могут добиться: одни инородцы уйдут "в татары", а другие образуют какие-нибудь секты и совершенно оттолкнутся от русского народа. А потом мы будем посылать к этим инородцам (а они в Казанской губ<*ернии*> составляют две трети всего населения) черносотенных миссионеров... И кто будет виноват? Повторяю: те, кто поощряет эту газетную травлю православных инородцев и кто вдохновляет это антигосударственное направление казанской черносотенной прессы. Кстати, есть статья закона, карающая ту печать, которая возбуждает одну часть населения против другой. А сейчас в Казани происходит нечто несравненно более вредное в этом отношении, и никто этого не понимает! Сейчас систематически отталкивают от Церкви и от всего русского сотни тысяч инородцев и... это нашу публику только потешает! А это бесконечно вредно и нужно только нашим "татарсымакам".

* * *

Объясним это татарское слово. Татарсымак значит: любящий татар, сочувствующий татарам, сочувствующий магометанству. Это, так сказать, передовые посты татаризации. И таких татарсымаков много: и среди крещеных татар, и среди чуваш, и среди черемис, и вотяков. К сожалению, такие татарсымаки существуют и среди русских деятелей. В таком случае это слово будет обозначать человека вообще полезного для татар, для их пропаганды. Русские татарсымаки делятся на две партии: сознательных, активных деятелей и послушных исполнителей их ловких предначертаний. Все

эти татарсымаки умело замалчивают мусульманское политическое движение, всемерно опасаются, как бы не обеспокоить мусульман, всеусердно за ними ухаживают и ловко ведут интригу против крещеных инородцев, столь ненавистных для мусульманства. Эта антигосударственная игра с огнем, т<*о*> е<*сть*> с народными антипатиями и симпатиями, конечно, малопонятна и трудноуловима в далеком Петербурге, — но на местах она ясна до очевидности, и только поверхностные наблюдатели и случайные посетители Казани не могут понять того, что вокруг них происходит. Татарсымаки всем известны. Происходит громадный процесс татаризации Приволжья всякими средствами, а теперь еще изобретено одно из самых верных, но дьявольски злых: науськивание наших недалеких "патриотов" на крещеных инородцев. Это татарсымаки сумели поставить ловко: шум против инородцев идет по всей линии, и все это — к величайшему вреду для общего русского дела, к торжеству мусульманства в крае. Повторяю, дело поставлено очень ловко: мусульмане совершенно забыты — они под покровительством татарсымаков пользуются полным благоденствием, а происходит циничная расправа с крещеными, православными инородцами, всевозможное дискредитирование тех, кто поближе подошел к России. Кто более доверил русским свою судьбу... Отвратительное занятие!

* * *

При таком положении дела — каково положение православной миссии? Она обречена делать то дело, которому дружно вредят две-три общественные, крикливые, quasi-патриотические организации. Миссия принуждена делать то, что в корне разрушается влиятельными татарсымаками. Миссия казанская обязана спасать для

Церкви и для России жалкие запуганные единицы из той массы, которую безнаказанно оскорбляют все, кому захочется: и официальные лица, и неофициальные. Одним словом, крещеные инородцы, вследствие круглого невежества одних и предательской политики других, поставлены ныне между молотом и наковальней; между татарами-мусульманами и нашими российскими нелепостями. В выигрыше будут только татары, на радость татарсымаков.

Епископ Андрей»[158].

* * *

В ЗАЩИТУ КАМЧАТСКОГО МИССИОНЕРА ИЕРОМОНАХА НЕСТОРА

<7 сентября 1910>

«"Русское знамя" — газета с несомненными заслугами перед обществом и Россией — иногда позволяет себе быть опрометчивой в выборе своих сотрудников. Поэтому и лично я, и другие преосвященные епископы были не раз подвергнуты в этой газете клевете и явному глумлению. Эти клеветники, выступавшие на страницах "Русского знамени", между прочим, заставили меня уйти из того общества, которое нашло возможным их у себя приютить. А уж оправдываться-то я перед этими господами никогда не буду... Но за "Русское знамя" — очень досадно. В настоящем случае я хочу внести несколько поправок в статью "Русского знамени" под заглавием "Странная роль", в которой говорится об

---

[158] Санкт-Петербургские ведомости. 1910. № 82. 16 апреля.

иеромонахе Несторе[159] и князе Н. Д. Жевахове[160]. Князь может защищаться сам, если найдет для себя это соответствующим. Я же должен сказать несколько слов об иеромонахе Несторе, который ныне уже на Камчатке, — т<*о*> е<*сть*> на год почти в могиле, — и ничего о себе сказать не может. А он в указанной статье представляется каким-то безответным орудием в руках князя Николая Дмитриевича. Удостоверяю самым категорическим образом, что о<*тец*> Нестор, уезжая на Камчатку, все время говорил, что князь Жевахов был для него самым лучшим сотрудником и советником в трудном деле организации камчатского братства, и поэтому представлять о<*тца*> Нестора какой-то игрушкой в чужих руках — значит не понимать этого молодого, но совершенно самостоятельного деятеля. Далее автор статьи об о<*тце*> Несторе и кн<*язе*> Жевахове говорит о себе так: "я своими телеграммами через о<*тца*> Нестора убедил владивостокского архиепископа Евсевия и проч<*ее*>". Чьи же были телеграммы: о<*тца*> Нестора? Несомненно, его, а не кого-либо другого... И зачем нужны такие туманные фразы? Или чтобы погубить святое дело нарождаю-

---

[159] Нестор (в миру Николай Александрович Анисимов) — послушник Казанского Спасского монастыря. 17 апреля 1907 — пострижен в мантию, с 9 мая 1907 — иеромонах, назначен миссионером на Камчатку; в 1907–1909 — проповедовал христианство камчадалам, лечил и обучал грамоте местных жителей. В сентябре 1910 — под его руководством было открыто Камчатское православное братство с центром во Владивостоке и отделениями в Москве, Петербурге, Киеве и других городах; до 1917 — на средства братства на Камчатке были построены церкви, часовни, школы, приюты, больницы, лепрозорий, амбулатории.

[160] Князь Николай Давидович Жевахов — российский государственный, общественный и религиозный деятель; с апреля 1905 — служил в отделении свода законов в Государственной канцелярии; с 4 мая 1909 — действительный член Русского Собрания.

щейся миссии на Камчатке? Или свести с кем-то счеты? И зачем понадобилась "Русскому знамени" эта статья, одинаково оскорбительная и для о<*тца*> Нестора, и для князя Жевахова? Какая идея этой статьи? Или автору хотелось доказать, что ему "принадлежит инициатива устройства православного камчатского братства"? Со слов о<*тца*> Нестора совершенно определенно говорю, что это мысль его собственная как человека, служащего на Камчатке и ей всецело преданного. Почему же, действительно, сотрудник "Русского знамени" не основывает православного братства в Корее или в Персии? Там христиан не менее, чем на Камчатке... Повторяю: дело братства камчатского — дело о<*тца*> Нестора и никого другого, и никакими "титулами", никакими земными соображениями он не способен "увлекаться"; а лишь своим помощником и сотрудником он мне неизменно называл только князя Н. Д. Жевахова. Пусть же, наконец, почтенная редакция "Русского знамени" будет осторожнее... иначе и многие лучшие церковные деятели могут получить незаслуженные оскорбления, и добрые дела будут обречены на погибель.

Епископ Андрей»[161].

[161] Санкт-Петербургские ведомости. 1910. № 201. 7 сентября.

* * *

ОТ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО СОВЕТА ЖЕНСКИХ БОГОСЛОВСКИХ КУРСОВ В Г<*ОРОДЕ*> КАЗАНИ

<9 июля 1911>

«Ввиду наступления нового учебного года и целого ряда запросов об условиях поступления на женские богословские курсы г<*орода*> Казани долгом считаю опубликовать (и все газеты прошу перепечатать) правила поступления на курсы, утвержденные казанским архиепископом:

13. Слушательницами курсов могут быть лица женского пола с образованием не ниже среднего.

14. Желающие поступить в число слушательниц принимаются советом курсов не иначе как по рекомендации кого-либо из членов совета, по отзыву начальницы или законоучителя того учебного заведения, где училась просительница, или лиц, хорошо известных членам совета, или своего приходского священника.

15. Желающие поступить в число слушательниц подают не позднее 1 сентября (для иногородних) на имя председателя совета (Спасский монастырь) прошение с приложением аттестата или другого удостоверения о своем образовании, а также и рекомендации.

16. Плата 20 рублей в год. Если к 1 сентября прошений будет недостаточно для открытия нового курса, то все документы и прошения их приславших будут возвращены: в противном случае будут посланы извещения о времени начала занятий. Многие запрашивают о цели этих курсов и преимуществах слушательниц их. Цель курсов — восполнение богословских знаний,

получаемых женщинами в средней школе, и по связи богословия с философией сообщение слушательницам необходимых сведений по философии. Лица, прослушавшие на курсах ту или другую науку в полном объеме ее преподавания, могут получить от совета свидетельство об этом, для чего должны подвергнуться испытанию из этой науки. Желающие получить свидетельство о прохождении полного курса должны подвергнуться испытаниям по всем предметам, преподаваемым на курсах. Обладание этими свидетельствами при поступлении на службу и составляет все преимущества окончивших эти курсы.

Епископ Андрей, 9 июля 1911 г<*ода*>»[162].

* * *

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ ПРЕБЫВАНИЯ ЕПИСКОПА АНДРЕЯ В КАЗАНИ

<17 сентября 1911>

«В воскресенье, 28 августа в казанском кафедральном Благовещенском соборе Божественную литургию совершал в последний раз перед отъездом из г<*орода*> Казани его преосвященство, преосвященнейший Андрей, епископ Сухумский, бывший Мамадышский. К началу литургии, еще задолго до благовеста в крепость шел народ, образуя длинную ленту самых разнообразных одеяний. К моменту прихода епископа Андрея в собор там уже была масса народа. При входе в собор преосвященный Андрей был встречен многочисленными почитате-

[162] Санкт-Петербургские ведомости. 1911. № 151. 9 июля.

лями и почитательницами — жителями г<*орода*> Казани.

Во время облачения владыки в мантию певчими архиерейского хора было исполнено "От восток солнца до запад". После этого один из уполномоченных г<*орода*> Казани, купец С. А. Землянов[163] прочитал приветствие, другие поднесли владыке панагию.

Приветствие это было следующего содержания:

"Ваше преосвященство! Мы, уполномоченные от лица всех почитателей и почитательниц вашего преосвященства, жителей города Казани, почтительно просим вас, благостный архипастырь и отец, принять от нас сию панагию и возложить ее на себя для ношения на добрую память и молитвенное воспоминание о глубоко почитающих вас казанцах. На сей панагии изображена икона Богоматери с Предвечным Младенцем, именуемая Казанской. Да сохранит Господь по молитвам Заступницы усердной рода христианского вас, владыка, здрава на многие и многие лета!"

По принятии и возложении на себя панагии преосвященный Андрей благодарил и благословил окружающих его лиц. Хор пропел "Ис полла эти деспота", после чего духовенство встретило владыку установленным порядком.

Литургия шла при большом внимании присутствующих к возгласам владыки.

На многих лицах можно было читать глубокую скорбь: ведь они, может быть, в последний раз молятся с обожаемым архипастырем...

---

[163] Сергей Александрович Землянов — купец 1-й гильдии; в начале XX — имел 7 буксирных пароходов и 54 деревянные баржи, обслуживал грузовые перевозки в Волжско-Камском бассейне. Много сил отдавал общественной и благотворительной деятельности; в 1904 — построил в Адмиралтейской слободе Казани здание Речного училища.

Приблизился конец литургии; настало время, в которое обычно архипастыри говорят свои проповеди. Толпа подвинулась несколько вперед. Епископ Андрей вышел на амвон и начал свое прощальное слово к казанцам.

В начале речи преосвященный Андрей благодарил всех за любовь к нему, выразившуюся в поднесении драгоценного для него дара — панагии.

Затем перешел к самому прощальному слову. Но прежде, чем начать свое назидание казанцам, владыка обратил внимание слушателей на то, как ему отрадно служить последнюю литургию в кафедральном соборе, куда помолиться с ним пришли весьма и весьма многие: "...казанский кафедральный собор, — говорил владыка, — по словам моего бывшего казанского сослуживца, моя вторая родина; здесь я восприял благодать дьяконства и священства; здесь же я получил и сан епископский, — но тем, что я получил сегодня здесь, такое великое утешение духовное, я всецело обязан любви и вниманию ко мне милостивого моего отца, руководителя и утешителя владыки-архиепископа, высокопреосвященнейшего Иакова[164]".

Со слезами на глазах, дрожащим от волнения голосом преосвященный Андрей воздал от себя благодарение высокопреосвященному архиепископу Иакову и усердно, настойчиво завещал казанцам любить своего высокопреосвященного архипастыря, всячески охранять его и молить Господа Бога, да укрепит он его во многотрудном святительском служении. Далее преосвященный Андрей преподал свое последнее прощальное назидание казанцам.

Трудно в кратких словах передать это исходившее из глубины души слово владыки; оно касалось самой сущности христианской жизни во всей ее многослож-

---

[164] Иаков (в миру Иван Алексеевич Пятницкий); с 10 декабря 1910 — архиепископ Казанский и Свияжский.

ности; здесь владыка говорил о пути богоугождения, о восхождении от земли на небо, от греха к святости и богоуподоблению, о средствах сохранить себя от грехов, о постоянном возведении своих сердец горе, к Богу, о смирении, о мире с Богом и любви к Нему, что и составляет самое существо богоподобной христианской жизни; преосвященный проповедник просил своих слушателей непременно читать Евангелие и особенно первосвященническую речь Господа Иисуса Христа и "Исповедь" блаженного Августина.

Призвав в заключение речи Божье благословение на всех, владыка просил у всех молитв за себя.

После литургии епископ Андрей совершил молебен святителю Гурию, с именем коего в Казани существует братство, в совете которого владыка был 4 года председателем.

Едва ли когда-либо казанцы так усердно молились св. Гурию, как в этот раз. Предстоящая разлука с архипастырем, бывшим для всех отцом, братом, другом, желание ему долгой жизни, возвращения в г<*ород*> Казань по молитвам св. Гурия — вот основные душевные мотивы, проявлявшиеся на лицах молящихся. По окончании молебна и возглашения установленного многолетия епископ Андрей провозгласил многолетие всем жителям богоспасаемой Казани. В этом возглашении чувствовалась и молитва, и скорбь архипастыря о казанцах. Затем владыка долго благословлял богомольцев, подходивших к нему под благословение.

По словам казанских старожилов, в кафедральном соборе в этот раз была такая масса народу, какая бывает только в пасхальную утреню. И немудрено: владыка для всех был одинаково дорог, в лице его казанцы лишались своего молитвенника, учителя, утешителя, печальника и помощника в нуждах своих!

29 августа епископ Андрей совершал литургию в соборе Спасо-Преображенского монастыря. Несмотря на

то, что литургия началась ранее обыкновенного, просторный храм не мог вместить всех желавших помолиться с владыкой. В храме чувствовалось печальное настроение, с чем прекрасно гармонировало стройное, но торжественно-печальное пение Спасского хора.

Проповедь владыки, произнесенная здесь, очень часто прерывалась плачем богомольцев, так что владыке стоило большого труда довести ее до конца. Кончилось богослужение, а богомольцы не думали еще уходить из храма. В то же время двор Спасского монастыря был полон народа, ждавшего выхода владыки. Многие знали, что епископ Андрей в этот день должен отбыть из Казани, но никто точно не мог сказать, в каком часу и на каком пароходе.

Густая толпа народа не давала владыке возможности пройти к карете: кто спешил получить его благословения, кто в последний раз увидеть лицо любимого владыки. Стоило больших усилий владыке пройти до кареты, еще больших — уехать: многие руки держали колеса ее и не давали ей двинуться. Стояли плач, стон и вопль многих... К 2 часам пополудни владыка прибыл на пристань бр<*атьев*> Каменских[165], но, не видя парохода, перешел на пристань "Самолета", намереваясь ехать до Нижнего Новгорода, а оттуда — в Белгород, на открытие мощей св. Иосифа. Пристань "Самолета" переполнилась до такой степени, что только усилия полиции помогли владыке попасть на пароход. А между тем масса народа продолжала прибывать все более и более. Многие не угодили на проводы только потому, что не знали о дне и часе отъезда преосвященного Андрея.

---

[165] С 1859 — братья Григорий Козьмич и Федор Козьмич Каменские принадлежали к купеческому сословию; организовали перевозку грузов и пассажиров по рекам Волго-Камского бассейна и Сибири, позднее — и за границу.

Самые проводы на пристани были душераздирающими. Когда пароход отходил от пристани, поднялся такой плач провожавших, что только каменные сердца могли удержаться от слез.

По лицу самого владыки струились слезы...

Зачем, — спрашивалось невольно, — разлучили паству и пастыря, так горячо любивших друг друга? Z»[166].

* * *

О РАЗРУШАЮЩИХСЯ ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКИХ ШКОЛАХ

<20 января 1912>

«В одном из ноябрьских номеров прошедшего года в "С<*анкт*>-П<*етер*>б<*ургских*> ведом<*остях*>" сообщалось, что многие церковно-приходские школы Черноморской губ<*ернии*> пришли в крайнюю ветхость и грозят полным падением. Сообщение корреспондента "С<*анкт*>-П<*етер*>-б<*ургских*> вед<*омостей*>" оказалось, к сожалению, совершенно справедливым; если он и сгустил немного краски, то, в общем, картина, им представленная, после тщательной проверки оказалась нарисованною верно; и остается, конечно, его только благодарить, потому что знать горькую правду гораздо полезнее, чем слушать наших сладкопевцев, скрывающих истину и вводящих в заблуждение сильных мира сего... Но сообщение о черноморских школах, помещенное в "С<*анкт*>-П<*етер*>-б<*ургских*> вед<*омостях*>", страдает одной неточностью: автор не сказал ни одного слова о греческих школах этой губернии. Между тем

---

[166] Санкт-Петербургские ведомости. 1911. № 206. 17 сентября.

это, по-видимому, незначительное добавление наводит нас на самые печальные выводы уже не только в отношении школ, но и вообще по отношению русской культуры на окраинах. Действительно, погибают русские церковные школы от безденежья, от нежелания русских людей поддержать свою церковную школу, а греческие православные школы — превосходно функционируют, ниоткуда не получая и не ожидая никаких субсидий; их основали и содержат греческие приходы исключительно на свои средства, и эти школы процветают. Таким образом, в Черноморской губернии жизнь создала яркую, но весьма печальную иллюстрацию правильности того взгляда, что процветание жизни церковной совершенно немыслимо без организации жизни приходской. И особенно правильная постановка русских православных приходов по образцу греческих необходима на окраинах. Ведь не только низшие, но и средние учебные заведения у нас поставлены так, что о русском патриотизме говорят там только случайно, а на окраинах, нам известных, наши школы — просто какие-то интернационалки. Тем более нужно сохранить рядом с этими казенными интернационалками наши хотя бы так называемые церковно-приходские школы. Для этого нужны средства, а их — нет! Нет средств не только на развитие сети церковных школ, но и поддержание уже существующих. Мало того, даже имеющиеся казенные субсидии на содержание церковных школ сокращаются; и духовное ведомство должно быть совершенно готово к тому, что в какое-нибудь заседание Гос<*ударственной*> Думы она вовсе лишит церковные школы всяких пособий. На правительство — надежда плохая! Ведь даже такой сильный деятель последнего времени, как Столыпин, склонялся к тому мнению, что наши церковно-приходские школы ничем не отличаются от министерских: ни качеством, ни по источнику содержания (т<*о*> е<*сть*> "казенные"), ни по характеру... следовательно, они и не

нужны как что-то особое, не нужен и тот сложный аппарат, который эти школы ведет. А если не будет средств из государственного казначейства на церковные школы, то и последнее средство для воспитания народа в церковном духе выпадает из рук духовенства. Без школьного же воздействия на народ, без привычки к проповеди и к энергичной деятельности, без сочувствия со стороны окружающей паствы — наше духовенство будет обречено на чрезвычайно жалкую участь. Но, пока не поздно, нужно же принять меры, чтобы русская Церковь не лишилась своих собственных церковных школ? Нужно постараться, чтобы русские люди были в этом отношении обеспечены не менее черноморских греков. А судьба церковно-приходских школ Черноморской губернии — это уже грозное указание на близкое будущее и других церковных школ... Это уже не слова, а самая жизнь... Между тем проект церковной реорганизации прихода все еще составляется, и, по-видимому, его сочинители не имеют особенно сильного желания когда-нибудь окончить это занятие. Это занятие обещает быть, кажется, бесконечным... чтобы не нажить лишних хлопот. А церковная жизнь вместе с церковными школами Черноморской губернии все разрушается да разрушается!

Епископ Андрей»[167].

---

[167] Санкт-Петербургские ведомости. 1912. № 16. 20 января.

* * *

ИЗ ЦЕРКОВНОЙ ЖИЗНИ Г<*ОРОДА*> СУХУМИ

<1 апреля 1912>

«В церковной жизни Сухуми произошло в начале февраля месяца с<*его*> г<*ода*> почти событие. С благословения преосвященного Леонида[168], епископа Гурийско-Мингрельского, игуменья Теклатского монастыря Нина (энергичная монахиня 32 лет; в миру княжна Вачнадзе) обратилась к епископу Сухумскому с просьбой о разрешении устроить здесь подворье Теклатского монастыря.

В Сухуми мать Нина встретила самое сочувственное отношение к своим намереньям и получила принципиально полное согласие на устройство этого подворья.

Единственное условие ей было поставлено то, чтобы будущее подворье помогло сухумской власти в деле просвещения грузинско-мингрельского населения этой епархии.

В этих целях игуменье Теклатского монастыря предложено прежде всего в будущем подворье устроить книжный склад с изданиями на грузинском языке религиозно-нравственного содержания. Этим будет хотя отчасти восполнен вопиющий недостаток в Сухуми книг духовного содержания. Их вовсе нет! За всяким молитвенником нужно ехать на Афон или в Драндский монастырь. А более серьезные книги приходится выписывать из Москвы и Тифлиса. Чтобы такого печального явления не было в отношении грузинских книг, и поставлено ус-

---

[168] Леонид (в миру Лонгиноз Соломонович Окропиридзе); в 1898 — епископ Горийский, в 1900 — епископ Имеретинский, с 1 февраля 1908 — епископ Гурийский и Мингрельский.

ловием устройство Теклатского подворья — открытие в нем книжной продажи.

Вторая часть этого служения будущего подворья — еще более важная: возможно быстрое устройство храма с отправлением богослужения на грузинском языке. Устройство такого храма в Сухуми крайне необходимо! Нельзя сделать богослужение содержательным и захватывающим душу, если оно совершается отчасти по-славянски, отчасти по-грузински. Внимание богомольцев поэтому все время развлекается. Нужно, чтобы это "отчасти" прекратилось и поскорее организовалось хорошее полное славянское богослужение, и тоже полное грузинское.

Тогда с Божьей помощью организуется и проповедование слова Божьего на грузинском языке, необходимость в котором ныне в Сухуми так очевидна. Если будет в Сухуми храм, хотя бы принадлежащий Теклатскому монастырю, то и богослужение, и проповедь на грузинском языке будут обеспечены. Вот чем вызвано условие основания подворья Теклатского монастыря в Сухуми.

Игуменья Нина сочла эти соображения вполне основательными и условие удобоприемлемым; дай Бог ей успеха в ее добрых намерениях.

Е<*пископ*> А<*ндрей*>»[169].

---

[169] Сотрудник Закавказской миссии. 1912. № 9. 1 апреля.

* * *

ОБ УПОТРЕБЛЕНИИ ХРИСТИАНАМИ ХРИСТИАНСКИХ ИМЕН

<1 июня 1912>

«По Сухумской епархии сделано следующее характерное распоряжение от епископа Сухумского.

"Прошу Епархиальную Канцелярию сделать распоряжение через благочинных Епархии всему духовенству, чтобы ни в каком случае и никогда духовенство не употребляло вместо христианских имен каких-либо полумагометанских кличек. Между тем даже один благочинный, перечисляя в своем рапорте прихожан N-ского прихода, пишет: “Иван, Павел, Пеху, Батули, Кузу, Ада, Утуша, Борис, Ночо” и пр<*очее*>. Предупреждаю, что на будущее время буду такие имена и их проявления в официальных документах считать за проявление полной нецерковности писавших эти документы и вменять в серьезный проступок.

Кроме того, прошу духовенство внушить прихожанам, что я ни одному прошению христианина, подписанному нехристианским именем, давать движение не буду".

Епископ Андрей»[170].

---

[170] Сотрудник Закавказской миссии. 1912. № 13. 1 июня.

* * *

ОБ ИНОРОДЦАХ ВОСТОЧНОЙ РОССИИ И ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

<29 августа 1912>

«С далекого Кавказа вынуждаюсь сказать несколько слов о дорогих моему сердцу приволжских инородцах...

В "Журнале Министерства народного просвещения" (июнь 1912 г<*да*>) появилась чрезвычайно лестная рецензия на книгу "Наиболее важные статистические сведения об инородцах Восточной России и Западной Сибири, подверженных влиянию ислама". Эта рецензия и побуждает (и даже обязывает) меня писать эти строки и об этом сборнике, и о самих инородцах. Дело в том, что заслуга появления этого крупного и очень важного сборника о приволжских и приуральских инородцах принадлежит не мне, хотя мое имя и значится на обложке этой книги. Только скромность моего самоотверженного сотрудника, преподавателя этнографии Н. В. Никольского[171], и его усиленные просьбы заставили меня согласиться поставить мое имя на этом сочинении. Между тем весь труд по составлению и редактированию этого сборника принадлежит г<*осподину*> Никольскому, а на мою долю должно отнести только небольшой труд по собиранию материала и небольшую заключительную главу, которую я нашел возможным в этом виде огласить в печати. Весь остальной труд по систематизации этого ценного для местной русской администрации материа-

---

[171] Никольский Николай Васильевич — историк, этнограф, фольклорист, языковед, педагог, миссионер; с 1913 — после защиты магистерской диссертации «Христианство среди чуваш Среднего Поволжья в XVI—XVIII веках. Исторический очерк» магистр богословия.

ла принадлежит г<*осподину*> Никольскому. Благодаря ему теперь всякий интересующийся делом русского просвещения среди инородцев Приволжья может иметь перед собой яркую картину современного положения этого просвещения. Картина не веселая! Это и отметил высокоавторитетный рецензент "Журнала М<*инистерства*> н<*ародного*> просв<*ещения*>". Но замечательно, что даже представители местной администрации и даже так называемые "местные деятели" (...и даже члены Гос<*ударственной*> Думы) совершенно не осведомлены относительно дела просвещения инородцев и предохранения их от татаризации. Теперь благодаря труду г<*осподина*> Никольского ясны главные причины этого вреднейшего с государственной точки зрения явления. Но в этом сборнике статистического материала уже замечены ошибки. Эти ошибки отчасти замечены при разборе материала, отчасти являются корректурными ошибками, отчасти имеют другое объяснение, и вот какое. Нам приходилось собирать материал по двадцати двум губерниям; из статистических комитетов, от епархиальных миссионерских комитетов, от епархиальных училищных советов, от г<*оспод*> директоров народных училищ и от полиции. Иногда материал можно было проверить через сопоставление его, а иногда для такой проверки не представлялось никакой возможности, и мы печатали то, что получали с ней, доверяя одному только источнику. Например, один любезный епархиальный училищный совет ответил на просьбу прислать сведения о вотских школах приблизительно так: "...а зачем это понадобилось третьему викарию Казанской епархии?" В другом случае один остроумный исправник прислал такой ответ: "...так как-де я не подчинен епископу Мамадышскому, то на его запрос имею полное право ничего не ответить". Это бесспорно! И, конечно, при таком просвещенном сочувствии наших корреспондентов во многих случаях избежать ошибок и неточностей было

невозможно. Но все замеченные ошибки и неточности не только не изменяют той картины отношения татар-мусульман к прочим инородцам, которая дана в рецензируемой книге, но как будто еще более оттеняют ее истину. Г<*осподин*> автор рецензии "Журнала М<*инистерства*> н<*ародного*> пр<*освещения*>" выражает сожаление, что в книге, заслужившей его доброе внимание, нет указаний на развитие и распределение мусульманских школ среди приволжских инородцев. Это — мысль очень серьезная и программа для нового большого труда. Но если из Сухуми можно заканчивать начатое в Казани, то начинать новое дело, касающееся Приволжья, при аналогичных делах в Сухуми — это совсем трудно. Пусть Н. В. Никольский займется этим делом: при его любви к делу своему — все возможно. Желаем ему успеха. А инородческое дело в его помощи очень нуждается.

Андрей, епископ Сухумский»[172].

* * *

СУХУМСКИМ ХРИСТИАНАМ

<4 апреля 1913>

«От всего сердца поздравляю возлюбленную о Господе паству сухумскую с великим праздником Светлого Христова Воскресения.

Молю Господа, чтобы великий смысл любви Христовой и Его Воскресения достиг ума и сердца нашего и победил бессмыслицу плохо скрытой жизненной вражды и взаимоистребления.

---

[172] Санкт-Петербургские ведомости. 1912. № 205. 29 августа.

Христос Воскресе! "Очистим чувствия" и узрим тайну Его вечной жизни и чистейшей радости, Им на землю принесенной.

Андрей, епископ Сухумский»[173].

* * *

ХАМ ТОРЖЕСТВУЮЩИЙ

<6 сентября 1913>

«В страшные 1905 и 1906 годы все опасались "грядущего Хама" — опасались, что вся русская молодая культура будет сметена этим ужасным чудовищем, что вместо принципов святости и добра, добродетели и великих традиций Церкви — будет торжествовать грубая сила, не имеющая никаких принципов, кроме сытости и наглости во всех ее разновидностях. Боялись этого все, быстро сплотились, и дружными усилиями страшная опасность Хама была устранена. Но что не удалось ему по одному пути движения, то он достиг иными средствами. И на месте святом оказался Хам уже торжествующий... Пролез он на чужое место единственным ему доступным путем: путем обмана и цинизма. Где оказалась неприложима сила, там запустила свое страшное, отравленное жало дьявольская ложь. Хам торжествующий нагло смотрит в глаза доселе наивной Руси и нагло над ней издевается. И его издевательство, несомненно, отдается дьявольским хохотом в царстве тьмы. Русь, святая в своей наивности и наивная в своей святости, конечно, молчит. Она покорно молчит, давно приученная к мол-

---

[173] Сухумский вестник. 1913. № 142. 4 апреля.

чанию. Мне припоминаются при этом кровью написанные слова одного из лучших славянофилов, который говорил об этой святой Руси, что:

Здесь все всегда всему покорно
И равнодушно ко всему —
Здесь и добро не плодотворно,
Смеется зло в глаза ему.

Страшные слова! Страшнее этих слов были сказаны только по адресу погибающего народа Иудейского. Вот эти более страшные слова: "Я простру руку Мою на обитателей сей земли, говорит Господь. Ибо, от малого до большого, каждый из них предан корысти, и от пророка до священника — все действуют лживо; врачуют раны народа Моего легкомысленно, говоря: “мир, мир!”, а мира нет" (Иер. 6, 12–14). На этой лжи свил себе гнездо и у нас Хам торжествующий. Он нашел наконец себе место, нашел почву для своего торжества.

* * *

Имя этому Хаму: абсолютная нравственная беспринципность. Таково и содержание всей его души и всей его жизни.

* * *

Много сейчас толкуют о борьбе с хулиганством. Это — вновь народившееся народное бедствие, грозящее в будущем быть смертельной народной лавой. Нужна борьба с этим злом немедленная и всеобщая, всеми народными силами, всем напряжением народного гнева. Для победы над этим злом нужно прежде всего обличить его сущность, назвать его собственным именем. Народное хулиганство — это просто народная бессовестность, нравственное раст-

ление народа, духовное падение народных низов. Ясно, что для оздоровления этих низов нужно исцелиться врачам. Нужно или создать такое же народное религиозное одушевление, какое спасло Русь во времена святейшего Гермогена, московского патриарха, нужен религиозный подъем души народной. Необходимо во что бы то ни стало уничтожить торжествующего Хама и на его место поставить торжествующую Церковь Христову. Нужно возвратить ей свободу мнения, свободу суда и самоопределения. Нужен свободный голос Церкви, благословляющий всякое добро и твердо судящий всякое зло. Это — настоятельная потребность для нашего отечества, для нашего боголюбивого Царя, для святого продолжения Его царствования.

Андрей, епископ Сухумский»[174].

* * *

КТО ВИНОВАТ В ЭТОМ УЖАСЕ?

<5 июля 1914>

«В "Новом времени" (№ 13729) помещена заметка графа Л. Л. Толстого под заглавием: "Дни “Троицы” в Ясной Поляне". Граф вспоминает свое раннее детство, как "прежде" народ проводил в Ясной Поляне Троицын день, как всенародное веселье начиналось в Церкви, продолжалось трезво, умно на лоне природы. С любовью вспоминает Толстой-сын своего отца, как Лев Николаевич участвовал в этом народном празднике, "веселый, бодрый, ласковый". Все было тогда естественно, хорошо, чисто. "Так проходил день Троицы в Ясной Поляне

[174] Санкт-Петербургские ведомости. 1913. № 240. 6 сентября.

в моем детстве, и такое радостное, красивое воспоминание о нем осталось". Этими словами граф Лев Львович заканчивает свою коротенькую заметку о том, что было "прежде". А что он нашел "теперь" в Ясной Поляне, я не решаюсь передавать своими словами и выписываю это "теперь" дословно. Он пишет: "Вчера вновь я провел здесь день Троицы, и вот вчерашние впечатления. Обычай украшать избы березками почти вывелся. Березки рубить запрещено лесоохранительным комитетом. Завивать... в лес больше не ходят. Сарафаны заменены фабричными кофтами из “поплина”. Толпа тульских обывателей была на могиле Льва Николаевича. Автомобили, коляски, пешеходы. Некоторые из посетителей были так пьяны, что не могли прямо держаться. Я сам видел. Были посетители с гитарами. Эти “паломники” так громко и развязно себя вели, что даже посторонние люди, гости наши, обращались к ним с надлежащим внушением. Вечером на могилу пришло пять человек совершенно пьяных тульских мастеровых, которые, проходя мимо дома, нагло врали мне, что они — парни из Ясной Поляны. Одеты часто в пиджаках и спортсменских фуражках на затылок. Я сказал им, что они лучше бы сделали, если бы воздержались в таком виде идти на могилу Льва Николаевича, который сам увещал всех не пить. На это они обиделись, начали нахально говорить мне, что если с ними так обращаются, то они могут потребовать, чтобы их пустили и в дом. Мне стало просто жутко говорить с ними. По дороге на могилу везде в окрестных лесах — бумажки, бутылки, сор от “...”, “паломников”. На деревне в чайной пьют чай. Скучно, уныло. Приехал местный становой наблюдать за порядками, но что он может сделать в том смысле, чтобы воспитать, окультурить всю эту темную русскую толпу, которая ломится в усадьбу и на могилу такая, какая она есть, пьяная, грубая, невоспитанная. Сколько мать ни вывешивала объявлений, прося, чтобы мимо дома не ходили, все-таки

все ходят, потому что ведь каждый русский гражданин вполне уверен в том, что он — самое важное, самое значительное лицо в мире и что для него все дозволено, что для него нет не только объявлений не ходить мимо дома, но нет ничего святого".

Вот что "теперь" в Ясной Поляне на могиле всемирной знаменитости — графа Льва Толстого! Прочитав эти строки, я невольно пережил тяжелые минуты. Как же тяжело было Льву Львовичу писать о таком тяжком поругании отцовской могилы! Мне стало обидно за все святое, что поругано в этом глумлении над могилой человека огромной, едва измеримой величины. Каково же положение всей семьи Толстых? Что она переживает? И мне не хотелось бы, конечно, увеличивать горе Л. Л. Толстого своими ему упреками, не хотелось бы знать, что последующие строки мои дойдут до него. Но и обойти молчанием поругание могилы Толстого не могу: это явление само по себе — великой важности, подлежащее оценке. Вспоминаются последние дни жизни Льва Николаевича. Этот великий старик, до конца дней своих искавший истину, не вытерпел, ушел от жизни, бросил свою графскую обстановку и ушел из дома, поехал чего-то искать... Поехал в Оптину пустынь, поехал к любимой сестре, шамординской монахине. Великая душа чуяла, где искать истину. Толстой вечно бродил около истины, был от нее на "воробьиный шаг" (выражение Мережковского) и сделал, почти буквально накануне смерти, этот последний шаг к истине. Он пошел туда, где служат живому Богу, а не отвлеченным идеям, где признают только Святую Волю, а не красивые фантазии. Но тут семья Толстого совершила преступление перед отцом. За ним в Оптину пустынь была послана погоня, и бедного старика почти насильно увезли из монастыря. Затем болезнь Толстого, во время которой та же семья Толстого не пустила к нему его оптинского знакомого, иеромонаха Варсонофия (в миру полковник Плеханов). Потом — смерть великого русского писателя и его "гражданские" похо-

роны с вызывающей помпой! Потом — его могила в саду графском; это первая могила на Руси без святого креста! В существе дела, эта могила Толстого без креста есть нечто столь трагическое для всякой русской души, столь тяжелое, что не хотелось никогда говорить об этом великом русском горе! Да, уж если были "гражданские" похороны Толстого, то и петь нужно было не "Вечную память", а "вечное горе"... А вот "теперь" Толстой-сын и пишет, что на могиле его великого отца тульские обыватели с гитарой пьянствуют, мастеровые оскорбляют семью Толстых, и с ними "жутко говорить" самому Льву Львовичу, что вообще на могиле его отца происходят безобразия "пьяной, грубой, невоспитанной" толпы, для которой "нет ничего святого". Повторяю, я не знал Толстого, но мне было тяжело читать эти строки. Как же тяжело сыну видеть эти безобразия и мириться с ними или протестовать против них только в "Новом времени"! — Но ведь все святое с этой могилы семья Толстых заботливо удалила? Креста нет? Молитвы нет? Поэтому и вся толпа идет на могилу эту не во имя чего-либо святого. На каком же языке, во имя чего вы эту толпу будете просить не устраивать пикников на великой могиле? Во имя гуманности, вежливости, порядочности? Да, это можно, но, к сожалению, эти принципы всякий понимает по-своему! А если бы на могиле был крест, это бесспорная святыня, если бы около могилы была молитва — о, тогда, по крайней мере, поняла бы пьяная толпа сразу, почему она так безобразна, перед чем она виновата, за что ее можно судить. Принцип святости понятен и для пьяного мастерового! Но Толстой-отец только искал "святости" и не нашел, а Толстые-дети надругались над предсмертными исканиями отца. А "теперь" — кто виноват в поругании его могилы?

Епископ Андрей»[175].

---

[175] Санкт-Петербургские ведомости. 1914. № 150. 5 июля.

* * *

ПАМЯТИ ГЕРОЯ

(По случаю геройской смерти на поле брани
князя Константина Григорьевича Шервашидзе)

<8 ноября 1914>

«Великие, торжественные минуты переживает наше Отечество! Что-то эпическое, несравненно величественное чувствуется в переживаемое нами время. Горе щемит душу, когда приходится переживать смерть любимейших людей; но и это острое горе тонет в каком-то другом чувстве, чувстве радости от сознания, что они — мои дорогие друзья, мои духовные дети и ученики, они пали смертью героев! Да, их нет, но их великие души всегда со мной. Их нет, я не увижу их дорогих для меня лиц, но я счастлив, что моя глубокая к ним любовь не потерпела ни тени оскорбления; я счастлив, что любил и люблю вечной любовью истинных героев! Недавно я оплакивал моего дорогого ученика и друга Ивана Сергеевича Гарисова (осетина, ученика афонской семинарии), погибшего под Варшавой. Его я учил молиться Богу, исполнять долг перед Царем Небесным и Царем земным. Мой ученик исполнял мои наставления. Это ли не моя пастырская радость?! Сейчас сердце щемит от боли — только что прочитал известие: погиб в Восточной Пруссии князь Константин Григорьевич Шервашидзе. Нет! Не погиб он... Нельзя так говорить... Это — почти преступление! Он жив, жива его прекрасная душа, его любовь к людям, и к Церкви Божьей, и к Богу. Князь Константин — тоже мое духовное чадо церковное. Господь судил меня встретить его в Сухуми. Он первый пришел ко мне, первый из грузин начал говорить со мной о церковных делах в Грузии. И я почув-

ствовал в нем чуткое, любящее, но запуганное и потому осторожное сердце. Долго он был со мной осторожным, но потом — я только наслаждался в сердечных беседах с ним. Сколько святых надежд, сколько любовного всепрощения было в его речах! Потом я стал невольно наблюдать за ним как человеком и христианином. И утешался: князь Константин был предан Церкви и уважал Храм Божий. Проходя мимо храмов, солдаты в строю не обращают на них внимания и обыкновенно распевают свои песни. Батальон князя К. Шервашидзе умел уважать святой храм, а его командир даже в строю проходил мимо храма без фуражки. Начал я хлопотать о восстановлении Бедийского монастыря, и князь Константин с юношеским одушевлением торопил, толкал меня на завершение этого дела. И еще в памяти моей воскресает целая вереница воспоминаний о князе Константине как о человеке с чутким сердцем, искренне преданном Церкви и сознательно любившем Россию. Глубокие морщины бороздили его благородное чело, когда он начинал говорить об ошибках, едва поправимых, в укреплении русского дела на Кавказе. И на почве полного единомыслия и окрепло наше близкое двухлетнее знакомство с князем Константином.

Но настал январь нынешнего 1914 года, когда пришлось мне вторично покинуть Кавказ. Мне было тяжело расставаться с теми, кого я успел всей душой полюбить. Но я со всеми в Сухуми простился, не исключая князя Константина... Я чувствовал свою вину перед его любовью ко мне, и мне как будто стыдно было смотреть ему в глаза, а говорить я не мог: спазмы в горле мешали моему красноречию... Мы молча обнялись, и старый горец, князь Константин, не сказал мне ни слова: и он не мог говорить... он молча прильнул к моей благословляющей руке. Его теперь уже нет на земле! Вечная ему память! Вечная память его геройской смерти! Вечная память воину-герою, моему лю-

бимому другу! Счастлив буду, если Господь приведет поклониться его могиле.

Андрей, епископ Уфимский
(б<*ывший*> Сухумский)»[176].

* * *

О СИСТЕМЕ ОБЕЗВЕРИВАНИЯ

<24 февраля 1915>

«Газеты сообщают, что народная школа в ближайшем будущем получит весьма существенную реформу — в курс школы будет введено сообщение учащимся сельскохозяйственных познаний. Это нововведение, конечно, нужно только от всей души приветствовать; народная школа после этого будет гораздо более народна, будет более любима народом и полезна для него. Я помню, как на Кавказе абхазцы мне жаловались, что их дети, ученики местных школ, "никуда не полезны". Но, кроме общего принципа пользы, необходимо еще указать и на то обстоятельство, что дети будут более любить деревню и жизнь своих отцов, если хоть сколько-нибудь будут уметь обращаться с землей и, любя ее, брать от нее все, что можно. Таким образом, школа с курсом сельского хозяйства будет иметь и большое воспитательное значение... Но что у кого болит, тот про то и говорит! У меня же давно "болит" душа потому, что за последнее пятилетие народная школа вообще потеряла много воспитательного влияния на детей. Тому причиной является недостаток в священниках-законоучителях и замена их

---

[176] Санкт-Петербургские ведомости. 1914. № 276. 8 ноября.

учителями, иногда очень плохими в церковном отношении. Это — огромный минус в жизни народных школ за последнее время, который нельзя восполнить никакими сельскохозяйственными познаниями. Но еще хуже то, что учителя очень часто вовсе и не хотят быть сколько-нибудь благовоспитанными в церковном отношении — это "не требуется программой", не требуется и ближайшим начальством учителей. Если же этого требует где-нибудь священник приходской, то ему отвечают на его ревность настырную лишь снисходительной улыбкой всепрощения. Но и это все еще не так тяжело знать и наблюдать. Нет, тяжело знать, что за последнее пятилетие вообще по Министерству народного просвещения был дан тон, что Закон Божий не составляет предмета особого попечения со стороны властей предержащих. Эта мысль была формулирована очень ловко и дипломатично в словах: "... миссия — не наше дело". Такой формулировкой партийные люди угождали всем — и правым, и левым, ибо под "миссией" можно разуметь все, что угодно, до изучения молитв включительно. Получилась не достойнейшая, прямо отвратительная игра в слова, которая в конце давала такие последствия, что ученики-мингрельцы мне отвечали вместо молитвы басню "Кот и повар", а ученики-греки, к величайшему горю родителей, под влиянием русских учителей вовсе перестали молиться. Но с чисто чиновнической угодливостью система обезверивания учеников-инородцев была проведена в Казанском учебном округе. Характернейшим инцидентом в этом отношении было изгнание из казанской инородческой учительской семинарии склада духовно-нравственных книг на инородческих языках. Почти сорок лет этот склад помещался в инородческой семинарии. Родители учеников семинарии, бывавшие в семинарии, и были проводниками христианских идей в среду единоплеменников, знакомясь со складом. И все инородцы всего Приволжья знали, куда обращаться нужно за святыми

книжками, которые и изданы на средства миссионерского общества. Нет, это не понравилось господам ставленникам министра Кассо, и святые книжки были выкинуты. Для них нашелся один из казанских подвалов. Конечно, это было не разрушение Реймского собора, но, тем не менее, это было уничтожение святых традиций Казанского уч<*ебного*> округа, оставшихся от Ильминского, Шестакова[177], А. Н. Деревицкого[178] и др<*угих*>. Теперь, по слухам, очередному разгрому подлежит крещено-татарская школа, всегда считающаяся в ведении Братства святителя Гурия, а ныне перешедшая в другие руки на основании права сильного. А ведь эта школа единственная в России и, по существу, принадлежит не одному Казанскому округу, а всем трем — восточным. Ныне огромный район Приволжья, населенный крещеными инородцами, с величайшим изумлением наблюдает что то, что среди них ранее считалось непререкаемой святыней, то теперь — просто в пренебрежении. В пренебрежении все то, что имеет соприкосновение с верой, поэтому и уроки Закона Божьего в инородческих школах ныне обратились просто во вспомогательные уроки русского языка! Опять чрезвычайно характерно недавно сделанное мною открытие, что в одной двухклассной инородческой школе Закон Божий преподает язычник... Разумеется, это только скверный анекдот и нелепая случайность, но эта случайность-то и характерна для нашего времени: с уроками Закона Божьего стоит ли церемониться? Старые служаки, привыкшие сердечно относиться не только к людям (детям), но и к делу (к воспитанникам), горько оплакивают всякие новшества, но принуждены молчать... Горький опыт справедливого

---

[177] Шестаков Петр Дмитриевич — русский педагог, ученый и общественный деятель.

[178] Деревицкий Алексей Николаевич — филолог, специалист по античной филологии.

протеста закончился для А. А. Воскресенского[179], знатока татарского языка, всю жизнь отдавшего истинно христианскому просвещению, переводом в Малороссию со значительным служебным понижением. И другого деятеля на ниве христианского просвещения, известного всему Приволжью П.В. Щетинкина[180], пожертвовавшего на школы и церкви сотни тысяч рублей, нынешние карьеристы заподозрили в содействии крещено-татарскому сепаратизму. А весь сепаратизм крещеных татар заключается в том, что они не хотят отпадать в ислам! Да, вся русская народная школа нуждается в коренной реформе, в том, чтобы христианское воспитание в ней было поставлено во главу угла, чтобы Закон Божий был основным предметом школьного обучения. Пять лет тому назад был дан тон, который многое испортил и в русских школах. Теперь другой тон должен исправить всю нынешнюю нехорошую музыку и установить прежние святые порядки, столь ныне необходимые для укрепления в народе здоровых начал веры и церковной жизни. Система обезверивания народа — вредная система, и ее нужно уничтожить прежде всего; это будет благодетельная реформа народной школы — и русской, и инородческой.

Андрей, епископ Уфимский»[181].

---

[179] Воскресенский Алексей Андреевич — сотрудник и соавтор системы Н. И. Ильминского.

[180] Щетинкин Павел Васильевич — купец-миллионщик, благотворитель в Казани.

[181] Санкт-Петербургские ведомости. 1915. № 43. 24 февраля.

* * *

ВНЕШКОЛЬНАЯ АТЕИСТИЧЕСКАЯ ОБРАБОТКА НАРОДА

<16 апреля 1915>

«В настоящее время одним из модных вопросов наших народолюбцев оказывается вопрос о так называемом внешкольном образовании. Для этого устраивают "народные" развлечения, "народные" лекции, "народные" библиотеки и т<*ому*> п<*одобное*>. Мне приходилось, не по моей инициативе, знакомиться с мнением подлинного деревенского народа относительно этих "народных" развлечений и библиотек. Умные старые деревенские мужички приходили ко мне неоднократно жаловаться, что, дескать, "ни слушать, ни видеть ничего не охота; а книжку и найти хорошую нельзя"... Таким образом, и в этой области наша интеллигенция столкнулась с народным мировоззрением и разошлась с народом во взглядах на всю нашу жизнь. У народа по-прежнему — религиозное мировоззрение, у интеллигенции, в существе дела, никакого мировоззрения нет, а имеются только хорошие слова, не всегда сопровождаемые хорошими делами. Поэтому и все эти лекции и библиотеки, устраиваемые для народа, глубоко не народны: народ не находит в них того, что удовлетворило бы его душевные запросы. Народ ищет сведения по хозяйству, ищет способов устроить жизнь свою более или менее сносно — и сейчас народу совсем не нужно еще "развлечений" и пустословий. Народ часто или только оскорбляется или вследствие несвоевременности "развлечений", или вследствие дурного содержания книжки. Получается впечатление, что все эти способы так называемого внешкольного образования народа устраиваются нашей интеллигенцией ради ее собственного приятного, щекочущего нервы вре-

мяпрепровождения. Без всяких соображений — приятны, полезны ли они для народа или нет. Но этого мало: и имею основание говорить, что в некоторых местах народные библиотеки устраиваются не только не легкомысленно, но, напротив, совершенно обдуманно — в духе атеистического мировоззрения. Получается какое-то легализированное преступление. Действительно, атеизм в кабинете обеспеченного философа может быть только отвлеченной теорией, проще говоря, безвредной болтовней нравственного урода. Но прививать атеистическое мировоззрение народу — это значит наталкивать народ на все страшные последствия практического атеизма, до вооруженных ограблений включительно. Это — уже не шутка: эта потеха нашей интеллигенции, в существе дела глубоко некультурной и даже необразованной, может быть великой помехой и для Церкви, и для государства. Поэтому и Церковь, и государство непременно должны, пока не поздно, обратить внимание на это "внешкольное образование" народа. А со своей стороны утверждаю, что во многих местах это "образование" есть воистину внешкольная обработка народа в атеизме и политическом нигилизме. Должен заметить, что в Уфе, к величайшему моему удовольствию, губернское земство обратило внимание на состав народных библиотек и имеет уже каталог книг и для религиозно-нравственного чтения. Но кто библиотекари? Состав библиотеки может быть хорош, а библиотекарь может все-таки заняться пропагандой самого крайнего безбожия через рекомендацию читателям книг соответствующего содержания. Во многих местах так это и устроено; по крайней мере, из многих мест от крестьян я получаю жалобы на то, что их "народные" библиотеки никуда не годятся по составу каталогов и для народа только вредны. Вывод из этого положения может быть один: и Церковь, и государство не могут, не должны остаться равнодушными к народному горю — к внешкольному развраще-

нию народа — и должны энергично с этим новым злом бороться. Думается, что внешкольное образование, как и всякое образование, должно быть в ведении только государства, а не в заведывании каких-либо свободных художников, ничего общего с народом не имеющих. Для организации внешкольного образования необходимы и достаточные кадры следующих людей, которых сейчас на местах совершенно нет. Материалом к развитию внешкольного образования могут быть все учреждения ныне ликвидированного попечительства народной трезвости. Если имущество этого попечительства будет использовано для организации внешкольного образования, то это дело сразу будет поставлено достаточно прочно и в целом нормально, оставаясь непременно в руках правительства. К этому делу должны быть приглашены и все местные культурные силы в лице представителей Церкви и земства, которым должна быть вверена вся материальная часть внешкольного образования и забота о должном развитии этого важного в народной жизни дела... Нынешние же неудачные опыты по внедрению атеизма в народную душу должны быть ликвидированы в наискорейшее время.

Андрей, епископ Уфимский»[182].

[182] Санкт-Петербургские ведомости. 1915. № 83. 16 апреля.

* * *

О ГАЗЕТЕ «КОЛОКОЛ»

<10 июня 1915>

«Возвратившись из трехнедельной поездки по епархии, я нашел (в мае) целую газетную полемику по поводу моей брошюрки "Мнение уфимских земцев о церковных делах". Газета "Колокол" всегда в душе была ко мне злобно неравнодушна и поэтому и в данном случае меня грубо выругала, а "Биржевые вед*<омости>*" и "Петроградские ведомости" сделали попытку меня защитить... Приношу этим двум редакциям самую искреннюю благодарность за внимание ко мне, но прошу иметь в виду, что "Колокол" ныне по отношению ко мне неукротим. Когда его издатель, тайный советник Скворцов[183], еще состоял на службе, то он, изругав меня в 1911 году, потом, угождая своему начальству, писал обо мне мною не заслуженные похвальные отзывы, приписывал мне совсем не мои качества, в "Колокол" помещал мой портрет и находил, что я даже по рождению своему принадлежу к какой-то почти неземной культуре... Это было в 1914 году. Теперь же тайный советник вознаграждает себя за свое прежнее унижение и уже ругает меня сколько душе угодно: "дескать, знать ничего не знаю, и никто мне теперь не указ; что захочу, то и напишу!" Совершенно так же ведут себя пьяные семинаристы, исключенные из семинарии: "А, исключили? Карьеру испортили? Так вот же тебе!.." И около семинарии часами висит в воздухе такая отвратительная брань, что трава блекнет... Про-

---

[183] Скворцов Василий Михайлович — миссионер, публицист, издавал газету «Колокол» и журнал «Миссионерское обозрение».

щая Скворцову всю его неделикатность по отношению лично ко мне, забывая о том, что он печатает в своей газете заведомую обо мне ложь, я настоящей заметкой хочу только отметить, что Скворцов не может не ругать меня: вся моя деятельность, все мои взгляды, все мои небольшие печатные труды — все диаметрально противоположно тому, что в течение тридцати лет проповедовал Скворцов. Всю деятельность Скворцова (кроме издания нескольких полезных брошюр) я признавал ранее и ныне признаю вредной для Церкви. Скворцов и все ему подобные церковные деятели врачуют раны церковные легкомысленно, уверяя всех, что все везде благополучно, — между тем все и везде в нашей церковной жизни совсем не благополучно. Поэтому я заранее обрек себя на всевозможные неприличия со стороны "Колокола", который, по идее своего существования, непременно должен меня ругать. И если он меня ругает, это — лучший признак, что я не ошибаюсь. Поэтому прошу всех моих друзей грубою скворцовскою бранью по моему адресу нисколько не беспокоиться и обо мне с "Колоколом" не полемизировать.

Андрей, епископ Уфимский»[184].

[184] Санкт-Петербургские ведомости. 1915. № 127. 10 июня.

* * *

ВОЗЗВАНИЕ К ПАСТВЕ УФИМСКОЙ[185]

<Июль 1915>

«Во имя Отца и Сына и св. Духа.

Возлюбленные о Господе духовные чада мои!

Объехал я многие села и деревни Уфимской епархии и везде видел, как люди православные трепетно ждут от меня и от пастырей своих слова назидания и вразумления, доброго слова о милости Божией к нам, грешным, и слова утешения в наши дни страшной отечественной скорби. И радуюсь я, когда вижу христианские сердца готовыми к перенесению всего, что пошлет нам Господь в милосердии Своем и в праведном гневе Своем на преступления наши, и в то же время от великой скорби о вас, мои чада духовные, и от стесненного сердца пишу вам эти строки.

Братия моя! Вот уже второй год скоро пойдет страшной войны, неслыханной и небывалой с самого сотворения мира. Воистину затрепетали народы, ибо Господь, Царь Царствующих, судит их в правде Своей. И не отводит Господь праведного на нас гнева Своего, потому что грехи наши еще с нами, грехи наши на нас. Некогда Господь говорил об избранном народе Своем: "О, если бы народ Мой слушал Меня, и Израиль ходил Моими путями! Я скоро смирил бы врагов их и обратил бы руку Мою на притеснителей их" (Пс. 80, 14–15). И как ранее, в Завете Ветхом не пощадил Господь грешников, так и ныне не отвращает Господь праведного гнева Своего от нас, потому что не очистились мы еще от грехов наших.

---

[185] «Прошу духовенство епархии в ближайший воскресный день прочитать это воззвание за литургией, а потом разослать хотя по одному листку его в каждую деревню». — *Епископ Андрей.*

А какие же грехи, братие мои, тяготеют над православным отечеством нашим? Каким грехам предалась родина наша? — Много, братие, грехов лежит на нас, а особенно тяжкие грехи наши — это пьянство и возмущающее душу сквернословие. Стыдно сказать, но ни один народ не ругается так мерзко и отвратительно, как русские люди. Никто, никакой другой народ не оскверняет своего языка такими погаными словами, как русские люди. "Язык оскверняет все тело и воспаляет круг жизни, будучи воспаляем от геенны; он исполнен смертоносного яда" (Иак. 3, 6, 8).

По милости Божией, когда грянул гром войны, то русские люди отрезвели и оставили душепагубное пьянство свое, а сквернословие и теперь осталось, — и теперь и в городах, и в деревнях стыдно по улице пройти, потому что и теперь земля русская оскорбляется и стонет от возмутительной ругани необузданного языка необузданных грешных людей, и Бога не боящихся, и людей не стыдящихся. Оставьте, братие, эту мерзкую, постыдную привычку и храните себя непрестанно в чистоте и святости.

Но таких грехов много еще укоренилось в жизни нашей, и долготерпеливый Господь увидел, что погибаем мы, и стал вразумлять нас чрез тех самых беззаконников, которым давно стали мы в своей жизни подражать и которые давно стали портить всю нашу жизнь и развращать весь наш народ. Я говорю о тех нечестивых немцах, которые в бесовской гордыне своей напали на нас и вот уже год как терзают наше православное отечество, оскверняют наши храмы и обращают их в конюшни, избивают мирных жителей и уводят их в плен, всячески позорят женский пол и разрушают опустошенные села и деревни.

Страшный, лютый враг, озверелый в своей гордыне, ниспослан нам от Господа для вразумления нашего.

Но почему же немцы предались такому нечестию? Почему немцы впали в такую гордыню бесовскую и на-

чали говорить, что нет народа выше немцев и все народы должны служить немцам? Откуда такая сатанинская злоба у них?

Слушайте же, братие мои — христиане православные, и поверьте мне, что нечестивое царство немецкое потому и поддалось великому озлоблению и гордыне неслыханной, что забыли немцы о святой апостольской соборной Церкви, перестали почитать Пресвятую Богородицу и угодников Божиих. Так их жесткие, нечестивые души и перестали любить все Божие на земле, перестали молиться Богу, как Господь заповедал, стали извращать святое церковное учение, забыли и отвергли все заветы святых отцов, отвергли всю благодатную жизнь церковную, и вместо того, чтобы исполнять заповеди святых отцов преподобных, немцы начали учить, что они ни в каком нравоучении или в руководстве и не нуждаются. Так они и поставили свой грешный разум вместо учения церковного; за это Господь и предал их творить всякие греховные мерзости.

Но теперь посмотрите, братие мои, на наших русских людей, которые отошли от своего народа и не живут духом народным. Посмотрите, как они во всем подражают немцам. Святые посты они забыли, в храм Божий почти перестали ходить, жертвы Богу почти никогда не приносят, святых отцов не почитают и их не слушаются. И чуть немного кто лапти перестал носить, чуть немного научился носить сапоги да пиджак — уж он думает жить по своему глупому рассудку, перестает слушаться старших, перестает уважать все то святое, чем живут еще его отцы и деды, перестает бывать в церкви, начинает подражать всяким нехристям, которые столько же важничают, сколько имеют пустую голову — без святых мыслей, без разумения жизни духовной.

Вот это и есть немецкая наука, — вернее сказать, немецкая пагуба, питающая тело, но разрушающая душу;

кто прошел эту пагубную науку, тот по гордости своей всегда удаляется от Церкви Христовой, начинает забывать святые уставы ее. И посмотрите, братие, ведь все горожане живут такою немецкою жизнью и совсем не живут по уставам св. Церкви; потом они приходят в деревни и приносят домой эту заразу безбожной жизни. Так и расшаталась вся наша жизнь, что даже разучились креститься как следует.

Так еретики-немцы отучили русских людей поститься и молиться, а вместо этого приучили к неистовому разврату, который часто у нас не считается и грехом, особенно в городах. Вот как ужасна эта немецкая безбожная наука. Посмотрите на городскую жизнь даже в нашей Уфе: ежедневно по ночам в разных местах раздается музыка, а около нее в открытых местах происходят гуляния мужчин с бесстыдными женщинами, — и это в то время, когда рекой льется кровь братьев наших, когда нужно только молиться и молиться, умоляя милосердие Божие о прощении и помиловании.

И вразумил нас теперь Господь: послал Свое страшное наказание — войну с этими безбожными, жестокими немцами. Господь как бы хочет показать нам: "Вот люди могут сделаться какими злыми и коварными, и кощунниками, и осквернителями всего святого, если не будут жить по заповедям св. Церкви, если не будут почитать святых угодников Божиих".

Братие, православные христиане, паства моя о Господе возлюбленная! Убойтесь этого Божия указания, убойтесь развращения душевного и суда Божиего! Идите, возвращайтесь на путь церковный, на тот путь, который прошли сами и нам указали святые отцы. Слушайтесь во всем и всегда уставов церковных, исполняйте все, что заповедано нам святою Матерью нашею, Церковию православною. Братие мои, скоро наступает пост Успенский, в честь Пресвятой Богородицы. Непременно, братие, в этот святой пост соблюдите себя в полной

чистоте и благоговении и поститесь постом, заповеданным св. Церковию. Особенно прошу исполнить эту мою просьбу тех, у кого братья, дети сейчас находятся на войне и каждый час готовы предстать на суд Божий. Ради них, чтобы облегчил Господь их участь, поститесь и молитесь, братие, умоляя Господа и Его Пречистую Матерь о прощении прегрешений наших.

И еще, братие, к вам у меня одна просьба; с этой просьбою я обращаюсь к вам второй раз. Умоляю вас именем Божиим, окажите милость вдовам и сиротам, если кто по деревням будет нуждаться в вашей помощи. Господь сторицею воздаст вам за труд ваш, — вернее сказать, за любовь вашу к тем и кому будете благотворить во имя Христово.

Так, исправляя свою жизнь, очищая себя от греха, будем молиться, чтобы Господь послал победу воинству нашему. А победа над немцами нам нужна больше хлеба, потому что если победят немцы нас, то отнимут у нас и хлеб, и всю землю нашу и изуродуют всю нашу церковную жизнь.

Братие мои! Молитесь же и кайтесь во грехах своих; молитесь и просите у Господа, чтобы отвратил от нас гнев Свой и возвратил нам и милость Свою. Аминь»[186].

---

[186] Уфимские епархиальные ведомости. 1915. № 14–15. 15 июля — 1 августа.

* * *

К ВЕРУЮЩИМ СЫНАМ ЦЕРКВИ[187]

<Август 1915>

«Недавно в "Новом времени" (№ 14140) была помещена статья Е. Поселянина с ужасающей характеристикой положения нашей Церкви. Это положение можно было бы признать вполне безнадежным, если бы мы не признавали Церковь богоучрежденным установлением. Однако если элемент божественный в Церкви вечно жив и не может быть нарушен, то все-таки нельзя не согласиться, что человеческая сторона нашей церковной жизни вся извращена до самой последней степени и на нас лежит всецело укор пророка: "Земля осквернена под живущими на ней, ибо они преступили законы, изменили устав, нарушили вечный завет" (Ис. 24, 5).

Положение страшное! В низах церковной жизни, в народе, среди верующих мирян утрачено самое представление о церковности, выбито из рук всякое церковное дело; а на верхах церковного управления совершается самое циничное преклонение пред сильными грешного мира сего. "Вси уклонишася, вкупе непотребни быша"... И над всем этим положением Церкви такой духовный писатель, как Е. Поселянин, еще находит силы иронизировать!.. Это уж его совершенно определенное преступление пред его Матерью, святою Церковью, это — великий сознательный грех его.

Но откуда же ждать спасения нашей церковной жизни? Нет ни малейшего сомнения, что "и в нынешнее время, по избранию благодати, сохранился “остаток”. Вот этот “остаток” верующих людей, по нашему мнению,

---

[187] Опубликовано в рубрике «Из газет и журналов» «Уфимских епархиальных ведомостей».

и спасет осколки нашей церковной жизни и обновит ее жизнь".

Как это может осуществиться?

На этот вопрос наши духовные витии и почти все наши миссионерствующие и духовные журналы дают один и тот же давно известный ответ: нужно только молиться и радоваться, что Господь и ныне прославляет таких великих героев духа, как преп. Серафим[188], святит. Иоасаф[189], свят. Питирим[190]. Да, отвечаем мы, в нынешние времена это — единственное наше утешение; однако мы должны твердо помнить, что вслед за прославлением преп. Серафима последовала японская война, а за неделю до прославления святителя Питирима — нынешняя страшная война. Разве это не удивительные по очевидности указания Божии, что молитва праведников недостаточна для нашего вразумления? Но откроем книгу пророка Иеремии, и там мы найдем страшные слова.

"И сказал мне Господь: хотя бы предстали пред лице Мое Моисей и Самуил, душа Моя не приклонится к народу сему; отгони их от лица Моего, пусть они отойдут. Если же скажут тебе: “Куда нам идти?” — то скажи им: так говорит Господь: кто обречен на смерть, иди на смерть, и кто под меч — под меч, и кто на голод — на голод, и кто в плен — в плен" (Иер. 15, 1–2). Всмотритесь, читатель, в эти слова пророка, и вы согласитесь, что, по мысли Библии, для народного благоденствия у нас необходимо устраивать не только всенародные моления, а главным образом организовывать всенародное исправление развращенной нашей жизни, воцерковление русского народа, возвращение ему прежнего его церковного быта.

---

[188] Преподобный Серафим Саровский прославлен в 1903 году.

[189] Святитель Иоасаф Белгородский прославлен в 1911 году.

[190] Святитель Питирим Тамбовский причислен к лику святых 28 июля 1914 года.

Как это сделать? Кто возьмет на себя эту великую несравненную задачу исправления церковной жизни?

Вполне очевидно, что этот труд отклоняют от себя те, кто боится ошибок и в боязни своей не имеет благодатного дерзновения. Ведь уже десять лет прошло с тех пор, как открылась возможность проявить жизнь церковную среди моря общественной жизни...

И десять лет верующие души должны, к стыду своему, сознаваться пред инаковерующими, что какие-то тайные силы сильнее сил церковных и что эти церковные силы побеждены тайными силами.

Положение очень позорное и унизительное для Церкви.

Теперь остается думать и надеяться, что хоть верующие люди из членов Государственной Думы спасут положение, придут на помощь церковной иерархии для организации церковной жизни. Если же иерархия слишком занята "текущими делами" и у нее недостает времени думать о церковном обновлении, то верующие сыны Церкви сами должны принять на себя инициативу в осуществлении того, о чем сама же иерархия начала говорить. По-видимому, делу церковных реформ может дать движение только наша верующая интеллигенция церковного славянофильского направления и настроения.

Это — лучшие представители мирян и наиболее авторитетные выразители их мнения.

Вот и хочется сказать этим верующим сынам Церкви: Где же вы? Где ваша ревность о процветании св. Церкви? Что же вы, братие, молчите? Почему слова не промолвите ради спасения немощной братии? Почему безмолвствует высокопочтенное братство московских святителей?

Но как бы ни было глубоко это молчание, во всяком случае, у этих мирян имеются церковные религиозные запросы — в большей или меньшей степени чувствуется среди них духовная жизнь. И если они будут призваны

на помощь для обновления церковной жизни, то можно надеяться на успех. Иначе никакие реформы не сдвинутся с места, а если и будут проведены, то не будут иметь никакого авторитета.

Андрей, епископ Уфимский»[191].

* * *

КНЯЗЬ ЮРИЙ УХТОМСКИЙ

<28 июля 1916>

«Только что узнал о гибели на поле сражения этого прекрасного юноши — человека с огромными способностями и геройским сердцем. Сын недавно скончавшегося от паралича сердца на передовых позициях генерала, князя А. В. Ухтомского, Юрий Ухтомский был более чем в 10 сражениях и, неоднократно раненный, всегда рвался обратно на поле сражения...

Когда началась война, она застала его студентом Казанского университета; герой-сын, несмотря на слезы и горе матери, на коленях вымолил у отца взять его немедленно на войну вольноопределяющимся. Скоро блестящее дарование Юрия выдвинуло его перед военным начальством, и он успел получить многие боевые отличия за сражения, в которых держал себя с выдающимся самообладанием и находчивостью, несмотря на опасные раны.

Выздоровел он — и снова в бой!..

А теперь где-то погиб этот герой, как один из многих героев, спасающих ныне свою Родину. И голос крови их

---

[191] Очевидно, статья была ранее опубликована в «Санкт-Петербургских (Петроградских) ведомостях».

вопиет к Богу от Земли: укрепи, Господи, Русь святую ради беспредельной любви к ней ее лучших сынов!..

Е<*пископ*> А<*ндрей*>»[192].

* * *

ДВЕ ТЕМЫ ДЛЯ РАЗМЫШЛЕНИЙ НАШИМ КЛЕРИКАЛАМ

<13 ноября 1916>

«В наших клерикальных органах не перестают трепать мое имя наши клерикалы, чуждые церковному духу любви и взаимного доверия, продолжают отчасти иронизировать надо мной как над бесчувственным либералом; отчасти клевета на меня как разрушителя установившихся норм церковной жизни... Я и отвечать не могу этим бронированным клеветникам, потому что их клерикальные издания для меня и моих статей закрыты и взывать к великодушию этих "книжников" совсем бесполезно. Поэтому снова прибегаю к защите редакции "Петроградских ведомостей", столь живо интересующейся церковной жизнью. Меня обвиняют в двух преступлениях: я решился в помощь себе призвать мою паству при назначении священников приходских, я предоставил пастве иметь голос при избрании для нее пастыря, духовного отца. Это первое и главное преступление! Вторая моя вина перед клерикалами заключается в том, что я настаиваю на полной необходимости дарования приходу прав юридического лица. Наши всевозможные клерикальные ведомости и вестники не перестают утвер-

---

[192] Санкт-Петербургские ведомости. 1916. № 156. 28 июля.

ждать, что в первом случае я разрушаю какие-то нормы церковной жизни, а во втором — что я не понимаю самого существа православного идеала жизни, истинного совершенства, с полным забвением не только юридических прав, но и всяких земных интересов. Вследствие этого позволю себе сказать моим судьям, что Святейший Синод в 1905 г<*оду*> имел достаточно канонических оснований, когда разрешил и благословил производить выборы пастырей во всем Грузинском экзархате, а если эти выборы не удались, то только потому, что они неправильно были организованы. Поэтому мои критики, критикуя меня в своих официальных журналах, попадают не только в меня одного!.. А когда они защищают аскетические идеалы православия против моих воплей о юридической нормировке прав прихода, то спрашиваю их: почему же они, аскеты православные, не откажутся от прав наших монастырей, которые только потому и живы, что они — юридические лица? Лишите монастыри этих прав — и они рассыплются в два-три года. И идеалы православия как будто не очень страдают оттого, что монастыри не только смотрят на небо, но не забывают и о земле. Нет, права юридического лица вполне обеспечивают жизнь наших монастырей. Почему же эти права признаются нашими лжеаскетами так излишними и вредными для приходов? Вот на эти две темы интересно бы выслушать размышления моих неусыпающих критиков.

Епископ Андрей»[193].

---

[193] Санкт-Петербургские ведомости. 1916. № 227. 13 ноября.

* * *

ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННЕЙШЕМУ МИТРОПОЛИТУ ПИТИРИМУ

<15 ноября 1916>

«Великая нынешняя война наряду с недочетами в нашей государственной жизни обнаружила и многие серьезные, требующие скорейшего устранения недочеты и в нашей общественной жизни. Ныне с полной определенностью выяснилось, что для оздоровления жизни нашего православного народа необходимо прежде всего возрождение прихода — этой основной ячейки в церковно-народном организме. Будучи осведомлен о Вашем высокоавторитетном голосе в пользу этого последнего дела, Уфимский епархиальный съезд духовенства во главе со своим архипастырем имеет потребность выразить Вашему Высокопреосвященству свою глубокую признательность за Ваш почин и вместе с тем надеется, что энергично поддержанное Вашей Святительской рукой дело возрождения прихода, под Вашим же руководством, будет осуществлено, послужив на благо русской православной Церкви, к возвышению авторитета духовенства в народной жизни, к освобождению его от унизительной материальной необеспеченности и вообще на благо русского православного народа.

Андрей, епископ Уфимский
и Мензелинский»[194].

---

[194] Уфимские епархиальные ведомости. 1916. № 22. 15 ноября.

* * *

О ДУХОВНОСТИ И ДУХОВЕНСТВЕ

<28 ноября 1916>

При объезде Уфимской епархии я встретил очень добрых мирян и достаточно ревностных священников, которые искренне недоумевали, как "овцы могут выбирать пастыря. Как же нас, духовных людей, простые люди будут избирать или отвергать!" — так говорил один батюшка, выражая без задней мысли искреннее свое недоумение, а еще более — свою неосведомленность в православном учении об иерархии. На эти и подобные недоумения хочу ответить. Духовенство делается духовным не в силу своего образования (ибо много ученых-грешников) и не вследствие своего посвящения в "духовный сан" (ибо много еретиков-епископов, начиная с Нестория, не стали духовными от своего духовного сана), а только личным усилием своей воли, постоянным духовным подвигом, как все православные христиане. Архиерей при хиротонии говорит, между прочим, следующие назидательные слова: "...не в наложении рук моих, но в посещении богатых щедрот" Божьих дается благодать, освящающая ставленника. Достаточно усвоить только эти слова архиерейской молитвы в полной мере, чтобы не думать, что "мы — духовные" чем-то, как мы органически отличаемся от "не духовных" мирян. Замечательно учение св. апостола Петра о мирянах: он пишет, что они — "живые камни", а не мертвые, не безгласные, что они — "род избранный", народ святой, люди, взятые в удел, дабы возвещать совершенство Призвавшего — народ Божий (Петр. 2). Древнерусская Церковь не знает ни духовенства, ни духовных чинов, кроме духовников как совершающих преимущественно служение духа. Откуда же явились к нам слова: духовенство,

духовное сословие и духовный чин, как бы отличающие всех служителей Церкви от плотских людей? Ведь слов этих нельзя разыскать ни в одной славянской Кормчей по той самой причине, что их не ведала Церковь... Ответ на поставленный вопрос в высшей степени простой: все эти термины не церковные, не имеющие никакого отношения к церковным канонам, а только государственно-административные. Они введены в употребление духовным регламентом, который словами "духовный чин" передавал немецкий термин "derg <*нрзб*>". Так как служительство Церкви со времен Петра стало сосредотачиваться в замкнутом сословии, то и слово "духовенство" как обозначение этого сословия привилось более других такого же рода терминов и постепенно перешло из государственно-административной терминологии в разговорную (и литературную) речь народа. "Духовенство" есть послепетровский термин, обозначающий и послепетровское понятие. Вместо немецкого термина "духовенство", горделивого и дающего повод к самомнению, нужно употреблять лучше чисто церковный: клир. Клир состоит из всех отправляющих степени служения церковного по благословению епископа. Итак, духовность духовенства не есть факт, а есть нечто искомое. Духовенство не делается духовным оттого, что носит особое "духовное" платье и длинные волосы; не делается мирянин "духовным" человеком оттого, что его причислят к духовенству и дадут ему церковно-гражданские права; нет; но когда он исполнит все свои обязанности, когда через церковное служение и постоянный подвиг возвысится до благодатных переживаний — только тогда всякий клирошанин делается действительно духовным, одухотворенным существом. Поэтому когда решают вопрос о "выборе духовенства", то тут нимало не оскорбляется и не умаляется авторитет клира, наоборот, при таких выборах избирается, отыскивается лицо, наиболее заслуживающее доверия по своей жизни, по своей пре-

данности Церкви, и ему вменяются права священнослужителя в надежде, что он безукоризненно исполнит свои обязанности. Будет ли вновь избранный и посвященный в сан пресвитер в зависимости от своих бывших избирателей? Непременно будет! Мы, пастыри, — по слову св. ап. Павла, — рабы паствы для Иисуса (2 Кор. 4.5). Но мы не рабы греха и в грехе нисколько не можем служить миру... Наше дело — служение Господу Спасителю прежде всего; вторая наша обязанность — служить св. Церкви и меньшей братии нашей, служить ей в<*нрзб*>, но не подслуживаться и перед <*нрзб*> не унижаться, никогда не служить чужому греху... Тогда наше так называемое "духовенство" будет действительно духовно; тогда оно заслужит к себе общее уважение и будет пользоваться заслуженным авторитетом.

Епископ Андрей»[195].

* * *

О ТУАПСИНСКОМ МОНАСТЫРЕ

<26 февраля 1917>

«В "Биржевых ведомостях" была помещена недавно заметка об этом монастыре и о непорядках в нем. В этой заметке было упомянуто и мое имя. Ранее того в "Новом времени" известный специалист по духовным вопросам г<*осподин*> Поселянин поместил громовую статью о том, что два архиерея — я и преосвященный Сергий, ныне епископ Сухумский[196], — сделали величайшую несправедливость по отношению к строителям Туапсин-

---

[195] Санкт-Петербургские ведомости. 1916. № 233. 28 ноября.

[196] Епископ Сухумский Сергий, в миру Стефан Алексеевич Петров.

ского монастыря. Г<*осподин*> Поселянин очень строг: он требовал следствия и правды. По отношению ко мне он — еще милостивее, чем к моему преемнику по Сухумской кафедре. Г<*осподин*> Поселянин говорит только, что я сделал ошибку, не выселив "бунтовщиц"-послушниц, не желавших видеть беспорядков в своем монастыре, но и то преосвященному Сергию он делает без всяких предосторожностей самые грубые упреки в неправде. Вот в интересах правды я и должен сказать, что г<*осподин*> Поселянин введен в заблуждение, что вся эта компания "строителей" Туапсинского монастыря — компания очень грустного свойства. Приведу только факты в защиту тех, кто может пострадать совсем невинно. Когда в 1911 году я приехал в Сухуми, то застал престранную картину жизни Туапсинского монастыря: начальницей общины состояла послушница <*Мариам*>, не утратившая своих гражданских прав и владетельница той земли[197], на которой община была выстроена. Казначеем при ней состоял ее "бумажный" (как его в монастыре звали) брат, т<*о*> е<*сть*> приемный сын ее матери — Ф<*едор*> Макаровский, а "старцем" ее монастыря числился некий екатеринодарский мещанин[198]. Нужно прибавить, что Туапсинское подворье этой общины было куплено на имя брата этой удивительной казначеи, Федора Макаровского. Таким образом, и община была открыта, и ее почти что не было, ибо земля общины принадлежала вся

---

[197] Мавра Степановна Макаровская купила эту землю в 1905 году. Вместе с ней из Екатеринодара сюда прибыли ее сестры, сводные братья и несколько девушек. Позднее Мавра вложила свои средства в строительство и обустройство монастыря, кирпичного завода и поселка. В 1910 году обитель был официально утверждена Синодом, Мавра пострижена в малый рясофор и назначена начальницей.

[198] Друг отца и духовный настоятель всей семьи Макаровских, старец Софроний.

целиком госпоже "начальнице", рясофорной послушнице, а другая недвижимость — туапсинский дом — принадлежала ее брату. Я немедленно дал знать, что такой "общины" не потерплю и донесу в Синод о ее закрытии. После долгих переговоров наконец земля была передана в духовное ведомство; но догадливый Федор Макаровский заявил мне, что передаст дом общине только в том случае, если я примирюсь с его пребыванием в монастыре в качестве казначея. При этом он обещал мне даже принять монашество. Таков г<*осподин*> Макаровский, самый беспокойный и <*нрзб.*> "строитель" Туапсинского монастыря. Что касается "старца", то о нем я слышал очень много дурного задолго до посещения Туапсинского монастыря. Если бы он был с более чуткой совестью, он ни за что в этом женском монастыре не оставался бы "старцем". Но это соображение менее всего входило в его программу "старчества". И вот однажды я получил прошение этого "старца" с такой подписью: "отставной ефрейтор (или фейерверкер, не помню), екатеринодарский мещанин афонский схимонах Софроний", — и просил этот старец о посвящении его в белые священники! Прощая ему всякую безграмотность его, я переспросил Софрония, что, может быть, он хочет быть иеросхимонахом, т<*о*> е<*сть*> желает, чтобы я признал его "афонское монашество" и поместил в каком-нибудь мужском монастыре. Ничуть не бывало! Софроний ответил, что хочет быть белым священником и посвятиться с мирским именем Сергия, а потом остаться в том же Туапсинском женском монастыре... На мое полное недоумение, как же я его могу считать Сергием, если он — монах Софроний, сей "старец" возразил, что у него все бумаги написаны на имя екатеринодарского мещанина Сергия (не помню фамилию)! Я решительно отказался от такого посвящения одних только бумаг. Тогда Софроний решился шантажировать меня, пугая письмом одной особы, конечно, им введенной в заблуждение. Таков "старец" туапсин-

ский!.. Его руководство духовной жизнью монастыря было столь своеобразно, как и казначейство Федора Макаровского... Я потребовал безусловного их выселения из женского монастыря. С необходимостью их удаления примирилась и начальница общины Мариам, обещавшая мне полное послушание. Это было в июне 1913 года, а в июле 1913 года Мариам уже ходила по московским и петроградским салонам, жалуясь, что я обижаю ее, ее "старца", ее "братца". Мне пришлось писать два объяснения по этому поводу и давать три объяснения на словах. Тогда я решил удалить Мариам с ее настоятельства и сделать распоряжение о подыскании ей заместительницы. Вскоре после этого самому мне пришлось покинуть Сухумскую епархию, ибо после 4 октября 1913 года и двух следствий надо мной из Тифлиса мне осталось только поскорей уходить (вне зависимости от Туапсинского монастыря). Во всей этой истории я считаю ее вдохновителем Софрония, главным исполнителем старческих предначертаний является Федор Макаровский, человек <*нрзб*> и осведомленный о жизни "духовных" кругов. Сама Мариам, начальница Туапсинского монастыря, по моему мнению, только жалкая, <*нрзб*>, несчастная жертва "духовного" шантажа своих руководителей. Это — только страдающее по чужой вине существо, но совершенно непригодное к настоятельству[199]... В заключение приходится пожалеть, что г. Поселянин слишком доверчив и что он напрасно поднял газетный шум по делу, этого совсем не требовавшему. А я пишу эти строки по прось-

---

[199] В 1914 — Монахиня Мариам (Мавра Степановна Макаровская) жила в Екатеринодаре. После революции подвизалась в монашеской общине в горах Кавказа. 23 марта 1929 года арестована на хуторе Темные Буки, в районе станицы Гладковской по делу контрреволюционной монархической организации «имяславцев». В числе главных 50 обвиняемых приговорена к высшей мере наказания. В ночь с 16 на 17 июля 1929 расстреляна в Ростове-на-Дону.

бе тех, кто не хотел мириться с возмутительным бытом Туапсинского монастыря, а теперь боится пострадать за это. Подлинное "дело", касающееся жизни этого монастыря (очень большое), несомненно, живо в сухумской епархиальной канцелярии.

Епископ Андрей»[200].

* * *

ОТ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ВОСТОЧНО-РУССКОГО ОБЩЕСТВА

<17 февраля 1917>

«В газетах неоднократно сообщалось, что супруга английского посла в России, госпожа Бьюкенен, устроила в Петрограде огромный склад всего необходимого для больных и раненых русских воинов. Все средства (и очень большие) на этот склад госпожа Бьюкенен получает до сих пор только из Англии и в течение уже двух лет самоотверженно работает на пользу нашей родины.

Ныне член Восточно-Русского общества (из Петрограда) граф Перовский просит меня обратить внимание уфимцев на деятельность госпожи Бьюкенен и чем-нибудь выразить ей просвещенную русскую благодарность. До сих пор великодушная англичанка, нисколько не рекламировавшая свою деятельность, получила от русских патриотов пятьдесят рублей рублями, несколько полтинников и живую курицу (от "благодарной солдатки"). Эта жертва русских людей на огромный англий-

---

[200] Санкт-Петербургские ведомости. 1917. № 38. 26 февраля.

ский склад, работавший только на русских, обидно мала; поэтому граф Перовский и просит через меня уфимскую городскую управу, все уфимские земства, все уфимское купечество и всех вообще добрых уфимцев откликнуться не только добрыми чувствами, но и добрыми делами на деятельность госпожи Бьюкенен и выразить ей нашу благодарность делами.

Пожертвования может принимать моя канцелярия ежедневно (в будни) с 10 до 2 часов дня.

Андрей, епископ Уфимский»[201].

* * *

СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ И ЦЕРКОВНОЕ САМООБЛОЖЕНИЕ

<Июль 1917>

«Современные церковные деятели проявят всю свою мудрость, если исполнят два правила, повелительно выдвигаемые нашей жизнью. Первое правило — не опаздывать, второе правило — ни на чью помощь не рассчитывать, надеясь только на помощь Божью. Эти два правила особенно прочно должно запомнить наше духовенство; и, если ранее оно давало своим слушателям в своих проповедях материал только нравственно-назидательный, то сейчас все проповеди наших батюшек должны быть на одну тему — на тему о церковно-приходском устроении, о праве русского народа жить не по английским или французским образцам, а по своим собственным древнехристианским и древнерусским началам.

---

[201] Уфимская жизнь. 1917. № 534. 17 февраля.

Мелкою земской единицей должно быть нечто близкое приходу. Этого нужно добиваться, об этом нужно молиться, это нужно осуществлять всеми мерами. Если у нас сорганизуется православный приход с миром и радостью, то к нам не проберутся какие-нибудь обманщики — тогда никто нам не будет мешать, и мы будем делать свое святое, христианское дело.

Батюшки — отцы духовные! Ради Христа эти мысли сообщите вашим прихожанам; пусть они обсудят, правду ли я говорю, а я твердо знаю, что я говорю единственную правду, которая спасет мирную, воистину христианскую жизнь и всю святую Русь.

Устраивайте же приход как можно скорее и позаботьтесь, чтобы мелкая земская единица устроилась около прихода, например, как Союз приходов. Если этого не будет, то, повторяю, в нашу жизнь ворвутся всякие волки, даже и без овечьей шкуры.

Но откуда приход может достать средства на свое существование?

Об этом нужно много подумать. Мы — люди, верующие в Бога; всякий из нас принадлежит к Св. Церкви, т<*о*> е<*сть*> к святому обществу, основанному Господом Спасителем.

Это нас ко многому обязывает. Вот и подумаем поглубже, чем жить нам, нашему православному приходу.

Чтобы легче был для нас ответ на этот вопрос, я расскажу один мой разговор с социалистом-рабочим. Я спросил его, какой взнос рабочие его партии делают в общую кассу. Ответ для меня был вполне неожиданный: он сказал, что он вносит уже четвертый месяц по тридцать рублей, да кроме того "на красные знамена" уже больше десяти рублей внес...

Теперь представьте, сколько по такому расчету партия в 1000 человек на каком-нибудь заводе в год вносит в свою социалистическую кассу. Просто страшно сказать: 360 000 рублей. Теперь возьмите себе сумму,

в сто раз меньшую: представьте единоличный ежемесячный взнос не в 30 рублей, а в 30 копеек, тогда приход в 1000 человек может в год иметь капитал в 3600 рублей. Для этого нужно иметь только одно желание и твердое убеждение, что принадлежность к Св. Церкви нас обязывает ко многому, и помогать Св. Церкви, помогать друг другу, содержать свои школы и пр<*очее*>, и пр<*очее*>.

Для читателя, конечно, ясно, о чем я хочу сказать: для всех православных христиан как членов своего прихода совершенно необходимо самообложение. Без самообложения мы жить не можем. Наши антагонисты организуются и имеют свои огромные кассы, а у нас по-прежнему — ничего нет. Если ранее нам это было не нужно, то теперь это вполне необходимо.

Дорогие братья! Умоляю всех православных христиан послушаться меня, поверить и начать немедленные взносы по самообложению.

Если люди, никогда не говорящие о Боге, делают огромные партийные взносы, то люди, верующие в Бога, должны же приучать себя к исполнению своего церковного долга, к долгу постоянной взаимопомощи.

С Богом начинайте святую свою приходскую работу!

Андрей, епископ Уфимский»[202].

---

[202] Уфимские епархиальные ведомости. 1917. № 14. 15 июля.

* * *

К УФИМСКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ПАСТВЕ

<Сентябрь — октябрь 1917>

«Во имя Отца и Сына и Святого Духа.

Находясь на поместном соборе в г<*ороде*> Москве, я, к великому горю моему, узнал, что в г<*ороде*> Уфе среди моей паствы произошло великое преступление, ограбление обезумевшей толпой чужого имущества.

Горе нам! Стыд нам всем!

Мы, христиане, исповедующие учение Христово о любви и служении ближним, явно становимся преступниками заповедей Божьих, явно нарушаем завет Христов!

Но лучше нам быть обиженными, чем обидчиками, лучше нам потерять свое, чем неправдой получить чужое.

Не пожелай дома ближнего своего, не пожелай ничего из имущества его — это заповедь, данная Господом в Ветхом Завете. А русские люди, братья, на кого теперь похожи? На что похоже сейчас Русское Православие? Везде грабеж, везде насилие, везде слезы обиженных и ограбленных!

Стыд и горе нам!

Но я не могу и не имею права как епископ молчать и оставлять грабителей без церковного покаяния. Всякий грабитель есть оскорбитель Святой Церкви, и Церковь на два года отлучает его от святого своего причастия по святым канонам.

Поэтому и я, как епископ Церкви Уфимской, по данной мне от Господа Иисуса Христа власти решать грехи человеческие настоящим посланием своим определяю и объявляю, все воры и грабители, носящие христианское имя и участвовавшие в погроме г<*орода*> Уфы

12 сентября с<*его*> г<*ода*> ,отлучаются от Трапезы Господней, от святого Причастия на 2 года, в случае искреннего раскаяния по усмотрению духовника отлучаются на один год. Только в случае смертельной болезни эта эпитемия может быть снята духовником. Пусть за эти два года все эти грешники, допустившие великий соблазн для всех и позор своему христианскому званию, усердно молятся Богу о прощении греха своего, да отвратит Господь от нас всех гнев свой, праведно на нас движимый.

Андрей, епископ Уфимский»[203].

* * *

ВОЗЗВАНИЕ К УФИМСКОЙ ПАСТВЕ

<14 ноября 1917>

«Братья! Я продолжаю, к своему стыду и горю, слышать, что в Уфимской епархии продолжаются погромы и грабежи. Среди страшного несчастья нашей родины, вместо того чтобы покаяться и исправиться, русские люди умножают свои беззакония, прогневают Господа и призывают на себя гнев Божий. Еще раз, желая вразумить заблуждающихся, я обращаюсь ко всей моей пастве с просьбой друг друга удерживать от беззаконий, напоминать друг другу, что Церковь Божья не может держать упорных грешников среди своих чад. Поэтому прошу пастырей церковных умолить свою паству покаяться и не нарушать заповедей Божьих и вторично объявляю, что по власти епископа я отлучаю на два года от

---

[203] Уфимские епархиальные ведомости. 1917. № 20. 15 октября.

святого Причастия всех воров и грабителей, а если они не покаются, то исключаю их из своей паствы.

Братья! Возвратитесь к Богу, покайтесь все! Иначе отечество наше вовсе развалится за грехи наши, и мы останемся нищими — не получим от Господа милостей Его!

Андрей, епископ Уфимский»[204].

* * *

МОЕЙ О ГОСПОДЕ ВОЗЛЮБЛЕННОЙ УФИМСКОЙ ПАСТВЕ

<Ноябрь 1917>

«Возлюбленные о Господе отцы и братие!

Среди великих огорчений, которые сейчас переживают все русские люди, еще не потерявшие рассудка, архиереи должны еще болезненнее переживать все несчастие своей паствы и страдать с нею. И меня, грешного, Господь не лишил этой благодати — любить свою паству и страдать душевно ее страданиями.

Но я имею и свои радости, и все большие мои радости — в моих уфимцах, которые меня утешают своею преданностью святой Церкви и Закону Божию. Одно только горе и обиду себе я имею из Уфы — это Уфимский погром 12 сентября с*<его>* г*<ода>*. Но не буду вспоминать об этом моем несчастии — буду говорить только о тех заявлениях, которые мною получены из Уфы и в которых моя уфимская паства просит у Поместного Цер-

---

[204] Уфимские епархиальные ведомости. 1917. № 21–22. 1–15 ноября.

ковного Собора и у нашего правительства помощи в деле восстановления Закона Божия в школах. По этому поводу я и пишу настоящее письмо моим православным уфимцам; прошу всех духовных отцов-пастырей подумать над моими словами и все свои думы и мысли передать своей пастве.

Братие мои, дорогие мои — русские люди! Помните твердо, что нам надеяться не на кого и помощи мы можем просить только у Бога. Не надейтеся на князи, на сыны человеческие! Нынче от них исключительно одна погибель. Мы должны надеяться на себя, на свои силы.

Правительство не может и не хочет вмешиваться в народную жизнь.

Оно хочет, чтобы весь народ устраивался, как ему угодно. Поэтому все и устраиваются по своему желанию, и все безбожники, отбившиеся от христианской жизни, начали изгонять Закон Божий из школы. А верующие люди по-прежнему только все просят и ходатайствуют. Забудьте эту привычку навсегда!

Нужно жить и устраивать свою жизнь по-своему; если неверующие люди из своих школ изгоняют Закон Божий, то люди верующие должны сами обучать своих детей Закону Божию и других школ к себе не допускать.

Но для этого единственное средство — это то, о котором я писал уже тысячу раз, — нужно устраивать приходскую жизнь. Нужно сделать так, чтобы приход и приходская казна были самыми сильными народными организациями. Для народа русского, для верующих русских людей — это единственное спасение.

Для православного духовенства — это огромная и самая благодатная задача жизни и источник его счастья.

Вот и умоляю всех, ради Христа, — трудитесь в пользу взаимную и во славу Божию.

Для устройства прихода не нужно ждать решения Поместного Собора. Собор ничего нового не скажет в этом вопросе. Не нужно ждать и учредительных собраний; нужно только иметь хоть каплю рассудка, чтобы понять, что верующие должны объединиться около своих храмов, как все неверующие уже объединились около всяких своих идолов. Неверие сейчас открыто воюет против веры и против Церкви, а верующие люди, и иереи, и архиереи у того же неверия просят помощи своей вере. Можно ли так ошибаться?

Нет, братие, пора понять, что вся сила православия — в устроении прихода и что если приход будет организован, то только тогда верующие прихожане будут хозяевами своей жизни; тогда не нужно будет клянчить из чужих рук своего счастья, а весь народ будет по приходам устраивать свою жизнь по своему желанию.

Пусть же каждый приход пишет свой устав или по синодскому образцу, или согласно нашему уфимскому уставу (напечатанному в "Уфимских епархиальных ведомостях"). Когда устав будет составлен, нужно зарегистрировать его обычным порядком в окружном суде. Указание, как это сделать, можно найти в Уфе, у представителей Союза приходских советов. Помните только, отцы и братие, что в приходе могут быть не все, кто живет в сельском обществе. Всякие безбожники и кощунники должны выйти сами из состава прихода, чтобы не мешать приходской жизни. Поэтому должна непременно вестись приходская книга, в которой нужно записывать всех верующих — действительных прихожан.

Далее в уставе нужно иметь в виду храм как центр всего прихода и необходимость самообложения приходского, хотя самого малого, чтобы всякий прихожанин, приходя в храм по праздникам, непременно приносил в общеприходскую казну хоть несколько копеек. В нынешние времена гонения на Церковь — это необходимо.

И последнее основное правило приходской жизни — это получение всяким приходом в отдельности прав юридического лица.

В приходском уставе необходимо упомянуть о храме, чтобы святые храмы государство не отобрало в свою собственность и чтобы прихожане чрез это не потеряли собственного своего храма. Приходской священник — непременный член, первый слуга приходского совета.

Права юридического лица нужны для прихода, чтобы иметь свои средства и этими средствами распоряжаться по своему желанию. На эти приходские средства приход может устраивать все по своему желанию — не только школьные уроки, но и целую свою школу. В этой приходской школе приход уже не потерпит, чтобы какие-нибудь безбожники и проходимцы портили и развращали детей.

Вот, в тысячу первый раз повторяю свои мысли о приходе, кланяюсь до земли своей пастве и прошу всех потрудиться на этом святом деле и немедленно устраивать приход по моим указаниям, спасая тем русскую церковную жизнь от окончательного разложения.

Господь да поможет нам в этом великом деле!

Андрей, епископ Уфимский»[205].

---

[205] Уфимские епархиальные ведомости. 1917. № 21–22. 1–15 ноября.

* * *

К ВЫБОРАМ В ГОРОДСКУЮ ДУМУ

Об организации христианской общественности

ВОЗЗВАНИЕ ЕПИСКОПА АНДРЕЯ К УФИМЦАМ

<Лето — осень 1918>

Возлюбленные братья, обращаюсь к вам с настойчивым требованием исполнить свой долг христианский по отношению к ближним своим, постараться обеспечить им наилучшие условия жизни и дать им воспользоваться благами, которые достигаются общественным, мирным, любовным устроением жизни. Для этого вы должны принять самое деятельное участие в хозяйственной жизни города, провести в общественное городское самоуправление людей деловых и работящих и, избирая их, забыть злую и суесловную шумиху политических партий.

Да, братья, исполнение вами своего гражданского долга по отношению к городу, в котором вы живете, явится в этом случае и исполнением долга вашего по отношению к ближним вашим, к беднейшим жителям города.

Подумайте: разве не на бедняках особенно болезненно отражается полное расстройство, в которое привели городское хозяйство социалисты, прошедшие в гласные городской Думы на выборах 1917 года? Разве не беднякам окраин города тяжело не иметь мостовых в удаленных от центра кварталах, разве не на бедняках сильнее, чем на других, отражается отсутствие хорошо поставленных школ, санитарных мероприятий и врачебной помощи, отсутствие водопроводов, дешевого освещения и т<*ак*> д<*алее*>, о чем должно заботиться городское самоуправление. Социалисты, доказав свою непригод-

ность к той общественной службе, на которую они были избраны поверившими их обещаниям горожанами, сами сознались в своей несостоятельности и после нескольких месяцев не налаженной работы произвели роспуск городской Думы собственным ее постановлением.

Ныне предстоит созыв новых гласных. Помните, что городское самоуправление есть учреждение *не политическое*, *а хозяйственное*, *удовлетворяющее жизненные потребности граждан на началах самообложения.*

И у городского самоуправления должна быть главная забота — это забота о бедняках всего города.

Правильное исчисление городских сборов, взыскиваемых с граждан, и разумное, целесообразное и экономное расходование этих сумм на мостовые, освещение, санитарную часть, народное образование, обеспечение порядка и прочие нужды — таковы задачи городского хозяйства, вверяемого попечению гласных городской Думы и избранной ими городской Управы.

Никакой политической задачи на городской Думе по закону не лежит, а следовательно, политическая программа того или другого деятеля еще ничего не говорит о степени его пригодности к делу не политическому, а хозяйственному.

Насколько мне известно, приходской список кандидатов в гласные городской Думы и составлялся на этих началах, а именно: в него включались люди деловые, вне зависимости от принадлежности к той или другой политической партии. Я сам несколько раз проверял этот список, и помеченные в нем приходские деятели уже зарекомендовали себя заботой об общем благе. Итак, возлюбленные братья, прихожане всех церквей г<*орода*> Уфы, дружно, как один человек, идите к урнам и голосуйте за свой собственный приходской, не политический, а деловой список. Этого требует и простое благоразумие, и ваш гражданский

долг, и христианские заповеди — деятельно заботиться о ближних.

Ваши избранники наладят городское хозяйство, и тогда первыми почувствуют улучшение своего быта бедняки, которые собственными средствами не могут оплатить всего того, что должно им давать общественное самоуправление.

Благословляю вас на усердное служение обществу. Да пошлет Милосердный Господь Бог наш силу, крепость и светлое разумение избранникам вашим в их работе на пользу ближним — и христианам, и нехристианам!

Андрей, епископ Уфимский. Уфа»[206]

[206] Национальный архив Республики Башкортостан. Ф. № П–1832. Оп. 2. Д. 55. Л. 1.

DUBIA[207]

О САМОСОЗНАНИИ

<Июнь 1901>

Забывает ли девица украшение свое
И невеста наряд свой? А народ Мой забыл
Меня — нет числа дням.

Иеремия, 2. 32

Мы — христиане — видим в еврейской культуре прежде всего культуру нравственную; мы привыкли со школьной скамьи связывать с ней исторически все то религиозно-этическое достояние, которым мы обладаем. И если характерным и специальным эпиграфом нравственного миропонимания всегда служило предложение, что в борьбе с недостатками и злом действительности субъект должен искать корни этих недостатков и зла прежде всего в самом себе; что борьбу с недостатками и злом действительности надо начинать с переделки самого себя; иными словами, что центр тяжести всякой человеческой деятельности должен лежать ни в чем дру-

---

[207] В этом разделе помещены статьи, которые предположительно принадлежат перу архимандрита, епископа Андрея.

гом, как в личной культуре, — то все это и является в наших глазах наиболее характерным и ценным наследием своеобразной культуры Израиля.

Вслед за святоотеческой философией истории мы привыкли смотреть на так называемый "библейский", soi-disant[208] классический период истории еврейского народа как на историю развития человеческих идеалов от уровня натурально-национальных стремлений до высших максим нравственной личности; древний идеал изведения Израиля в землю свою мало-помалу, путем долгого исторического развития вырастает в идеал всемирного торжества, воскресения нравственной личности. Естественный динамизм человеческой природы, оставаясь во всей своей напряженности, уясняется и углубляется за период библейской истории до своих последних нравственных оснований. Именно "библейская" история более всего укрепила в нас ту мысль — и укрепила веру в эту мысль, — что последняя и окончательная ценность в мире лежит в интересах и культуре личности, последнее слово в мире принадлежит нравственной личности. Дело лучших людей Израиля на протяжении его истории мы понимаем так, что они всегда являлись предупредителями своего народа, когда он начинал сходить с того русла, которое они понимали его настоящим, должным, присущим именно ему руслом. И то, что они считали настоящим, должным и присущим "народу Божьему", является до сих пор теми высшими pia desideria[209] нравственной личности, которым мы учимся у Законов и пророков Библии. Лучшие люди Израиля всегда предостерегали и сдерживали его в его сторонних увлечениях какими бы то ни было внешними, подчас блестящими культурами, с которыми он сталкивался за свою историю, — сдерживали и останав-

---

[208] Soi-disant (франц. — так называемый, мнимый, так сказать).
[209] Pia desideria (лат. — благие намерения).

ливали его с тем, чтобы усугубить его внимание на его собственном культурном призвании, чтобы тем сильнее углубить его собственную культуру "внутреннего человека", нравственной личности по преимуществу.

Мы знаем, что очень большое число современных евреев не соглашается с таким пониманием еврейской культуры и не хочет признавать в ней ничего исключительного по сравнению с так называемой "цивилизацией" европейских народов. По-видимому, это доказывает лишь то, что для среднего еврея точно так же, как для среднего германца, француза или славянина, мировоззрение "библейских фолиантов" во многих отношениях является слишком полновесным и обязывающим, чтобы без всякого личного труда считать его своим мировоззрением. Тем более мы приветствуем прекрасную статью маститого петербургского гебраиста проф<*ессора*> Д. А. Хвольсона о еврейском самосознании[210], своего рода проповедь национально-исторического самосознания, обращенную ученым автором к современным евреям, для большинства которых так прискорбно обрывается связь с древним духовным наследием их народа, для большинства которых это наследие является какой-то мертвой кучей "фолиантов" — вследствие чего их национальное сознание вырождается в национальный эгоизм или изглаживается вовсе.

"У евреев, — говорит проф<*ессор*> Хвольсон, — редко встречается правильное самосознание, одни — слишком высокого мнения о себе; другие ценят себя ниже своего истинного достоинства". Чтобы определить ценность отдельной личности, нужно знать ее жизнь и деяния; чтобы определить ценность народа — нужно знать его историю и литературу. Можно, кажется, утверждать, что из 100 евреев 99 почти вовсе не знают истории еврей-

---

[210] *Хвольсон Д. А.* Самосознание. Звенигородка: М. И. Быков, 1901.

ского народа. Правда, между евреями немало таких, которые знакомы с еврейской литературой, но это знакомство ограничивается известными отраслями (например, Галахой[211]) и даже в этих пределах весьма недостаточно. Если бы евреи лучше знали свою историю и литературу, они бы также лучше понимали характер и существо еврейского народа, и тогда они стремились бы сохранить и далее развивать хорошие качества. По возможности искореняя в себе дурные!

Ученый автор приглашает своих единоверцев оживить и закрепить связь с историей и литературой своего народа — связь с тем, что завещано им великим прошлым национального духа. "Нам, — говорит он, — прежде всего следует стремиться к изучению своей истории и литературы, настоящего и будущего". Обращаясь к общей характеристике еврейского духа, — как он выразился в истории и литературе, — проф<*ессор*> Хвольсон подчеркивает, что еврейская культура по своей внутренней природе есть именно и прежде всего культура нравственная, культура духовной личности.

Политическое могущество или блеск внешней культуры никогда, в конце концов, не прельщали дух Израиля. "Характерно для еврейского народа то, что он никогда не превозносил богатырей, людей физической силы. Зато люди духа всегда имели огромное влияние на этот народ, который, при всей своей самостоятельности, добровольно подчинялся всякому, кто выдавался умом и добродетелью. Эта характерная черта проходит через всю еврейскую историю и сохранилась в ней до настоящего времени. Во все времена люди знания составляли единственную аристократию среди евреев. Достойно замечания, что в лице Иисуса Навина евреи почитают не

---

[211] Галаха — традиционное иудейское право, совокупность законов и установлений иудаизма, регламентирующих религиозную, семейную и общественную жизнь верующих евреев.

героя, покорившего Палестину, а исключительно ученика Моисея, который, по их мнению, передал евреям устное чтение. Должно же в самом деле быть здоровое ядро в народе, который умеет так высоко ценить духовные качества". "Как народ евреи никогда не играли значительной политической роли. Даже в эпоху высшего расцвета, при Давиде и Соломоне они владели относительно небольшой территорией и могли играть политическую роль лишь по отношению к таким мелким племенам, как идумеяне[212], амониты[213] и моабиты[214]. Зато едва ли существует другое племя, кроме греков, которое играло бы столь выдающуюся роль в области духа, как израильтяне. Основные учения религии, которую исповедуют около 700 миллионов, покоятся на религиозном учении, развивавшемся в недрах еврейского племени".

Чего желал, на что надеялся этот народ? Он желал и надеялся, что настанет время, когда все народы земного шара будут искать истины и находить ее, когда все народы "перекуют мечи свои на сошники, а копья свои на серпы; не поднимет меча народ на народ и не будет больше учиться воевать". И когда наш гуманный Государь, чью память будут благословлять отдаленные поколения, сделал достойное бессмертия воззвание к цивилизованным народам Европы, по возможности разоружаться и решать споры посредством третейского суда, он был тогда избранником Божьего Промысла для приведения в исполнение высокого завета пророков Израиля. И как представляли учителя израильского народа идеально-

---

[212] Идумеяне — жители Идумеи (Эдома), согласно Библии, считались потомками Исава, брата Иакова.

[213] Аммониты — семиты, жившие в древности на восточном берегу Иордана, согласно Библии, были потомками Аммона, сына Лота от его собственной дочери.

[214] Моабиты — потомки Исмаила, старшего сына Авраама от рабыни Агари.

го героя и идеальное время? Будет ли этот герой завоевателем городов, грабителем стран, покорителем народов? Желал ли этот народ приобретать себе "славу", во французском смысле, покорением других народов? Нисколько! Идеальный герой этого народа будет одарен мудростью, разумением, познанием и страхом Божьим; "правда — будет поясом на чреслах его и верность — на бедрах его; бедных будет она судить справедливо, а неправедного уничтожит дуновением уст своих". В его время общий мир будет царствовать и вся земля будет преисполнена познанием (кн. Исаии, 11, 2–9). "Где вы найдете племя среди народов древнего мира, которое сохранило бы такие идеалы и надежды, и как мало еще народов и в настоящее время, которые стремились бы к таким идеалам и к их осуществлению!"

Еврейская литература, как известно, одна из наиболее могущественных во всемирной истории. Начиная со Средних веков, она постепенно охватывает все отрасли знания. Но, может быть, самым замечательным в ней является ее этико-философский элемент, который так сильно и неоднократно влиял и на христианскую богословскую мысль. "Евреи обладают столь богатой нравоучительной литературой, как, быть может, ни один другой народ. Мы у них находим нравоучительные произведения, составляющие драгоценнейшие перлы и которые с пользой могут читаться людьми, исповедующими и не еврейскую религию. Что же касается мидраша[215] и нравоучительной, то ими евреи поистине могут гордиться...

Литература мидраша, которая у евреев, к сожалению, недостаточно пользуется вниманием, имеет всемирно-историческое значение. Агада содержит в самом

---

[215] Мидраш — раздел Устной Торы, входящий в еврейскую традицию с Торой Письменной и включающий в себя толкование и разработку коренных положений еврейского учения.

деле элементы, которые много содействовали облагорожению, нравственному возвышению и гуманизации человечества. В ней душа и поэзия религиозной жизни находила и до сих пор находит самое глубокое, самое очаровательное свое выражение. Старейшие отцы Церкви Ориген[216], Ефрем Сирин[217], Иероним[218] и многие др<*угие*> были знакомы с агадой и многократно пользовались ею для объяснения Святого Писания.

Вообще говоря, — как заключает автор характеристику наследия, оставленного евреям историей, — "им нечего стыдиться ни своего прошлого, ни своих предков, а потому им можно лишь пожелать жить так, чтобы предки в свою очередь не должны были их стыдиться". Конечно, лучше всего было бы, если бы вообще наши современники — тем естественнее сами евреи — в оценке и устройстве своей жизни почаще становились и повнимательнее стояли на точке зрения великих евреев, создавших величайшую в мире этико-религиозную культуру и имена которых блестят из отдаленной глубины истории. Профессор Х. начинает свою статью определением еврея как преимущественно "выдающейся личности". Истинный израильтянин, о котором сказано, что в нем "лести нет", есть прежде всего человек с чрезвычайно выраженной, непосредственной и непокорной личной жизнью: это — "муж желаний". Только сильная личность могла заслужить в том или другом смысле имя "богоборца" (Бытие, гл. 32, 28).

Заканчивает наш автор талмудическим заветом: "Если человек видит, что его постигает кара, то пусть прежде всего поищет в поступках своих", т<*о*> е<*сть*>

---

[216] Один из самых известных христианских философов и богословов III века.

[217] Христианский богослов и поэт, один из Учителей Церкви IV века.

[218] Церковный писатель, аскет, создатель канонического латинского текста Библии.

не сам ли он тому причиной. Это предложение приводится в статье в качестве практического совета современным евреям в обстоятельствах их жизни. Но оно же в общем своем значении может быть поставлено эпиграфом для всякого этического миропонимания, т<*о*> е<*сть*> такого миропонимания, которое указывает человеку корни недостатков и зла мира в недостатке и зле в нем самом, полагает же единственный серьезный путь к их преодолению в нравственной культуре конкретной личности.

Если таков характер и такова культура "истинного израильтянина", то можно пожелать исполнения надежды, высказываемой маститым гебраистом, что в недалеком будущем "между звездами русской литературы будут блистать и еврейские имена".

Кн<*язь*> А. Ухтомский»[219].

* * *

ИСЧАДИЯ АДА

<21 июля 1906>

«Как известно "пролетарии всех стран" не имеют отечества, они отвергают и государство, и отечество. Поэтому наши российские "товарищи" и были так рады несчастиям последней войны, что Россия, по их ожиданиям, скоро должна была прекратить свое существование и превратиться в несколько социалистических республик. И теперь социалисты, на другой день после роспуска Гос<*ударственной*> Думы, проявляя бешенный восторг, в надежде, что теперь-то революции не миновать,

---

[219] Санкт-Петербургские ведомости. 1901. № 136.

что баррикады и вооруженное восстание среди всеобщего недоумения после "разгона" Думы теперь уже, несомненно, восторжествует...

Почитайте газеты наших доморощенных "товарищей" — ведь какое торжество у них сквозило в каждой статье в надежде будущей крови; обратите внимание, как они носятся теперь с "воззванием к народу" или "манифестом" г<*оспод*> отставных членов Думы, призывающих народ из Финляндии к неповиновению власти...

"Крови, крови!" — вот что у них и на уме, и на сердце...

Но раз нет этого "на языке", то, конечно... мы об этом не вправе и говорить, мы, значит, только "клевещем" на бедных "товарищей", почти восстанавливаем одну часть населения на другую и пр<*очее*>, и пр<*очее*>? Но послушайте, что говорят "пролетарии всех стран", что они пишут в своих газетах. "Петербургские ведомости" (№ 155) передают, что один заграничный социалистический орган вполне доволен роспуском Думы, надеясь, что разъезд членов Думы приведет к настоящей революции, и предвидит кровавую картину, которая доставит удовольствие всем тем русским (социалистам), кто забыл значение слова "отечество".

Пусть все погибнет в России, пусть все растает в смерти, трауре и крови, и из этого хаоса восстанет свобода. Революция должна победить ценой страшной бойни, начиная с избиения власти и кончая последним солдатом...

Слушайте, слушайте дальше; имейте, читатель терпение окончить перечень социалистических ожиданий. Дальше вот что должно быть. "Через океан крови и поверх гор из трупов революция пройдет со своим красным знаменем разрушения и славы. Трагедия начинается: вся Россия, начиная с Петербурга и кончая Одессой и Тифлисом, огласится одной сплошною похоронной песнью". Так красноречиво пишут г<*оспо-*

да> социалисты — они имеют настолько своей наглой откровенности. Вот они — "товарищи", — пролетарии всех стран!..

Это разве люди? — Это какие-то людоеды, несчастные исчадия ада!

А. Восломский»[220].

* * *

КНИГА ГЕРОЯ

<12 сентября 1906>

«Мы хотим сказать несколько слов о книге А. Д. Нечволодова[221], рецензия о которой уже помещена в "Казан<*ском*> Телеграфе"[222]. Книга посвящена "всем представителям производительного труда". Г<*оспода*> русские рабочие! Обратите внимание на эту замечательную книжку; изучите вы, действительно сознательные рабочие, что вам необходимо, на кого вы сейчас работаете, почему все на Руси только беднеют и что нужно для русского благоденствия. Книга г<*осподина*> Нечволодо-

---

[220] Казанский Телеграф. 1906. № 4034. 21 июля.

[221] Александр Дмитриевич Нечволодов (1864 года рождения) — военный и общественный деятель, автор книг по истории и экономике. Участник Русско-японской и Первой мировой войны; с мая 1915 — генерал-лейтенант Генерального штаба. В 1917 — Временным правительством отстранен от командования 19-й пехотной дивизией. После революции — в эмиграции, работал в газете «Либр Пароль» и издательстве «Долой зло!». 5 декабря 1938 — скончался в Париже; похоронен на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа.

[222] 8 сентября 1906 года.

ва носит название "От разорения к достатку"[223], и можно обещать громадную популярность этой книги, которая проклинает деньги богачей — золото; через золото вздорожали сами деньги, а труд страшно упал в цене. Из-за золота богатые еще более богатеют, а бедные вполне разоряются. Русские нищие помещики! Прочитайте, изучите, эту книжку... Русские разоренные рабочие! Со стола не спускайте этой книжки вашего благодетеля! Но кто он?

А. Д. Нечволодов — полковник генерального штаба, который послал после Ляоянского сражения Куропаткину мужественный "рапорт"; этот рапорт заканчивался словами: "единственный исход, чтобы спасти наше отечество от позора и гибели, — просить Его Величество о немедленном освобождении Вас от должности главнокомандующего. Я надеюсь, что Ваше Высокопревосходительство найдет в себе достаточно мужества и благородства, чтобы принять это тяжелое для себя, но благодетельное для России решение". За этот рапорт Нечволодов был признан сумасшедшим и до сих пор не может получить полка... Своей книгой, о которой мы говорим, он повторяет свой знаменитый рапорт, только по другому адресу. Он, между прочим, пишет, что Уссурийский край наш, по мнению американца Карксона, "стоит десяти Калифорний", но наше финансовое ведомство не знает об этом, да и сама разведка золота запрещена именно там, где оно находится. Далее г<*осподин*> Нечволодов указывает средство, как Россия и русский народный труд могут перестать платить громадные проценты по внешним займам, т<*о*> е<*сть*> как можно избежать этих самых займов у Ротшильдов и Мендельсонов и прекратить закабаление народного труда международному золоту, т<*о*> е<*сть*> заграничным миллиардерам!

---

[223] Книга была издана 18 мая 1906 года в издательстве Санкт-Петербурга.

Но, к сожалению, "много темных сил заинтересованы в том, чтобы настоящий капиталистический строй продолжался еще долгие годы..." Однако А. Д. Нечволодов верит в светлое будущее русских рабочих и крестьян; но настойчиво требует, чтобы русский рабочий сам на своей шее не затягивал петли и сознательно изучил бы, что нужно для его блага. Книжку г<*осподина*> Нечволодова усердно рекомендуем всем русским грамотным людям.

А. Восломский»[224].

* * *

ДЕПАРТАМЕНТ ДУХОВНЫХ ДЕЛ И ВЕДОМСТВО ПРАВОСЛАВНОГО ИСПОВЕДАНИЯ

<22 апреля 1911>

«В настоящее время это сопоставление вызывает всякого православного русского человека на самые грустные размышления. Правда "С<*анкт*>П<*етер*>б<*ургские*> вед<*омости*>" еще очень давно, в 1904–05 годах, стояли на той точке зрения, что русский министр внутренних дел не может остаться в роли равнодушного зрителя при нынешнем распаде церковной жизни; правда, это разложение в жизни православия есть самый существенный признак болезни души народной и прямая дорога к упадку народной энергии и вообще жизни. Это ли не "внутреннее" русское дело? Это ли не страшное народное бедствие? И слепой только может этого не заметить...

---

[224] Казанский Телеграф. 1906. № 4075. 12 сентября.

Русский же деятель, кто бы он ни был, и в особенности министр внутренних дел, должен (именно должен) принять все меры к тому, чтобы спаять православную Русь и всемерно предохранить ее от разложения. С чувством величайшего удовлетворения мы и можем сказать, что именно эту точку зрения усвоил себе Департамент духовных дел. Мы не можем указать, чтобы за все время своего существования этот департамент когда-нибудь стоял так высоко и деятельность его была столь плодотворна, как ныне. За последние годы им изучена масса вопросов, предприняты энергичные шаги для сокращения антигосударственной деятельности сектантства, католичества, магометанства... В последний месяц этим департаментом произведена ликвидация иезуитской пропаганды в Москве, к величайшему изумлению политиканствующего, своей паствы не ведающего московского духовенства. Что можно поставить в параллель к этому со стороны "ведомства православного исповедания"? Дело иеромонаха Илиодора? Выработку никуда не годного устава духовных семинарий? Составление комиссии празднования в 1921 (!!) году юбилея Св. Синода?

Трудно указать хоть что-нибудь живое, новое в этом "ведомстве". В противоположность "департаменту" это "ведомство" под влиянием каких-то темных сил совершенно игнорирует все современные требования жизни, поэтому лишается последних остатков влияния на течение жизни в самом православии и производит огромную дезорганизацию в церковной жизни. Получается полная аномалия. Департамент духовных дел, очевидно, правильно поняв государственное значение усиления религиозных брожений, хочет сделать все возможное к их ограничению. Но он хочет и не может, так как его значение лишь предохранительное. А "ведомство православного исповедания" располагает всеми средствами к развитию церковной положительной деятельности; оно может многое сделать, но не хочет или не умеет...

В общей сложности, таким образом, вся благая деятельность департамента сводится всецело к пустому месту, полной бездеятельности "ведомства". Это-то положение нашей государственной и народной жизни, когда министр внутренних дел не может делать вид, что церковные дела для него безразличны. Нет! Повторяем: больна душа народная. Народ теряет свои народные идеалы, утрачивает свое прадедовское мировоззрение, народ теряет свой свойственный облик. Русский народ вследствие усиления сектантства начинает быть непохожим сам на себя... Это есть разложение его! И государственная власть должна энергично вмешаться в это положение.

Мы, конечно, не считаем возможным, чтобы "ведомство православного исповедания" как учреждение чисто государственное было введено в "департамент духовных дел", хотя это для православия в принципе глубоко безразлично... Но нельзя ли по крайней мере согласовать деятельность этих двух учреждений и сделать их более солидарными?

Хуже от этого для православия не будет, но имеются все основания надеяться, что жизнь православия от этого только выиграет. А та вероисповедная политика, которая наблюдается у нас ныне, — это государственный абсурд, в высшей степени вредный и для государства, и для Церкви.

А. Восломский»[225].

---

[225] Санкт-Петербургские ведомости.1911. № 87. 22 апреля.

* * *

НЕ КЛЕВЕЩИТЕ ЖЕ НА НАШ НАРОД И НА СЕБЯ

<1916>

«"Церковные ведомости" — петроградские — не теряют энергии и не перестают критиковать выборное начало в жизни Церкви. О, разумеется, они великодушно умалчивают о том, что выборное начало в Церкви было некогда в полном употреблении, что указания на это имеются и в канонах. До такой объективности в решении церковных вопросов петроградская "Церковная ведомость" еще не поднялась, и предпочитают только пророчествовать о том, как будет ужасно, если выборное начало будет осуществлено. И правда же, как-то странно и больно в 1916 году читать то, что еще допустимо было писать в 1860 году! Тогда, боясь свободы народной, всякий ужас выдумывали о русском народе и запугивали власть темнотой народной, желая отдалить уничтожение крепостного права, но в ответ на запугивания император Александр Второй дал народу и гласный мировой суд, и суд присяжных, и земское самоуправление. И никакого землетрясения при этом не произошло, и Россия только залечила свои раны после севастопольской кампании.

Грянула Японская война...

Раны России вскрылись во всей их ужасной очевидности: даже друзья России находили, что ее положение после сплошных потрясений безвыходно... Народ был ошеломлен. Явилась Гос<*ударственная*> Дума. Припомните бешеный рев против нее людей, так называемых правых (на самом деле ни в чем не оправдывающих свое название), взывавших о потрясении основ, о предательстве и пр<*очем*>, и пр<*очем*>... А вот через 10 лет эта Гос<*ударственная*> Дума настаивает на необходимости спасения России от немцев и внутренних, и внешних, а иначе Россия

навсегда окажется в немецком плену, как это и есть уже в течение двухсот лет. Так с помощью выборных людей, народных представителей Россия устраивает свое свободное государственное бытие, идет по пути развития своих духовных и материальных сил. Лишь религиозное чувство народа остается в прежнем, крепостном праве. Как было, так и осталось оно в состоянии полного пленения чиновниками "ведомства православного исповедания". Соборное церковное управление заменено просто канцелярией; голос братского совета подменен самым обычным циркуляром... Как после этого канцелярского гнета, давящего на живую жизнь Церкви, в дополнение к прежнему старообрядчеству у нас появилось сектантство. И всякий ищущий живой духовной деятельности и неудовлетворенный циркулярами и лицемерно-смиренным их исполнением уходит в сектантство, явное или скрытое, или же просто становится индифферентным в отношении религии, часто фанатиком-филантропом. Общественная жизнь в земстве, религиозная — во всяких инославных сектах, даже в иноверии бьет ключом, а в православии, в его крепостном состоянии, остаются только косность, бессознательная привычка и терпение, почти — куропаткински — безнадежное. Но такое положение вещей нужно все-таки как-нибудь оправдать, соблюсти хоть видимость приличия. И вот существующее унижение Церкви оправдывают специально для этого приготовленные, нанятые богословы "Церковных ведомостей". Защищать, однако, нынешний церковный беспорядок довольно мудрено... Но, приняв во внимание нашу общую невежественность в церковных вопросах, нанятые богословы развязно пользуются просто клеветой!

Клевещут на всех неугодных им людей, клевещут и просто на народ. Вот догматы наших охранителей-богословов:

1) народ пьянствует поголовно;
2) народ темная, невежественная масса;

3) народ бесчестен;
4) народ просто глуп, потому что "всем известно, как происходили и даже теперь еще происходят выборы сотских — сельских старост, волостных голов и старшин, волостных судей; не менее известно, какое значение при выборах имеют писари..."

Это пишется в № 44 1916 года.

Позвольте же, однако! Как же вы смеете говорить такой ужас о русском народе?! Как вы смеете систематически клеветать на него? Но, кроме того, скажите же, кто виноват в таком падении народных нравов? Кто воспитал так наш народ? Кто лишил народ каких бы то ни было нравственных организаций? Не виноваты ли во всем этом духовенство и гнетущий канцелярский режим "ведомства православных исповеданий"? Как же теперь "Церк<*овные*> ведомости" осмеливаются клеветать на народ и обвинять его в развращенности? Правда, все эти бесчинные вопли наших клерикалов представляют из себя в сущности вопль отчаяния, но на этих глупостях сидят и этими глупостями кормятся почти все наши сельские батюшки. В руководящем органе они должны были бы получить указания об устроении Церкви; на деле же они получают только систематически подобранный материал, оправдывающий подчинение Церкви нецерковной власти и убивающий в народе последние остатки церковной организации. В этом отношении исторически вредная роль принадлежит нынешнему редактору "Церковных ведомостей" — профессору богословия, господину Михаилу Остроумову. Да будет ему стыдно, если он способен понять весь тот вред, который он ныне приносит церковной жизни.

А. Восломский»[226].

---

[226] Заволжский летописец. 1916.

* * *

ПЕТРОГРАД И РУССКАЯ КУЛЬТУРА ЗАВОЛЖЬЯ

<1917>

«Многие печатные органы, почтившие "Заволжский летописец" своими рецензиями, находят, что он "слишком" разбрасывается, что берется решать большие политические вопросы, а ближайшие задачи свои — культурно-просветительные в Заволжье — опускает из вида или вообще ставит на 2-й и 3-й план. Может быть, это и правда!.. Но, может быть, и нет... Скажите, что такое народная "культура" и может ли культура народная развиваться вне культуры духа народного? Разумеется, нет! Прежде всего духовная культура, подъем народного духа совершенно необходимы для подъема общекультурной его жизни. Тут уже не до культуры, если духовная жизнь народа задушена или претерпевает хоть какой-нибудь ущерб. Ведь и просто цветок гибнет, если его посадить в темноте или пригнуть его к земле. А жизнь народа нашего пока еще только нежный цветок, который необходимо охранять от всяких вредных влияний искусственной темноты и постороннего гнета.

Вот и в Заволжье живет русский народ, хотя и не очень еще культурно, но все-таки с надеждой на лучшее будущее. Живет и ждет лучшего...

Но со спокойной ли душой может он предаваться ныне своим надеждам? Имеются ли у него основания к таким надеждам? К сожалению, мы должны сказать, что народная душа сейчас в смятении великом, потому что не знает народ, на что он может надеяться. Но доходят до народа плохие слухи, даже просто на базарах плохие разговоры идут... А говорят все о Петрограде, о том, что там делается и чего для русского народа совсем не нужно... И стыдно русскому человеку становится в глаза

смотреть другим, когда он подумает, что он есть и чем мог бы быть. Мне пришлось слышать разговор одного татарина на базаре о политических движениях в Петербурге. Вот что говорил этот татарин: "У меня целое лето один пастух овец пас. Ай, ай, хорош пастух! А тут за лето по три раза все министры сменились... Ай, ай, какие министры — лучше не говорить! И еще соглашаются в министры идти, если хуже моего пастуха на своем месте..." После этого можно ли говорить о процветании русской культуры вообще и в Заволжье в частности, если все мозги русские точит и иссушает страшная мысль: "А что же будет дальше? На что можно надеяться? И татарские пастухи лучше или хуже русских пастухов?"

Нет, Петроград премного виноват и перед русским Заволжьем, что, будучи головой России, одержим такими заразными болезнями! Петроград, как это делал ранее Петербург, только дарит России всякие сюрпризы, нисколько не думая, что ими оскорбленная Россия уже и не интересуется, а ждет условий свободного культурного развития, без воздействий на себя петербургских замашек прусского юнкерства, на которых Петроград традиционно воспитывается. И думается, что не только "Летописец", но и всякий русский патриот должен всегда помнить о Петрограде и его антирусской культуре.

А. Восломский»[227].

* * *

[227] Заволжский летописец. 1917. № 3.

Письма архимандрита, епископа Андрея. 1902–1923

ПИСЬМА БРАТУ АЛЕКСЕЮ АЛЕКСЕЕВИЧУ УХТОМСКОМУ

<24 июля 1902>

«+

Дорогой мой, ненаглядный Лелюшка.

Ни слуху нет от тебя, ни духу! Положим, и от меня духу не больше… но, впрочем, спорить не будем.

Как же ты поживаешь? Не собираешься ли побывать в Казани и навестить твоего брата? Что ты думаешь и делаешь? Когда же, наконец, пойдешь в монахи? Вельми бы было хорошо в монахах, да только независимо от благодати эти архиереи — *<нрзб.>* отвращение могут внушить!

Я сильно надеюсь нынче осенью побывать в Головкине.

Как твое сочинение и занятия в Университете?

Дорогое ты мое сокровище; знаешь ли, как я скучаю по временам по папе! тете Анне! даже Восломе — до сих

пор?! (об этом маме не говори). Знаешь что, мы с тобою, несомненно, разрушили довольно стоически все, что любили и чего любить нельзя, но как мы еще далеки до того, чтобы полюбить то, что единственно заслуживает любви!.. Жутко на душе делается иногда.

Жутко и от того, что — ну, кто же? — один преосв. Антоний, пожалуй, преосв. Сергий, да сестры наши (как я их обеих искренне уважаю!) понимают нас!

А далее? — далее только ведь несочувствие. — Лешенька дорогой, неужели ты мне не разрешишь 1) всегда, 2) несмотря ни на что надеяться, что мы вместе и неизменно будем жить и друг другу сочувствовать? Дорогой, давай так жить, пока живем на земле, и поддержи меня тогда, когда, по твоему мнению, это будет нужно.

Господь тебя да благословит, и укрепит, и оградит святыми Ангелами без всякого зла.

О Христе тебя сердечно любящий

брат Андрей.

24.VII.02

P. S. Пришли мне еще наших карточек; этих недостало»[228].

---

[228] © Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук. Фонд академика Алексея Алексеевича Ухтомского. Ф. 749. Оп. 2. Д. 509. Л. 1–1 об. Автограф архимандрита Андрея (Ухтомского).

* * *

<11 марта 1903>

«+

Дорогой мой братчик.

Вот приходится нынче только уже одного тебя поздравлять с наступающим днем твоего Ангела. И поздравляю; да хранит тебя Господь во всяком здравии и благополучии. Как бы мне хотелось когда-нибудь где-нибудь делать одно общее дело вместе с тобою; отдохнул бы я тогда душою от этой ужасной неискренности, с которою приходится сживаться, — конечно, не примиряясь.

Недавно от преосв. Антония[229] я получил приятную пилюлю. Я при проводах архиеп. Арсения[230] говорил речь (она есть в печати — в "Деятеле"). И вдруг преосв. Антоний пишет, что меня Арсений, вероятно, подкупил "Харьковскими золотыми горами"! — очень миленькое предположение. Очевидно, преосв. Антоний уже очень окружен хамской атмосферой, что стали во всех одно хамство подозревать.

Вот что, друже; я начинаю злиться на всю эту нечисть, которая, жируя на церковных хлебах, всему мешает *<тайно?>*. И хочу всю эту сволочь бить (хоть при моих талантах это не будет очень больно); но не знаю, как это безопасно сделать. Не позволишь ли ты мне псевдонимные мои присылать тебе, а ты будешь передавать в редакции — куда их возьмут. Или найди такую редакцию или такого одного частного человека,

---

[229] Антоний (Храповицкий) — в то время епископ Волынский и Житомирский.

[230] Арсений (Брянцев) — с 1897 года архиепископ Казанский и Свияжский, в феврале 1903 — назначен на Харьковскую кафедру.

на которого можно бы было положиться. Эсперу[231] мне не хотелось бы ничего давать, хотя он статей 6–7 моих напечатал, а за последнее время стал писать у себя прямо прекрасные вещи. Итак, не посоветуешь ли чего по этому поводу.

Господь с тобою.
Любящий брат.

03.III.11»[232].

* * *

<18 января 1912>

«+

Дорогой мой брат.

Прости, что беспокою тебя, но очень прошу: исполни мою просьбу, вышли мне какой-нибудь хороший сборник гравюр религиозного содержания или вообще что-нибудь в этом роде. Дело в том, что мне один небогатый человек сделал подарок — два образа собственной работы. Мне хочется и ему сделать удовольствие: подарить что-нибудь ценное для него как художника.

Дорогой мой! Помоги! Можешь купить что-нибудь до 15–20 руб*<лей>* и послать наложенным платежом. Этот художник пишет образа с картинок, имеющихся в русских четьях-минеях нового издания. Нельзя ли что-нибудь найти для него подходящее в этой области?

---

[231] Князь Эспер Эсперович Ухтомский (1861–1921) — редактор «Санкт-Петербургских ведомостей».

[232] © СПбФ АРАН. Ф. 749. Оп. 2. Д. 509. Л. 3–4 об. Автограф епископа Андрея (Ухтомского).

Как поживаешь?
Я с большим трудом привыкаю к Сухуму.

Господь с тобою.
Любящий брат.

12.I.18.

Передай мое приветствие отцу Симеону[233], прошу Ваших общих молитв.

Не пускайте Скворцова[234] на единоверческий съезд — все испохабит!»[235]

* * *

<24 июня 1912>

«Дорогой Алексеюшка, я очень обрадовался твоему письму. Только Ошуркова твоего, мой родной, мне взять никак нельзя. Общее правило, что принимаются окончившие среднее учебное заведение или учительскую семинарию и прослужившие 5–6 лет народным учителем. Как исключение, в вольнослушатели курсов принимаются взрослые люди, знающие хоть какой-либо инородческий язык. А ведь твой протеже ничего не знает? Не забывай маму. Она обижается, что редко пишешь. Очень рад ее примирению с сестрой.

---

[233] Симеон Иванович Шлеев (1873–1921) — единоверческий священник, с 1905 года — настоятель единоверческой Никольской церкви в Санкт-Петербурге. В 1918 — рукоположен во епископа, 18 августа 1921 — убит в Уфе.

[234] Скворцов Василий Михайлович (1859–1932) — миссионер, редактор газеты «Колокол» и журнала «Миссионерское обозрение».

[235] © СПбФ АРАН. Ф. 749. Оп. 2. Д. 509. Л. 9–10. Автограф епископа Андрея.

Не забывай любящего и искреннего твоего брата Андрея»[236].

* * *

<5 марта 1913>

«+

Возлюбленный о Господе
брат мой Алексей.

Только что отправил тебе телеграмму с *<нрзб.>*.

Не знаю почему, но Синельникова вдруг по доверию ко мне прислала мне большое письмо с просьбою разрешить тебя сделать ея душеприказчиком — в числе трех: проф*<ессор>*-канонист Моск*<овской>* Акад*<емии>* Н. Д. Кузнецов (тоже чрез меня она познакомилась), ты и еще кто-то.

Вы все должны будете ликвидировать огромное состояние в тысяч 800; за это получите приличную мзду. Настойчивое ея желание иметь тебя в числе душеприказчиков я объясняю желанием гарантировать духовные учреждения Казанские и Сухумские в исправности получений по завещанию. — Поэтому я и просил и прошу твоего согласия. — Если она тебя приглашает к себе, не поленись быть. Она добрая, простая старуха, в настоящее время опасно болящая. Утешь ее.

Что касается отца Владимира Соколова, то — умоляю тебя — ни одного письма у меня нет сейчас! Поверь, что это так. Да и понимать здесь такое, что от лихорадки можно умереть скорее, чем от чахотки. Прости, что не могу исполнить твоего желания.

---

[236] © СПбФ АРАН. Ф. 749. Оп. 2. Д. 446. Л. 1062.

Поздравляю тебя с наступающим днем твоего Ангела. Да благословит и сохранит тебя Господь.

У меня гостит мама. Но целый месяц все прихварывает. Плоха она стала. Тебе шлет свое приветствие.

Господь да хранит тебя!

Сердечно любящий тебя
грешный богоносец
и брат твой
Епископ Андрей.

913, марта 5.

Отец Сергий Жилов шлет тебе приветствие; он привыкает к Сухуму»[237].

* * *

<18 ноября 1913>

«+

Дорогой мой брат.

После возвращения из Рыбинска первое письмо пишу тебе. От всей души благодарю тебя за твою любовь и ласку. Вспоминая о них, я чувствую, что на душе как-то теплее становится у меня. Радуюсь, что и пожить у тебя Господь привел.

Удивительно странное чувство я переживаю сейчас: вдруг жизнь на земле мне стала казаться страшною. Жутко как-то на душе!.. Я не совсем разбираюсь еще в этом чувстве, но точно я пошел на*<д>* пропастью, и сердце замирает. Этого не было ни в Рыбинске, ни

---

[237] © СПбФ АРАН. Ф. 749. Оп. 2. Д. 509. Л. 11–12 об. Автограф епископа Андрея.

у тебя в квартире, пока я гостил, а именно вот здесь, в Сухуме, и началось.

Помолись обо мне.

Чрезвычайно странное чувство у меня родилось и к В. А. — Она мне была каким-то личным врагом. Прости, что так пишу. Но иначе я ничего не написал бы о ней. Я не могу сказать, что она мне не понравилась, — но уже очень, должно быть, я люблю тебя, что злюсь на нее. Ранее, пока я не верил маме, у меня даже хорошее чувство было к В. А. Я верил в вашу дружбу и в душе подсмеивался над маминою ревностью. А тут — ужасно досадное чувство, и сам стал переживать. — Да хранит вас обоих Господь, да наставит на путь служения Ему.

Еще раз сердечно тебя благодарю, крепко целую.

Неизменно любящий тебя
твой брат Андрей.

913, ноября 18»[238].

* * *

<1913>

«+

Милый мой, дорогой брат Лелюшка.

Завтра день памяти тети Анны Николаевны и 40-й день мамы по счету, признаваемому в Моск*<овской>* еп*<архии>*, и у Троицы. — Поэтому и сажусь тебе пи-

---

[238] © СПбФ АРАН. Ф. 749. Оп. 2. Д. 509. Л. 14–15 об. Автограф епископа Андрея.

сать именно сегодня, приготовляясь к завтрашнему служению.

Сколько воспоминаний роится в голове! — Сколько горечи они оставляют! Все дорого, все мило в былом, в невозвратном прошлом... Помню, как это ни странно, — день Ангела тети в 1882 году! 31 год тому назад. А сегодня получил известие, что сестра Маша все распродает... Ужасно тяжело на душе... Но это — душа обновляется! Стыдно сознаться, но совершенно ощутительно переживаю сиротство. Дурацкое чувство, но это я тебе каюсь, а не только повествую. Ты ни в малой степени не виноват в этом моем чувстве сиротства, напротив, ты его еще сглаживаешь. Спасибо тебе за любовь твою. И о тебе всегда молюсь, мой дорогой.

Меня поразило отношение казанцев к смерти мамы.

Братство служило панихиду. В рабочий день по одному объявлению в газетах — собралось 100 человек. Многие заказывали поминальные обеды для бедных, заказано много сорокоустов, и многие даже носят траур. Старик Архиепископ не знал маму, но служил панихиду по ней. Очень отрадно!

Христос с тобою, мой дорогой! Не забывай меня. — Жду обещанного письма, а за то, что получил, благодарю тебя от всей души. — Каждую строчку я перечитывал по нескольку раз. Спасибо, мой милый.

В. А. передай мой привет и благословение. Досадная она девица! Ну, зачем ты ей понадобился? Хочет миссионерствовать, так пусть ко мне едет...

Прости. Сердечно любящий

Е<*пископ*> А<*ндрей*>

913, дек<*абря*> 8»[239].

---

[239] © СПбФ АРАН. Ф. 749. Оп. 2. Д. 509. Л. 16–18 об. Автограф епископа Андрея.

* * *

<13 января 1914>

«+

Дорогой Алешенька.

Все-таки бедный Михей[240] принужден был уйти из Уфы, и неожиданно для меня мне пришлось ехать в уфимский холод. Еду, конечно, через Петербург и очень прошу тебя, разреши у тебя остановиться.

Будь добр по получении этого письма телеграфируй: можно; даже готов заплатить тебе за эту телеграмму… А то теперь на Афонское подворье мне уже неловко проситься.

Прости. Жду ответа усиленно. До свидания!

Любящий брат.

1914, янв<*аря*> 13»[241].

* * *

<22 февраля 1914>

«+

Милый мой, самый дорогой мой брат Алеша.

Пишу тебе, имея пред собою Восломский образ Пресв. Богородицы; ужасно я рад ему! По милости Божией он и другие образа дошли в Уфу в полной исправности.

---

[240] Уфимский епископ Михей (Алексеев) (1851–1931) — в декабре 1913 уволен на покой.

[241] © СПбФ АРАН. Ф. 749. Оп. 2. Д. 509. Л. 20. Автограф епископа Андрея.

Устроился я хорошо в <*нрзб*> отношении. Пожалуй, не хуже Сухума, но что-то заболела сразу грудь. После морской сырости +15 вдруг горный холод −18. Немножечко боюсь я этого обстоятельства.

Пришли и твой Деисус и даже с рамами желтого дерева. Скажи, пожалуйста, опять в Рыбинск тебе послать эти образа?

Мне из Самары пишут, что Наумовы в величайшей обиде, что я не заехал к ним. По правде сказать, едва ли они сожалеют, что меня не видали; но все-таки досадно, что как бы ни было, чести не сделал...

Но в утешение я сделал Прасковье Николаевне один из маленьких восломских образов с подписью дедушки Николая Вас<*ильеви*>ча.

Не хочешь ли, я и тебе пошлю такой образок и тоже с подписью Н<*иколая*> В<*асильеви*>ча?

Кланяйся и передай благословение Надежде Ивановне, Лапе, Марии Николаевне и их мужьям.

Прости, мое сокровище.

Любящий тебя всей душою грешный твой брат.

1914, ф<*евраля*> 22.

Гордому монаху Зосиме, если придет, кланяйся.

А ты так и не показал мне Варвару Александровну; испугался, что я очень тебя буду бранить?.. Я не очень...[242]» [243]

---

[242] На этом лист письма заканчивается, подписи нет. — *Прим. ред.*

[243] © СПбФ АРАН. Ф. 749. Оп. 2. Д. 509. Л. 22–23 об. Автограф епископа Андрея.

* * *

<28 марта 1914>

«+

Дорогой мой брат.

Спасибо за письмо. — Исполнил немедленно твою просьбу и посылаю (= послал) тебе образа. Боюсь, большие образа не раздавили бы маленького образа Пресв. Богородицы.

Жду твоего второго письма.

Показала ли Варвара Александровна тебе мое письмо? Если нет, то попроси показать.

О моем упокоении в газетах пишут очень упорно. Но у меня единственное опасение: неужели снова укладывать образа и книги? Напиши, если узнаешь что-нибудь новенькое.

Христос с тобою.

Поздравляю с наступающим великим праздником. Надежде Ивановне и всем твоим друзьям внизу передай благословение.

Грешный твой богомолец и брат

ЕАндрей.

914, марта 28

Мария Алексеевна пишет мне патетическое письмо; жалуется на тебя, что ты не высылаешь какой-то бумаги и стесняешь З. Г. Губченко. Пошли ты ей, пожалуйста, что нужно и успокой!»[244]

---

[244] © СПбФ АРАН. Ф. 749. Оп. 2. Д. 509. Л. 24–25. Автограф епископа Андрея.

* * *

<23 апреля 1914>

«+

Возлюбленный мой брат.

На будущей неделе я выезжаю в Петербург. — Очень прошу разрешения остановиться у тебя. — Твое молчание будет знаком твоего разрешения на приезд.

До свидания, мой дорогой. Да?

Любящий

Епископ Андрей.

914, апр<*еля*> 23»[245].

* * *

<6 мая 1915>

«+

Дорогой мой Алеша.

Спасибо за письмо. Но "Колоколу" я нисколько не верю... Поэтому и не производят на меня никакого впечатления его статьи. По моему мнению, Кривуша — обычный чин большого преступника по профессии.

Востоков написал в Синод большой доклад, обвиняя Варнаву в разных преступлениях.

Родной ты мой Лелюшка! Если бы ты знал, как ты меня беспокоишь в твоих отношениях к В. А. — И жаль мне вас, и оба вы, по моему мнению, очень легкомыс-

---

[245] © СПбФ АРАН. Ф. 749. Оп. 2. Д. 509. Л. 26. Автограф епископа Андрея.

ленны. Я был в Тамбове; там случайно я встретил свою казанскую духовную дочь, с которой не виделся лет десять. Под влиянием моих проповедей, конечно, не поняв их, она вышла замуж с условием, чтобы муж был для нее только "старшим братом". Муж имел неосторожность исполнить честно ее желание = условие. И она его совершенно возненавидела и ушла от него и стала грешницею довольно обычного тона. Правда, хоть бы мне толком переговорить с В. А. Ведь она не слишком ли увлекающийся человек? Я понимаю всю неловкость твоего положения, но если я всегда стесняюсь с тобою говорить на эту тему, то с нею-то я стесняться не буду, хотя и буду всемерно осторожным.

Милый ты мой — последний мучитель на земле! Прости меня — я почти плачу сейчас, беспокоясь о тебе, — но вымоли у Бога безошибочность жизненного пути своего.

Всем сердцем любящий Е. А.

915, мая 6»[246].

* * *

<1 июня 1915>

«+

Поздравляю с наступающим днем твоего рождения! — 40 лет? Да благословит тебя Господь святым долгоденствием.

1 июня 1915 г*<ода>*.

---

[246] © СПбФ АРАН. Ф. 749. Оп. 2. Д. 509. Л. 27–28 об. Автограф епископа Андрея.

Варваре Александровне — привет и благословение передай, если она не сердится на меня»[247].

* * *

<без даты>[248]

«+

Возлюбленный мой о Господи
брат и друг.

Кланяюсь тебе до земли за твою св. Икону. Она дошла до меня в целости и меня очень порадовала. Спасибо тебе; но всего моего чувства я тебе в словах не могу передать, так много разных впечатлений дало мне получение этого св. образа. О<*тец*> Иоанн <*Делиуров*?> спешил уехать из Уфы с первым пароходом и не произвел (не успел) на меня никакого впечатления. — Я дам ему место по твоей рекомендации, но Уфимская еп<*архия*> очень бедная!

О Скворцове я нисколько не беспокоюсь! Все его озлобление меня только радует. Меня теперь непременно ругали бы любые газеты за то, что я высек земцев; и ругали бы умно со своей точки зрения. А у Скворцова вышло

1, — так глупо со всех сторон, что больше уже никто меня и не пытается трогать, — "как бы не заподозрить в единомыслии со Скворцовым",

2, — так зло и неприлично, что такая критика всегда вызывает симпатию к противоположной стороне. — По-

---

[247] © СПбФ АРАН. Ф. 749. Оп. 2. Д. 509. Л. 29. Автограф епископа Андрея.

[248] Очевидно, 1915 год.

этому я Скворцову очень благодарен и уверен, что ничего лучшего для меня он не мог сделать.

Не бойся, родной, за меня! Везде земля Божия… И если меня выгонят, с радостью уеду, ибо более ложного положения, более ныне положения Епарх<*иального*> Архиерея — трудно найти.

Хвораю! Лихорадка, болит левый бок, три огромных нарыва на лбу, — все для смирения моего… Помолись!

Любящий, грешный Е. А.»[249]

<12 марта 1916>

«+

Драгоценный мой брат.

Не проходит, кажется, часа, чтобы я не вспоминал тебя. — Вчера мне пришло в голову, что ты в отношении В. А. не оригинален. Епископ Симбирский Гурий (+)[250] рассказывал мне когда-то, что он был женихом, что был любим невестою, но она зажгла его любовь к монашеству и сама от него отказалась, сама была и молилась при его пострижении…

Потом пред смертью незадолго преосв<*ященный*> Гурий узнал, что его "невеста" жива, и устроил ее прекрасно в монастырь, к ее великой радости.

Но В. А. говорит, что ты не выдержишь монастыря, что заскучаешь без книг, что административные должности — не для тебя, что ты при своем доверии к людям будешь всегда обманут… Я не совсем согласен с этим;

---

[249] © СПбФ АРАН. Ф. 749. Оп. 2. Д. 509. Л. 40–40 об. Автограф епископа Андрея.

[250] Епископ Симбирский и Сызранский Гурий (Буртасовский) — 1845–1907.

что ты поскучаешь, это верно, но все другие беды — мнимые.

Да укрепит же тебя Господь!

Поздравляю тебя с днем твоего покровителя; крепко тебя целую.

В. А. передай мой привет.

Любящий тебя всем сердцем брат.

12 марта 916»[251].

* * *

<5 мая 1917>

«+

Дорогой мой Алеша.

Спасибо тебе, что ты такой добрый! — Но в Дивеево я не могу послать бедную Людмилу, потому что не знаю имени игуменьи. Мне легче послать Людмилу к матери Кетевани, но у которой живет Ел. Погобут. Но это очень бедный монастырек, да и не знаю, удержится ли он в нынешней разрухе? — Я искренне готов служить ей, но не знаю, как это сделать.

От рабочих я ничего не получил, равно и от — Керенского, хоть роту точно телеграфировал.

Целую тебя крепко. Отчаянно устаю! Помолись обо мне!

Твой грешный Андрей.

1917, мая 5»[252].

---

[251] © СПбФ АРАН. Ф. 749. Оп. 2. Д. 509. Л. 31–32 об. Автограф епископа Андрея.

[252] Там же. Л. 33–34. Автограф епископа Андрея.

* * *

<16 октября 1922>

«+

Драгоценный мой друг, и брат, и учитель.

Я посылал тебе письмо в пакете А. И. Зелинской[253]. — Но ни от нее, ни от тебя я не получил ответа. Так мне досадно, если вы оба не получили его.

Теперь сестра Надежда скажет все обо мне.

Мои сборы в Рыбинск кончились тем, что я уезжаю в Уфу, куда меня требуют добрые христиане, прислали специального человека, чтобы привезти меня.

Мое политическое положение довольно устойчивое.

Я ждал А. Ив. З<*елинск*>ую в Москву, выписывал ее к себе, а теперь скажи ей, что я ее неизменно люблю, и всегда мои объятия для нее открыты.

Теперь я буду устраивать диаконисские организации. Если она имеет силы, пусть приезжает в Уфу; помоги ей добраться.

Спасибо за денежную помощь. — Господь да укрепит тебя на служение Св. Церкви и русскому народу.

Грешный твой богомолец
Е<*пископ*> А<*ндрей*>.

922, окт<*ября*> 16.

Какая ужасная была смерть еписк<*опа*> Симона!
Я недавно только узнал от очевидцев о ней»[254].

---

[253] Зелинская Александра Ивановна (1872–?), редактор «Заволжского летописца», в постриге инокиня Саломия. Арестована в марте 1929 и приговорена к ссылке в Казахстан.

[254] © СПбФ АРАН. Ф. 749. Оп. 2. Д. 509. Л. 35–36. Автограф епископа Андрея.

* * *

ПИСЬМО А. И. ЗЕЛИНСКОЙ

<16 октября 1922>

«+

Милая, милая Александра Ивановна.

Мое письмо, очевидно, не дошло до Вас. — Жаль мне, что не пришлось увидеться. Теперь уезжаю в Уфу, оттуда прислали за мною депутацию. Буду устраивать общины приходских диаконис. — Если у Вас найдется решимость, приезжайте ко мне на самую черновую сельскую работу.

В моих чувствах не сомневайтесь, я по-прежнему Ваш любящий старший брат.

Устав диаконис возьмите у сестры Надежды Бабаниной.

Грешный богомолец
Еписк*<оп>* Андрей.

16 окт*<ября>*»[255].

---

[255] © СПбФ АРАН. Ф. 749. Оп. 2. Д. 509. Л. 39–39 об. Автограф епископа Андрея.

* * *

ПИСЬМО В. А. ПЛАТОНОВОЙ

<5 августа 1923>

«Дорогой мой Варвар, прости, что долго не отвечал тебе на письмо. Оно было перехвачено, и только сверхъестественная порядочность следователя заставила его передать это письмо мне.

Я страшно за тебя боялся, т<*ак*> к<*ак*> ты в этом письме назвала свою должность, но, слава Богу, все прошло благополучно. А я теперь нахожусь в положении карася на раскаленной плите. Ужасная жара (почти все время +50–55) не дает возможности хоть сколько-нибудь отдохнуть, ночью — 25–30. Дите мое родное, если тебя не затруднит, то ты вдвоем с моим уфимским секретарем сходи к П. М. и узнай все, что ты должна узнать для меня, как Томского и Турке<*станского*>[256]. Где Епископ Лука?[257] Заранее письменно заготовь вопросы и попроси ответы. А где Алеша[258]? Как его дела?

Любящий тебя Туркмен.

5 августа 1923 года»[259].

---

[256] Указом Патриарха Тихона в декабре 1921 года владыка Андрей был назначен епископом Томским. Будучи в ссылке, Союзом ташкентских приходов избран главой Туркестанской епархии в мае 1923.

[257] Лука (Войно-Ясенецкий) — тайно пострижен в монашество епископом Андреем и по его просьбе рукоположен во епископы ссыльными архиереями. 10 июня 1923 они оба были арестованы в Ташкенте, через месяц епископ Андрей — выслан в Туркмению.

[258] Брат — Алексей Алексеевич Ухтомский.

[259] © СПбФ АРАН. Ф. 749. Оп. 2. Д. 427. Л. 6.

* * *

О ПОДГОТОВКЕ ВТОРОЙ РЕВОЛЮЦИИ[260]

<1914>

«В начале нынешнего года членом Госуд<*арственной*> Думы г<*осподином*> Пуришкевичем была издана книжка под заглавием "Школьная подготовка второй революции"[261].

Можно с ней не соглашаться или оспаривать выводы этой книги, но знаменательно самое заглавие ее. Это заглавие удостоверяет страшную истину: кто-то готовит вторую революцию в России...

Волнения 1905–906 годов, столь всем памятные, столь ужасные по воспоминаниям, — опять готовы повториться. Кто виноват будет в них? Кто тот несчастный, кого история обвинит в будущих бедствиях нашей родины?

Неужели школьники вызовут повторение страшных дней 1905 года? Неужели опасность грозит от каких-то жалких учебников, указанных г<*осподином*> Пуришкевичем? — Да, конечно же, этого быть не может! Нужно быть глубоко близоруким человеком, нужно страдать неизлечимым дальтонизмом в области политики, чтобы видеть опасность в этой области и в школах искать виновников народных волнений.

Разве до 1905 года наши школы не были обеспечены всякого рода благонамеренностью? Разве все учебники

---

[260] Черновик с исправлениями и добавлениями без даты.

[261] 14 мая 1914 — попечитель Киевского учебного округа циркулярно рекомендовал школам приобретать книгу Пуришкевича «Школьная подготовка второй революции», о чем было сообщение в ежедневной общественно-политической газете «Голос Москвы» (№ 109), органе партии «Союз 17 октября».

не были профильтрованы с помощью всяких цензурных комитетов? И, однако, что мы видели? Мы видели, что ученики 3–4-го класса гимназий били окна, объявляли у себя в гимназиях республику, а все начальство, включительно до господ, занимающих весьма ответственные посты, не знало, что делать, и только величественно запиралось от 15-летних школьников. Чем это объяснить? Как понять ту пустоту, которая сменила собою образцовый порядок, господствовавший на Руси при таких больших министрах, как Дм<*итрий*> Толстой, Победоносцев, Плеве?

Но тогда и обнаружилось, что при этих организаторах порядка забыта была духовная жизнь России; существовал этот полицейский порядок не для живой жизни, а для полного ее обезличивания. И ушел дух жизни при таком во истину страшном порядке, и воспиталось у всех неуважение к человеку, к личности человека, кто бы он ни был, к его духовным запросам. Случилось то, что предсказывали славянофилы: творцы полицейского порядка оказались творцами революции. Сломался этот порядок, и немедленно образовалась пустота. Вдруг тогда и обнаружилось, что в России-то жизни и не было, а был только пустопорожний порядок, что вместо нравственных принципов Россией управляла только грубая сила, менее всего способная согласовываться с какими-нибудь идеями, с вечными духовными законами.

Конечно, управлять только с помощью этой силы гораздо проще и беззаботнее, чем руководиться при этом нравственными идеями, но зато — это испытанная дорога в пропасть народного негодования и народных волнений. Это же истинная причина бывшей у нас революции и будущей, если мы вовремя не образумимся.

Невольно при этом вспоминается пророчество Исаии (гл<*ава*> 3), обличавшего иудеев в нарушении нравственного закона. Вот эти слова вечной правды относительно временного существования народов:

Господь, Господь Саваоф отнимет у Иерусалима и у Иуды — храброго вождя и воина, судью и пророка, и прозорливца, и старца. И дам им отроков в начальники, и дети будут господствовать над ними. И в народе один будет угнетаем другим, и каждый — ближним своим; юноша будет превозноситься над старцем и простолюдин над вельможею.

Так рушился Иерусалим, и пал Иуда, потому что язык их и дела их — против Господа, оскорбительны для очей славы Его (Ис. 3, 1–8).

Это пророчество Исаии исполнилось буквально в России в 1905 году, когда мальчики-гимназисты издевались над стариками-педагогами, а эти последние были бессильны водворить порядок, прятались от детей. — И нужно быть слепым, чтобы не видеть, что дело опять клонится к повторению прежних ужасов. Опять в России нет имени, которое было бы общепризнанным авторитетом в народной жизни! Как некогда в Иерусалиме, у нас нет ни храброго вождя, ни воина, ни судии, ни прозорливца, ни старца. Нет духовного авторитета, нет народного утешения. Мы переживаем страшный период духовного упадка народного духа... Положение несравненно худшее, чем было до 1905 года. Тогда было еще доверие к авторитетам, тогда народ верил по памяти, по привычке своим вождям, и судьям, и пророкам. Они жили в народном представлении в ореоле почти непререкаемого авторитета. Теперь все иллюзии разрушены. Народ знает все и все строго судит; и повторяю: нет у него утешения в его современной жизни, о которой русскому человеку стыдно говорить, стыдно вспомнить, — так она, эта современная жизнь безотрадна. — Даже высший авторитет церковной власти расшатан в полной мере; по странному сцеплению обстоятельств, этому содействовало так называемое Предсоборное Присутствие. Оно осудило ясно и твердо тот строй церковной жизни, который был до него; в этом Присутствии участвовали

безусловно лучшие умы России и люди, наиболее преданные Церкви; но их труды и повели лишь к тому, что последние следы нравственного воздействия св. Синода на интеллигентные классы погибли.

Вот конец всех наших благих начинаний! Итак, без руководителей, без духовных вождей, при полном непонимании того, что делается сегодня, и озлобленном ожидании еще худшего завтра. И ждут все дальнейшей своей судьбы, этого таинственного завтра. — Кто в этом хаосе беспринципности виноват?

Sit venia verbo[262]... Виноваты все так называемые правые партии. Они взяли на себя монополию защиты и охраны Православия и самодержавия. Но Православия они не знают и не понимают. О св. Церкви они умеют только молчать и мириться с ее унижением. А представители этих партий слишком мелки душой, чтобы служить родине, по крайней мере не страшась потерять свое место в Госуд<*арственной*> Думе. Они пред православною Русью взяли на себя обязанность говорить честно и прямо о правде Божией, а говорят только о неправде человеческой. И правда Божия забыта. Но это начало нашей гибели.

Епископ Андрей»[263].

---

[262] Sit venia verbo (лат.) — да позволено будет сказать, да простится мне это выражение.

[263] © СПбФ АРАН. Ф. 749. Оп. 2. Д. 509. Л. 43–44 об. Автограф епископа Андрея.

ЧАСТЬ 2

МАТЕРИАЛЫ К ЖИЗНЕОПИСАНИЮ

архиепископа Уфимского Андрея (Ухтомского)

АДРЕС ЕПИСКОПУ АНДРЕЮ

<8 февраля 1908>

«Уездными представителями "Союза русского народа", после объединенного собрания в помещении "Русского Собрания" г<*орода*> Казани, состоявшегося 6 декабря прошлого года, был составлен, подписан 16-го того же декабря и поднесен на днях следующий адрес:

"ЕГО ПРЕОСВЯЩЕНСТВУ
ПРЕОСВЯЩЕННОМУ АНДРЕЮ,
ЕПИСКОПУ МАМАДЫШСКОМУ

ВАШЕ ПРЕОСВЯЩЕНСТВО,
ПРЕОСВЯЩЕННЫЙ ВЛАДЫКО!

Мы, уездные представители "Союза русского народа", выслушав вашу речь, обращенную к нам 6 декабря сего года, от глубины души приносим вам великую благодарность, так как ваши слова глубоко запечатлелись в сердцах наших, и поэтому мы исполним и передадим их для исполнения односельчанам нашим; особенно же благодарим вас за то, что вы приняли на себя главенство и руководство нами. И думаем мы, что вы, владыка свя-

той, как председатель, избранный нами, а также и казанскими объединенными русскими монархическими обществами, всегда будете с нами; мы же с настоящего времени будем твердо знать, что у нас есть теперь глава и отец, к которому мы со всякой охотой будем приходить с нашими как духовными, так и общественными нуждами, требующими разъяснения и помощи, и от объединенных монархических союзов, под вашим главенством состоящих.

Наконец, просим вас, Преосвященный владыка, простить нас за сие дерзновенное письменное обращение к вам и благословить нас за наши труды и подвиги к дальнейшему объединению всех русских людей по зову возлюбленного нашего Царя-Батюшки, который сказал:

"Объединитесь Русские люди, я рассчитываю на вас" (из слов иваново-вознесенцам 16 февраля 1906 года).

Села Чебаксы. Председатель Семен Жариков, товарищ председателя Василий Гребенщиков. Члены: Сергей Гребенщиков, Иван Добросов, Иван Колесников, Сергей Спирюхин, Иван Жарков.

Села Кощакова. Председатель Яков Анисимов. Члены: Петр Гаврилов, Алексей Анисимов, Филипп Гузалев, Василий Евсеев, Николай Амбросимов, священник Василий Смирнов.

Ново-Царевский отдел. Яков Евстифеев, Мартирий Димишев, Матин, Михаил Евстифеев. Петр Кузнецов»[264].

---

[264] Казанский Телеграф. 1908. № 4483. 8 февраля.

* * *

ЦЕРКОВНЫЙ ЛИСТОК

<29 августа 1908>

«В субботу, 30 августа — день перемещения мощей Святого Благоверного Князя Александра Невского, божественную литургию в Кафедральном соборе совершит Его Преосвященство Преосвященнейший Андрей, Епископ Мамадышский.

После литургии молебен с многолетием ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ И ГОСУДАРЫНЯМ ИМПЕРАТРИЦАМ И ГОСУДАРЮ НАСЛЕДНИКУ ЦЕСАРЕВИЧУ И БОГОХРАНИМОЙ ДЕРЖАВЕ РОССИЙСКОЙ и с возглашением вечной памяти приснопамятным в Бозе почивающим Императорам Александру Первому, Второму и Третьему совершит Его Высокопреосвященство Высокопреосвященнейший Никанор[265], Архиепископ Казанский и Свияжский в сослужении Преосвященных Алексия[266], Епископа Чистопольского и Андрея, Епископа Мамадышского»[267].

* * *

ВЕЛИКАЯ ЦЕРКОВНАЯ МЫСЛЬ

<19 февраля 1909>

«Если не ошибаюсь, в Киеве вышла из печати небольшая, но сильно написанная книжка, трактующая

---

[265] Никанор (Каменский) — архиепископ Казанский и Свияжский,

[266] Алексий (Дородницын); 27 августа 1905 — епископ Чистопольский.

[267] Казанский Телеграф. 1908. № 4644. 29 августа.

об одном из средств к устроению нашей церковной жизни. Это средство — молитва всей Русской Церкви за главу духовного нашего управления, митрополита царствующего града Петербурга — Антония[268].

Нужно отметить, что эта мысль — в высокой степени полезная для нашего русского церковного дела. Канонически глава поместной Церкви должен быть один. Он — пастырь своего стада, он — молитвенник и ходатай перед Богом за свою паству. И у этого архипастыря поместной Церкви всегда должна быть и от времени крепнуть невидимая, но чувствуемая связь с его паствой.

Паства и архипастырь истинный, не наемник, всегда крепко переплетены между собой, и в этих взаимоотношениях должны быть всецело неразлучны. Таков идеал церковной жизни.

Между тем наш Синод нужно признать символом, так сказать, безглавия Русской Церкви. Это — бюрократическое, чисто государственное учреждение, воплощающее в себе всецелое отрицание пастырства. Кто нравственно ответственен за то или иное решение Синода? Никто! Все решают, и никто как пастырь не отвечает за коллективные решения. Понятно, что Синод так чужд церковной жизни, что от него веет таким холодом, что он так мало говорит верующему сердцу православного христианина!

Московский митрополит Иннокентий[269], несколько раз на лошадях проезжавший от Петербурга и Москвы до Владивостока и сделавший по матушке Руси несколько десятков тысяч верст, — этот святитель удостоверяет,

---

[268] Антоний (Вадковский) — митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский.

[269] Иннокентий (в миру Иван Евсеевич Попов-Вениаминов) — первый епископ Камчатки, Курильских островов, Аляски, Якутии, Приамурья, с 5 января 1868 — митрополит Московский и Коломенский.

что русский народ решительно не понимает, что такое Синод, и не знает, за кого или за что он молится, когда слышит слова молитвы о Святейшем Синоде... Не правда ли, что в таком случае такая молитва — явное и вредное недоразумение?

Очень трагичное положение — молиться и не понимать слов своей молитвы!

Между тем представьте молитву: "...о святейшем митрополите Антонии и о всея России и освященном соборе", и вы сейчас же почувствуете, что вас уже связывает нечто с этим первоиерархом Русской Церкви и что весь собор русской иерархии и его состав совсем для вас не безразличны. Эти неуловимые, но реально чувствуемые нити, соединяющие архипастырей с их паствой, сейчас же будут введены, так сказать, в жизнь, реально начнут в нее проникать, когда это объединение начнется с чистой молитвы, сознательной и понятной для молящегося.

Как же осуществить нашу мысль, по нашему мнению, имеющую великое творческое значение и, несомненно, основанную на канонах?

Ее должны ввести в жизнь епархиальные наши архиереи: если бы они в своем попечении о пастве и ее религиозном развитии ввели в своих епархиях молитву о российском первоиерархе, то этим положили бы самое лучшее и истинное церковное начало возрождению сознательной церковности в русском народе.

Церковник»[270].

---

[270] Санкт-Петербургские ведомости. 1909. № 39. 19 февраля.

* * *

ЗАМЕЧАНИЕ НА СТАТЬЮ «ЦЕРКОВНИКА» В № 39 «С<*АНКТ*->П<*ЕТЕР*>Б<*УРГСКИХ*> ВЕДОМОСТЕЙ»

<25 февраля 1909>

«В № 39 "С<*анкт*->П<*етер*>б<*ургских*> вед<*омостей*>" "Церковник" поместил статью под заглавием "Великая церковная мысль" по поводу выпуска в Киеве небольшой брошюры, в которой предлагается русской Церкви внести молитву "...за главу (?!) нашего духовного (?!) управления митрополита царствующего града Петербурга Антония"[271] с прибавкой "..."и о всея России освященном Соборе".

Мысль хорошая, но не осуществленная по своей не каноничности.

Нельзя вносить моление во всех церквях России о митрополите С<*анкт*->П<*етер*>б<*ургск*>ом, ибо собор российских иерархов его своим главой не избирал, а кириарх Церкви должен быть избранным, а не ставленником мирской власти. Точно так же нельзя молиться постоянно и об "освященном соборе", о котором возносятся в церкви моления, когда он собрался во храм по случаю праздника или торжественной службы (хиротонии, молебна, освящения храма и т<*ак*> д<*алее*>).

В каждой епархии (самостоятельной) должен быть поминаем исключительно местный епископ, как это принято во всех церквях православного Востока, а в епископиях — викарий. Когда же служит епархиальный архиерей (хотя бы митрополит), то он лично, когда

---

[271] Антоний (Вадковский) — митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский.

возглашает, "во-первых, помяни Господи" и т<*ак*> д<*алее*>, а равно архидиакон, возглашающий многолетие, обязываются поминать главу Церкви, а при вдовстве патриаршей или архиепископской кафедры поминают местоблюстителя. В России в настоящее время нет ни патриарха, ни местоблюстителя его престола, сам же Синод, носящий титул патриарха, т<*о*> е<*сть*> "Святейшего", и пользующийся единоличной властью патриарха, но не властью "священного собора", может быть заменен или возглашением епископа: "во-первых, помяни Господи российское верховное священноначалие" или "российское и всякое епископство православное!" Правительствующий Синод потому не следовало бы поминать, что Церковь православная до 1721 года не знала, да и сейчас не знает такого учреждения. Если русский Синод — собор, то его не следует поминать уж потому, что соборов постоянных быть не может: молятся о лице, но не о временном собрании или каком-либо учреждении как духовном коллегиуме. Сейчас собрался собор, а через час он разошелся — и его нет. Как же о нем молиться?

Лично мы слышали от глубокочтимого митрополита Иннокентия, что он сам не знает, о ком молиться, о чиновниках ли, вершащих в Синоде дела, или о самом здании, дабы оно не развалилось.

Н. Дурново»[272].

---

[272] Санкт-Петербургские ведомости. 1909. № 44. 25 февраля.

* * *

НОВЫЙ СУХУМСКИЙ АРХИПАСТЫРЬ

<28 июля 1911>

«Близко стоящие к синодским сферам не раз сообщали нам, что дни преосвященного Андрея Мамадышского[273] в Казани сочтены и что любовь, которую он оказывает православным инородцам, будет поставлена ему в вину. И вот владыка в самый разгар дела, когда просиявшего на миссионерском поприще светильника некем заменить, сменяется и назначается в Сухуми... Мы, конечно, понимаем, кто поревновал в Синоде о преосвященном Андрее: смиренный, честный и правдивый светильник мог затмить честолюбцев, хотя и даровитых, но двоедушных...

Перед преосвященным Андреем два пути. Один ведет к высоте, к потере совести; другой — к царствию Божьему. Если владыка пойдет по стопам своего предшественника кир-Димитрия[274], у которого в Сухумской епархии были господа (русские) и рабы (грузины), то он скоро займет высокую кафедру, но тогда он уже не будет одним из светильников, деяния которых освещают мир

---

[273] 2 декабря 1895 — Александр Ухтомский был пострижен в мантию с именем Андрей, 6 декабря рукоположен во иеромонаха. С 1897 — инспектор Александровской миссионерской семинарии в Ардоне (Осетия), активный просветитель осетин, с 1899 — наблюдатель Казанских миссионерских курсов в сане архимандрита, просветитель татар и других волжских народов. 4 октября 1907 — хиротонисан во епископа Мамадышского, викария Казанской епархии.

[274] В 1907 — епископ Димитрий Сперовский прибыл в Сухуми, чтобы пасти грузинскую паству без знания ее языка, и продолжил политику грузинофобствующих русских епископов.

и которые готовы всегда положить свою душу за свою паству.

Преосвященному Андрею посылается великое испытание. Иерарх высокой христианской души и сердца, самоотверженный, не изменивший до сего дня своим христианским убеждениям, поставляется под начальство русского экзарха Грузии кир-Иннокентия[275], выказавшего уже крайнюю нелюбовь и чуть ли не презрение к своей грузинской пастве. Надо заметить, что Сухумская епархия, имеющая не более ста тысяч православных, создана в 1885 году исключительно ради русификации мингрельцев, грузин, абхазцев, греков и др<*угих*> инородцев. Чтобы создать ее, пришлось присоединить к ней от Мингрельской епархии Самурзакань с чисто мингрельским населением (до 45 тыс<*яч*> д<*уш*>), глубоко верующим, соблюдавшим все посты, Абхазию, в которой большинство абхазцев грузинскими епископами Александром и Гавриилом было окрещено в православную веру, и часть Черноморского округа (ныне губернии) с русским большей частью населением: 25-летнее управление русскими епископами Сухумской епархией привело к обезверению и к отпадению 2/3 абхазцев в магометанство.

Что же будет делать в этой епархии новый преосвященный? Идти по стопам своих предшественников-политиканов он не решится, а идя по стопам просвещенных светил Иверской Церкви, может навлечь нарекания националистов, нововременцев[276] и самих кирий-синодалов.

Н. Дурново»[277].

---

[275] В миру Иван Васильевич Беляев. С 7 декабря 1909 — архиепископ Карталинский и Кахетинский, экзарх Грузии.

[276] Сотрудники и читатели газеты «Новое время», издававшейся в Санкт-Петербурге.

[277] Санкт-Петербургские ведомости. 1911. № 167. 28 июля.

* * *

ПЕРЕМЕЩЕНИЕ ЕПИСКОПА МАМАДЫШСКОГО АНДРЕЯ В СУХУМИ

<9 августа 1911>

«Весть о перемещении благодаря печати уже проникла в глухие уголки Казанского края...

Получаются отовсюду письма печального характера.

Чуваш Ядринского уезда осмыслил это событие по-своему так: "...более 8 лет мы знаем Андрея, сначала в сане архимандрита и братчика, а потом епископа и председателя Совета Братства св. Гурия. Когда не явись к нему, всегда примет, поможет, утешит, укажет, как работать, что читать темным чувашам, откуда выписывать книги на чувашском языке и на русском, как привлекать язычествующих чуваш к Церкви, к богослужению; с владыкой всегда можно было поделиться мыслями, всегда он обласкает, воодушевит на работу...

И все это просто, как родной брат, друг. Что-то будет с нами, бедными, без него?

Бороться с безверием, пустившим свои корни и в среду мужиков благодаря 1905–1906 годам, очень трудно. Сам-то иногда колеблешься. Посмотришь на владыку Андрея, заразишься его религиозным воодушевлением и целый год работаешь у себя в глуши. Вновь устанешь и вновь идешь к нему, или он сам придет к тебе в глушь и своим примером приободрит всех нас".

Черемис Царевококшайского уезда — мужик ли он или священник — в лице епископа Андрея, судя по письмам из Царевококшайского уезда, видел в нем олицетворение энергии и живой молитвы. Секта кугу-со-

рта[278], выросшая на почве отчуждения духовенства от народа, благодаря епископу Андрею начала падать. Для этой цели он употребил личные усилия и привлек местные силы. Кугу-сортинцы нередко лично беседовали с преосвященным, и обаяние его личности сказывалось на них очень сильно: они не столь уже энергично пропагандировали свое лжеучение.

Ислам, влиявший на черемис Казанского уезда, видел в епископе своего решительного врага, и притом сильного, так что не решался идти в открытый бой с ним.

Крещеный татарин Мамадышского и Лаишевского уезда видел в преосвященном Андрее такую опору, за которой ему не были страшны никакие магометане.

Притесняет мусульманин своего единоплеменника, но православного — крещеный смело ехал в Казань к владыке Андрею или шел к нему в скит в Лаишевский уезд и уходил от него вполне уверенный, что его дело будет выиграно. И, действительно, земельный участок, на который заносили свои руки жадные мусульмане, оказывался в руках крещенцев.

Преосвященный Андрей ради интересов крещеного инородца ставил на ноги решительно всех: земского начальника, волостного старшину, предводителя дворянства и т<*ак*> д<*алее*> и т<*ому*> п<*одобное*>. Мусульманин выносил впечатление, что крещенцы теперь живут за епископом Андреем, как за крепкой стеной, и что надо приостановиться с татаризацией и исламизацией крещенцев.

Вотяк Мамадышского уезда чувствовал в преосвященном Андрее своего родного человека; для вотяка было ясно, что владыка не ищет своей выгоды, а только душевной пользы его, вотяка, и безбоязненно открывал

---

[278] Кугу-сорта («Большая свеча») — марийская синкретическая секта, объединившая традиционную веру марийцев (черемис) с элементами русского православия.

ему свою душу и... хоть бы тень недоверия к высокопоставленному духовнику...

И вот вся эта масса христианского инородчества вдруг оказывается лишенной своей главы!

"Что теперь будем делать мы?" — спрашивают себя чуваши в Ядринском уезде, черемисы в Царевококшайском уезде, крещеные татары в Мамадышском уезде, чуваши, татары в Чистопольском уезде.

Ответ им успели уже подсказать злорадствующие мусульмане: "...Убирают вашего архиерея; начальство, небось, за нас. Идите-ка поскорее лучше к нам" (слова лаишевских мусульман).

Крещеные удручены до последней степени. Лично приходилось наблюдать плачущих от сознания беспомощности татар, чуваш, черемис, вотяков, и больно-больно было на душе от мысли, что так легко расшатывается христианское здание, и чьей же рукой? Святейшего Правительствующего Синода... Увы, это так...

Но нашлись среди крещеных и такие, которые решили просить до последней крайности об оставлении епископа Андрея в Казани.

Вот одна из этих просьб, направленных по телеграфу на имя В. К. Саблера[279].

"Ваше Высокопревосходительство! Простите инородцев Чистопольского уезда, осмелившихся беспокоить Вас своей просьбой. Оставьте нам Владыку Андрея в Казани. Заставьте за себя Бога молить. Умолите Батюшку Государя. Пусть Он оставит нам Владыку Андрея. Без него боимся за христианскую жизнь наших инородцев. Разрешите нам просить Вас лично".

Далее следует указание адреса и подпись уполномоченного от тысячи лиц.

---

[279] Владимир Карлович Саблер — обер-прокурор Святейшего Синода в 1911–1915 годах.

Слышно, что аналогичные телеграммы посылались и сейчас посылаются и из других уголков Казанской епархии.

Было бы очень и очень жаль, если бы переход епископа Андрея в Сухуми стал фактом!

Такие миссионеры, как он, чрезвычайно редки.

"...Перемещение епископа Андрея на кафедру епархиального епископа, лестное для молодого архипастыря, принесет горе делу христианизации казанских инородцев, имевших в нем чадолюбивого отца, отдающего детям свой труд, свое сердце, свое достояние, делящегося с бедным крещеным последним куском хлеба" (газета "Казанский Телеграф").

Учитель Васильев. Казань»[280].

* * *

ИЗ КАЗАНИ

<13 августа 1911>

«В настоящее время большинство казанцев занято перемещением третьего викария Казанской епархии, епископа Андрея, в Сухуми. Разбирают его пастырскую, его миссионерскую деятельность, правильную оценку которой сделал прежде всего архиепископ Иаков[281] в своем отзыве Святейшему Синоду. Сами инородцы плачут о нем, отлично сознавая, кого они теряют в лице владыки Андрея, плачут... и как умеют, телеграммами и прошениями в Петербург, умоляют войти в их положе-

---

[280] Санкт-Петербургские ведомости. 1911. № 176. 9 августа.

[281] Иаков (в миру Иван Алексеевич Пятницкий) — архиепископ Казанский и Свияжский.

ние и пожалеть их. Но нельзя не обратить внимание и на ту скорбь, какую чувствуют вообще казанцы, ценящие и любящие владыку, как городские, так и иногородние. Удручен и сам преосвященный.

В последнем номере редактируемого им маленького журнала "Сотрудник" вместо обычного, всегда назидательного и трогательного его слова напечатано нижеследующее: "Дорогие читатели! Изучив Казанский край, быт казанских татар, вотяков, черемис, чуваш, отдав служению приволжских инородцев все свои силы, я оказался переведенным в Сухуми — просвещать Абхазию. Простите, братья! Желаю вам успехов в ваших трудах. Желаю, чтобы вам не было так больно, как мне. Епископ Андрей".

В этих немногих словах — сказано все!..

Да, невыразимо больно нам терять нашего владыку! Я говорю — нашего, потому что он действительно был весь наш вообще и каждого из нас в отдельности. Это чувствуют все, кто имел хоть какое-нибудь отношение к нему; это чувствуют и его недоброжелатели, с неудовольствием видевшие, как с каждым днем он становился популярнее в нашем Приволжском и Прикамском крае. Но если вообще больно казанцам — то что же должны переживать духовные дети владыки, который тем особенно отличался, что, несмотря на свою разнообразную деятельность, несмотря на сан епископа, был доступен всем — и малым, и старым, чему особенно радовались отцы и матери, с доверием приводившие своих детей к нему на исповедь, отдавая их под руководство этого незаменимого духовного отца.

Никогда не забудут его и старые люди, может быть, на склоне лет узнавшие, что говение, хотя бы и в каждый пост, не есть еще таинство в полном его смысле, что самое таинство покаяния без полной, беспощадной очистки совести и истинного раскаяния и возненавидения греха есть только лишняя тяжесть на ней. Что

же, повторяю, должны чувствовать все эти — и малые, и юные, и взрослые, и старые, лишаясь такого духовного отца?! Да, наш отец Андрей, как его и сейчас, несмотря на сан епископа, многие называют, обладает особым, не всем, хотя бы и гораздо более его даровитым и талантливым людям, присущим даром не только знать душу человеческую со всеми ее изгибами, не только чутко понимать всякое настроение измученной души, но еще уметь взойти в эту душу и помирить ее и с Богом, и с людьми, и с самим собой! В этом главным образом и заключается тайна его воздействия на других! Невольно задаешь себе вопрос: куда разбредутся эти малыши, его духовные детки, что должны чувствовать их маленькие сердца, умеющие беззаветно привязываться ко всему доброму? Как отзовется эта перемена на их будущем?.. Задаешь себе вопрос и о тех взрослых, которые, ища смысла жизни и найдя его не в удовлетворении личных интересов, пошли тернистым путем, преследуя высокую цель служения ближним, руководимые и поддерживаемые своим духовником и епископом: что станется с ними, когда они, выбитые из рутинной колеи жизни, очутятся на распутье ее, не имея еще достаточно сил для борьбы с неминуемыми испытаниями, которые им встретятся, и не имея не только желания, но в иных случаях даже и возможности вернуться к прежнему образу жизни. Я, пишущая эти строки, на своем седьмом десятке лет, когда все счеты жизненные уже подведены, не могу переживать то, что переживают эти честные труженики и труженицы, отдавшие свои силы на служение делу Божьему в виде ли миссионерской деятельности, — в которой так нуждается наш край и к которой так умел привлекать свою паству оставляющий свой пост владыка, — или других незаметных трудов; но, уважая их стремления, сочувствуя им и живя, сколько могу, их интересами, я задаю себе вопрос: прав ли владыка Андрей, оставляя нас? Если бы мы его не знали, как знаем его, то согласи-

лись, что, собственно, и самому преосвященному, и нам, его почитателям, надо только радоваться. Для его самолюбия должно быть лестно, что он, младший викарий, получает повышение, почти самостоятельное положение, будет иметь более приличное сану епископа и содержание, и помещение, наконец, для нас, любящих его, успокоительно знать, что он хоть на первое время не будет окружен теми интригами и клеветой, которыми его преследуют здесь его недоброжелатели. Но не так смотрит на вещи наш владыка и не тому учил нас! И опять тот же неразрешенный вопрос невольно встает! Что же заставляет владыку нас оставить?.. Говорят, он должен быть послушным сыном Церкви, он обязан монашеским послушанием повиноваться. Да, бесспорно это так! Но да будет мне позволено взглянуть на этот вопрос с другой точки зрения. Ведь все это — соображения, основанные на человеческих установлениях, необходимых для здешней земной жизни, которые, конечно, здесь и кончатся. Но нет ли чего выше этих соображений? Не страшнее ли ответственность епископа и перед Богом, и перед своей совестью за души своей паствы? Ведь духовная связь между пастырем и паствой, между духовным отцом и его детьми должна перейти за пределы этой жизни? Это — не праздный вопрос! В нем — весь смысл жизни, как я и, конечно, не я одна его себе представляем. И неужели так он и останется неразрешенным для нас?! Задать же его нашему возлюбленному архипастырю мы не решаемся, чтобы не чересчур ему сделать больно...

Православная христианка»[282].

---

[282] Санкт-Петербургские ведомости. 1911. № 180. 13 августа.

* * *

О ПЕРЕМЕЩЕНИЯХ АРХИЕРЕЕВ

(По случаю назначения преосвященного Мамадышского Андрея на сухумскую кафедру)

<14 августа 1911>

«В Казанской епархии — немалое смятение. Совершенно неожиданно казанский викарий, епископ Андрей переведен на самостоятельную сухумскую кафедру.

Смущена и глубоко скорбит многочисленная инородческая паства преосвященного Андрея: чуваши, черемисы, крещеные татары, вотяки. Все они имели в преосвященном Андрее своего заступника, попечителя и хранителя. Истинно народный пастырь, он ревниво относился к интересам этих невидных инородцев, которых так легко загнать и обидеть. Если им была нужна защита, преосвященный умел всех поднять на ноги...

Тяжело человеку образованному и обеспеченному, который сам может за себя постоять, — тяжело и ему терять духовного руководителя, уносимого смертью и остаться в духовном сиротстве... Насколько же тяжелее людям темным, слабым и беспомощным терять заживо такого пастыря, который был в то же время их утешителем и защитником от всяких внешних бед!..

Преосвященный Андрей — один из самых наших лучших архиереев.

Человек чистый и глубоко убежденный, человек евангельской скромности, не ищущий для себя ни славы, ни отличий, он чужд всякой шумихи. Но если имя его известно в широкой публике менее, чем того бы можно было ждать сообразно его заслугам, то люди, с любовью и пристально следящие за лучшими явлениями

церковной жизни, давно утешались проповедническим подвигом и для крещеных инородцев "расширившимся сердцем" епископа Андрея.

Но он был дорог не одним инородцам.

Простая жизнь, проникнутая одним идеалом, пламенная вера, ревность в богослужении всегда привяжут к пастырю верующие массы. Исконно русские так же стремились на богослужения и проповеди епископа Андрея, как стремились к нему при объезде инородческих сел их православные жители...

И вот теперь Казань должна лишиться этого архиерея, которого она любила, с которым она сжилась!

В смысле служебном, карьерном это назначение для молодого преосвященного только лестно. Но не для того преосвященный Андрей отказался от мирских утех, чтобы искать карьеры духовной. Он мечтал только делать дело Божье...

И разлука с паствой, с которой он так сжился, не может быть для него радостью.

Можно с уверенностью сказать, что лица, которые устроили этот перевод, так и смотрели на это дело, как на ценное для самого епископа повышение, и не хотели нисколько огорчить ни его самого, ни его паству.

Это только лишний раз доказало, насколько в корне своем неправилен крепко установившийся за последнее время обычай постоянно переводить архиереев с кафедры на кафедру.

Едва ли будет ошибкой сказать, что это обычай антиканонический.

Ведь епископ связан со своей паствой теми священными таинственными узами, какими связаны жених и невеста. Чем благороднее человек, чем тоньше его душевная организация, тем более верен остается он чувствам первой любви, которая у самых цельных избранных душ бывает в то же время и единственным чувством всей жизни...

Постоянное перемещение владык было неизвестно лучшим временам Церкви. Обручившийся раз со своей паствой, епископ оставался ей верен до конца.

Не было ли бы дико представить себе святителей Игнатия Антиохийского, Афанасия Александрийского, Николая Мирликийского, Амвросия Медиоланского, Василия Кесарийского, Спиридона Тримифунтского проводящими свою епископскую жизнь в постоянной смене кафедр? Были ли они архипастырями кафедр знаменитых в мировых центрах или ничтожных маленьких епархий — они знали только одну паству, первенца своей пастырской любви.

Не слышно было также о таких постоянных перемещениях в лучшие времена русской Церкви, и еще в 18 веке епископы десятилетиями занимали одну и ту же кафедру. В первой же четверти 19 века видим, что будущий московский митрополит Филарет, пробыв в Твери короткое время, занимал ярославскую кафедру чуть ли не сто дней.

Почти совершенно не скрывается, что такие перемещения имеют главным образом цель дать архиерею более доходную епархию.

Весьма известный четверть века тому назад в Москве профессор — протоиерей, отец Иванцов-Платонов — рассказывал мне, что однажды, когда освободилась воронежская кафедра, то несколько преосвященных одновременно подали прошение в Синод, что для их расстроенного здоровья крайне необходим воронежский климат. Эта необходимость для нескольких лиц зараз именно воронежского климата тем изумительнее, что именно климатом Воронеж и страдает вследствие лежащих у города болот. И высокое мнение преосвященных о воронежском климате объясняется наличием в епархии двух богатых монастырей — Воронежского Митрофаньева и Задонского.

Корыстолюбивые расчеты преосвященных тем менее понятны, что они все ведь люди одинокие. А даже в бед-

нейших епархиях все-таки они, в общем, обставлены так, что могут вполне существовать сообразно с достоинством своего звания!

Люди мирские привыкают к месту своей службы, к своей квартире: переезжать из дома в дом им кажется крайне неприятным. Отчего же у преосвященных не образуется если уж не та, по крайней мере привычка к своей епархии?.. Но ведь могли бы, кажется, быть с епархией связи и более крепкие и благородные, чем простая привычка?

И как это не слагается у преосвященных в ту торжественную минуту, когда в первый день вступления своего на кафедру они под тихое, умиленное пение "Достойно есть яко воистину" входят в древние соборы, где с иконостаса смотрят на них бесстрастные лики чудотворных икон, где в гробах и раках своих встречают их былые архипастыри, не бегавшие в искании больших чести и прибытков с кафедры на кафедру, но отдавшие раз усыновленной сердцем пастве всю свою любовь и все без остатка свои силы, как при осенении впервые простертыми вперед обеими руками в архипастырском благословении народа при громовых раскатах "Ис полла эти деспота" у владык не слагается решимости провести среди этого народа всю свою жизнь и после долгой работы слечь на отдых в этом соборе?

Нельзя не удивляться той церковной политике, которая заставляет преосвященных менять место служения с быстротой, неизвестной в других ведомствах.

Нет ничего ужаснее для дела, когда оно ведется людьми, которые это дело не успевают изучить и на начальническом месте являются в полном смысле слова гостями, а не хозяевами. Архиерей, который помнит священников своей епархии еще семинаристами, который знает, что в таком-то селе священствует человек, отличающийся такими-то достоинствами, который заметил, что такой-то воспитанник духовного училища проявляет все

задатки будущего монаха и что надо мудро и незаметно помогать ему идти к этой цели, архиерей, угадавший, что в таком-то невидном иеромонахе дальней лесной пустыни таится прекрасный будущий настоятель, — такой архиерей может вести свою епархию: он действительно будет двигать ее вперед мерами, рассчитанными на долгие сроки.

А духовные связи с горожанами...

Известно, что редкий епархиальный собор может быть поддерживаем на необходимой степени благолепия без частных пожертвований. Но как вызовет пожертвования человек, которого в городе не знают и которому не доверяют, в котором, хуже того, угадывают не любовь к епархии, а затаенную мысль поскорей устремиться куда-нибудь подальше и повыше? Пустое сердце не открывало еще ничьей щедрой руки, и отчасти из-за недоверия епархии к быстро сменяющимся архиереям охладевает усердие жертвователей на соборы. Еще недавно в одной газете появились сведения о том, как приходит в упадок одно из величайших святилищ в русской земле, в одном древнем, именитом и многострадальном городе, и как для поддержания его не находится жертвователей. Архиереи считают эту невысокую по степени и недостаточно доходную епархию только ступенью в своем земном странствовании и даже не интересуются обновлением собора. Как же при таком несерьезном и поверхностном отношении что-нибудь сделать?

Мне пришлось раз в одном, хотя дальнем, но исторически знаменитом и богатом монастыре (настоятель служит с архиерейскими отличиями), хранящем одну из величайших святынь православного мира, видеть теперь уже умершего и тогда немолодого уже настоятеля-карьериста. Его хвастливые воспоминания о важных людях, которых он знавал, горькие жалобы на глушь, в которой он жил, его расчеты на то, что ему скоро дадут богатый

столичный монастырь (что вскоре и случилось), — все это производило весьма неприятное впечатление. Такие же расположения мыслей и чувств проскальзывают нередко у преосвященных, подтверждая только то, что они не Богу служат, а себе.

Для архиерея, если он действительно человек религиозно настроенный, нет высшего счастья, как находиться среди паствы, которую он знает и любит, и которая его знает и любит, и желает среди этой паствы умереть. И высшей синодской власти следовало бы с особым вниманием относиться к вполне законным желаниям скромных, убежденных, не ищущих чести и прибытков деятелей, которые желают одного: чтобы их оставили работать там, где они работают.

Даже и в то время, когда иные преосвященные побивали прямо-таки невероятные рекорды состояния в кратчайшие сроки, на наибольшем количестве кафедр находились архипастыри, твердо решившиеся всю жизнь проводить на одной и той же кафедре.

Таков был почтеннейший старец Никандр[283], епископ Тульский, который с этой кафедры, не из самых высоких, не желал повышения. Он и в Туле получил и сан архиепископа, и даже бриллиантовый крест на клобук![284]

Поле духовного влияния человека измеряется его жизнью и трудами, а не важностью и доходностью его кафедр, и заштатный архиерей Тихон из своего Задонского монастыря был слышен на всю Россию, тогда как та же Россия и не подозревала о существовании других превознесенных всякими почестями современных Тихону архиереев. Разве померкла чем-нибудь слава Инно-

---

[283] Никандр (в миру Николай Иванович Покровский) — епископ Тульский и Белевский.

[284] 29 июня 1893 — скончался в Туле.

кентия[285] и Никанора[286] одесских из-за того, что они не достигли митрополичьей кафедры, а имя благостнейшего и милостивейшего Димитрия Херсонского[287] не будет ли помниться в истории русской иерархии прочнее, чем иные имена людей, выше его взошедших?

Говорят, что монах обязан прежде всего повиновением и что он должен беспрекословно ехать туда, куда его посылают.

Это так. Но монах может ведь сознавать, насколько он нужен в начатом им деле и как дело пострадает, если он его оставит? У монаха может быть — а если он пастырь, то и должно быть — то святое пристрастие к своей пастве, о котором говорит апостол: "союзом любви связуемы". Церковные люди понимали во время бурного дела иеромонаха Илиодора[288], что лица, с таким упорством, достойным лучшей цели, настаивавшие на его переводе из Царицына, совершенно не понимают психологии пастырства и что не для того ревностный пастырь собирает души человеческие, чтобы затем вдруг бросить их, оставляя их на расхищение "волкам"...

В переводах архиереев с кафедры на кафедру одно изумительно: как мало предварительно осведомляются о желаниях самих преосвященных. Даже московского митрополита Иоанникия[289] — и того не спросили, предпочтет ли он Киев Москве...

---

[285] Иннокентий (в миру Иван Алексеевич Борисов).

[286] Никанор (в миру Александр Иванович Бровкович).

[287] Димитрий (в миру Климент Иванович Муретов).

[288] Илиодор (в миру Сергей Михайлович Труфанов) — иеромонах, бывший настоятель Святодуховского монастыря в Царицыне, отказался подчиняться решениям Синода о переводе. В 1912 году отрекся от православия, пытался организовать свою секту.

[289] Иоанникий (в миру Иван Максимович Руднев) — митрополит Киевский и Галицкий; с 1898 — первенствующий член Святейшего Синода.

Паства и пастырь связаны друг с другом такими тесными узами, что некоторые церковные люди считают этот союз расторжимым только в случае смерти.

Если архиерей долго и достаточно управлял епархией, оставьте его на кафедре до конца, хотя бы он был и болен, и слаб...

Дайте ему одного, двух деятельных викариев, но не гоните его. Замечательно, что словно сам Бог вступается в таких случаях за удаленных с обидой архиереев: их заместители редко приобретают любовь паствы. Так было в Москве, где заместившие митрополита Иоанникия митрополиты Леонтий[290] и Сергий[291] не были любимы. И умерли они как-то необычно: один в душевной болезни, другой в Петрограде. То же было в Ярославле, где не дали дожить сжившемуся со своей паствой старому и доброму архиепископу Ионафану[292], который вдобавок немедленно по увольнении своем потерпел жестокие обиды от своего бывшего викария.

И что же? Заместитель преосвященного Ионафана, назначенный из Пскова архиепископ Сергий[293], не прожил в Ярославле, кажется, и года — умер раньше Ионафана и более не мог, конечно, вести епархию лучше, чем это бы сделал Ионафан. Да и после смерти архиепископа Сергия водворилось не сразу для ярославских владык "благоденственное и мирное житие!".

Да, в высшей степени ошибочно смотреть на посты архиерейские как на этапы передвижения по граждан-

---

[290] Леонтий (в миру Иван Алексеевич Лебединский) — митрополит Московский и Коломенский.

[291] Сергий (в миру Николай Яковлевич Ляпидевский) — митрополит Московский и Коломенский.

[292] Ионафан (в миру Иоанн Наумович Руднев) — архиепископ Ярославский и Ростовский.

[293] Сергий (в миру Сергей Иванович Ларин) — архиепископ Ярославский и Ростовский.

ской службе и не учитывать духовной, нравственной стороны дела.

Конечно, добросовестный человек будет всюду работать, но как далека работа по принуждению от той работы, к которой прилепился всем своим существом, на которую пошел по Божественному призванию.

Так понятна скорбь инородческой казанской паствы, сроднившейся с преосвященным Андреем, им утешавшейся и теперь его лишающейся...

И если к людям идейным и самоотверженным, сумевшим оживить духовную жизнь какого-нибудь края, людям, стремящимся не к выгодам и отличиям, а только думающим о своей пастве, если к таким людям должно относиться с тем большей бережностью, чем реже встречаются эти драгоценные люди, то будем надеяться, что вопли инородцев будут услышаны и преосвященный Андрей будет оставлен при деле, которому он так свято служит...

Е. Поселянин»[294].

* * *

ЧТО ГОВОРЯТ В ДЕРЕВНЯХ ПО ПОВОДУ УХОДА ПРЕОСВЯЩЕННОГО АНДРЕЯ В ГОРОД СУХУМИ

<17 августа 1911>

«На этот счет имеется несколько характерных извлечений из писем деревенских грамотеев. Один из них (с<*ело*> Тобурданово Цивильского у<*езда*>) пишет: "...Преосвященный Андрей был нам друг, приветлив,

---

[294] Санкт-Петербургские ведомости. 1911. № 181. 14 августа.

защитник, любил нас, как своих друзей, оживлял христианскую миссию. Кто может заменить его? Кто нас будет любить, как он? Не найти нам больше такого человека... Я недавно видел сон, будто наша колокольня от бури раза три качнулась как прут и свалилась на воду, которая представляла не то пруд, не то озеро. Не означало ли это уход епископа Андрея? Он для миссии был как бы колокольней, откуда раздается благовест во все стороны, звон благовествования Евангелия Христова".

Общий тон писем печальный.

Преосвященный Андрей называется пророком, говорящим всюду глаголы вечной жизни, хранителем православных от язычников и мусульман. Русские простецы приравнивают епископа к Иоанну Кронштадтскому по силе слова, веры, жизни и влиянию на окружающую среду.

"Без него, — говорится в одном письме, — мы как без головы, без света и без радости, без него нам жизнь не в жизнь".

"Умереть бы лучше, — заканчивает свой вопль одно письмо, — чем терпеть такое великое горе".

"В нем мы лишаемся епископа, работавшего с ревностью Илия, любовью апостола Павла".

"С уходом его, — пишут из Царевококшайского уезда, — утихнет громкий голос благовестия в темных черемисских селениях; воспользуются этим черемисские сектанты-кугосортинцы, татарские проповедники и языческие карты (жрецы), чтобы соблазнять слабых в вере православных черемис".

Общим желанием как русской, так и инородческой деревни является одно, чтобы оставили епископа Андрея в Казани для пользы миссионерского дела, для процветания Христовой Церкви.

Юркин»[295].

---

[295] Санкт-Петербургские ведомости. 1911. № 182. 17 августа.

* * *

ВЫГОДЕН ЛИ ДЛЯ КАЗАНСКОЙ МИССИИ УХОД ЕПИСКОПА АНДРЕЯ?

<20 августа 1911>

За время своей более 10-летней деятельности в Казани преосвященный Андрей успел многих расположить к миссии, к вопросу о просвещении многочисленных инородцев края. Казанское Братство св. Гурия, работая среди иноверцев более сорока лет, постоянно ощущало нужду в материальных средствах. Устройство школ среди темных инородцев, зараженных исламом и язычеством, содержание учителей, открытие и содержание миссионерских приходов и т<*ому*> п<*одобное*> требовало от Братства св. Гурия больших средств. Между тем касса братства пополнялась только из кассы православного миссионерского общества да отдельных жертвователей. Естественно, что братство должно было и могло осуществлять только часть своих планов в отношении инородцев, и притом медленно, постепенно. Зная об этой нужде братства и искренне разделяя принципы братства, преосвященный Андрей решил начать проповедь о помощи братству в среде богатых лиц не только Казани, но и всего волжско-камского района.

Под обаянием высокой личности пресвященного Андрея многие охотно несли ему свои пожертвования: кто для братства, кто для вспомогательных учреждений братства — переводческой комиссии и др<*угих*>, пожертвования шли и деньгами, и земельными угодьями. Первых прошло через руки преосвященного Андрея около 150 тысяч, а вторых приобретено для братства свыше 100 десятин. Кроме того, богатые лица Казани и края предложили дать преосвященному Андрею 50 тысяч на устройство каменного здания для миссионерских

курсов, с квартирой для начальника их и общежитием, крупные суммы на братство и земельных угодий около 200 десятин. "...Мы любим владыку Андрея и верим ему", "...а потому дать все это можем только ему", — говорили представители и представительницы купечества г<*орода*> Казани. "...С уходом владыки Андрея, разумеется, мы умываем руки и считаем себя свободными от всяких обязательств".

Таким образом, в материальном отношении казанская миссия теряет minimum 400 тысяч рублей. Но, чтобы расположить к таким пожертвованиям, преосвященному Андрею нужно было пожертвовать всецело собой. Смягчить сердца коммерсанта или купчихи — дело не легкое: это знает всякий по опыту. Нужно было устраивать им приемы не тогда, когда хотелось преосвященному Андрею, а тогда, когда хотелось им, — иногда поздно вечером, а иногда рано утром, после утрени. Приходилось выслушивать от них не одно лишь приятное себе. Конечно, около деятельности преосвященного Андрея немало было интриг, вредивших ему лично, но идеалист-миссионер выносил все ради блага Церкви в крае.

Новый край, куда епископ Андрей назначен, нуждается в чрезвычайных материальных средствах. "Для приобретения их владыке придется снова начать казанскую работу, израсходовать на это массу энергии, здоровья, — но будет ли плод?"

Его из Казани удалили как раз в то время, когда посевы начали всходить и сулить обильный урожай... Кому это надо было? Кому угодно, только не друзьям Церкви, христианского просвещения. Мы уже имели случай читать то, что говорят мусульмане по этому поводу ("С<*анкт*>-П<*етер*>б<*ургские*> ведомости" за 4 авг<*уста*>).

Теряет в лице владыки Андрея казанская миссия и свою идейную опору. Являясь сам искренним сторонником употребления родных языков для богослужения,

школьного просвещения, преосвященный Андрей деятельно работал над созданием в инородческой среде православного богослужения на ее языке.

Крещено-татарский трехсвятительский скит и крещено-татарская Покровская община имеют богослужение на татарском языке. Слова родной речи привлекают сюда в ряды богомольцев не только крещеную массу, но и мусульман. Создано нечто грандиозное в смысле проведения в мусульманские массы христианской культуры... И вот в тот самый момент, когда требовалось именно отеческое руководство преосвященного Андрея, он переводится как можно дальше от родной миссионерской семьи...

Около инородческого вопроса в Казани издавна существует очень много трений.

Некоторые лица никак не хотят примириться с допущением природных языков в богослужебное и школьное употребление: это, по их мнению, ведет лишь к сепаратизму инородцев. Владыка Андрей лично узнал, что это — неправда, и стал в ряды сторонников просветительной системы Н. И. Ильминского и усердным проповедником ее.

"Сотрудник Братства св. Гурия", который редактировался епископом Андреем, был деятельным проводником просветительных идей Н. И. Ильминского; здесь же находили себе опровержение все несправедливые нападки на нее. Благодаря литературной и личной проповеди о необходимости пользования в миссионерском деле именно принципами Братства св. Гурия преосвященный Андрей расположил к сотрудничеству братству многих лиц, ранее не ведавших о существовании братства и инородцев. Образовался даже целый "кружок сестер — сотрудниц Братства св. Гурия", бывший до 1880-х годов, но потом переставший функционировать.

Для владыки Андрея не существовало деления на русских и инородцев: для него все одинаковы были "братья-

ми", "друзьями". Христианская любовь ко всем — вот что ставилось в основу деятельности миссии. И любовь, показанная на деле, победила многих и расположила их к миссии. Надо бы поддержать единение общественных элементов для пользы христианского дела в крае. Но кто для этого имеет достаточно сил и желания?

По нашему глубокому убеждению, через перемещение епископа Андрея в Сухуми казанская миссия очень много теряет и в материальном, и в идейном отношении.

Аф. Елистратовский»[296].

* * *

К ПЕРЕВОДУ ЕПИСКОПА АНДРЕЯ

<23 августа 1911>

«Место служения преосвященного Андрея — Казанский край представляет наиболее острый пункт работы нашей внутренней миссии ввиду массового отступничества в мусульманство крещеных инородцев (свыше 35 тыс<*яч*>).

Муллы при совращениях действуют тем аргументом, что есть вера "русская", есть вера татарская; принятие "русской" веры ведет к отречению от татарской народности.

Уклоняются те, кто крещен, но не оглашен. Причина уклонения — отсутствие церковного учительства. Последнее только теперь, при епископе Андрее, охватило край широко, ревностно, любовно и на родных инородцам языках.

---

[296] Санкт-Петербургские ведомости. 1911. № 185. 20 августа.

С уходом епископа Андрея это церковное учительство, так не умоляемо благовестившее, может надолго умолкнуть.

Какая основная причина отпадения в мусульманство (или тоже — неудачи казанской миссии), об этом, несомненно, наши потомки будут писать длинные диссертации по внутренней миссии и получать за это ученые степени. Будут выяснять: кто работал во имя Христово, кто умышленно или не умышленно этой работе препятствовал (делателей виноградника Христова выводил вон), кто достоин доброй памяти, кто оставил в Христовом деле память печальную...

Само собой понятно, ко всему этому будут добавлять, что в "прискорбное время" видным двигателем миссионерского дела был чиновник Василий Скворцов.

Сельский священник
Смоленской епархии»[297].

* * *

АРХИЕРЕЙСКИЕ ПЕРЕМЕЩЕНИЯ И КАРЬЕРИЗМ

<23 августа 1911>

«Ни суровый якутский климат, ни миссионерские подвиги в Сибири, ни проповедничество, ни богословские и ученые труды, ни благочестивая жизнь не могут так возвысить и поставить на высоту русского, часто бездарного и далеко не безупречной жизни иерарха,

---

[297] Санкт-Петербургские ведомости. 1911. № 187. 23 августа.

как служение в Грузии. "Кто пошел на служение в Грузию, — тот наш", — говаривал К. П. Победоносцев[298]: иначе сказать — он пойдет на все.

За последнее время обратили на себя внимание некоторые архиерейские перемещения. Викарии (бывшие) присутствующего ныне в Синоде архиепископа волынского Антония[299], Серафим[300] и Димитрий[301], сделали карьеру. Первый променял захолустную, хотя и древнюю архиепископию Полоцкую на богатую — Иркутскую, которая неизвестно почему играет ныне такую знатную роль в Сибири, заслоняя митрополию "всея Сибири" — Тобольскую, столь ныне униженную; а кир-Димитрий после 4½ лет служения в Грузии обрел высокостепенную рязанскую кафедру. Оба иерарха — соратники нынешних синодалов, могилевского и туркестанского, по служению в Грузии, где оставили особенно хорошую память. Сотни несчастных воспитанников Тифлисской и Кутаисской семинарий и сейчас с волчьими паспортами скитаются по Грузии; вспоминая времена кириев: Стефана, Серафима, Димитрия, Никандра и Григория, недавно через головы 25 иерархов получившего далеко не бедную орловскую кафедру. Нелюбовь к нему и кир-Димитрию грузинского народа была приурочена к заслуге! Но что же будет делать в Сухуми ныне назначенный туда преосвященный Андрей? Поправлять или исправлять дела грубых попови-

---

[298] Константин Петрович Победоносцев — обер-прокурор Св. Синода с 1880 по 1905.

[299] Антоний (Храповицкий) — архиепископ Волынский и Житомирский.

[300] Серафим (в миру Яков Михайлович Мещеряков) — епископ Полоцкий и Витебский, с 1911 — архиепископ Иркутский и Верхоленский.

[301] Димитрий (в миру Николай Андреевич Сперовский) — епископ Сухумский с 1907, с 1911 — епископ Рязанский и Зарайский.

чей-русификаторов при надменном гордом русском экзархе кир-Иннокентии[302]?

Отпавших в магометанство абхазцев новому владыке по незнанию абхазского языка не возвратить, как не вернуть грузинам в Сухуми права совершать богослужение на их родном языке, чего ни сухумские националисты, ни экзархи не допустят. Одно можно сказать, что преосвященного Андрея большинство паствы, т<*о*> е<*сть*> грузины, мингрельцы, греки, примут с любовью и сочувствием, как своего, а отцы-русификаторы поведут против него интригу.

Не проявленная любовь к пастве возвышает в России иерарха, а нелюбовь и несправедливость — к нерусской, хотя и православной пастве. Несколько жаль преосвященного Андрея, который в пастве грузинской и греческой обрящет любовь, сколько жаль оставляемых им на произвол судьбы поволжских инородцев, а с ними и православную Церковь, от которой не нынче-завтра масса инородцев отпадет в ислам.

Многие из малознакомых со священными канонами полагают, что преосвященного Андрея возвышают, что ему-де лестно идти на сухумскую кафедру; но мы судим иначе.

Преосвященный Андрей идет, во-первых, в ту страну, в которой большинство населения — грузинское жаждет иметь своего родного по языку иерарха, но не русского, иноязычного, а во-вторых, в ту Церковь, которая (т<*о*> е<*сть*> абхазско-имеретинская) с 1380 г<*ода*> считается в каноническом отношении автокефальной, — следовательно, идет, нарушая священные каноны. Назначая его туда, синодские кирие имели в виду подорвать

---

[302] Иннокентий (в миру Иван Васильевич Беляев) — архиепископ Карталинский и Кахетинский; экзарх Грузии, постоянный член Священного Синода.

к нему уважение и вызвать неприязнь к нему со стороны грузинской паствы.

В Казани преосвященный Андрей зависел от правдолюбивого и честного архиепископа Иакова, иерарха безупречной жизни, — но кто не знает нынешнего экзарха Грузии кир-Иннокентия?

Великое испытание посылает Синод преосвященному Андрею, но мы верим, что Бог его не оставит и что грузины его полюбят, хотя в среде русских националистов и иереев-политиканов, друзей о<*тца*> Восторгова[303], он найдет много врагов, скрытых и злостных.

Н. Дурново»[304].

* * *

ВЕСТИ ИЗ ГРУЗИИ О СУХУМСКОМ АРХИПАСТЫРЕ

<6 сентября 1911>

«В половине июля из Сухуми отправился в С<*анкт*>-Петербург к бывшему своему епархиальному архиерею кир-волынскому Антонию преосвященный Димитрий Сухумский ходатайствовать от епархии, так как давно было известно, что рязанский владыка назначен к перемещению... Вскоре в Тифлисе была экзархом получена телеграмма, что перевод состоялся. Тогда экзарх кир-Иннокентий отправил телеграмму в Синод с просьбой не замещать сухумской кафедры до представления

---

[303] Иван Иванович Восторгов — протоиерей, проповедник, миссионер, церковный писатель, деятель монархического движения.

[304] Санкт-Петербургские ведомости. 1911. № 187. 23 августа.

им своих кандидатов. На это было получено извещение, что в Сухуми перемещен преосвященный Андрей.

Насколько это назначение ошеломило жестокосердного экзарха — видно из того, что он тотчас же послал за членами духовно-училищного совета экзархата, протоиереями Городцевым[305], Разумовским, Михайловским и русскими "патриотами" с целью объявить о случившемся. Решено было экзарху немедленно ехать в Кисловодск, к митрополиту Антонию. В Кисловодске экзарх пробыл две недели. Епископу Андрею дано знать, чтобы он по оставлении Казани немедленно прибыл в Тифлис за инструкциями и затем отправился в Сухуми. Кир-Иннокентий, вероятно, полагает, что преосвященный Андрей пойдет по стопам грузинофобствующих насильников, епископов-карьеристов.

Ну, а если этого не будет?

Н. Дурново»[306].

* * *

ИЗ СУХУМИ

(Первые шаги сухумского епископа Андрея)

<23 ноября 1911>

«Нам пишут, что преосвященного Андрея грузинское население Сухуми встретило особенно радушно, как бы своего родного архипастыря. До настоящего времени впечатление, производимое им, не оставляет желать ни-

---

[305] Сергий Дмитриевич Городцев, протоиерей, председатель миссионерского братства, председатель епархиального училищного совета, благочинный русских церквей.

[306] Санкт-Петербургские ведомости. 1911. № 198. 6 сентября.

чего лучшего. Его христианское смирение и проповеди мира и любви привлекают к нему сердца всех грузин. Церковь, пустовавшая при его предшественнике, епископе Димитрии, бранившем в своих проповедях всех, даже военных и матерей, приводивших детей для молитвы, начала все более и более наполняться молящимися. Все население относится к владыке с глубоким уважением и надеется, что он сумеет примирить Церковь с паствой. Грузины ничего особенного не требуют от своего архипастыря, желают только, чтобы к ним относились по-христиански, чтобы с уважением относились к их святыням и не вмешивали в церковные дела светской политики. Думаем, что эти требования не чрезмерны. Конечно, большинство населения не может посещать храма, так как во всем Сухими запрещено совершать богослужения на греческом и грузинском языке.

Преосвященный Андрей не может нарушать волю грузинофобствующего экзарха.

Н. Дурново»[307].

* * *

ВОЗМОЖНО ЛИ ВОЗВРАЩЕНИЕ ПРЕОСВЯЩЕННОГО АНДРЕЯ В КАЗАНЬ?

<24 сентября 1911>

«Хлопоты инородческих пасомых об оставлении преосвященного Андрея в Казани не увенчались успехом. Кафедра его была спешно замещена, и сделать его из епархиального снова третьим викарием оказалось

---

[307] Санкт-Петербургские ведомости. 1911. № 261. 23 ноября.

невозможным. Нынешние случайные кирие-синодалы, в большинстве националисты (преосвященный Антоний, Стефан и Димитрий), не могли сочувствовать миссии преосвященного Андрея, ибо, судя по действиям преосвященных Стефана и Димитрия в Грузии, а последнего и в Туркестане, им приятнее видеть инородцев в числе нехристиан, нежели православными. В их глазах каждый православный инородец — сепаратист. Каков будет осенний состав Синода — пока неизвестно: это будет зависеть от г<*осподина*> синодального обер-прокурора. Во всяком случае, друзей преосвященного Андрея и его единомышленника, казанского архиепископа, в будущем составе Синода не будет.

Казань следовало бы сделать центром приволжских и прикамских инородческих миссий, устроив в Казани инородческую богословскую школу, из которых выходили бы пастыри для инородческих приходов: черемисских, чувашских, мордовских, вотяцких, татарских и др<*угих*>. Во главе противомусульманской миссии в зависимости от владыки казанского мог бы быть поставлен архиерей в звании "сарского" епископа.

Сарай был некогда столицей татарской орды, и в нем в 1261–1454 г<*одах*> находилась кафедра сарских епископов. Для начальника противомусульманских миссий поволжских и прикамских епархий звание епископа сарского самое было бы подходящее.

Объединить все противомусульманские миссии в одном лице более чем необходимо, ибо иначе трудно ждать благих результатов, помня, что некоторые из наших епископов, выражая слишком малую любовь к своей пастве, чуть не с враждой относятся к православным инородцам.

Н. Дурново»[308].

---

[308] Санкт-Петербургские ведомости. 1911. № 212. 24 сентября.

* * *

ЗАМЕТКИ ПО ПОВОДУ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРЕОСВЯЩЕННОГО АНДРЕЯ, ЕПИСКОПА СУХУМСКОГО

<9 ноября 1912>

«В № 224 "Санкт-Петербургских ведомостей"[309] сообщалось о деятельности преосвященного Андрея, епископа Сухумского. Говорится о том, что преосвященный в короткое время сумел приобрести уважение всех без различия национальности и что он, безгранично любя свое дело, посещает такие углы епархии, которые никогда не видели своих архипастырей.

Да будет разрешено и мне, не принадлежащему к пастве преосвященного Андрея, засвидетельствовать это редкое и почти исключительное за последние 25 лет явление в Сухумской епархии.

Хотя по назначении преосвященного Андрея на сухумскую кафедру скоро распространились слухи о деятельности его и о всеобщей любви к нему со стороны Сухумской епархии, но, признаться, не верилось всему слышанному. Я считал невероятным, чтобы такое счастье могло выпасть на долю Сухумской епархии, чтобы преосвященный, попав в этот край, вместо служения интересам Церкви Христовой не втянулся в водоворот несвойственной служителям алтаря Господня политической деятельности, чтобы он одинаково стал защищать религиозные интересы всех народностей края, совмещая в своем любвеобильном сердце любовь ко всем без различия национальностям. Действительность убедила меня в том, что я считал невероятным.

---

[309] Санкт-Петербургские ведомости. 1911. № 224. 9 октября.

Пишущему эти строки пришлось в конце августа сего года побывать проездом в г<*ороде*> Сухуми и быть приятно пораженным отзывами о преосвященном Андрее со стороны и русского, и нерусского населения гор<*ода*> Сухуми. Все восторженно отзывались о его истинно апостольской деятельности, о его неутомимости, простоте, доступности, любви ко всем без исключения, его горении духом ревности о просвещении находящихся во тьме религиозного неведения. Словом, недовольные прежде своими преосвященными инородцы епархии сразу каким-то чудом переродились, сделались любящими своего архипастыря...

Естественно, что после таких отзывов сухумцев мне захотелось увидеть преосвященного Андрея, получить его благословение и поделиться с ним своей радостью по поводу слышанного о новом течении церковной жизни епархии. Но преосвященного не было в Сухуми, оказалось, что несколько дней назад он выехал для посещения тех русских поселенцев за перевалом, которые за все время их нахождения в этом месте не видели не только архиерея, но даже и священника. Целых 10 лет заброшенные в эту не всегда доступную даже для пешеходов местность поселенцы-русские лишены были возможности исполнения долга исповеди, принятия св. таинств христианского погребения и утешения, слышать церковную службу. О том, какова была радость этих несчастных при виде своего архипастыря, было уже сообщение не помню в каком номере с<*анкт*>-п<*етер*>б<*ургских*> «Ведомостей».

Владыка вернулся из своего трудного и утомительного путешествия 25 августа вечером, перед началом всенощного бдения, которое он служил торжественно по случаю столетней годовщины Отечественной войны, и на мое беспокойство, что мне, долженствующему выехать из Сухуми рано утром, не придется видеть владыку, ответили, что он принимает во всякое время, когда

он не в церкви... и, действительно, несмотря на поздний час, я был принят по окончании службы. Не буду говорить о том, какое я получил духовное утешение от беседы с владыкой: отмечу только то, что отношения его ко всем без различия одинаково. Нет и тени той недоступности, официальной сухости, которые наблюдаются часто у архипастырей и которые сразу отделяют их от пасомых. Нетерпимость к инородцам, к их религиозному чувству, воспрещение служения в церквях на их родном языке, отсутствие достодолжного уважения в отношении местных святых, нравов и обычаев народа со стороны архипастырей сразу возбуждали против них население, и о любви пасомых к архипастырям не могло быть и речи. Инородцы-христиане свое нерасположение и нелюбовь от архипастырей переносили к храмам Божьим, отчуждались от церкви и церковных служб. Но лишь только преосвященный Андрей показал грузинам г<*орода*> Сухуми свою терпимость, последние восчувствовали рвение и расположение к церковным службам. День памяти святой равноапостольной Нины, просветительницы Грузии, 14 января этого года для грузин был днем подъема религиозного чувства: поистине днем возвращения их в ограду Церкви по зову истинного и доброго архипастыря. В этот день собравшиеся «в небывалом количестве» грузины по окончании литургии пришли благодарить владыку за разрешение служить и выразить ему «признательность за тот подъем духа», который вызвало богослужение этого дня среди грузин, как это высказывал в своей речи князь Н. К. Тавгиридзе.

Сухумцы-грузины стали усерднее посещать храм Божий. Любовь архипастыря к пасомым вызвала в последних такую же любовь к нему, вызвала любовь к храму Божьему, к исполнению христианских обязанностей. Поистине любовь может творить чудеса в сердцах верующих и неверующих. Все это служит явным доказатель-

ством того, что в инородческом населении края нет никакого сепаратизма, никакой ненависти к тем русским, которые являются истинными носителями веры, любви и терпимости к нему.

Сепаратизм и вообще недовольство стараются создать искусственно те, для кого это бывает полезно, кому в мутной воде хочется ловить рыбу, — на несчастье других созидать свое счастье, свою карьеру.

Естественно, что бывают ошибки со стороны деятелей, призванных служить делу сближения инородческого населения края с русским народом путем насаждения русской культуры и гражданственности. Находились люди, которые решились указать на эти ошибки и тем способствовать выбору правильного пути к достижению намеченной цели. Они печатно высказывали, что подобные карьеристы, не разбирающиеся в средствах для достижения своих эгоистических целей, и вообще ошибки деятелей на Кавказе ведут к прямо противоположным намеченной цели последствиям — к упадку веры и к ослаблению исконного стремления инородцев, особенно грузин, к единению с русскими. Таким разоблачителям истинного положения вещей это не сходило без наказания, но настоящая действительность в Сухумской епархии явно доказывает их правоту, искренность и желание бескорыстно служить как религиозным, так и государственным интересам.

"Слишком глубоко врезана в сердца грузин любовь к русскому единоверному народу, — как выразился один из сих разоблачителей, — чтобы так легко было этим деятелям достигнуть своей цели уничтожить в народе доверие и любовь к истинно христиански расположенным русским людям". И доказательство этому — деятельность епископа Андрея. Стоило преосвященному показать инородцам, что он — носитель истинно христианской любви, чтобы они сразу усердно стали посещать богослужения, совершаемые им, заяв-

ляя, что "им нужен не язык, а душа" ("С<*анкт*>-П<*етер*>б<*ургские*> вед<*омости*>". № 224).

Вот почему не политиканствующие, искренние, проникнутые истинно христианской любовью миссионеры имели и имеют всегда успех в деле обращения иноверцев в христианство. Любовь — вот путь к приведению заблудших в ограду Церкви, путь к ассимиляции в культурном отношении инородцев с коренным населением России. Преосвященный Андрей — яркий и назидательный пример для деятелей, призванных служить русскому делу на Кавказе.

Дай Бог, чтобы и другие места Закавказья нашли таких архипастырей, способных своей истинно христианской любовью умиротворить край.

Тогда не будет почвы к неудовольствиям, не будет и поводов к обвинениям в сепаратизме того народа, который в прошлом доказал свое тяготение к России и в настоящем искренне любит русский народ, за исключением политиканствующих представителей его в крае.

Самурзаканец»[310].

* * *

СУХУМСКИЙ ЕПИСКОП АНДРЕЙ

<16 июля 1913>

«В печати проскользнуло известие, что нынешний епископ Сухумский вскоре будет переведен на восток... Подобный перевод епископа Андрея равносилен, однако, гибели христианства во всей... Сухумской епархии,

---

[310] Санкт-Петербургские ведомости. 1912. № 251. 9 ноября.

и, знай это Святейший Синод, владыки воздержались бы от такого гибельного, в особенности для абхазцев, распоряжения...

Мы были свидетелями деятельности 8 предшествовавших епископов Сухумской епархии, но деятельность всех этих архипастырей бледнеет перед плодотворной деятельностью нашего обожаемого епископа Андрея, который за самое короткое время завоевал сердца своей паствы без различия вероисповедания и национальностей. Строгая монашеская жизнь, чистое сердце, сердечная доступность, глубокая христианская любовь к ближнему, разумное понимание и исполнение своих святых обязанностей, административный талант, привлечение близких своих сотрудников и полезных общественных деятелей к созидательной и плодотворной работе, прямолинейность и скорбь за оскорбленных и униженных — вот те симпатичные черты характера епископа Андрея, которые вызвали обожание его со стороны вверенной ему паствы.

С первого же дня своего прихода епископ Андрей, во-первых, пожелал ознакомиться поближе со всеми своими сотрудниками на ниве христианства, приглашая таких сотрудников (миссионеров) ознакомить его подробно с делами епархии и помочь ему в предстоящем ответственном его труде, и, во-вторых, увидеть свою паству на месте для духовно-просветительной с ней беседы.

Епископ Андрей, несмотря на отсутствие всяких удобных сообщений, объехал лично, рискуя своей жизнью, такие трущобы, такие медвежьи углы, где никогда не ступала нога предшествовавших ему архипастырей.

Многочисленная толпа слушала его поучения и воочию убедилась, что добрым и отзывчивым епископом руководит одно только искреннее, чтобы теперешние и бывшие христиане обратились к своему Христу Спасителю и жили жизнью христиан.

Правда, епископ Андрей усмотрел в веровании абхазцев многие языческие нравы и обычаи, видел и тех абхазцев, которые под влиянием разных агитаторов исповедуют магометанскую веру и просят о постройке им мечетей, но не унывал, находя в каждом селе, в каждой изолированной и глухой деревне памятники христианства. Вот и обратился он к отзывчивому русскому обществу помочь ему в возобновлении таких памятников...

Дело такого возобновления уже началось: неужели Святейший Синод не даст закончить это святое и во всех отношениях полезное начинание? С народом надо говорить на родном языке, народу надо показать его древние святыни, народ надо привлечь благолепием молитвенных домов и устройством для молодого поколения таких учреждений, где это поколение могло бы не только учиться, но и ознакомиться с теми прикладными знаниями и с теми культурными отраслями сельского хозяйства, которые могли бы им принести пользу в дальнейшей жизни.

Что же делает наш епископ Андрей?

Создает богослужения в церквях на родном абхазском языке, создает хор певчих, подготавливает миссионеров, знакомых с народным языком, для миссионерской своей деятельности, совершает богослужения у памятников древнего христианства, знакомит паству в своих поучениях с верой и жизнью предков ее, принимает меры к обеспечению церквей соответствующей утварью, ведет обширную переписку об открытии мужских и женских монастырей, где могли бы заниматься ручным трудом и рукоделием, и т<*ак*> д<*алее*>.

Одно возобновление знаменитого Бедийского храма служит красноречивым доказательством трудов и энергии достойного и обожаемого архипастыря. В день богослужения в небольшой церкви при названном храме, в ограде и за оградой этой церкви стояла с обнаженными головами 10-тысячная толпа и с нетерпением ожидала

увидеть своего дорогого епископа и послушать его поучение... Минута была торжественная, и, без сомнения, многочисленные христианские усопшие этой древней святыни благословляли его на предстоящую плодотворную работу.

Какой же епископ решился проехать головоломкое 80-верстное расстояние до самого Псху (перевал), чтобы посетить тамошних христиан? Но епископ Андрей и туда принес свое благословение.

С целью иметь близкую связь со своими сотрудниками и дабы его поучения доходили до его паствы, епископ Андрей издает свой духовно-просветительский журнал, под заглавием "Сотрудник Закавказской миссии", рассылая номера этого журнала добрым христианам.

Чтобы дать не только населению всей Абхазии, но и населению всей Грузии возможность вспомнить своих святых отцов, принявших во имя Христа мученическую жизнь, епископ Андрей переводит с грузинского на русский язык жизнеописания почти всех грузинских святых мучеников и, раздавая таковые христианам, напоминает им, как жили отцы и деды их.

Мало этого, такими переводами дается также возможность русскому обществу ознакомиться с этими святыми мучениками.

Деятельность церковно-археологической комиссии не говорит ли о трудах епископа Андрея?

Но кто желает ознакомиться с его светлой личностью и любвеобильным сердцем, пусть отстоят всенощную при миропомазании многочисленных детей. С какой отцовской любовью кладет он руку на детей, помазывает их миром и говорит каждому теплое слово!

Эти минуты напоминают зарю христианства.

При новом епископе дела Сухумской епархии могут попасть в руки таких лиц, для которых Абхазия не имеет никакого значения. Епископ же Андрей ведет дело самостоятельно, не поддается постороннему влиянию

и при решении сложных вопросов прислушивается к голосу честных, опытных, энергичных и прямолинейных людей. Он весь отдан святой своей миссии, он весь проникнут апостольским служением.

Самая неоцененная заслуга в деяниях епископа Андрея выражается в одинаковом отношении ко всем национальностям. Он не сеет антагонизма между ними, — наоборот, он их умиротворяет и связывает между собой христианской любовью.

Дайте ему докончить начатое дело!

Дайте ему вновь воздвигнуть памятники христианства...

Дайте ему работать среди той паствы, где он находит отраду и утешение в своей аскетической жизни!

Такое моление не только от нас, но от всей Сухумской епархии.

К. Мачавариани»[311].

* * *

<14 февраля 1914>

РЕЧЬ ПРИ ВСТРЕЧЕ ПРЕОСВЯЩЕННЕЙШЕГО АНДРЕЯ, ЕПИСКОПА УФИМСКОГО И МЕНЗЕЛИНСКОГО

«Ваше Преосвященство,
Милостивый наш Архипастырь!

Указанием Промысла Божия и изволением Государя Императора, Самодержца Всероссийского, Вы при-

---

[311] Санкт-Петербургские ведомости. 1913. № 157. 16 июля.

званы к прохождению Епископского служения среди разноплеменного и разноверного населения Уфимской епархии, которое Вам уже известно и даже близко ко сердцу Вашему вследствие общности и сходства с населением Казанской епархии.

Если тогда (в 1911 году), оставляя служение в Казани, Вам пришлось сказать, что Вы покидаете свое любимое дело и дорогое для Вас Братство Святителя Гурия, то теперь при вступлении на Уфимскую кафедру Вы, можно сказать, возвратились к этому великому равноапостольному делу миссии и принимаете под свое Архипастырское руководительство Братство Воскресения Христова, учрежденное при нашем соборе также для служения целям и задачам просвещения, между прочим, и инородцев.

Ваш миссионерский подвиг велик и кругозор широк! Не менее велика и опытность Ваша на поприще миссионерского делания, в которое Вы вступили еще юным иноком (с 23 лет).

Шествуя по этому трудному и тернистому пути, Вы, Ваше Преосвященство, приобретали все новый запас знаний, изучая миссионерское дело не по книгам только, но и на самом живом деле, постоянно имея общение с людьми, сидящими во тьме и сени смертной, изучая их верования, быт, нравы и обряды; так что на двух миссионерских съездах — в Киеве и Казани — Вы являлись уже руководителем и вдохновителем для трудящихся на миссионерском поприще пастырей и мирян.

Уфимская миссия, находящаяся под покровительством Ее Императорского Высочества Великой княгини Елизаветы Феодоровны, в лице Вашего Преосвященства получила самоотверженного Владыку — миссионера во всеоружии заветов Пастыре-начальника Христа и Его Апостолов, вещание которых будет услышано из уст Ваших по всем градам и весям Уфимской епархии. А паства Уфимской епархии не менее чутка и внимательна

к назиданиям своих Архипастырей, чем паствы Казанская и Сухумская. И если Вы, Ваше Преосвященство, там стяжали всеобщую любовь и безграничное доверие, глубокую признательность к Вам, то те же высокие чувства, та же святая христианская любовь будут окружать Вас и здесь. И здесь сердца всех пасомых будут всегда открыты к восприятию Божественных глаголов из уст своего Архипастыря.

Приветствуя вступление Вашего Преосвященства под священные своды сего святого храма, помолимся о здравии и благоденствии Вашего Преосвященства. Да поможет Вам Господь Бог в мире и благополучии право править слово истины на Уфимской кафедре в течение многих лет на пользу Церкви Православной вообще и миссии Уфимской в частности.

Благословен грядый во имя Господне.

Кафедральный Протоиерей Е. Еварестов»[312].

* * *

СЛОВО ПРИ ПЕРВОМ СЛУЖЕНИИ ПРЕОСВЯЩЕННОГО АНДРЕЯ, ЕПИСКОПА УФИМСКОГО, В УФИМСКОМ КАФЕДРАЛЬНОМ СОБОРЕ

<Февраль 1914>

«Во имя Отца и Сына и Св. Духа...

Обращаюсь к вам, возлюбленные братия, с первым моим словом назидания; но не могу даже вспомнить

---

[312] Уфимские епархиальные ведомости. 1914. № 4. 15 февраля.

того, что хотел вам сказать. Только что я хотел надеть Панагию, чтобы отправиться для совершения Литургии в этом храме, как получил из Сухумской епархии Св. образ с надписью: "Не оставьте и нас, говорят горцы, в молитвах, Святый Владыка". И вот, прочтя эти слова, я потерял душевное равновесие.

Вы, братие, и представить себе не можете, в каком положении находятся там горцы. Молясь в этом прекрасном, благоустроенном храме, вы не можете и вообразить себе, что представляют собою св. храмы на Кавказе. Я не преувеличу, если скажу, что здесь птичники лучше устроены. Многие кавказские храмы поражают своим убожеством: храм сгнил, протекает со всех сторон, сгнил и престол и настолько накренился набок, что опасно поставить св. Чашу. А во многих местах храмы вовсе развалились, и мне пришлось положить для новых храмов буквально только первые камни.

В каком положении находятся там христиане, может много сказать тот случай, что я встретил таких горцев-православных, которые прожили в супружестве 20 лет, и они не только не были повенчаны, не были даже и крещены как сами, так и их дети. С просьбой окрестить и повенчать их они и обратились ко мне.

Вот каково положение там, откуда я получили просьбу помолиться и о них, когда собирался служить здесь первую Божественную Литургию. И мне стало страшно тяжело; точно я виноват пред этими несчастными горцами, к которым я успел привыкнуть и полюбить их. И вот свою ношу душевную я прошу вас, возлюбленная братия, разделить со мною — помолиться о них, прошу вас помочь мне в этом, без молитвы вашей я бессилен. Но ведь и сам Св. Апостол Павел обращался неоднократно за молитвенной помощью к своим ученикам в различных странах. Вполне сознавая свою немощь, но с верою в вашу помощь, я прошу вас помянуть в молитвах и мою

прежнюю паству. В своих прекрасных величественных горах эта паства мало доступна и проповеди, редко когда они слышат слово живое; и когда в одном приходе я спросил, знают ли они что-нибудь о Господе Спасителе, то один только абхазец-прихожанин ответил: "Слышали мы, что Кто-то так назывался, но Кто Он, мы не знаем".

Но по указанию Божию я пришел к вам и среди вас вижу людей, преданных св. Церкви, любящих службу Божию. От всей души радуюсь этому. Но знаю, что имеются здесь и люди легкомысленные, которые живут не по-христиански; и я прошу вас своею доброю жизнию указать им, как должно жить христианам; без этого вашего примера никакая христианская проповедь не может быть могущественна.

Я знаю, здесь в епархии живут старообрядцы, и они придут к нам только тогда, когда и у нас будет богослужение такое же содержательное, как и у них. Когда каждый из нас будет дорожить уставностию богослужения, как у них всякая женщина знает устав церковный и любит его, тогда и они придут к нам. И если мы к тому же будем жизнь свою проводить по-христиански, то всякая душа преклонится пред истиною, и процветет тогда Церковь Христова.

Но если мы сами и словами, и жизнию будем колебаться и хромать на оба колена, то добра от этого нечего и ожидать. Иноверцы в этом случае ревностнее нас — мне пришлось наблюдать при объезде киргизской степи, как татарин-ямщик на каждой нашей остановке проповедовал свое магометанское учение полуязычникам, а мы стыдимся и говорить в обществе о христианстве. Прошу вас, братие мои, преобразовать жизнь свою по закону церковному, устроить и чистою, и святою, как установил Господь Бог и наставил Св. Дух.

С первых дней молитвенного общения с вами я испытываю укоры совести, я вижу, что вы любите храм Бо-

жий, любите Христа, а я великий грешник, и я прошу снисхождения ко мне, если я буду не в силах успешно руководить вами, если на то не хватит моих физических сил. Но если мы будем помогать друг другу, с любовию учить друг друга, то Помощником и Учителем нашим будет Сам Христос.

Эту любовь я вам и заповедую — друг друга утешайте, друг друга любите. Так располагая свою жизнь, мы будем служить и угождать Богу. А я буду вашим помощником, насколько Господь даст мне силы, но если я буду изнемогать, то усильте молитвы обо мне, а не осуждайте и тем не усугубляйте своих и моих грехов; если не будет осуждения, то не будет места диаволу и его козням. Пребывая в любви друг к другу, постараемся привлечь в ограду церковную и тех, которые ныне находятся вне ее.

Да укрепит нас Господь Бог во взаимной любви и поможет нам право править слово Его истины»[313].

* * *

РЕСКРИПТ-1 ЕПИСКОПУ АНДРЕЮ

<15 февраля 1914>

«Ее Императорское Высочество, Великая Княгиня Елизавета Федоровна, Председательница Императорского Православного Палестинского Общества, удостоила Преосвященного Андрея, Епископа Уфимского и Мензелинского, следующим милостивейшим рескриптом:

---

[313] Уфимские епархиальные ведомости. 1914. № 5. 1 марта.

"Преосвященнейший Владыка.

Последовавшее 22 декабря истекшего года призвание Вашего Преосвященства к управлению Уфимской епархией, в коей с 1896 года действует местный отдел руководимого мною Императорского Палестинского Общества, дает Мне приятный случай обратиться к Вам с просьбой принять на себя председательство в Уфимском Отделе Общества.

Вполне уверенная встретить со стороны Вашего Преосвященства полное сочувствие целям и деятельности близкого Моему сердцу Палестинского Общества и благожелательное содействие к дальнейшему развитию его Уфимского Отдела, я прошу Вас, Владыка, принять на себя также и звание пожизненного Действительного члена Общества.

Испрашиваю Вашего Архиепископского благословения и поручаю Себя и Общество Вашим святейшим молитвам.

Елизавета»[314].

* * *

РЕСКРИПТ-2 ЕПИСКОПУ АНДРЕЮ

<1 марта 1914>

«Ее Императорского Высочества Великой Княгини Елизаветы Федоровны на имя Его Преосвященства, Преосвященнейшего Андрея, Епископа Уфимского и Мензелинского:

---

[314] Уфимские епархиальные ведомости. 1914. № 4. 15 февраля.

Преосвященнейший Владыка.

Весьма утешенная благоприятными результатами произведенного по благословению Святейшего Синода в церквях вверенной Вам ныне Уфимской епархии за богослужениями недели Вашей истекшего 1913 года тарелочного сбора на нужды православных жителей Святой Земли и русских богомольцев, шествующих на поклонение Живоносному Гробу Господню, прошу Ваше Преосвященство передать принимавшим участие в организации сего сбора Мою сердечную благодарность.

Вполне уверена, что и в наступившем 1914 году подведомственное Вам духовенство, по Вашему Архипастырскому призыву, потщится расположить молящихся в храмах за богослужениями праздника Входа Господня в Иерусалим к доброхотным лептам на поддержание через руководимое Мною Императорское Православное Палестинское Общество православного русского дела в Святой Земле. Я сделала распоряжение о доставлении в Уфимскую Духовную Консисторию необходимых для производства разрешенного Святейшим Синодом вербного сбора воззваний, актов и надписей к церковным блюдам.

Испрашиваю Вашего Архипастырского благословения и поручаю себя и общество Вашим святительским молитвам.

Елизавета»[315].

---

[315] Уфимские епархиальные ведомости. 1914. № 5. 1 марта.

* * *

<Июль 1914>

ПОСЕЩЕНИЕ ПРЕОСВЯЩЕННЫМ АНДРЕЕМ, ЕПИСКОПОМ УФИМСКИМ, ПРИХОДОВ МЕНЗЕЛИНСКОГО УЕЗДА

«На левом берегу многоводной реки Камы, между пристанью Бережные Челны и городом Елабугой, расположено село Бетьки, белый каменный храм которого издалека привлекает внимание пассажиров, едущих на том или другом пароходе мимо села.

В 10 час*<ов>* утра 2 июля 1914 года, в среду, мимо села "пробежал" пароход "Сорокин". Большинство пассажиров всех трех классов были на палубе и наслаждались чудным воздухом утренней речной прохлады. Вдруг с колокольни раздался "красный" пасхальный звон. Это — сельская паства приветствовала своего Архипастыря, проезжавшего мимо села на пароходе. "Напрасно трудятся, но остановить не могу", — говорит пассажир в рясе и монашеской скуфье, обращаясь к своему спутнику, тоже духовному лицу.

В 11 час*<ов>* "Сорокин" причаливает к пристани г*<орода>* Елабуги. Здесь "монах" в скуфье со своим спутником сходят с парохода и отправляются на первом попавшемся извозчике в город. При въезде в город "монах" оставляет своего спутника у собора, а сам отправляется прямо на городское кладбище помолиться "о ближних своих".

Через час пара лошадей, запряженных в простую плетенку, уже "катила" "монаха" с его спутником мимо собора по направлению к выезду из города. Насколько быстро катила эта пара, можно судить по тому, что девушка, узнавшая в монахе известного ей архиерея, свободно догнала ее бегом и своим звонким голосом остановила ямщика.

Через час пути по прекрасным поемным[316] лугам, покрытым сплошным зеленым ковром, пара «лихо» прокатила своих пассажиров к парому, по-видимому, специально снаряженному с того берега: на пароме были флаги и украшения из зелени, а посередине стоял обычный крестьянский стол. Паромщики, завидев обычного ямщика с двумя пассажирами, спокойно оставались сидеть на своих местах: очевидно, они ждали кого-то другого. Однако, когда один из пассажиров со священническим крестом на груди стал оказывать другому знаки особого внимания, называя его «Владыка», то для паромщиков стало ясно, что приехал тот, которого они ждали. На столе моментально появилась белая скатерть, на которую из ящика стола был положен хлеб. «Кормчий корабля» несколькими взмахами флага на высоком шесте дал знать кому-то на том берегу, и паром поплыл поперек реки. Вот он уже приближается к берегу, а между тем на берегу нет ни людей, ни лошадей. Колокола тоже молчали. Очевидно, сигнал помощника не был виден или не был понят (недаром ведь он не хотел пустить на паром двух татар, едущих куда-то на своих больших арбах: «наш паром не для вас», — говорил он. Он принял татар на свой паром, лишь уступая просьбе Преосвященного).

Все же чей-то зоркий глаз усмотрел с колокольни, что на пароме едет сам Владыка. Раздался трезвон. Не успели сойти с парома, как уже Владыка, теперь назовем его полным титулом, Преосвященнейший Андрей, Епископ Уфимский и Мензелинский, был окружен своей паствой, женщинами и детьми, успевшими прибежать из ближайших к «пристани» домов. В то время, когда Владыка благословлял народ, прибыли благочинные 1-го и 2-го округов священники Иоанн Тихомиров

---

[316] Поемный луг (также пойменный, заливной) — луг, расположенный в пойме реки и заливаемый в половодье водой.

и Порфирий Петров, а также и помощник Мензелинского уездного исправника А. Н. Берг.

Подали Преосвященному лошадь, но воспользоваться ею не пришлось: как только Владыка увидел бегущих за ним людей, слез с экипажа и пошел с ними пешком. Когда на вопрос Преосвященного: умеете ли вы петь молитвы, из толпы сказали «умеем», Владыка запел «Достойно есть». Народ подхватил «яко воистину», и началось шествие по берегу Камы с пением различных песнопений. Пение усиливалось все больше и больше голосами вновь присоединявшихся, так что, приближаясь к церкви, оно обратилось в общенародное хоровое пение, соперничавшее, казалось, со звуками могучих колоколов... Трогательная была картина! Паства, идущая со своим Архипастырем, голос которого она услыхала еще впервые, переносила мысль очевидца этой картины на слова Пастыре-начальника: и овцы глас его слышат, овцы по нем идут, яко видят глас его... В этом селе, лежащем на пути в имение известных благотворителей на духовные нужды народа всего Камского края Стахеевых, епископы уфимские бывали довольно часто, но приезжали кто на шестерке, кто на тройке лошадей, а архиерея, пришедшего к церкви пешком, пройдя целую версту, никто из сельчан не видел и от стариков не слыхал.

В храме Владыку встречал о<*тец*>-настоятель священник Геннадий Юновидов. После обычного краткого молебна Владыка обратился к народу со словом назидания о значении крестного знамени и священнического и архиерейского именословного благословения. Преподав всем собравшимся (около 500 человек) свое архипастырское благословение, Владыка объявил, что в 6 час<*ов*> вечера будет в сем же храме совершать всенощное бдение, а литургию совершит на другой день утром в 8 час<*ов*> в церкви соседнего села Круглого Поля. Нужно заметить, что такое сообщение для слушателей было полной неожи-

данностью, т<*ак*> к<*ак*> по маршруту предполагалась здесь самая краткая остановка.

Это сообщение было встречено жителями обоих сел с великой радостью, ибо никто из них не видел у себя архиерейского служения бдения и литургии. С первым ударом колокола начал стекаться народ в храм и к началу богослужения до тесноты заполнил его. Служил местный священник о<*тец*> Геннадий Юновидов. После первой кафизмы Владыка сказал поучение о взаимной любви между членами Церкви и общества, на текст I посл<*ания*> Иоанна 2, 9, 17. На полиелей вместе с Владыкой выходили: сопровождающий Преосвященного епархиальный миссионер священник Стефан Матвеев[317], благочинный 3-го округа священник Порфирий Петров, благочинный 1-го округа священник Иоанн Тихомиров, наблюдатель церковных школ Мензелинского уезда священник Михаил Воздвиженский. Протодиакона заменял иеродиакон архиерейского дома Маркелл, а вторым диаконом был о<*тец*> Тронов из с<*ела*> Бережных Челнов. Пел местный любительский хор, состоящий преимущественно из девушек под руководством местного псаломщика, взявшего на себя некстати и обязанности канонарха[318]. После богослужения Владыка долго благословлял богомольцев, раздавая при этом крестики.

Проведя ночь в квартире священника, рано утром, совершив «утреннее правило», Преосвященный отправился в село Круглое Поле. У околицы села крестьяне встретили Владыку с хлебом-солью. Завидя церковь, Владыка был опечален убогим видом ее: штукатур-

---

[317] Страстный деятель обновленчества, настоятель Никольского храма в селе Бережные Челны, протоиерей, при большевиках пострадавший от репрессий.

[318] Канона́рх — церковнослужитель, возглашающий перед пением глас и строчки из молитвословия, которые вслед за возглашением поет хор.

ка местами совсем отвалилась, а побелка совершенно потемнела. Но оказалось, что внутри храм отремонтирован и имеет благолепный вид. Ризницей церковь настоль убога, что для соборного служения пришлось все облачение привезти из Бетьков. Встретил Преосвященного местный священник о<*тец*> Алексий Атаманов, знакомый Владыке по Казанским миссионерским курсам. Сослужащими Владыке были те же лица, которые накануне служили в с<*еле*> Бетьках всенощное бдение. За литургией Владыкою было сказано поучение о пользе благотворительности вообще и на украшение храма в особенности. Кроме примеров из св. Евангелия (алавастр мира и др<*угие*>) Владыка брал примеры из жизни, как, напр<*имер*>, крестьянина-благотворителя, добротой которого многие злоупотребляли, не платя ему долгов хлебом и деньгами и насмехаясь над его же простотой и незлобием. И что же? Был в селе большой пожар, вокруг усадьбы доброго крестьянина все дома его соседей сгорели дотла, а его дом среди бушующего пламени остался цел и невредим...

Поучение Владыки было выслушано с затаенным дыханием. За литургией пел местный хор, усиленный певчими из бетькинского хора. Благословляя народ, Владыка раздавал крестики. В числе молящихся немало было в храме и знакомых по всенощной в Бетьках лиц. Храм не вмещал всех пришедших на молитву при архиерейской Литургии, очевидно, первой с основания храма.

После Литургии Преосвященный посетил местную церковно-приходскую школу, куда распоряжением о<*тца*>-наблюдателя были собраны учащиеся-мальчики и девочки со своей учительницей. Владыка задавал учащимся вопросы, на которые, однако, тщетно ждал удовлетворительных ответов.

По крайне смущенным физиономиям детей было видно, что они "оробели". И действительно, они немного приободрились, когда те же вопросы были предложены

им их батюшкой-законоучителем. Но все же успехи по Закону Божию вообще, надо полагать, слабы. По другим предметам не спрашивали. Из школы Владыка пошел в дом священника о<*тца*> Атаманова.

Посещенные два прихода были с чисто русским населением. Далее по маршруту следовали приходы с крещено-татарским населением. Первый из них, ближайший к р<*еке*> Каме, приход села Мелекес, куда после краткого отдыха в с<*еле*> Круглое Поле и направился Преосвященный Владыка. Отсюда же начинался путь миссионерский.

В село Мелекес Владыка прибыл в 1 час дня. Деревянная церковь, окрашенная в белую краску, видна за три версты от села. Часть пути Владыка шел пешком, так что отъехавшие от Круглого Поля на тройке лошадей помощник исправника и о<*тец*>-наблюдатель школ прибыли много раньше и сообщили о скором прибытии Владыки. Церковь стоит на самом въезде в село. Подъехали к околице села, и Владыка слез с экипажа. Площадь перед церковью сплошь была усеяна народом. Многие стояли на коленях. Увидя инородцев в их национальных праздничных костюмах, Владыка вспомнил бывшую свою казанскую паству: "Милые крещенцы, я снова вижу вас", — вырвалось у него умиленное восклицание. Под красный звон колоколов Владыка направился к церкви, благословляя на обе стороны тесно обступивший путь народ. Из толпы выступили девочки и поспешно стали бросать под ноги Преосвященному цветы и зелень. У входа в ограду церкви Преосвященного встретил сельский староста с хлебом-солью. После обычной встречи в храме местным священником о<*тцом*> Георгием Макаровым Владыка прошел в алтарь, приложился к святыням его и после краткого слова, объявив о предстоящем служении всенощного бдения, отправился в дом о<*тца*>-настоятеля. Не успел он выйти из храма, как две женщины вновь пошли перед ним, бросая

на путь цветы и зелень. В доме священника Владыка занимался некоторое время кабинетной работой, а потом велел позвать хор, с которым занимался разучиванием некоторых песнопений из всенощного бдения. Так, между прочим, впервые пришлось хору с голоса Владыки разучить "хвалите имя Господне", так называемое монастырское. Пение это на татарском языке выходит чрезвычайно умилительно. Здесь, в доме священника был представлен Преосвященному крестьянин Стратоник Иванов, родом из крещеных татар приходской деревни Авлаш, пожертвовавший на построение храма в родной своей деревне 5000 рублей. Владыка, преподав благословение, облобызал щедрого жертвователя и высказал ему свою глубокую благодарность.

В 6 час<*ов*> началось бдение. Храм еще до звона был переполнен народом, собравшимся со всего прихода (село и четыре деревни), состоящего из одних крещеных татар. Не нашедшие себе места в храме поместились в ограде его, обступив открытые южные и северные двери. Служил местный священник с иеродиаконом Маркеллом и диаконом села Дютюлей Бирского уезда Павлом Сизовым. После первой кафизмы Владыка сказал поучение, содержание которого было передано слушателям епархиальным миссионером на татарском языке. Приводим это поучение, насколько оно сохранилось в памяти.

— Братие мои возлюбленные, крещенцы! Видя вас, во множестве собравшихся в сей святый храм помолиться с вашим архиереем, я думаю, что вы полюбили уже меня раньше, чем я сюда прибыл. Навстречу вашей любви ко мне и я принес к вам мою любовь. Эту любовь заповедал нам наш Господь Иисус Христос, говоря: любите друг друга (Иоан. 15, 12). Мы все именуемся христианами, мы ученики Христовы, а Он, наш Учитель, заповедал нам, Своим ученикам, чтобы мы любили друг

друга. Потому, сказал Он, узнают все, что Вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою (Иоан. 14, 34, 35). Благодарю Бога за то, что Он, Милостивый к моему недостоинству, дал мне возможность послужить по мере моих сил среди вас, крещенцев. Я уже знаком с вашими сородичами по своей службе в Казанской епархии, где я был младшим викарием. Потом Бог привел меня послужить два года на далеких отсюда берегах Черного моря, в Сухуме. И как мне не хотелось оставлять моих Казанских крещенцев! Не забуду никогда, как меня провожали эти крещенцы. Я приехал прощаться в крещенский монастырь[319]. Узнали об этом жители ближайших крещено-татарских селений. После литургии подошли ко мне старики-крещенцы и хотели что-то на прощание сказать, но волнение сомкнуло их уста, из глаз потекли непрошенные слезы. Хотел я сказать им несколько слов утешения, но спазмы сдавили горло, и я так и не мог им вымолвить ни одного слова. Но и без слов наши взаимные чувства были понятны, и мы расстались... Через год после этого я уже из Сухума заезжал к моим детям духовным в монастырь. На пути туда (я ехал на одной лошади с кучером) встречается старик-крещен и останавливает меня со словами: "Ты, батюшка, едешь в наш монастырь? Не знаешь ли, где теперь архиерей Андрей? Не поедет ли к нему кто из нашего монастыря?" — "Вероятно, дедушка, кто-нибудь поедет", — говорю я. "Так вот, — продолжает старик, — попроси, пожалуйста, того, кто поедет, передать от меня и наших крещен ему большой поклон. Да скажи ему, чтобы он к нам в гости приехал: как бы мы были рады! Да еще скажи, чтоб он за

---

[319] Инициатором создания будущего Трехсвятительского крещено-татарского монастыря в Лаишевском уезде Казанской губ., как позднее и женской Покровской просветительной крещено-татарской общины в Мамадышском уезде, являлся епископ Андрей (Ухтомский).

нас молился, а мы всегда за него молимся, здесь в монастыре и у себя дома"...

Да, братие, я любил крещенцев Казанской губернии и теперь их люблю. Жил я потом на Кавказе, на берегах Черного моря, в стране, изобилующей всякими плодами, где нет наших зимних холодов, где ясное небо редко заслоняется серыми облаками, где прекрасные сады с их вечно зелеными деревьями ласкают взор человека и радуют его сердце... Мои знакомые, люди очень именитые и богатые, говорили: "Какое величественное море, какие роскошные сады, какие красивые дачи, какой чудный здесь воздух".

"Оставьте все это у себя и наслаждайтесь благами вашей благодатной земли, — отвечал я им, — а мне дайте моих бедных крещенцев с их бедной деревушкой с избами под соломенной крышей, где они тесно-тесно ютятся от зимней стужи и осенней непогоды. Я хочу в эту избу, хочу быть среди ее обитателей, слышать их родную речь и молитвенные вздохи, видеть их постепенное возрастание в вере и благочестии"...

И вот Бог здесь, в Уфе, опять дал мне таких же детей, какие были у меня в Казани. Будем любить, братия мои, друг друга: я вас, вы меня. Если нас будет связывать взаимная любовь, то и Христос, Спаситель наш, будет всегда с нами. А когда Сам Бог будет с нами, то ничто не поколеблет нашей веры в Него. И дела наши будут успешны, ибо Сам Бог будет нашим помощником во всем. И жизнь наша будет настолько привлекательна и чиста, что и те люди, которые еще не знают нашей веры, будут с любовию взирать на нас и от нас будут брать пример хорошей жизни...

Вы, братие, имеете своими соседями людей одного с вами племени, но другой веры: около вас много мусульман. Так вот живите так, как заповедовал нам наш Спаситель Христос, учение Которого вы постоянно слышите и в своем храме, и в домах ваших. Тогда и неверующие

во Христа ваши сородичи через вас полюбят вашу веру, и если не обратятся теперь же в эту веру, то, по крайней мере, не будут хулить ее и отвращать от нее слабых из вас... Всею своею любовью призываю благословение Господне на вас, на ваши семьи и на ваши нивы. Аминь.

После бдения Владыка долго благословлял народ, раздавая при этом крестики. Вечером в доме священника, узнав, что из чина основания храма в переводе на татарский язык нет ни одной молитвы, Владыка поручил епархиальному миссионеру перевести две-три молитвы, заметив при этом, что давно бы надо позаботься об этом. "Ведь крещенцы ничего не поймут из того, что мы будем читать завтра на закладке на славянском языке", — сказал Владыка. Поручение Владыки епархиальным миссионером было исполнено. На другой день, 4 июля, Владыка не предполагал служить здесь литургии, но, видя усердие прихожан к молитве и желая начать свой миссионерский путь по селениям крещенцев служением литургии, распорядился, чтобы в 6 час<*ов*> утра был звон к литургии. В служении этой литургии принимали участие те же священнослужители, которые были за бдением, а именно: о<*тец*> Благочинный <*Иоанн*> Тихомиров, священник с<*ела*> Борка Флор Мальгин, с<*ела*> Соболекова Павел Вдовин. В конце литургии Владыка сказал поучение, каковое приводим здесь по записи священника с<*ела*> Борка о<*тца*> Флора Мальгина.

"Возлюбленные братия и сестры! Когда я приехал к вам, у меня по недостатку времени не было намерения служить у вас литургию, я хотел отслужить только всенощное бдение, а потом, когда я увидал вас, у меня явилось сильное желание отслужить и литургию. Архиерейское служение литургии имеет свои особенности и отличается от служения священнического. Вы видели сегодня, что царские врата все время были открыты,

святейшее таинство причащения совершалось у вас на глазах. Вы сегодня как бы присутствовали на той Тайной Вечери, которую Господь наш Иисус Христос первый раз совершал пред своими учениками и апостолами. Он тогда умыл ноги ученикам своим и показал им этим, а через них и нам всем, что они и мы все должны служить друг другу, любить друг друга и так любить, чтобы быть готовыми пострадать и даже умереть друг за друга, как и Он пострадал и умер за нас.

Никогда не забывайте, что при совершении Божественной литургии Господь наш Иисус Христос присутствует с нами; тут его окружают небесные силы, ангелы и архангелы. Вы слышите слова херувимской песни: иже херувимы тайно образующе... Что это значит? Это означает то, братие, что при совершении этого величайшего таинства мы изображаем херувимов. Вот что мы делаем, когда совершаем Божественную литургию. Здесь в церкви не только это, а все остальное весьма знаменательно и поучительно, здесь нет ничего, не имеющего глубокого смысла, — здесь небо, Бог с небесными силами, святые угодники Божии и мы со своими грехами. С каким же страхом и трепетом мы должны стоять здесь! Как пламенно должны молиться, какою сильною должны проникаться любовию и как благоговеть перед Богом. А вот я, к прискорбию, заметил, что некоторые из вас неверно изображают на себе крестное знамение; креститься надо так (Владыко показал правильное перстосложение и изобразил на себе крестное знамение). Креститься надо так, чтобы тело слышало прикосновение к нему твоей руки, а если ты неверно перекрестишься, тогда у тебя и душа, и тело останутся неосвященными.

Правильно совершая крестное знамение, мы прославляем Святую Троицу и выражаем веру в распятого за нас на кресте Сына Божия, Господа нашего Иисуса Христа. Совершая все во спасение свое осмысленно, правильно и благоговейно, вы сами почувствуете в себе

перемену к лучшему и обратите на себя внимание с хорошей стороны соседей ваших магометан, и они через вас прославят Отца Небесного. А если кто из них спросит вас, как это Бог — Троица? — скажите: не знаем; и в свою очередь спросите его сами: а что такое вода или огонь? Он вам тоже ничего не скажет; скажет — вода это что-то мокрое, а огонь горячее, а что это такое по существу своему, не скажет.

Тогда вы скажите совопроснику-магометанину: вот, братец, мы не знаем земного, а пытаемся узнать небесное, непостижимое; как это можно? Если бы Господь не возлюбил нас и не открыл бы нам божественную истину о Себе через Единородного Сына своего Господа Нашего Иисуса Христа, то мы не узнали бы ее и погибли бы, а теперь находимся на пути к спасению, и тогда только не спасемся, когда этого не пожелаем. В тайне Святой Троицы кроется бесконечная любовь: Троица — это три (отдельные) жизни, Бог Отец, Бог Сын и Бог Дух Святый; они так любят друг друга, что эта любовь соединяет их в одно нераздельное и Три Лица — Три Жизни един Бог во Святой Троице. Так и мы должны любовью объединяться в один дух; в этом заключается цель нашей жизни, это составляет главное отличие нашей религии от других всех ложных религий. Поняли вы меня, милые мои братья и сестры? Если не поняли, скажите, я повторю, только бы все вы, все до единого спаслись; и не только вы, но и соседи ваши, братья ваши по крови — магометане".

Когда некоторые из слушателей сказали, что поняли учение Владыки по мере сил своих, он продолжил: "Итак, будьте внимательны к себе и спасайтесь не только сами, а при случае сообщайте божественную истину соседям вашим — магометанам. Они теперь бедны, жалки по своим понятиям о Боге, о душе и будущей жизни; они не веруют во Святую Троицу и Сына Божия, пришедшего в мир грешников спасти; не веруют в принесенную им

с неба от Бога Отца божественную истину, не имеют настоящего понятия о любви к Богу и ближнему; лишены благодати, этой спасающей силы Божией, и находятся не на пути к спасению, а на пути к погибели. Жаль их, и грех нам будет, если мы о них не позаботимся. Не думайте, братие мои и сестры, что вы не можете быть им полезны в этом случае; вы все до единого, и мужчины, и женщины, и старцы, и молодые, все можете проповедовать Христа распятого, Божественную любовь к роду человеческому. И не думайте, что у вас в этом не будет успеха: слово Божие упадет на сердце, взойдет, вырастет и даст свои плоды спасения. Аминь".

Отслужив Литургию, Владыка благословил крестный ход в деревню Авлаш, где в этот день должна была состояться закладка храма. Вслед за крестным ходом, после краткого отдыха, отправился в Авлаш и сам Владыка. Как только экипаж Преосвященного показался в воротах священнического дома, раздался звон колоколов. Услыхав этот звон, жители прилегающей к церкви улицы, по которой прошел крестный ход, узнали о выезде Владыки и все, малые и великие, высыпали к воротам своих домов, кланялись и подходили под благословение. Владыка всех благословлял, гладил детей по головкам, целовал и раздавал крестики. Это обстоятельство задержало Преосвященного в селе почти на целый час. В конце улицы экипаж Владыки был окружен большой толпой, и Преосвященный шел с народом при пении молитвы на татарском языке. За околицей Владыка всех провожавших его благословил и отправился в свой путь.

Дорога была проселочная, не укатанная. Поэтому тарантас слегка подпрыгивал, кучер ехал осторожно, сдерживая порыв своих лошадей на неровных местах. Погода была после дождя чудная, аромат полей слегка клонил ко сну. Вдруг на колени Владыки, слегка задев его лицо, упал букет полевых цветов. Остановились,

смотрим: стоят две женщины со смущенным видом. Это были те самые "цветочницы", которые каждый раз усыпали дорогу от церкви до дома священника в Мелексе.

— Это ты, Агафия. И ты, Ирина, тут, — обратился Владыка к ним.

— Мы, Владыка, <*в*> Авлаш идем, <*у*> тебя слово спросить надо, — говорит Ирина ломаным русским языком. Узнав через своего спутника, в чем дело, Владыка, идя позади экипажа, поговорил с ними. Оказалось, что на совести одной из них было нечто такое, в чем она не могла найти облегчения у своего отца духовного... Владыка ее успокоил, разъяснив ее недоумение и обещав помолиться о ней. Другая из женщин просила Владыку, чтобы он помог ей поступить в монастырь. Успокоив женщин, Владыка поехал дальше. При приближении к деревне Никашновка, населенной русскими, увидали толпу празднично одетых людей вокруг часовенки, какие обычно встречаются у околиц православных селений. Благословив хлеб-соль, Владыка помолился и преподал свое благословение встречавшим. При этом народ пел молитвы. С места встречи весь народ направился в деревню. При въезде в деревню бросилась в глаза трогательная картина: из каждого дома на середину улицы был вынесен стол с иконой и хлебом-солью. Увидев это, Владыка сошел с экипажа и прошел всю улицу пешком, благословляя каждую семью отдельно. Как ни спешил народ на предстоящую в деревне Авлаш закладку храма, который должен быть его приходским храмом, но тем не менее все терпеливо ждали до тех пор, пока Преосвященный не благословил последнюю у околицы семью. Как только Владыка сел за околицей в экипаж и поехал дальше, целая вереница телег и плетенок потянулась за ним туда же. Кого-кого только не было на этих подводах: дряхлая старость держала на руках беспомощную юность, мать детей "правила" лошадью, а мужики шли пешком. Можно было подумать, что совершается какое-

то переселение людей на новые места. Всю эту вереницу подвод и пешествующих Владыка пропустил мимо себя, чтобы дать всем возможность поспеть к началу богослужения. А между тем крестный ход давно прибыл на место закладки, и вся площадь вокруг места будущего храма пестрела народом, среди которого выделялись нарядные национальные костюмы молодых женщин и девиц, украшенные серебром. У околицы встретили Владыку старики хлебом-солью, а молодежь запела на своем родном языке молитвы. С пением молитв, окруженный толпой народа, Владыка шел по улице деревни, ведущей к месту закладки. Из домов были вынесены столы с хлебом-солью, и у каждого стола Владыка останавливался и благословлял преклонившую колена семью, гладя по головкам и целуя маленьких детей.

Так прошел Владыка до самого места закладки. Здесь его встретил благочинный 3-го округа священник Порфирий Петров с духовенством ближайших приходов, прибывшим к торжеству закладки. Закладка храма началась в половине второго часа дня. Погода была прекрасная. Невиданное доселе торжественное богослужение и самый чин закладки храма произвели на молящихся сильное впечатление. Две молитвы из этого чина были прочитаны епархиальным миссионером на татарском языке. В конце богослужения Владыка сказал народу глубоко назидательное слово о значение храма в жизни христианина. Поучение было произнесено по частям и передано слушателям-инородцам на их родном языке. В своем слове Владыка говорил о том, что храм нужен не Богу, а нам.

"Весь мир, земля и небо, — говорил Владыка, — исполнены славы Божьей: на небе Ангельские силы непрестанно славословят своего Творца и Владыку, на земле не только люди, но и птицы небесные поют Ему хвалебные песни. Даже бездушные творения его, как, напри-

мер, солнце и луна, зеленые нивы и красующиеся разноцветным нарядом луга, вызывают нас на славословие, поражая нас своим величием и красотой...

Бог внимает молитве людей своих везде, где они призывают Его святое имя от чистого сердца. Но издревле Бог избирал для молитвы и приношения даров Ему особые места, как, например, место видения Иаковым лествицы[320], гору Синай, гору Сион, город Иерусалим и др<*угие*>. Повелением Своим пророку Моисею построить скинию и царю Соломону храм Бог ясно показал людям, что для молитвы они должны иметь особые здания, посвященные имени Божию.

О своем же пребывании в скинии и Иерусалимском храме Бог свидетельствовал чудесным осенением скинии облаком и низведением на жертвы небесного огня. При Иерусалимском храме воспитывалась Богоизбранная отроковица Св. Дева Мария. В этот же храм многократно приходил и Сам Господь наш Иисус Христос... Постоянно Он пребывает невидимо и в наших Св. храмах, внимая в них и нашим прошениям, благодарениям и хвалебным песнопениям. Поэтому и называется храм домом Божиим. Следовательно, тот, кто строит или помогает при строении храма Божия, делает самое угодное Богу дело. Блаженны эти люди: на них почиет сугубое благоволение Божие. Эти люди снискивают милость Божию не себе только, но и ближним своим, ибо дают возможность собираться людям вместе во имя Божие. А когда люди собираются во имя Божие, то сам Бог невидимо присутствует среди них. Счастлив поэтому ваш соотечественник Стратоник Иванович <*Иванов*>, создающий для вас храм, куда вы будете собираться во имя Божие для молитвы. Счастливы и вы все, так или иначе способствующие построению сего храма. Да благословит

---

[320] Лествица — со старославянского — лестница.

Бог труды ваши. Вот мы все вместе помолились сегодня на сем месте Богу. Это место отныне стало свято. Относитесь поэтому к этому месту с благоговением, как к месту, посвященному Богу. Пусть ничто нечистое не касается сего места: вы сами оберегайте его от прикосновения чего-либо нечистого. Недаром ведь мы крест большой водрузили здесь, чтобы все издали видели его и, обнажая голову, благоговейно крестились на него с призыванием имени Божия в молитве о помощи строителям храма. Дай, Господи, видеть всем нам и окончание его постройки и помолиться в нем Милостивому Богу нашему, подающему всякие блага трудящимся во славу Его имени".

Торжество было заключено провозглашением установленного многолетия с присовокуплением имени храмоздателя. По окончании торжества жертвователь <*Стратоник*> Иванов пригласил Преосвященного в свою временную квартиру в помещении училища, где предложена была гостям трапеза.

Обрадованные посещением Владыки и закладкой храма, жители деревни глубокими поклонами проводили дорогого своего гостя. Миновав две деревни с татарским населением, с любопытством выбегавшим к воротам домов посмотреть <*на*> "арканея" (так обычно татары произносят слово "архиерей"), в 4 часа дня прибыли в село Федотово. При въезде в село жители встретили Владыку с хлебом-солью. Владыка шел до храма пешком, благословляя семьи, вышедшие к воротам домов с хлебом-солью. В храме Владыку встретил местный священник Никита Комиссаров. Приложившись к святыням храма, небольшого по размерам, Владыка объявил, что будет служить вечерню в ограде храма перед главным входом в храм. Вечер был чудный: косые лучи приближающегося к закату солнца отражались на белых стенах каменного храма и преломлялись на серебряных

ризах икон, вынесенных из храма в ограду. Народ не вмещался в ограду, а густой толпой стоял и за оградой, подсадив своих малышей на перекладины деревянной ограды. В толпе преобладал инородческий элемент (крещеные татары), так как лишь одно село русское, а приходские деревни все инородческие. По-славянски пели местные любители под управлением священника села Пальчикова о<*тца*> Иоанна Жаркова, а по-татарски ученики со своими учителями под управлением местного псаломщика И. Сизова.

В конце вечерни Владыка сказал поучение, переведенное епархиальным миссионером на татарский язык. Темой для своего поучения Владыка взял жизнь и молитвенные подвиги Преподобного Сергия, коему правилась служба по случаю его памяти 5 июля. К сожалению, это глубоко назидательное слово Владыки, за недостатком времени, осталось незаписанным и не было воспроизведено потом.

После богослужения Владыка посетил квартиру священника и, благословив его семью, отправился пешком в дом местного помещика С. И. Пыхтеева, пригласившего его откушать у него хлеба-соли. Этот хлеб-соль оказался обильной трапезой. Радушные хозяева были очень довольны посещением их дома Преосвященным и уговаривали его принять их предложение продолжать путь дальше на их лошадях в удобном экипаже до самого конца этого пути — Бережных Челнов. Уступая их просьбе, Владыка согласился ехать на лошадях С. И-ча до села Бишева. Лошади и экипаж были отличные, и это было очень кстати: нужно было еще проехать 15 верст, а уже надвигалась ночь. Тройка рванула и понеслась с быстротой птицы, почему и не заметили, как прибыли в деревню Кадырову. Проехав в татарскую часть деревни, принуждены были остановиться, так как увидали столы с хлебом-солью и стоящих около них жителей деревни — крещеных татар. Владыка всю деревню прошел

среди окружавших его тесным кольцом людей разного пола и возраста, раздавая направо и налево крестики. Увлекаемый толпой, Владыка в одном месте был оттеснен с дороги к забору и терпеливо раздавал крестики. А толпа все росла и росла и при пении молитв проводила Владыку до конца деревни.

Через ¼ часа прибыли уже в другую, также населенную татарами мусульманами и крещенцами деревню Ахметеву. При въезде в деревню Ахметеву бросились в глаза красивая мечеть и неподалеку от нее большой и красивый дом богатого хаджи Меннана. У ворот домов кучками стояли татары, из которых некоторые при проезде мимо них Преосвященного кланялись ему. Подъехали к площади, где приезда Владыки дожидался народ. Слышался трезвон в небольшие колокола. Это православное население деревни, собравшись у церкви-школы, встречало своего архиерея. У входа в церковь Владыку встретил старец-священник, настоятель церкви с<*ела*> Бурдов, куда причислена приходом дер<*евня*> Ахметева. Заботами этого священника, о<*тца*> Бориса Васильева, с миссионерскою целью выстроено было И. Г. Стахеевым[321] здание, в котором помещается земское училище и по временам совершается богослужение. Это, кажется, единственное в епархии здание, под крышей которого одновременно работают вот уже два десятка лет духовное ведомство и земство.

Помолившись в алтаре церкви-школы, Владыка вышел на площадь и по совершении о<*тцом*> Васильевым краткого молитвословия обратился к народу со словом

---

[321] Стахеев Иван Григорьевич — известный благотворитель: его трудами была построена в Елабуге Иосифовская церковь, при ней «нищенская богадельня», школа грамоты и второклассная церковная школа. Он также раздавал пожертвования в Казань, Уфу и везде, где торговал или были какие-то его заведения по коммерции. 10 марта 1907 — скончался.

назидания, тут же переведенным епархиальным миссионером на татарский язык. Как самое положение деревни, так и замеченные Владыкою в толпе слушателей мусульмане требовали от него слова о жизни благодатной (в ограде св. Церкви) и жизни безблагодатной (вне этой ограды). Воспроизводим это слово, как оно сохранилось в памяти.

"Братие возлюбленные! Радуюсь душою, видя вас, во множестве собравшихся сюда помолиться с вашим архиереем, но в то же время очень жалею, что не могу оставаться с вами столько, сколько нужно, для того, чтобы мне стать к вам поближе и узнать ваши духовные нужды и по возможности удовлетворить их. Но тем не менее, чтобы вы получили некоторую пользу для душ ваших и от краткого моего здесь с вами пребывания, хочу предложить вам вот это наставление. Слушайте, братие, со вниманием. Как вы счастливы, братие, что с детских ваших лет состоите в вере Христовой. К вам вполне применимо то, что апостол писал Ефесским христианам: благодатию вы спасены через веру... Вы были некогда без Христа, были отчуждены от общества верующих и не имели надежды на свое спасение и были как бы безбожниками в мире (Ефес. 2, 8–12).

Не ваша, братие, вина, что отцы и деды ваши блуждали во тьме неведения истинного Бога и Его святой веры и принимали иногда за истину то, что в сущности есть ложь. Ваши предки хотя и были крещены во имя Христа, но не были просвещены святым его учением настолько, чтобы жить в этом свете самим и указывать путь другим. Недостаток этого света служил причиною того, что некоторые из вас уклонялись от пути истины и жили только по обычаю мира сего или же по воле злого духа, действующего ныне в сынах противления, исполняя желания плоти и помыслов нечистых (Ефес. 2, 2–4).

Но Бог, который хочет, чтобы все люди спаслись и достигли познания истины (1 Тим. 2, 4), открыл и вам доступ к уразумению этой истины: нынешнее поколение крещенцев уже не блуждает во тьме неведения, как блуждали прежние их поколения.

Поистине счастливы вы, братие, что слышите истину откровения Божия на вашем родном языке. Ныне то, что было непостижимой для разумения отцов ваших мудростью, стало вашим достоянием. Вот здесь, в этой школе, впервые вы и ваши дети познакомились с истиной Евангельского учения и стали различать истину от лжи, а затем, придя в возраст, путем чтения понятных для вас книг и слушая слова Божия в храме своем усовершенствовались в познании сей истины. Имея сведения о вашем усердии к молитве и о вашем стремлении к доброй христианской жизни, я с уверенностью могу сказать, что ваш жизненный путь ныне освещается святым учением Господа Нашего Иисуса Христа, потому думаю, что никто из вас не уклонится от света ко тьме.

Вы, братие, находитесь под постоянным водительством св. Церкви: пока вы малы, учат вас в школе, придете в возраст, учат в храме, не имеете возможности часто посещать храм, учитесь сами дома чтением Св. Евангелия и других полезных книг. Как же после этого не сказать, что вы счастливы? И будете всегда довольны и счастливы, если будете послушными сынами св. Церкви православной. Правда, послушание матери Церкви налагает на ее сынов обязанности, кажущиеся иногда для слабых из них тяжелыми. Но что же делать? Ведь жизнь земная не есть сплошной праздник для тела: она, эта жизнь, должна быть сплошным трудом и подвигом для тела и души: серебро и золото, прежде чем попасть в виде украшений в царские палаты, должны подвергаться очищению через огонь (1 Петр. 1, 7). Так и бренное наше тело и осквернённая грехами душа прежде, чем достигнуть чертогов Царя Небесного, должны под-

вергаться болезням и страданиям как бы от огня жизни; поэтому слово Божие говорит: огненного искушения, для испытания вам посылаемого, не чуждайтесь... но как вы участвуете в Христовых страданиях, радуйтесь, да и в явление славы Его возрадуетесь и восторжествуете. Если злословят вас за имя Христово, то вы блаженны, ибо Дух Славы, Дух Божий почивает на вас. Теми он хулится, а вами прославляется. Только бы не пострадал кто из вас, как убийца или вор или как посягающий на чужое, а если как христианин, то не стыдись, а прославляй Бога за такую участь (1 Петр. 4, 12–16).

Братие возлюбленные! Предлагая сие наставление Апостола Христова, я не думаю, чтобы кому-либо из вас пришлось, подобно мученикам за веру, принять на себя страдания за Христа, предав свое тело мучениям, ибо времена мученичества для нашей православной родины миновали, но говорю это для того, чтобы вы терпеливо переносили те насмешки и издевательства, которые и теперь нередко приходится слышать христианам от неверующих во Христа людей. Бывают случаи, когда неразумные из них хулят нашу веру и обряды ее, чем причиняют немало огорчения и душевного страдания преданным сынам Церкви. Подобное сему искушение, полагаю, и вы иногда испытываете от своих соседей и сородичей, живущих близко к вам по телу, но далеко от вас по душе. Не сердитесь на них за это так же, как не сердился на своих хулителей Наш Учитель Христос. Вы помните, как Он молился Отцу Своему Небесному за своих мучителей, распинающих его на кресте: "Отче! прости им, ибо не знают, что делают" (Луки 23, 31).

Не знают Христа Спасителя и Его святого учения и ваши сородичи-мусульмане, ибо благодать Божия еще не коснулась сердец их. Без благодати же Божией человек не может прийти к истине, почему и принимают часто ложь за истину. Как же, спросите, различать нам истину от лжи, когда и ложь прикрывается истиной? Ведь

и мусульмане свою веру не менее чтут, чем мы, христиане, свою веру?

Да, братие, мусульмане чтут Бога из одной лишь покорности ему (ислам значит: покорность). Они говорят, что их вера открыта тоже духом-ангелом Гавриилом, приносившим Мухаммеду слова Духа-Бога с неба. Так ли это? На этот вопрос отвечаем не своими словами, а словами Писания: многие обольстители вошли в мир, не исповедующие Иисуса Христа, пришедшего во плоти: такой человек есть обольститель (2 Иоан. 1, 7). Кто лжец, если не тот, кто отвергает, что Иисус есть Христос? Всякий, отвергающий Сына, не имеет и отца, а исповедующий Сына имеет и Отца (Иоан. 2, 22–23).

Возлюбленные! Скажу вам словами апостола Христова: не всякому духу верьте, но испытывайте духов, от Бога ли они, потому что много лжепророков появилось в мире. Духа Божия и духа заблуждения узнавайте так: всякий дух, который исповедует Иисуса Христа, пришедшего во плоти, есть от Бога. А всякий дух, который не исповедует Иисуса Христа, пришедшего во плоти, не от Бога (1 Иоан. 4, 1–3). Вы, конечно, слышали, братие, что мусульмане не веруют в Иисуса Христа, Сына Божия, нас ради человека и ради спасения нашего воплотившегося от Духа Свята и Девы Марии: они считают Иисуса Христа лишь пророком, подобным Адаму и рабам Божиим (Коран. 4. 169; 3, 52).

Сейчас вы слышали, братие, предостережение возлюбленного ученика Христова Иоанна Богослова о том, как различать духов, кто из них от Бога, кто не от Бога. Кто же это дух от Корана, отвергающий Сына Божия?

Ответ уже дан вам Апостолом. Итак, братие, не ваши соседи-мусульмане выдумали неправду об Иисусе Христе, а выдумал "дух", который внушил эту неправду самому Мухаммеду. "Дух" этот не был Духом Истины, потому что сказал о Сыне Божием Иисусе Христе ложь... Внушив человеку ложь однажды, "дух" этот не может

в других случаях внушать ему истину, а потому напрасно стали бы мы искать во всем учении Корана истину о Боге и о его Святом законе. Например, учения об освящающей людей благодати Божьей совсем нет в Коране. Нет в нем и понятия о Боге, любящем создание свое — человека: Бог по Корану любит только тех, кто верует в Магомета, а неверующих в него не любит (Коран 3 29). По учению же Евангелия, как вы знаете, Бог послал Сына Своего в мир для того, чтобы мир спасен был через Него (Иоан. 3, 17). Бог есть Любовь, а любовь Божия к нам открылась в том, что Бог послал в мир Единородного Своего Сына, чтобы мы получили жизнь через Него. В том любовь, что не мы возлюбили Бога, но Он возлюбил нас и послал Своего Сына в умилостивление за грехи наши (Иоан. 4, 8–10). Я не буду говорить вам, братие, о том, как извратил Магомет истинное учение о Боге в своем Коране. Посудите сами: разве возможно, чтобы Бог истинный Сам ввел людей в заблуждение и не хотел очистить сердец их? А по Корану это возможно (Коран. 5, 45; 6, 125): мусульманский бог сам не хочет, чтобы люди были верующими (6, 107); он хочет вводить людей в обольщение (11, 36); нечестивых вводить в заблуждение (14, 32); ведет людей к погибели незаметно для них самих (7, 181), потому что он хитрый (7, 182) и сам производит неверие (6, 25); проклинает людей и делает их глухими и слепыми (к словам Корана): бог Корана сближает людей между собой для их погибели, делает вельможами людей — негодных граждан (6, 123; 129). Мало того, он ведет людей сам к погибели в этой жизни, но назначает для них пламень геенны (17, 19), отдает их во власть диавола (7, 26), он великое число людей сотворил для ада, потому что эти люди, как скоты и даже больше, чем скоты (7, 178).

Все эти унизительные не только для Бога, но и для порядочного человека понятия находятся в Коране, который мусульмане считают священным словом Бо-

жиим. Кажется, ничего нельзя хуже придумать, чтобы унизить истинного Бога, Бога Любви и всякого блага. Скажите, братие, можно ли ожидать после этого, чтобы мусульманство как вера могло вести своих последователей к истине и блаженству? Конечно, нет. Далее, может ли такое вероучение сделать людей хоть здесь, на земле, счастливыми? Опять-таки нет. Отсутствие в людях взаимной любви делает их несчастными. Поистине несчастны мусульмане (в своих странах), когда, согласно Корану, негодные граждане властвуют над ними в качестве вельмож; несчастны они, когда во имя Корана считают месть жизнью для себя (2, 245). Несчастны они, когда при встрече с неверующими, согласно Корану, должны ссекать с них головы (47, 4), а по отсечении головы еще отсечь и другие члены их тела (3, 122).

Ужас пробегает по телу, когда читаешь эти или подобные им места Корана. Может ли мусульманин, верный своему закону, любить людей вообще и нас, христиан, в частности? Нет, ибо нет и в самом Коране учения о любви. Раз сам мусульманский бог не любит людей, то могут ли любить их мусульмане? Не мудрено поэтому, что мусульманин руководствуется в своих отношениях к людям одними лишь соображениями о личной своей выгоде. А любовь и самопожертвование в пользу ближнего, возвещенные учением Св. Евангелия, чужды исламу.

Нет любви у мусульман в семье, где жена — раба мужа, а дети обуза для него. Ведь всем известно, как страдает мусульманская женщина, когда она является одной из нескольких жен своего мужа, а дети ее нежеланные лишние рты в доме... Жалкая вера, жалкие мусульмане. А между тем какие бы хорошие люди были наши татары, если бы были свободны от заблуждений своего вероучения! Говорю искренно, я люблю татар: люблю их простодушие, трудолюбие, гостеприимство, любознательность, восприимчивость и религиозность. Ведь,

в сущности, они не виноваты в том, что, живя в Русском государстве более трех столетий, еще не слышали высоких истин христианского учения. Кто им говорил о Христе и Его любви ко всем людям, не исключая и их, татар? Братие, будьте вы первыми провозвестниками евангельских истин вашим сородичам-татарам. Если не словами, то делами покажите им, что исповедуемая вами вера есть сама истина. Любите их, несмотря на разность нашей веры: покажите им, что только любящий своего ближнего может любить Бога, а кто говорит: я люблю Бога, а брата своего (хотя бы и другой веры) ненавидит, тот лжец; ибо не любящий брата своего, которого видит, как может любить Бога, которого не видит (1 Иоан. 4, 20)? Будем любить не только добрых, но и злых, ибо Господь любит не только праведников, но и грешников, кающихся. Стремитесь, братие, к совершенству в вере, указанному Спасителем Нашим: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас, да будете сынами Отца вашего Небесного (Мф. 5, 44–45). Аминь".

Поучение Владыки было выслушано с затаенным дыханием. В числе слушателей, в задних рядах их, немало было и мусульман. Поучение Владыки произвело на крещеных татар неизгладимое впечатление. Об этом отчасти свидетельствует письмо, полученное епархиальным миссионером по его приезде в Уфу. Письмо написано на татарском языке, и вот его перевод:

"Нашему отцу миссионеру Стефану Матвееву.

Получив известие о том, что 4 июля 1914 года в нашу деревню Ахметеву приедет наш Владыка-Архиерей, мы, христианское общество, ждали его с большой радостью. Наше христианское общество за посещение нашего маленького селения, за внимание, которым он нас удостоил, приносим ему глубокую благодарность. Слушая

наставления Святого Владыки, народ от радости плакал. Люди, дожившие до старости, доселе не слыхали подобного услаждающего наставления Святого Владыки. Когда мы стояли и слушали его наставление, наши сердца, окаменевшие от тяжести грехов, растаяли, и мы чувствовали в душе такое облегчение, что не знали, где и стояли.

Выборные люди: Кузьма Антонов, Петр Архипов, Лаврентий Галактионов, Илларион Феодоров".

В этих немногих простых словах слушатели-инородцы выразили свое душевное удовлетворение наставлением Владыки. Не безучастно стояли, оказывается, к словам Преосвященного и слушатели-мусульмане. Священник о<*тец*> Борис Васильев передавал нам, что на другой день содержание поучения Владыки передавалось из уст в уста и облетело всю татарскую часть деревни. Знакомые о<*тцу*> Борису мусульмане говорили ему: "Вот какой хороший ваш “арканей”, как хорошо он вас наставляет. А наш муфтий хоть бы раз когда-нибудь приехал в деревню и сказал бы два-три слова в наше назидание. Мы и от стариков не слыхали, чтоб он ездил по деревням да учил народ"...

Ближайшим последствием наставления Владыки крещенцам было то, что они вслед за ним прислали в Уфу ходатайство об открытии при церкви-школе прихода и назначении туда священника. Ходатайство это принято, и ему дано надлежащее направление.

Наступила уже ночь, а впереди еще предстояли восемь верст пути и служение утрени в с<*еле*> Бишеве.

Быстроногие кони С. И. Пыхтеева скоро катили экипаж, через полчаса Владыка был уже в двух верстах от села. Здесь, у полевых ворот, предупредительно отворенных, внимание Владыки обратили на себя три мальчика, глубоким поклоном встретившие и проводившие архиерейский экипаж. Отъехав саженей 50, Владыка

велел кучеру остановить экипаж и позвал к себе изо всех сил бежавших за тройкой мальчиков. Несмотря на обращенные к ним ласковые слова Владыки и приглашение его сесть в экипаж, мальчики стояли в смущении и нерешительности. Смущение их рассеялось лишь после того, как спутник Владыки заговорил с ними на татарском языке. Одного из мальчиков Преосвященный взял себе на колени, другого отдал своему спутнику, а третий примостился лицом к Владыке на козлах.

— Как тебя, милый, зовут? — спросил Владыка мальчика.

— Прохор.

— Какое хорошее имя. А ты слышал про Серафима святого?

— Слышал.

— Не знаешь, как его звали раньше, когда еще он не был монахом?

— Не знаю.

— Его звали, как и тебя, Прохором. Живи так, как жил преподобный Серафим, и ты угодишь Богу... Зачем же, — сказал Владыка, обращаясь ко всем мальчикам, — вы вышли в поле, когда у вас в селе ждут сейчас архиерея?

— Встречать архиерея, — говорит Прохор.

— Который же из нас двоих архиерей? — спросил епархиальный миссионер.

— Ты, — сказал Прохор, указывая пальцем на него.

— А ты, Прохор, учился в школе?

— Учился, ныне весной окончил курс.

— Не скажешь ли: носит такой крест архиерей на груди? — спросил епарх<*иальный*> миссионер, указывая на свой священнический крест.

— Нет, не носит...

— А такую икону носит? — спросил Владыка, указывая на панагию.

— Носит.

— Так кто же из нас архиерей?

— Ты, — сказал Прохор, сконфузившись за свою ошибку.

Разговаривая с Прохором, не заметили, как подъехали к селу. Подъехав, увидали у околицы большую толпу людей, из среды которых вышел представитель общества с хлебом-солью. Благословив встречавших, Владыка велел народу поспешить в церковь к богослужению, а сам поехал позади народа шагом, чтоб дать всем поспеть в храм к началу богослужения.

У входа в храм встретил Владыку местный священник о<*тец*> Павел Романов. Пройдя в алтарь, Владыка благословил начать утреню. Богослужение совершалось большею частью на татарском языке, так как приход села Бишева состоит исключительно из крещеных татар. Просторная деревянная церковь, построенная лет десять назад И. Г. Стахеевым, содержится в должной чистоте и снабжена всем необходимым. Пел хор, составленный из бывших и настоящих учеников и учениц местной миссионерской школы, довольно стройно.

После первой кафизмы Владыка сказал поучение, переданное слушателям епархиальным миссионером на татарском языке. Приводим это поучение, как оно было записано о<*тцом*> Романовым.

"Возлюбленные! По уставу Церкви положено за настоящим богослужением читать две кафизмы, но я, оставляя одну из них, хочу вместо нее сказать несколько слов в ваше назидание. В одном селении был такой случай: из слушателей выступил один и обратился ко мне с просьбой: объясни нам, Владыка, вот то-то. Прежде чем начать свое поучение, обращаюсь и к вам: нет ли и в вашей среде кого-либо, который бы желал услышать от меня объяснение чего-либо для него непонятного. Если есть, то спросите, — я с радостью объясню вам то, о чем вы спросите". Тут выступил один, а именно крестьянин

села Бишева Илия Федоров, и сказал: "Объясни нам, пожалуйста, как нам отвечать татарам, когда они хвалят свою веру, говоря, что она лучше нашей, христианской". Владыка, поблагодарив Илию, продолжал:

"По отношению к вере люди разделяются на два разряда: одни, не имея понятия о Боге и не исполняя закона Божия, живут исключительно своею плотскою жизнью. Они мало чем отличаются от животных, которые едят, пьют, жиреют и не знают, для чего живут на земле. Конец жизни животных всем известен: одни из них умирают от ножа мясника, другие же падают от какой-либо болезни или старости и становятся пищей зверей и птиц; больше от них ничего не остается. Подобны им и люди, не имущие упования жизни вечной. И эти люди, живя исключительно телом и для тела, стараются лишь о том, как бы посытнее и слаще поесть, покрасивее одеться, и в заботах обо всем этом стараются как можно больше иметь земных сокровищ, т<*о*> е<*сть*> богатства. Забывая о существовании своей бессмертной души и о загробной жизни, люди эти живут такой жизнью, какой живут и животные, своим животным чутьем знающие вкус пищи и покой сытости. Печален конец жизни таких людей: их постигает участь животных, жизнью которых они жили на земле.

Тела их предаются земле и обращаются в прах, а души их, будучи не приуготовленными для вечной блаженной жизни, погибают навеки. Посмотрим теперь, на кого походят люди, живущие в истинной вере и по воле Божией. Такие люди уподобляются святым ангелам. Людей, живших по заповедям Божиим и угодивших Богу, очень много. Их мы называем святыми угодниками Божиими. Из сонма святых вспомним сегодня преподобного Сергия, память которого празднуем, и поразмыслим о том, как он угодил Богу.

Он с молодых лет возлюбил Бога и для спасения своей души поселился в темном лесу, где жили одни ди-

кие звери. Здесь он основал монастырь и собрал около себя монахов. Проводя жизнь в подвиге молитвы, поста и благочестивых трудов, он преставился ко Господу. Преподобный Сергий настолько угодил Богу, что еще при жизни удостоился явления ему Божией Матери и святых апостолов, а по преставлении своем сделался молитвенником пред Богом за всех, кто с усердной молитвой обращается к нему о помощи и заступлении. Его молитвами и заступничеством основанная им обитель, как некая неприступная крепость, отразила врагов нашей родины — поляков, когда они задумали было завладеть русской землей...

Вот почему и поныне православные люди во множестве притекают в обитель Святого Сергия на поклонение честным и нетленно почивающим мощам его. Много на Руси святой и других угодников Божиих, дивно прославившихся чудесами от мощей своих, источаемыми на всех, кто с верою и надеждою на их помощь приходит к этим мощам. Святые мощи и чудеса, которые Бог творит через них, служат ясным и наглядным доказательством истинности той веры, к которой и мы, братие, принадлежим. В нашей православной вере жили и спасались преподобный Сергий и множество других святых угодников Божиих. И этого свидетельства истинности и святости нашей веры и превосходства ее над всеми прочими "верами" достаточно для преданных св. Церкви сынов и дщерей ее. Но я нахожу не лишним продолжить свою речь далее.

В мире сем существует много вер. Это от того, что много было людей, которые, не имея ясного понятия о Боге, свои представления о Нем, часто неправильные, выдавали за истинное откровение Божие. Поэтому, прежде чем рассуждать о какой-либо вере, нужно знать, кто был первым проповедником этой веры. Если проповедник или основатель веры заблуждался и учил людей неправильно, то и последователи его являются

заблуждающимися. Возьмем пример наглядный для всех.

Если в воду ручья, при самом истоке его, попадает что-либо нечистое и вонючее, например падаль, то эта вода как здесь, так и в дальнейшем своем течении будет нечистой. Подобно этому и нечистое учение вообще и учение мухаммеданское в частности, будучи учением человека жестокого и мстительного ко врагам своим, будучи кроме того еще учением человека сластолюбивого до крайности, каковым был Мухаммед, могло ли мусульманство дать своим последователям истинное и чистое учение?

По христианскому учению назначение человека состоит в том, чтоб он, живя здесь на земле согласно заповедям Божиим, всеми силами души стремился к небу, т<*о*> е<*сть*> к вечной блаженной жизни в царстве небесном. Поэтому истинный христианин на земную жизнь смотрит как на временную и не прилагает усилий к приобретению средств, дающих ему возможность пользоваться всеми утехами земли. Напротив, такой христианин всячески ограничивает требования своей греховной плоти в смысле наслаждения благами земли, дабы из-за этих временных наслаждений не лишиться вечного блаженства.

Не так относится к назначению человека на земле мухаммеданское учение. Оно наслаждение утехами земли ставит целью существования человека как в сей жизни, так и в будущей. Обратите внимание на мусульман, и вы увидите, как богатые из них проводят жизнь свою в постоянном пиршестве, принимая каждый день гостей или бывая сами в гостях, окружая себя услугами множества женщин и слуг... Свое представление о роскошной, полной праздного покоя и изысканной неге жизни мусульмане перенесли и на загробный мир, где, по учению Мухаммеда, праведники будут есть, пить и спать так же, как это делают ныне на земле богатые мусульмане...

Не так понимают истинные христиане свое назначение на земле и будущее блаженство на небе: он ради царствия небесного ни во что вменяют земное благо. Если это благо становится препятствием для достижения небесного блаженства, они совсем отвергают его. Даже более того: они и жизнь свою земную отдают для небесного блага. Вот один из множества примеров тому.

Однажды царь Валент, зараженный ересью Ария, сказал Василию Великому: “Если ты, Василий, не склонишься на сторону Ария, то я сошлю тебя в далекую страну, откуда никогда не возвратишься, предам мучениям и отниму твое имущество и, наконец, предам тебя смерти”. Василий Великий в ответе царю-еретику сказал: “Что ты отнимешь от меня? Несколько ветхой одежды, несколько книг? Вот все, что я имею. Ссылки для меня нет: место, где я теперь, не есть мое, и всякое, куда меня пошлют, может быть моим. Вся вселенная — Божия. Мук не боюсь: при моей слабости лишь первый удар будет чувствителен. Смерть для меня благодеяние: она скорее соединит меня с Богом, к Которому я давно стремлюсь”.

Обратите внимание на тех людей, которые именуются тоже “великими”, но “величие” их совсем не то, какое было у святого Василия. Многие из именуемых “великими” людей приобрели себе такое имя через пролитие крови множества людей во время войн. Таковы были Александр Македонский, Наполеон и др<*угие*>. Но кто же скажет, что “величие” этих людей принесло счастье миру? Напротив, миллионы людей, обездоленных сирот и искалеченных воинов проклинали этих “великих” полководцев... Подобным этим полководцам был и Мухаммед, распространявший свою веру посредством огня и меча...

Вера же Христова распространялась и ныне распространяется по лицу земли посредством мирной проповеди о любви и братстве всех народов земли во Христе.

Христос, вися на кресте, своими распростертыми руками собрал людей всего мира в одно общество, именуемое Церковью, и победил земные царства. Вы знаете, братие, что первыми проповедниками Евангелия были не какие-нибудь воинственные люди, подобные сподвижникам Мухаммеда, а простые и бедные рыбаки из Галилеи. Эти рыбаки, получив дар Святого Духа, проповедовали веру Христову повсюду и были поистине великими и славными людьми не покорением людей в кровавых войнах, а покорением их душ силою своего слова. И ныне, братие, сила нашей веры заключается не в посягательстве на свободу человека, а в красоте и привлекательности ее для всех людей, ибо вера наша вполне отвечает запросам души каждого, кто ищет истины и оправдания пред Богом...

В основу нашей веры положена любовь ко всем людям по образу любви Христа, предавшего Себя на страдания и смерть за людей.

Мухаммед такой любви не имел сам, а потому не мог научить любви и своих последователей. Но вы, братие, последователи Христа, а потому любите всех, не только своих ближних по вере — христиан, но и сородичей по крови — мусульман. Ходите к ним в дома, посещайте их собрания и проч<*ее*>, но при этом не забудьте, что вы ученики Христовы, обязанные во имя любви к Нему и братиям вашим по крови возвещать истину не словами, а доброй своей христианской жизнью, которая сама и без слов привлечет сердца ваших иноверных соседей ко Христу. Живите, братие, в дружбе с мусульманами, помня, что лишь взаимная между людьми любовь может разрушить средостение, отделяющее ныне людей одной крови, одной страны и даже одного общества на враждебные друг другу стороны...

Свидетельствую своей совестью, что я первый показал бы вам пример в отношении любви к мусульманам. Я бы, например, с радостью принял приглашение му-

сульманина посетить его дом. Пошел бы к нему один, чтоб побеседовать с ним наедине, как с другом...

Возлюбленные! Прошу вас и умоляю: запомните все то, о чем я сейчас вам говорил. Будьте истинными последователями Христа, проповедуйте Его святое учение везде и всем, где только будет удобно. Если вы это исполните, то угодите Богу и наследуете вечное блаженство в царстве Христовом. Аминь".

Богослужение продолжалось почти до полуночи, но молящиеся, не исключая и детей, оставались до конца бдения и разошлись лишь тогда, когда Владыка, благословляя каждого, раздал им всем крестики.

В квартире священника спешно, ввиду скорого наступления 12 час<*ов*> и предстоящего служения литургии, утолили жажду и подкрепились трапезой и, совершив молитвенное правило, расположились на ночлег. Встав утром рано, Владыка вышел в палисадник перед домом священника. Увидев его, подошли к нему за получением благословения несколько женщин. На вопрос Владыки, каков их батюшка, одна из них в самых лестных для о<*тца*> Романа выражениях засвидетельствовала о неутомимой его учительности, простоте и сердечности его отношения к прихожанам и проч<*ем*>.

В это время вышел к Владыке и о<*тец*> Роман. Владыка поблагодарил женщин за любовь к своему пастырю и пастыря за любовь к пастве: "Спаси вас, Господи, за внимание и любовь к своему пастырю. Благодарю вас, батюшка, за доброе отношение ваше к своим пасомым. Помоги вам, Господи, и впредь продолжать свое полезное служение в общее с пасомыми спасение".

Сказав это, Владыка обнял о<*тца*> Романа и облобызал его. Эта сцена до слез растрогала добрых женщин.

В 7 часов утра были уже на пути в село Кабан-Бастрык, куда прибыли к 8 часам, когда должна была на-

чаться литургия. При входе в ограду храма Владыку встретил с хлебом-солью сельский староста.

В храме в полном облачении встретил Владыку местный священник о<*тец*> Сергий Сизов, приветствовавший прочувственною речью.

Выслушав речь о<*тца*>-настоятеля, Владыка проследовал в алтарь и, облачившись, начал обычное служение литургии. Сослужащими ему, кроме епархиального миссионера, были: местный благочинный священник Андрей Винтилин, уездный миссионер священник Архип Павлов, священник села Налима Афанасий Ермолаев, священник села Поручикова Иоанн Попов. Пел местный любительский хор, усиленный учащимися ближайших инородческих школ. Богослужение совершалось большею частью на татарском языке, так как молящиеся были исключительно из крещеных татар.

Храм, несмотря на свою сравнительную поместительность, не смог вмещать всех молящихся, и потому многие стояли в ограде храма. Это обстоятельство побудило Владыку для произнесения своего поучения выйти в ограду храма, где был отслужен молебен архистратигу Божию Михаилу, святому храма.

Прежде чем начать свое поучение, Владыка обратился к слушателям с вопросом: о чем они желали бы услышать его слово? На это обращение отозвался известный Владыке по Бишеву Илия Федоров, прося его разъяснить учение о Святой Троице, говоря, что это именно учение вызывает больше всего недоумения и спор со стороны мусульман.

"Трудную, брат Илия, ты задаешь мне задачу, — сказал Владыка, — трудную не потому, чтоб нельзя было ответить на твой вопрос, а потому, что твой вопрос требует для обстоятельного ответа с моей стороны порядочного времени, а со стороны слушателей напряженного внимания, чистоты сердца и ума. У меня, слушатели, времени не много, а вы не все достаточно подготовлены

для восприятия такого высокого учения, как понятие о Святой Троице. Но, тем не менее, я отвечаю на вопрос Илии, думая, что не один Илия занят этим вопросом. Итак, слушайте.

Учение о Святой Троице — одно из главнейших учений нашей веры: на правильном понимании и восприятии учения о Святой Троице основано все дело нашего спасения. Прежде чем предложить вам учение о Святой Троице, я должен предупредить вас, братия, вот о чем: Бог бесконечно велик в Своем бытии, а человеческий ум мал, ограничен. Потому и представить Бога во всем Его величии человек не может. Мы своим умом можем более или менее ясно представлять лишь то, что доступно органам наших чувств. Так, например, наши уши слышат звуки, язык различает вкус, глаза видят окружающие нас предметы. Получив понятие о предметах видимой природы через органы нашего тела, мы умом своим постигаем их отношение к нам и друг к другу.

Таким образом, мы различаем предметы по их величине, цвету и т<*ак*> д<*алее*>. А если нашим глазам представляется не один предмет известного вида и качества, а несколько, то мы производим им счет, говоря: один, два, три и т<*ак*> д<*алее*>.

Но можем ли мы так же ясно представить в своем уме Бога, Которого не видим? Например, человека я представляю себе так: у него одно лицо, два глаза, два уха, один нос и т<*ак*> д<*алее*>. А Бога? Как я могу представить Его, когда ни я, грешный, и никто другой Его нигде и никогда не видел (1 Ин. 4, 12)? Ведь Бог, по слову Писания, обитает в неприступном свете, потому Его никто из человек не видел и видеть не может (1 Тим. 6, 16).

Как же, спросите, мы можем познавать Бога, когда Он выше нашего разумения?

Можем, братие, но не умом, а сердцем, и притом только сердцем чистым. Лишь чистые сердцем Бога узрят, т<*о*> е<*сть*> те люди, которых действия и мысли

чисты, — узрят не только в будущем веке, но и в настоящем. Каким образом? Поясним примером: как в чистом, незагрязненном зеркале отражаются образы, так и чистая душа (сердце) может созерцать Бога (Епископ Михаил, толк<*ование*> Еванг<*елия*>[322]). Апостол Павел в своем послании к Римлянам (12, 2) говорит, что познавать Бога, волю Божию, можно не иначе как только обновлением ума, а ветхозаветный пророк Иезекииль (18, 31) для этого требует еще обновления сердца: отвергните от себя все грехи ваши, говорит он, и сотворите себе новое сердце. Какое же "новое" сердце? Сердце, чистое от грехов, — такое сердце, о котором молился пророк Давид, говоря: сердце чисто сотвори во мне Боже (Псалом 50). Тот же пророк говорит о том, как благ Бог к тем, кто имеет чистое сердце (72, 1). И по благости своей Он открывает Себя чистым сердцам, а разум людей с нечистым сердцем отвергает, так что крест Христов для них не сила Божия, а соблазн и безумие. Ученые и умные люди были фарисеи, но не были чисты сердцем, апостолы же Христовы были не ученые и простые рыбаки, но имели чистое сердце, как дети. Потому Сам Христос свидетельствовал об этом в Своей молитве к Отцу Своему: Ты утаил сие от мудрых и разумных и открыл то младенцам (Мф. 11, 25).

Итак, братие, лишь чистым, как у младенца, сердцем мы можем воспринимать недоступное для нашего ума учение о Святой Троице. Помните во святом Евангелии место, где сказано: Иисус, призвав дитя, поставил его посреди учеников Своих и сказал: истинно говорю вам, если не обратитесь (не очиститесь сердцем) и не будете, как дети, не войдете в Царство Небесное (Мф. 18, 2–3).

---

[322] Вероятно, имеется в виду «Толковое Евангелие» епископа Курского и Белгородского Михаила (Лузина) (2-е изд. М.: Синодальная типография, 1871).

Что ученики Христовы действительно очистились сердцем и восприняли в себя Святого Духа, обещанного им их Учителем от Отца Своего, это вы знаете из повествований книги Деяний Апостолов (2 гл<*ава*>).

И мы, христиане, очистивши сердца свои при посредстве благодати Божией, обильно изливаемой на нас во Святых таинствах Церкви, познаем Бога во Святой Троице не умом своим, а лишь сердцем. Потому, когда говорим о Троице Святой, о Боге Едином во Святой Троице, то не о счете каком говорим, а говорим о любящем людей сердце — говорим о том, что и люди должны любить друг друга, как три лица Святой Троицы любят друг друга и потому составляют едино Божество.

Бог — Творец мира и промыслитель — сотворил весь мир и управляет им как Отец, имея от века Единородного Сына и Животворящего Духа Святого. Бог во Святой Троице вызвал к бытию мир ангелов и людей со всем тем, что находится на земле и над землей, по благости Своей. Ибо Бог, будучи существом всесовершенным и всеблаженным, не нуждается для Себя ни в чем, Им сотворенном. Он хотел дать свое блаженство людям и ангелам, поэтому и создал их, и научил их, чтобы они любили своего Небесного Отца и в своей любви соединялись с Ним. Но, одарив созданного Им по образу Своему человека высшим в сравнении с другими на земле существами разумом, Он дал ему свободную волю для усовершенствования в добре. В силу же этой свободы человек не был лишен возможности уклоняться ко злу, т<*о*> е<*сть*> грешить. Ибо, если бы человек не имел этой свободы, то и самое добро, которое он творил бы по необходимости, не имело бы ценности и не радовало бы его. Всякое доброе дело должно радовать того, кто его делает; а если бы мы у какого-нибудь богача насильно отняли деньги и отдали нищим, то обедневший богач был бы в большом горе и в его "добром деле" ничего доброго не было бы. Так и всякий человек создан Господом

так, чтобы он свободно служил Богу и любил Его. Человек, вызванный к бытию благостию Божией, должен носить в своем сердце постоянную любовь к Создателю Своему, ибо все окружающее его говорило ему, что на него Творец излил сугубую Свою благость, отличив его из среды живых существ разумною душою. Сознание этой благости Творца должно было поддерживать в человеке постоянную любовь к Богу своему Создателю. Так оно действительно и было, покуда человек не испортил своим грехом в себе тех свойств души, которые он получил при своем создании. Эти свойства были: разум, воля и чувство (сердце). Имея в душе своей эти три свойства, человек до греха не чувствовал в себе раздвоения или расчленения своей души на части, а чувствовал, что в нем действует единая душа. Здоровая и святая — она любила Бога, жила в Нем. Такова была душа первого человека Адама, таковы и души всех детей Адама до их греха, который затемнил все наши души и отделил от Бога, от жизни Божией и от понимания ее. Ранее люди не отделялись друг от друга; а тут вместе со грехом началась злоба, гордость и междоусобия — каждый стал защищать только себя и отделять себя от другого.

Вот и потеряли всякую способность знать Пресвятую Троицу. Христос же научил нас любить друг друга и указал это учение о Пресв. Троице. Возьмите, например, чувства ребенка к его матери: умом дитя различает свою мать из множества других, чужих для него матерей, волей своей стремится быть всегда к ней близко, любовью своей стремится к ней так, что не представляет себе отдельной от матери жизни: мать и дети — это как бы одна душа...

Если свойства души ребенка так совокупно действуют в нем в отношении к его матери, то свойства души последней еще более ярко выражаются по отношению к самому дитяти. Скажите, теперь допустимо ли, возможно ли, чтобы в душе доброго ребенка или чадолюбивой ма-

тери происходило разделение этих свойств? Конечно, нет. Но это и продолжается до тех пор, пока ребенок не испортится и не перестанет любить свою мать. А когда он забудет ее, то уже и не понимает как бы жизни с нею.

Так наше нынешнее естество омрачено грехопадением наших прародителей и нашими собственными грехами. Поэтому и полного представления о Боге Троице мы не можем иметь в мире сем, а узнаем Бога, как Он есть, в мире будущем, если удостоимся лицезреть Его в обителях райских (1 Ин. 3, 2).

Отвечая на заданный братом Илией вопрос, один ученый наш мыслитель говорит, что понятие о троичности Божества вытекает и из понятия о Боге как Существе всесовершенном и вседовольном. К этому выводу он приходит из наблюдения над всеобщим во всем мире явлением, а именно: везде и всюду, где только живут и могут жить люди, не исключая и самых пустынных островов, обитаемых одними дикарями, люди живут в общении с себе подобными. Потому и в языке людей, как бы этот язык ни был беден по количеству слов, имеются слова: *я*, *ты*, *он*. Эти три слова, заменяющие собою имена трех лиц, кто бы они ни были, ясно говорят о том, что разумное существо, человек — *я* ищет подобного ему человека — *ты*, а эти двое имеют нужду в общении с третьим — *он*. Без общения же с другим — *ты* человек — *я* не может чувствовать в себе полноты жизни, а для большей полноты жизни обоих требуется еще третий — *он*. Из союза любви трех лиц создается общество людей, живущих общими интересами — живущих настолько тесно, что часто теряется граница, отделяющая “я” от “ты” или “он”, и таким образом все “мое” является “твоим” и все “его” “нашим” общим.

Высшее проявление такого единства в троице мы видим во Святой Троице — Боге, где Отец живет в Сыне, а Сын в Отце и проявляются Отец и Сын во Св. Духе. Апостол Иоанн Богослов свидетельствует именно об этом,

когда приводит в своем Евангелии слова Самого Христа. Верьте мне, что Я в Отце и Отец во Мне (Ин. 14, 11); когда придет Дух Святый, Которого Я пошлю вам от Отца, Дух истины, Который от Отца исходит, Он будет свидетельствовать о Мне (Ин. 16, 25); когда же придет Он, Дух истины, то наставит вас на всякую истину: ибо не от Себя говорить будет, но будет говорить, что услышит, и будущее возвестит. Он прославит Меня, потому что от Моего возьмет и возвестит вам. Все, что имеет Отец, есть Мое, потому Я сказал, что от Моего возьмет и возвестит вам (Ин. 16, 13–15).

Учение о Св. Троице — Боге, по слову Писания, основывается на учении о любви, так как Бог есть Любовь (1 Ин. 4, 8). Об этом ясно свидетельствует Сам Христос в молитве к Отцу Своему: как Ты Отче во Мне, и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино... Да познает мир, что Ты послал Меня и возлюбил их, как возлюбил Меня (Ин. 17, 21–23).

Поэтому всякий, отвергающий Сына, не имеет и Отца, а исповедующий Сына имеет и Отца (1 Ин. 2, 23). А мы, братие, веруем в Бога — Отца, пославшего в мир Единородного Сына Своего, чтобы мы получили жизнь вечную чрез Него. Если так возлюбил нас Бог, то и мы должны любить друг друга. Если мы будем любить друг друга, то Бог будет всегда пребывать в нас и с нами. Будем любить Бога потому, что Он прежде возлюбил нас. Мы имеем от Бога такую заповедь, чтобы любящий Бога любил и брата своего. Ибо не любящий брата, которого видит, как может любить Бога, Которого не видит? (1 Ин. 4, 9, 11, 18, 19, 20, 21). Если пребудем в этой любви, то Сам Бог откроет очи нашего ума, и мы уразумеем необходимые для нашего спасения истины и будем в состоянии отвечать и на те вопросы, которые нам предлагают наши заблуждающиеся братия, подобные мусульманам, спрашивающим вас о Св. Троице. Если вы, братие, будете истинными последователями Христа, то Он Сам

поможет вам уразуметь истины веры, и когда вам нужно будет возвещать эти истины неверующим во Христа или заблуждающимся братиям вашим, то сказанное Им его ученикам приложится и вам: и поведут вас, сказал Он своим ученикам, к правителям и царям за Меня для свидетельства пред ними и язычниками. Когда же будут предавать вас, не заботьтесь, как или что сказать: ибо в тот час дано будет вам, что сказать: ибо не вы будете говорить, но Дух Отца вашего будет говорить за вас (Мф. 10, 18–20).

Но для этого, братие, необходимо знать и твердо помнить, что есть воля Божия. А воля Божия, как вы знаете, выражена в Священном Писании. Там, между прочим, сказано, чтобы мы говорили всегда правду, прощали друг другу обиды раньше, чем зайдет солнце; не говорили гнилых слов, а говорили только одно доброе для назидания в вере; были друг ко другу сострадательны, прощали друг другу, как и Бог во Христе прощает нам, жили в любви, как и Христос возлюбил нас и предал Себя за нас в приношение и жертву Богу (Ефес. 4, 25, 26, 29, 32; 5, 2). Если будете жить так, то сам и уразумеет свет веры нашей и через вас коснется Он сердец и тех людей, которые еще находятся во мраке неведения истинного Бога, прославляемого в Святой Троице. Аминь".

Поучение это было переведено слушателям по частям о<*тцом*> уездным миссионером священником Архипом Павловым. Воспроизведено с некоторыми сокращениями и изменениями епархиальным миссионером.

После богослужения и благословения народа Владыка посетил квартиру о<*тца*>-настоятеля священника Сергия Сизова, где была предложена трапеза. Здесь же о<*тец*> Сизов докладывал Владыке как председатель Бишевского отдела Миссионерского Комитета о состоянии миссионерского дела во вверенном его попечению районе. После краткого отдыха Владыка отправился

в дальнейший путь. В экипаж сесть не пришлось, так как в полуверсте от села находится деревня Дюрт-Мунча, жители которой — крещеные татары вышли навстречу к Владыке за околицу деревни, а мальчики, ученики школы, дошли до самого села. Указанное расстояние Владыка прошел пешком при пении учениками и взрослыми молитв. В самой деревне из каждого дома были вынесены столы с хлебом-солью, и каждая семья с поклоном и на коленях встречала Владыку у своего стола. Принимая хлеб-соль, Владыка прикладывался к поставленной на столе иконе и благословлял встречавших. В середине деревни взор Владыки упал на усадьбу, где были видны следы бывшего недавно пожара. Зайдя в дом погорельца, Владыка отведал хлеба-соли и порадовал хозяина денежной помощью.

При пении молитв прошли и татарскую (мусульманскую) часть деревни, вызывая этим понятное движение в обитателях ее. Многие татары стояли у ворот своих домов и приветливо кланялись Владыке.

Благословив провожавших у самой околицы деревни, Владыка сел в экипаж и поехал дальше. На пути лежала следующая деревня Кабанского же прихода Зича-Баш. Подъезжая к деревне, увидали у околицы ее народ, собравшийся встретить Владыку. Оказалось, что народ собрался у часовни, т<*о*> е<*сть*> столба с крытым верхом, где помещена икона. Помолившись пред иконой, Владыка преподал всем благословение и предложил им беседу.

В этой деревне замечательно то, что дети пели молитвы и по-крещенски, и по-славянски одинаково хорошо: и толково, и одушевленно. Здесь обратил на себя внимание Владыки один старик. Это был крестьянин дер<*евни*> Зича-Баш Павел Ефимов, из солдат времен Николая I.

— Благодарю вас, братие, что вышли встречать своего архиерея и за вашу со мной молитву здесь, — начал Владыка. — Многие из вас были сегодня и в вашем хра-

ме за литургией. Я радуюсь, что вы любите храм и бываете в нем по праздничным дням. А теперь я желал бы знать, чем вы занимаетесь в свободные от работы часы в будни?

— Читаем книги, кто умеет грамоте, — сказал Павел на чистом русском языке, — а кто не умеет читать, слушает грамотных. Теперь молодые из нас все грамотные: школа у нас давно открыта.

— Какие книги читаете?

— Читаем молитвенник, священную историю, жития святых.

— А Евангелие читаете?

— Читаем и Евангелие, но не все, так как эту книгу имеют у себя лишь немногие из нас.

— Надо иметь всем. Ты, Павел, объясни своим односельчанам, ходи по домам их, чтобы все молились по утрам и вечерам, чтоб в праздники ходили в церковь, чтоб дома читали Евангелие и другие полезные книги, чтоб не пьянствовали и не курили... А сам дед Павел курит?

— Курю, Владыка, грешен, на военной службе привык.

— Хорошо бы было, если бы после военной службы отвык... Вот и ходи, дед, по домам жителей и следи, как они выполняют требования святого христианского закона... Ведь у меня детей духовных очень много, я сам не могу за всеми следить, так вот ты, Павел, мне помоги. А если тебе одному трудно, то зови в помощь себе вот этого старика. Как тебя зовут, — обратился Владыка к стоящему тут старику с таким же приятным выражением лица, как и Павел Ефимов.

— Меня зовут Мирон, — сказал старик.

— Вот вы, Павел и Мирон, будете моими помощниками в деревне и следите за исполнением христианского закона вашими однодеревенцами. А если кто вас не послушается, то пишете мне о том в Уфу, — пошутил

Владыка. — А пока ты, Павел, будь моим переводчиком и передай то, что я буду говорить, народу.

Сказав это, Владыка при помощи Павла сказал народу краткое поучение о необходимости молитвы и правильном изображении при молитве крестного знамения. Благословив всех собравшихся и раздав им крестики, Владыка вместе с народом при пении молитв вошел в деревню. Здесь нашим глазам представилась та же картина, что и в прочих деревнях: у ворот каждого дома столы с хлебом-солью, у стола — семья. Владыка, благословляя каждую семью, прошел всю улицу и у ворот последнего дома сел на скамью отдохнуть. Не прошло и десяти минут, как к нему собралась вся деревня.

"Было бы грешно не предложить беседу", — обратился к своему спутнику Владыка и, сказав это, начал беседу о Кресте Христовом и значении страданий Христа в деле нашего спасения. Сначала беседу переводил на татарский язык "уполномоченный" Павел, но, когда он стал затрудняться для выражения некоторых отвлеченных понятий, заменил собою Павла епархиальный миссионер. Видя напряженное внимание слушателей, Владыка предложил епархиальному миссионеру продолжить беседу о необходимости правильного изображения на себе крестного знамения, и беседа была продолжена далее уже на одном татарском языке. В конце беседы миссионер одобрил желание слушателей выразить Архипастырю их благодарность за посещение деревни, благословение и назидание. Слушатели, как один человек, коленным поклонением выразили благодарность, чем немало смутили Владыку.

— Что это значит? — спросил Владыка.

— Благодарят Вас за Ваше милостивое посещение их, сказал миссионер.

В стороне от пути следования Владыки оставалась еще одна улочка, из которой семьи шли на встречу Владыки с хлебом-солью. Не смея просить Владыку в свою

улочку, эти семьи сложили свои приношения у часовенки за околицей деревни. Сюда при пении молитв направился Владыка.

— Что мне здесь делать? — спросил Владыка миссионера.

— Благословите хлебы и принесших эти хлебы, — сказал миссионер.

Владыка, подойдя к "предложению", с воздетыми руками прочел молитву на освящение хлебов (на литии) и благословил их.

Трогательная была картина! Зеленый луг и на нем хлебы, а позади полукругом если не пять тысяч, то пятьсот человек мужей, жен и детей.

Нельзя было не вспомнить при этом известного Евангельского события. Охватившее всех волнение переживаемого момента не дало возможности предложить еще что-либо из духовной пищи, и Владыка, уже сев в экипаж, продолжал благословлять провожавших. Отъехав недалеко, Владыка приподнялся в экипаже и, обратясь к народу, послал последнее благословение, принятое народом в коленном поклонении.

Так встречало и провожало своего Архипастыря его "малое стадо" из "малых сих" — крещеных татар.

Было 3½ часа дня. Впереди в 8 верстах был путь до села Бурдово. Ехали в гору шагом, причем Владыка благословлял всех, кто встречался на пути следования. Встречались больше с пустыми подводами крестьяне из крещеных татар Кабанского и Бишевского приходов, ехавшие из Челнов, куда возили "купеческий" хлеб.

Посещение Архипастырем Кабанского прихода оставило в прихожанах неизгладимое впечатление. Об этом свидетельствует, между прочим, и письмо, полученное епархиальным миссионером от одного из них. В письме своем этот прихожанин пишет:

"Пятого июля 14-го года были в нашем селе Кабан-Бастрыке Ахметовской волости Мензелинского

уезда наш почитаемый Архиерей Андрей и уважаемый отец Стефан.

Наши кабанские жители этому приезду очень обрадовались. Видя у себя честнейшего отца, жители торжествовали. Когда наш честнейший Архиерей Андрей говорил нам слова наставления, мы чувствовали, как будто слышим голос Самого Бога... Мы еще с вечера долго ждали приезда честнейшего Отца и в ожидании его все время пели молитвы.

Разошлись лишь тогда, когда узнали, что он ночует в с<*еле*> Бишеве. На другой день собрались рано и ждали его недолго. Мы, грешные, не думали, ожидая, что он, наш честнейший Отец, приедет так просто: все собравшиеся в церковь были очень удивлены (буквально — остолбенели), увидев его простоту. Все очень благодарят его".

В 4½ часа прибыли в село Бурды, где было назначено всенощное воскресное бдение. В церкви Владыку встретил о<*тец*>-настоятель священник Борис Васильев. Поклонившись святыне храма и благословив народ, Владыка объявил о предстоящем служении бдения и прошел в квартиру священника.

Через полчаса начался звон ко всенощной, но народ после встречи Владыки не расходился по домам, а потому еще до звона до тесноты наполнил небольшой храм.

Бдение служил молодой священник села Бехметева Илия Кузнецов, которому нужно было со стороны Владыки сделать некоторые указания. Пел хор учащих и учащихся местных школ под управлением учителя двухклассного училища В. Рыцева. На полиелей во главе с Владыкой выходили, кроме миссионера и наблюдателя школ, благочинный священник И<*оанн*> Тихомиров, священник села Карамалов Косьма Каллистов, священник села Челнов Антоний Дробышев и священник села Бишева Павел Романов. Поучение говорил здесь Владыка на тему воскресного Евангелия: "Тогда отверзе им ум

разумети писания" (Лк. 24, 45). На татарский язык поучение переводил епархиальный миссионер.

В своем поучении Владыка говорил главным образом о том, что и ныне читают и слушают Писание очень многие, но не все понимают его. Еврейские законники и фарисеи всю жизнь изучали Писание, однако не уразумели содержания его: иначе они не злословили бы Христа и не предали бы Его смерти... И Апостол Павел, будучи ревнителем отеческих преданий и изучивший Писание, не понимал его, пока не озарила его благодать свыше. Следовательно, человек своим умом, без помощи свыше не может уразуметь Писания. Отверзает ум разуметь Писания Сам Бог, изливающий благодать свою на верующих в Него во святых таинствах.

Объяснив вкратце значение каждого таинства, Владыка продолжал: "В том и состоит превосходство нашей спасающей веры пред другими верами и учением мусульманским, что мы водимся в сей жизни благодатью Божией. Освящаемый во святых таинствах ум наш делается способным разуметь Писание, а это разумение открывает и освящает наш путь следовать непоколебимо в царство небесное. Лишь верные сыны и дочери Церкви, имеющей всю полноту благодати, могут в послушании ее голосу достигать блаженного конца жизненного пути — царства небесного.

Стойте поэтому твердо на пути спасения в послушании Церкви, зовите и уклонившихся от этого пути, и не вошедших еще в ограду Церкви собратий и сородичей ваших, да и тии с нами славят Отца и Сына и Св. Духа. Аминь".

Благословив всех молящихся и раздав им крестики, Владыка вышел из храма. Подкрепившись предложенной в квартире о<*тца*>-настоятеля трапезой, Владыка в девятом часу вечера отправился в село Набережные Челны, в 20 верстах от с<*ела*> Бурдов, где наутро было назначено служение литургии.

Путь лежал через мусульманские деревни, и потому ехали без остановки. Накрапывал мелкий дождь, и было темно. Наши спутники, помощник исправника и о<*тец*>-наблюдатель школ, выехавшие раньше, приехали в Челны на целый час позже. Оказалось, что они сбились с пути и блуждали в ночной темноте. Когда приехали в Челны, было 11 часов ночи.

Приветливость о<*тца*> протоиерея Николая Алфеева и его уютная квартира заставили забыть и неудобство пути, и усталость трудового дня.

Отслужив в воскресенье 6 июля в просторном храме села Набережных Челнов при многочисленных молящихся Божественную литургию, Владыка закончил свой миссионерский путь по приходам Мензелинского уезда. Стройное пение Челнинского хора и благолепие храма служили для Владыки истинным утешением после перенесенных трудов. Поучение здесь говорил Владыка на текст апостольского чтения, призывая слушателей к деятельной любви к ближним.

В 3 часа дня 6 июля Камский пароход гостеприимно открыл нам свои каюты для следования в с<*ело*> Никола-Березовку, куда Владыка спешил для встречи Высокой Гостьи, Ея Императорского Высочества, Великой Княгини Елисаветы Феодоровны, Августейшей Покровительницы Уфимской миссии.

Уфимский епархиальный миссионер-проповедник
священник Стефан Матвеев"[323].

---

[323] Уфимские епархиальные ведомости. 1914. № 21, 22, 24. 1 и 15 ноября, 15 декабря.

* * *

ПОСЕЩЕНИЕ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМ ВЫСОЧЕСТВОМ ВЕЛИКОЮ КНЯГИНЕЮ ЕЛИСАВЕТОЮ ФЕОДОРОВНОЮ НИКОЛО-БЕРЕЗОВКИ

<Июль 1914>

«В этом году нашу епархию вновь осчастливила своим посещением Августейшая Покровительница Уфимской миссии Ея Императорское Высочество Великая Княгиня Елисавета Феодоровна. Совершая паломничество по святым местам, Ея Высочество изволила прибыть в Николо-Березовку для поклонения местной чудотворной иконе Святителя Николая Мирликийского Чудотворца и посещения Казанского Богородицкого миссионерского женского монастыря[324], что при селе Николо-Березовке. Еще за несколько дней до приезда Ея Высочества Николо-Березовка и окрестности приняли необычный вид: путь следования Великой Княгини от пристани по берегу реки Камы и до монастыря, через село Николо-Березовку украсился флагами с короною и инициалами Августейшего Имени Ея Высочества наверху: среди местного населения всюду было заметно радостное оживление, и слышны были разговоры о предстоящем

---

[324] Камско-Березовский (позднее Казанский) Богородицкий миссионерский женский монастырь был открыт 20 июля 1912 года; ядро новой общины составили 30 сестер Уфимского в честь Благовещения Пресв. Богородицы женского монастыря — многолюдной и процветавшей обители; настоятельницей стала игуменья Мария (Максимович). Вскоре было получено несколько телеграмм от великой княгини с пожеланиями новому монастырю «окрепнуть и возрасти в широкую плодотворную ниву».

прибытии Высокой Гостьи. Празднично одетые крестьяне прогуливались группами по улицам и расспрашивали друг у друга о подробностях торжеств. "Всем селом приедем посмотреть Матушку Княгиню и поклониться Ей, уж очень-то мы полюбили Ее за ласковое с нами обращение в прошлый Ее проезд в 1910 году[325] по нашему селу", — сказал пишущему эти строки мужичок из села Касева...

7-го июля в 2 часа 30 мин<*ут*> ночи в село Николо-Березовку прибыл на пароходе Преосвященнейший Епископ Андрей, совершивший перед этим объезд некоторых крещенских приходов Мензелинского уезда, а около 10 часов утра того же числа прибыли на пароходе из г<*орода*> Уфы: управляющий губернией Вице-Губернатор, д<*ействительный*> с<*татский*> с<*оветник*>, граф А<*лексей*> Г<*еоргиевич*> Толстой, Уфимский уездный предводитель дворянства К<*онстантин*>

---

[325] 8 июля 1910 — великая княгиня Елизавета Федоровна посетила село Николо-Березовку и Камско-Березовский монастырь в сопровождении гофмейстера А. П. Корнилова и сестер Марфо-Мариинской обители. Гостей встречали губернатор и епископ Уфимский Нафанаил (Троицкий), возглавивший соединенный крестный ход из сельского и монастырского храмов с участием около 60 священников и сестер женских монастырей епархии. 9 июля великая княгиня Елизавета присутствовала при освящении в нижнем храме строящегося собора правого придела во имя преп. Сергия Радонежского (в память об убиенном супруге княгини великом князе Сергее Александровиче), затем подарила обители икону преп. Сергия, освященную в Троице-Сергиевой лавре у мощей преподобного. В храм был доставлен и другой великокняжеский дар — богатая ризница. 27 июля 1910 — император Николай II разрешил принять «Православную миссию в Уфимской епархии под Августейшее покровительство Ее Императорского Высочества великой княгини Елисаветы Феодоровны».

П<*етрович*> Харитонов[326], начальник Уфимского жандармского полицейского управления генерал-майор В<*ладимир*> С<*еменович*> Устинов, директор народных училищ Уфимской губернии д<*ействительный*> с<*татский*> с<*оветник*> И<*ван*> И<*ванович*> Троицкий, некоторые чины канцелярии губернатора и губернского правления. Кроме того, к приезду Великой Княгини в Николо-Березовку собрались: заведующий Уфимской епархиальной миссией о<*тец*> архимандрит Николай[327], ключарь Уфимского кафедрального собора о<*тец*> Н<*иколай*> Индолев, секретарь консистории В<*иктор*> И<*ванович*> Брянцев, епархиальные миссионеры о<*тец*> Ф<*еодор*> Стрелков и о<*тец*> С<*тефан*> Матвеев, уездные миссионеры, многочисленное духовенство сельских приходов, как русских, так и инородческих, инородческие хоры певчих, а также учащие и учащиеся низших школ Бирского уезда.

8 июля архиерейским служением в <*Богородицком*> женском монастыре при большом стечении народа была совершена Божественная Литургия и молебен, причем на молебне было вознесено Господу Богу три прошения о благополучном плавании Ея Высочества; вечером же 9 июля, накануне дня приезда Великой Княгини, в том же монастыре Преосвященнейшим Андреем было совершено всенощное бдение при участии крещенского хора певчих, исполнившего некоторые песнопения и ектении.

В ночь с 9 на 10 июля прибыла на пароходе из Сарапула для временного пребывания в монастыре и молит-

---

[326] Депутат III Государственной думы, с 1911 — глава земства Уфимского уезда.

[327] Архимандрит Николай (в миру Николай Александрович Ипатов), с 1914 — товарищ председатель епархиального миссионерского комитета, председатель совета епархиального братства Воскресения Христова и благочинный монастырей епархии.

венного поклонения Августейшей Паломницы Икона Святителя Николая.

Наконец, наступило долгожданное и памятное для нашей епархии 10 июля — день прибытия Великой Княгини. С раннего утра народ заполнил левый берег Камы от пароходной пристани до с<*ела*> Николо-Березовки и обе стороны пути следования Ея Высочества. В исходе 8-го часа утра на пароходную пристань съехались все лица, прибывшие в Николо-Березовку для встречи Ея Высочества: сюда же прибыл Преосвященнейший Епископ Андрей вместе с заведующим миссией о<*тцом*> архимандритом Николаем <*Ипатовым*>; на пристани, кроме официальных лиц, сгруппировалась местная интеллигенция обоего пола.

В 8 час<*ов*> 30 мин<*ут*> к пристани тихо причалил пароход "Межень", на котором совершает паломничество Великая Княгиня. На пристани Ея Высочество, после взаимного приветствия с Преосвященнейшим Владыкой, проследовала в находящуюся тут же на пристани часовню местного женского монастыря, где выслушала краткую литию, совершенную о<*тцом*> архимандритом Николаем <*Ипатовым*> при пении сестер обители. Из часовни Ея Высочество изволила подойти к находящимся на пристани начальствующим лицам губернии и представителям ведомств и приняла хлеб-соль от члена Бирской уездной земской управы Криницкого, приветствовавшего Великую Княгиню русским "добро пожаловать", после чего г<*осподином*> управляющим губернией Ея Высочеству были представлены гражданские чины. С пристани Августейшая Паломница отбыла в женский Богородицкий монастырь чрез с<*ело*> Николо-Березовку. При въезде в Николо-Березовку Ея Высочество изволила принять приветствие — хлеб-соль от местного населения.

Встреча в монастыре имела торжественно-трогательный характер. Из храма, где было все приготовлено

к служению литургии, вышел крестный ход с иконами и хоругвями при участии многочисленного духовенства во главе с Преосвященнейшим Владыкою Андреем, в полных для совершения литургии облачениях. Масса православных разноплеменных окрестных жителей, в значительной своей части не понимающих русского языка, но с сердечным умилением созерцающих высокий пример молитвенного подвига Августейшей Паломницы в их родном крае, нетерпеливо ожидали Ее прибытия. Редко кто здесь не знает Ея Высочества по прошлому Ея приезду, поэтому теперь ждали как бы родственного свидания с Высокой своей Покровительницей.

Наконец, колокольный трезвон с монастырской звонницы известил о въезде в обитель Высокой Гостьи. Выйдя из экипажа, Ея Высочество приблизилась к Преосвященнейшему Владыке Андрею, который приветствовал Великую Княгиню следующими словами:

"Ваше Императорское Высочество.

Имею великую радость приветствовать Вас с благополучным прибытием на поклонение святыне этого края, чудотворному образу свят. Николая.

Вместе со мною горячо приветствует Ваше Высочество вся моя разноплеменная паства Уфимская, преклоняющаяся пред молитвенным подвигом Вашим. И дерзаю уверить Вас, что то море голов, которое сейчас окружает эту скромную обитель, говорящее на четырех языках, но имеющее одно русское сердце, преданное Царю и св. Церкви, никогда не перестанет благодарить Господа за Ваше внимание к ним, за Вашу материнскую ласку, за ту радость, которую Вы им несете.

Да благословит Вас Господь и да исполнит все благие намерения сердца Вашего во славу Его пресвятого Имени".

После приветствия Владыки, открывшего Высокой Гостье сердца собравшихся по поводу ниспосланного милостию Божией радостного события в краю, Ея Высочество, приложившись к Св. Кресту, последовала за крестным ходом внутрь храма, где тотчас же началась Божественная литургия. За Богослужением пели четыре хора певчих: монашествующих, детей монастырской школы, крещено-татарский и черемисский. Как по внешним условиям, так и по содержанию своему служба была совсем не обычной. Прежде всего трехпрестольный храм помещается в обширной пещере, служащей основанием строящемуся большому (пока на плане) зданию храма. Теперь же врытое с фундаментом в землю сооружение возвышается над поверхностью не более как на одну сажень, а внутренняя высота храма со сводами приблизительно около двух саженей; храм полутемный, с маленькими оконцами под сводами все же имеет очень благолепный вид: красивые, чистенькие иконостасы свидетельствуют о заботливом отношении к благоустройству святыни.

Некоторые ектении литургии, а также песнопения евхаристийного канона были исполнены поочередно крещено-татарским и черемисским хорами. Заслуживало внимания прекрасное пение учениц школы под энергичным управлением учительницы пения З. А. Перловой и хора черемисок под управлением учительницы М. Т. Зыкиной. Служение в пещерном храме, исполнение на непонятных языках родных нам молитв умиляло душу и относило мысль к ранней заре христианств.

На "Буди Имя Господне" — Владыка обратился к молящимся с таким словом:

"Во имя Отца и Сына и Св. Духа.

Некогда Господь Иисус Христос обратился к окружавшей его толпе слушателей с вопросом: “Что смотреть

ходили вы в пустыню? Трость ли, ветром колеблемую? Человека ли, одетого в мягкие одежды? Носящие мягкие одежды находятся в чертогах царских. Что же смотреть ходили вы?" (Мф. 11, 7–9).

Такими вопросами Господь хотел указать своим слушателям на потребность человеческой души искать высшей небесной правды, не удовлетворяясь грешною землею. И так было и будет, конечно, до скончания века; люди, не потерявшие в себе образа Божия, неизменно будут искать Господа и Его благодатных даров. Вместе с тем они не перестанут преклоняться пред теми великими образцами праведной жизни, которые мы находим в жизни церковной.

Сегодняшнее наше молитвенное собрание в Березовке пред чудотворным образом свят. Николая и является одним из лучших тому доказательств. И если бы сейчас нас спросили, почему же — для чего мы собрались в этом убогом храме, среди бедных инородцев этого края, то мы только и могли бы дать один ответ, что великий дух святителя Мирликийского привлек нас сюда.

Но не только мы здесь, но во всей необъятной Руси верующие души устремляют к святителю Николаю свои пламенные молитвы. Совершенно так же сегодня весь юг России празднует память своего великого молитвенника преп. Антония, чудотворца Печерского, не переставая благоговеть пред его жизнью и подвигами.

Но не только одна память, т<*о*> е<*сть*> не одни только воспоминания о святых угодниках Божиих дают нам новые чистые чувства и переживания, но и неодушевленные предметы, как св. образ, и ныне становятся для нас источниками душевного обновления.

Так было всегда, и мы еще из св. Писания знаем, как даже тень апостола Петра или платки и опоясания тела ап<*остола*> Павла творили чудеса (Деян. 5, 15; 19, 12). Этого не могут разглядеть только люди, нравственно слепые, люди, не способные отрешиться от своих при-

вычных, чисто земных взглядов и возвыситься до потребности заботиться о своей душевной чистоте.

А между тем вся эта любовь к великим героям духа, как свят. Николай или преп. Антоний и др<*угие*> угодники Божии, вся эта благодатная семья, благоговейно почитающая все, что касается святых Божиих людей, — все это и есть то царство благодати, которое основал Господь Спаситель, это и есть св. Церковь, живущая и обновляющая дарами св. Духа. Малую часть этой великой семьи вселенской составляем и мы в этом святом, хотя и очень убогом храме. И мы, совершая поклонение свят. Николаю, в его св. образе чувствуем его благодатную помощь в борьбе со всякою духовную немощию; это и есть благодатное обновление, возрождение человека.

О физической природе великий мудрец древности сказал: "Что было, то и будет, и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем" (Еккл. 1, 9). И это, конечно, справедливо; материя, как и вся внешняя жизнь, никогда не бывает источником духовных святых чувств. И только та благодатная жизнь, которой живет св. Церковь и которой пророчески ожидал Екклесиаст, и может обновлять людей и присоединять их ко всем небожителям: к ангелам и праведникам Божиим, ублаженным св. Церковью.

Блаженны же те, кто пережил на себе это благодатное обновление, кто сознательно и отчетливо почувствовал себя сыном святой Апостольской Церкви. Сугубо блаженны те, кто находит в себе достаточно сил, чтобы с другими делиться полученными им благодатными дарами и других приводить в Царство Небесное. И счастлива св. Русь, что не оскудевает она этими благодатными богомольцами и поклонниками св. мест, что находятся люди, служащие Господу сами и других к Нему приводящие. Будем же молиться Господу, да не оскудеет вера среди русских людей, да не забудет Господь нашей родины и да преумножит силы тех, кто самоотверженно

отдал себя на служение св. Церкви, кто и других зовет к этому подвигу всею своею жизнью. Аминь".

По окончании литургии был совершен молебен Св. Николаю Чудотворцу с царским многолетием. После молебна Ея Высочество с сопровождавшими Ее лицами и Преосвященнейшим Владыкой Андреем посетила покои настоятельницы монастыря игуменьи Марии, где изволила милостиво беседовать с собравшимися.

Около часа дня Ея Высочество в экипаже отбыла на пароход "Межень", куда к завтраку были приглашены: Преосвященнейший Владыка Андрей, о<*тец*> архимандрит Николай <*Ипатов*>, игуменья Мария <*Максимович*> и начальствующие лица губернии.

В четвертом часу дня Ея Высочество вместе с принцессой Баттенбергской <*Викторией*> и ее дочерью <*принцессой Луизой*>, путешествующими на "Межени", вновь прибыла в монастырь, где, выслушав в здании школы приветствие детей, собравшихся в количестве более 300 человек из разных школ Бирского уезда, изволила собственноручно раздавать крестики, иконки и подарки как учащим, так и всем учащимся. Из школы Ея Высочество изволила пройти в домик, в котором в первый свой приезд в Березовку имела пребывание, тогда домик этот находился в усадьбе дворянина Мацнева <*Сергея Владимировича*>[328], теперь же он перевезен в стены монастыря и будет служить памятником посещения монастыря Высокой Паломницей. Здесь Ея Высочество изволила обозревать и милостиво принять

---

[328] Сергей Владимирович Мацнев — коллежский советник, миссионер и проповедник, общественный деятель, земский начальник, председатель Златоустовского уездного отдела «Союза русского народа»; на средства семьи С. В. Мацнева содержались школьный учитель и 15 учеников в селе Николо-Березовка. В 1912 — скончался.

подарки, заключающиеся в изящных рукоделиях насельниц монастыря.

В 5 часов вечера Преосвященнейший Владыка Андрей начал служение всенощного бдения под открытым небом у входа в храм. За всенощной всем молящимся были розданы от Великой Княгини иконки, книжки "псалтири" и листки с поучениями. По окончании всенощной Ея Высочество отбыла на пароходную пристань, а около 9 часов вечера верноподданное население края с высокого берега Камы посылало прощальное приветствие удалявшейся на "Межени" Великой Княгине и мысленно обращалось к Господу Богу с мольбой о ниспослании счастливого пути дорогой Высокой Гостье...»[329]

18 февраля 1901 — был открыт Камско-Березовский Богородицкий в честь Казанской иконы Божией Матери мужской монастырь; главной его целью должно было стать распространение православия среди язычников (удмуртов, черемисов-марийцев, отчасти чувашей) и мусульман (татар и башкир) Уфимской и Вятской губерний; с января 1901 — игуменом монастыря стал Анастасий, ревностный миссионер и педагог, ученик Н. И. Ильминского; вскоре при монастыре была открыта миссионерская школа; позднее при ней действовали переплетная, портняжная, столярная, иконописная мастерские; в год в школе принимали православие от 2 до 7 человек, к 1910 — там крестились 58 марийцев-язычников и 15 татар-мусульман. В 1912 — монастырь был преобразован в женский. Братия переведена в другие монастырй епархии.

---

[329] Уфимские епархиальные ведомости. 1914. № 14. 14 августа.

* * *

ПИСЬМО ЕПИСКОПУ АНДРЕЮ

<1 октября 1914>

«Ее Императорского Высочества Великой Княгини Елизаветы Федоровны на имя Его Преосвященства, Преосвященнейшего Андрея, Епископа Уфимского и Мензелинского.

Ваше Преосвященство.

Его Императорскому Величеству государю Императору в заботах о нуждах семей воинов, призванных на защиту Нашего дорогого Отечества, благоугодно было учредить под Августейшим покровительством Ее Императорского Величества Государыни Императрицы Александры Федоровны и Моим председательством Комитет по оказанию благотворительной помощи семействам воинов, ушедших на войну.

Деятельность Комитета простирается на все города и селения Российской Империи, за исключением Петроградской губернии, где действует особый Комитет Великой Княжны Ольги Николаевны.

Для осуществления возложенной на Комитет задачи в каждом губернском и областном городе соорганизованы, как Вам уже известно, Владыка, Отделения Комитета, каковые оказывают помощь нуждающимся в ней лицам учреждением приютов, яслей, дешевых или бесплатных квартир, приисканием занятий, устройством работ, выдачей провианта, вещей, топлива и др<*угих*> необходимых предметов, а также в случае необходимости и назначением денежных пособий.

В великой нужде требуется и великая помощь, почему для исполнения Высочайшей Воли Нашего Государя

забота моего Комитета есть, конечно, также и о соискании средств. Для сего, по Моему ходатайству, Священный Синод, определением своим от 4 сентября с<*его*> г<*ода*> за № 7978, разрешил произвести во всех церквях Империи в текущем году в праздник Введения Пресвятой Богородицы за литургиями и накануне, за всенощными бдениями, кружечный или тарелочный сбор на нужды Комитета.

Православное Духовенство, ведомое Своими Архипастырями на всем протяжении Истории Русского Государства, всегда откликалось на нужды населения, в особенности в годины испытаний и народных бедствий.

Не сомневаюсь в помощи и в нынешнюю годину, я обращаюсь к Вам, Владыка, со смиренной просьбой оказать свое Архипастырское содействие по организации тарелочного сбора за всенощной 20-го и за литургиями 21-го ноября с<*его*> г<*ода*> в день Великого праздника Введения во Храм Пресвятой Богородицы и тем помочь Моему Комитету исполнить возложенную на него задачу призрения семей наших дорогих воинов, защищающих своей кровью Православную Веру, Царя и Святую Русь.

Смиренная Ваша богомолица ЕЛИЗАВЕТА

Его Преосвященство по поводу сего письма 24 сентября 1914 года обратился к пастырям Уфимской епархии со следующим: "Усердно прошу духовенство всей епархии исполнить желание Ее Императоского Высочества и всеми средствами послужить этому святому делу с такой же любовью, как отнесся к нему Уфимский Епархиальный съезд". Е<*пископ*> А<*ндрей*>»[330].

[330] Уфимские епархиальные ведомости. 1914. № 19. 1 октября.

* * *

ДЕДУШКА ПАВЕЛ, ОСНОВАТЕЛЬ «ОБЩЕСТВА НЕКУРЯЩИХ»

<19 мая 1915>

«Есть и такое общество! И не на бумаге только, а на самом деле. Не в городе оно и не в селе даже, а в глухой деревне, населенной инородцами из крещеных татар. И вот при каких обстоятельствах оно возникло. Год тому назад Преосвященнейший Андрей, Епископ Уфимский, во время посещения им приходов Мензелинского уезда был в деревне Зича-Баш прихода села Кабан-Бастрыка.

Здесь жители встретили Владыку с хлебом солью. Встреча эта была описана в "Уфимских епархиальных ведомостях" (№ 24, 513 стр.). Выписываем из этого описания следующие строки...»

Далее следует описание встречи и беседы епископа Андрея с крестьянином Павлом Ефимовым, старым солдатом времен Николая I, во время которой владыка просил его помогать христианскому наставлению своих односельчан. (См. выше статью "Посещение преосвященным Андреем, епископом Уфимским, приходов Мензелинского уезда" в июле 1914 года).

«19 минувшего мая, когда Преосвященнейший Владыка был в селе Багряше, в 15 верстах от Зича-Баш, после Литургии является к Преосвященному дед Павел и, приняв от него благословение, подает ему "доклад". Приводим его полностью, с сохранением орфографии:

"Ваше Преосвященство, Дорогой Владыко.

Я недавно слышал в своей церкви от батюшки нашего Сергия, что ВЫ опять будете в наших краях наставлять как молится Богу наших крещен я помню Ваши мне приказа-

ния — учить своих одножителей доброму и жить так как Господь велел. Я малограмотный человек больно многому учить не мог, наставлять воздерживаться от разных деревенских нехороших обычаев старался сколько хватало моих сил. Теперь Слава Богу в нашей деревне молодые ребята и девки в праздники не безчинствуют до утра по улице, так же и в деньги играть меньше стали. После Вашего приказания я тогда же бросил курить и тот старик, который стоял тогда со мной Мирон тоже бросил курить, по нашему совету в нашей деревне теперь бросили курить человек около 15 стариков. Наш батюшка даже нам дал особое название: называет нас общество некурящих. Все это я , дорогой Владыко, считаю нужным доложить Вам. Затем мы с Мироном еще и еще будем стараться уговаривать своих жителей бросить курить эту вредную траву. А Вы Владыко молитесь за нас Богу, чтобы Он нам помогал. 17 мая 1915 года.

Деревни Зычебаш отставной унтер офицер Павел Ефимов".

Какое отрадное, дорогие читатели, явление! Побольше бы таких помощников епископу и приходскому духовенству, как дед Павел.

С. М-въ»[331].

* * *

ИЗ БЕСЕДЫ С ПРЕОСВЯЩЕННЫМ АНДРЕЕМ

<1 октября 1915>

«Наш сотрудник посетил преосвященного Андрея и беседовал с ним по поводу увольнения обер-прокурора

---

[331] Уфимские епархиальные ведомости. 1915. № 12. 15 июня.

Св. Синода А. Д. Самарина[332]. Вот некоторые из соображений, высказанные в беседе Уфимским архипастырем. Событием этим, нужно сказать, епископ Андрей глубоко потрясен. По его мнению, назначение А. Д. Самарина было самой светлой точкой в нашей безотрадной церковной жизни. Уход Самарина знаменует собой полное крушение славянофильства как политического учения. В наши тяжелые дни, — говорил преосвященный Андрей, — особенно сказывается полное разъединение епископов. Сейчас, во всяком случае, если не собор архиереев, то архиерейский сан еще имеет огромное значение в глазах народа. К сожалению, архиерейского голоса совсем не слышно. Поэтому высшая ГРАЖДАНСКАЯ власть не видит и не может оценить СВОИХ огромных исторических ошибок. ГРАЖДАНСКАЯ власть сейчас переживает такое же трагическое состояние, какое переживал Петр Великий во время своей ссоры с царевичем Алексеем. Несчастный Петр искал помощи у иерархии, а его собственные ставленники представляли из себя какие-то безгласные окаменелости, неспособные сказать слово утешения несчастному Царю. Сейчас война. Сейчас, конечно, единственное помышление у всех русских людей — победа над врагом родины...

Будем надеяться, что после этой победы можно будет говорить о торжестве нравственных принципов. В этом отношении великолепный пример патриотизма дала

---

[332] Самарин Александр Дмитриевич, родился в 1868 в Москве в дворянской семье. В 1891 — окончил Московский университет. В 1893–1899 — земский начальник Бронницкого уезда Московской губ. В 1899–1908 — богородский уездный предводитель дворянства. В 1908–1915 — московский губернский предводитель дворянства, с 1912 — член Государственного совета; с лета 1914 — главноуполномоченный Российского общества Красного Креста; с 5 июля 1915 — обер-прокурор Св. Синода, 26 сентября уволен.

Гос<*ударственная*> Дума за последнюю сессию. Но теперь, пока продолжается страшная нравственная беспринципность и пренебрежение к народно-церковному голосу не может пройти мимо общественного внимания, последние события нашей внутренней жизни являются чрезвычайно тяжелыми.

С уходом Самарина можно помириться лишь в том случае, если Самарин будет заменен такими же бесспорно церковными людьми, как профессор Кузнецов, Папков, кн<*язь*> Жевахов. Если же заместителем Самарина будет кто-либо из чиновников, то полное крушение церковного авторитета проявит себя в самом ближайшем будущем.

Например, о борьбе со старообрядчеством и сектантством с надеждой на успех не может быть и речи...

— Представляю себе, — сказал в заключение преосвященный Андрей, — представляю себе трагизм православной паствы в Тобольске и что православные тобольцы могут сказать злому старообрядцу в ответ на его злые насмешки!»[333]

* * *

ОТ ЕПАРХИАЛЬНОГО КОМИТЕТА О БЕЖЕНЦАХ

<1 октября 1915>

«Ввиду крайне бедственного положения беженцев, известных Комитету, он обращается с просьбой ко всем добрым людям о помощи бельем, теплой одеждой и обувью.

---

[333] Уфимская жизнь. 1915. № 141. 1 октября.

Всякие пожертвования можно пересылать и передавать пока в Архиерейский Дом на мое имя.

Комитет еще просит помощи добрых людей для организации мастерской, которая бы обслуживала беженцев и особенно детей починкой платья и обуви, пожертвованных, но мало пригодных к употреблению.

Епископ Андрей»[334].

* * *

ТЕЛЕГРАММА[335]

<1 октября 1915>

«Царская ставка.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ,
ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ.

Уфимский Епархиальный Съезд духовенства, всем сердцем переживая великие исторические дни нашего отечества — дни нашествия вражьего, сегодня, в день памяти преподобного Сергия, молился этому покровителю воинства нашего православного о даровании ему конечной победы, как ранее молитвы праведника даровали Дмитрию Донскому победу над врагом.

ВЕЛИКИЙ ГОСУДАРЬ НАШ!

Мы знаем безгранично любящее сердце Твое. Мы едва ли можем представить себе страшное бремя Царского подвига Твоего и великого служения Твоего. Тем

---

[334] Уфимские епархиальные ведомости. 1915. № 19. 1 октября.
[335] Отдел официальный.

более, в умилении сердца нашего, простираем к Господу молитвы свои об укреплении Тебя и всего воинства Твоего против страшного врага Руси православной и святой Церкви нашей. Дерзаем доложить Тебе, о Господи возлюбленный Царь наш, что вся наша духовная паства, как и вся Русь православная готовы на все жертвы до последней капли крови своей, и своих братьев, и детей, лишь бы свет правды сиял пред всеми народами, чтобы победа Твоя над врагом Отечества нашего была полная, чтобы радость Твоя была совершенная. Мы твердо веруем и устами исповедуем, что Господь дарует Тебе победу, что эта победа твоя будет победой добра над злом, победой мира и любви над всяким насилием и ложью, что святая правда святой Церкви нашей после этого воссияет в Царстве твоем во всей силе и славе.

Смеем повторить Тебе слова великому воеводе народа Божьему Иисусу Навину, что тогда не устоит никто перед Тобой во все дни жизни Твоей.

Андрей, Епископ Уфимский и Мензелинский».

Высочайшая телеграмма.

«Уфа Епископу Андрею

От души благодарю Вас Владыко и поручаю передать Епархиальному Съезду духовенства Уфимской епархии МОЮ сердечную благодарность за молитвы благожелания и высказанные чувства.

НИКОЛАЙ»[336].

---

[336] Уфимские епархиальные ведомости. 1915. № 19. 1 октября.

* * *

ОТ ЕПИСКОПА УФИМСКОГО

<15 октября 1915>

«В целях согласованной деятельности приходских комитетов епархии по призрению беженцев с земскими организациями, работающими по Уфимской губернии и имеющими те же задачи, предлагаю означенным комитетам заявить в образованные земства в уездах, порайонные комитеты о беженцах о своем желании войти с ними в совместную работу в качестве мелких подсобных организаций в тех или иных селениях, подлежащих ведению порайонного земского комитета, с правом получать на расходы по размещению и питанию беженцев ту же казенную денежную помощь, какой пользуются земские организации. Особенно о сем должны позаботиться о<*тцы*>-настоятели уездных соборов, стоящие во главе уездных комитетов, и войти в сношение с уездными земскими советами о беженцах, и преподать соответствующее указание причтам тех приходов уезда, в помощи коих земские Советы будут нуждаться. Кроме этого предлагаю о<*тцам*>-настоятелям всех приходов епархии немедленно сообщать уездным земским Советам о беженцах о всех церковных и причтовых помещениях прихода, где могут быть размещены беженцы, включив в это число и те помещения, о которых было уже сообщено на съезде о<*тцов*> депутатов в г<*ороде*> Уфе.

Епископ Андрей[337]».

---

[337] Уфимские епархиальные ведомости. 1915. № 20. 15 октября.

* * *

ПРЕОСВЯЩЕННЫЙ АНДРЕЙ В ЗЕМСКОМ СОБРАНИИ

<21 октября 1915>

«Вчера в уфимском уездном земском собрании был день исключительный, небывалый не только в летописях Уфимского уезда, но и вообще — русского земства. В собрание прибыл, по приглашению собрания, преосвященный епископ Андрей. Выслушав резолюцию ревизионной комиссии по вопросу об ассигновании на церковно-приходские школы, в которой выражалось недоверие к церковно-приходским школам и отмечалось сомнение и смущение по поводу последних событий в церковной жизни (отставка А. Д. Самарина), преосвященный обратился к земцам с пространственной речью, в которой говорил: о высшей церковной иерархии, знающей ныне один только подвиг: смиренное молчание; о преподавании Закона Божьего в церковно-приходских и земских школах; о церковном приходе и необходимости его восстановления; об отставке Самарина: об основном зле русской жизни и управлении и т<*ак*> д<*алее*>. Речь представляла глубокий интерес. Завтра мы подробно изложим ее содержание. Публики собралось в зале собрания масса»[338].

[338] Уфимская жизнь. 1915. № 156. 21 октября.

* * *

УЧАЩИМСЯ

<21 ноября 1915>

«Всякий воскресный день я кончаю упреком себе, что я не могу исполнить просьбу учащихся возобновить прошлогодние религиозно-философские чтения. Эта просьба была для меня в прошлом учебном году лучшей наградой за хлопоты с устройством чтения в реальном училище, а теперь почти постоянное утомление горла заставляет меня говорить и менее, и гораздо тише — в лекторы я не очень гожусь. Однако надеюсь, что скоро что-нибудь в деле организации этих чтений будет сделано. А пока прошу всех моих слушателей познакомиться с прекрасной книжкой, только что появившейся в печати, под заглавием "Сомнения старых и юных", сочинение Брорса. Это — перевод с английского языка. Книжка эта — чрезвычайно интересная. Написана в диалогической форме и представляет из себя разговор английского профессора с учениками старших классов гимназии. Лично я со многими мыслями автора не согласен (например, не думаю, что правда Божья есть правосудие Божье), но как прекрасный сборник самых разнообразных философских рассуждений — эта книга полезна для всех, не только учащихся, но и учившихся. Если эта книга появится в Уфе в достаточном количестве экземпляров, то по ней, как умному конспекту, и можно будет вести будущие наши чтения, отчасти критикуя и самого Брорса. Эту книгу можно выписать (что и рекомендую) из Одессы, книжный магазин "Нового времени", цена 1 руб<*ль*> 75 коп<*еек*>. Итак, до свидания, мои слушатели и оппоненты; надеюсь это свидание будет скоро, если скоро я не уеду к чувашам Стерлитамакского уезда.

Епископ Андрей»[339].

---

[339] Уфимская жизнь. 1915. № 160. 27 октября.

* * *

ОБЩЕСТВО ПОПЕЧЕНИЯ О БЕЖЕНЦАХ

<21 ноября 1915>

«По инициативе его преосвященства, преосвященнейшего Анастасия[340], епископа Холмского, в Уфимской епархии организуется отдел Всероссийского Общества попечения о беженцах.

Лиц, желающих быть членами этого общества, прошу пожаловать на открытие его, имеющее быть в архиерейском доме сегодня, 21 ноября, в два часа дня.

Епископ Андрей»[341].

* * *

ЕПИСКОП АНДРЕЙ УФИМСКИЙ В МОСКВЕ

<Ноябрь — декабрь 1915>

«"Раннее Утро" пишет: Проездом в Петроград посетил на короткое время Москву преосвященный Андрей, епископ Уфимский, в миру кн<*язь*> Ухтомский. Преосвященный едет в Петроград по вызову Св. Синода, причем цель этого вызова владыке не сообщена. В 9½ часов вечера пресвященный Андрей в поезде Николаевской ж<*елезной*> д<*ороги*> выехал из Москвы, приняв перед отъездом на вокзале нашего сотрудника.

---

[340] Анастасий (в миру Александр Алексеевич Грибановский); с 14 мая 1914 — епископ Холмский и Люблинский.

[341] Уфимская жизнь. 1915. № 182. 21 ноября.

О реформе прихода

Со свойственной ему простотой и сердечностью владыка говорил на чрезвычайно важную тему — на тему о реорганизации всего строя церковно-общественной жизни.

— Возможно ли ожидать в более или менее скором будущем реформы прихода?

— Да, конечно, возможно! И давно возможно.

Возможно даже без всяких законопроектов и без указов. Каждый архиерей может провести реформу прихода в своей епархии собственной властью.

— Но как можно осуществить хотя бы выборное начало? Под реформой прихода принято подразумевать учреждения самоуправляющейся церковной общины.

— Да! И это очень просто сделать. Разве не могу я прежде, нежели назначить священника, посоветоваться с приходом? Согласитесь, что никому в голову не придет запрещать епископу советоваться с приходом и по другим вопросам церковной жизни. Вот вам и реформа приходов.

— Конечно, — продолжал владыка, — желательно, чтобы это делалось в согласии с высшей церковной властью. Но, кажется, мы уже не встретим с этой стороны препятствий.

— Митрополит Петроградский Питирим[342] уже возбудил вопрос о переработке приходской реформы. Желательно, чтобы при пересмотре проекта были приняты во внимание пожелания Гос<*ударственной*> Думы о прославлении митрополита Иоанна Тобольского[343].

---

[342] Питирим (в миру Павел Васильевич Окнов); с 23 ноября 1915 — митрополит Петроградский и Ладожский.

[343] Иоанн (Максимович) — митрополит Тобольский (с 11 августа 1711). 10 июня 1715 — скончался в Тобольске. 21 января 1916 — по докладу Святейшего Синода был причислен к лику угодников Божиих.

— Что сказать вам об этом? Я совсем не знаком с актами об осмотре мощей святителя Тобольского. Затрудняюсь судить о своевременности всероссийского прославления его. Я знаю лишь его Житие, а этого мало. Во всяком случае, могу сказать, что прославление святого желательно»[344].

* * *

В ДУХОВНЫХ КРУГАХ

«"Зауральский Край" пишет: "В Св. Синоде обращено внимание на проповеди и выступления епископа Уфимского Андрея (кн<*язя*> Ухтомского). Владыке частным образом указано, что выбор им острых тем для проповедей, вроде произнесенной о подвиге митрополита Филиппа Московского или свободе совести, порождает много споров в духовных кругах и полемику, в которую вовлекаются епископы. Синод же стремится охранять сейчас церковь от всяких волнений, а потому не может одобрить излишнюю горячность епископа Андрея».

ОТКЛОНЕНИЕ ХОДАТАЙСТВА ПРЕОСВЯЩЕННОГО АНДРЕЯ

<Декабрь 1915>

«"Речь" сообщает: Преосвященный Андрей, епископ Уфимский, обратился в Св. Синод с ходатайством о недопущении к причастию и к изъятию из лона церк-

---

[344] Уфимская жизнь. 1915. № 245.

ви тех православных прихожан и прихожанок, которые находятся в незаконном сожительстве с магометанами и магометанками. Надо заметить, что в Уфимской губернии благодаря действиям миссионеров были обращены в православие некоторые магометане. Новообращенные, видимо, плохо усвоили догматы новой веры и не порывали связи с магометанской религией и своими бывшими единоверцами. Они вступали с магометанами в сожительство, на что спустя пальцы смотрели местная епархиальная власть и магометанское духовенство. Гражданские браки в Уфимской губернии между православными и магометанами приняли значительные размеры, что вызвало тревогу у многих приходских священников.

Св. Синод постановил отклонить ходатайство епископа Андрея и указать, что возбужденный преосвященным вопрос — интимный, касается совести и что соответственные дела должны рассматриваться каждое отдельно, соответственно условиям данного случая»[345].

* * *

К РЕФОРМЕ ПРИХОДА

<Декабрь 1915>

«Р. С. находят, что преосвященный епископ Андрей в Уфимской епархии ввел выборное начало при замещении настоятельских мест. По опубликованным им правилам все прошения об определении на эти места подаются на имя епископа Андрея. Прошение лиц, при-

---

[345] Уфимская жизнь. 1915. № 264.

знанных достойными и достаточно подготовленными к занятию освободившегося места, пересылаются епископам в приходское собрание с краткими сведениями о каждом кандидате. Уполномоченное духовное лицо через особо уполномоченное духовное лицо оповещает всех прихожан о предстоящих выборах настоятеля. Выборы происходят в храме. Подача голосов открыта. В ней могут участвовать все прихожане, мужчины и женщины, в возрасте 25 лет и старше. О проведенных выборах составляется акт за подписью уполномоченного духовного лица и не менее 20 прихожан. Акт этот отсылается епископу с подробным докладом. В обращении к пастве епископ Андрей объясняет реформу тем, что, будучи занят делами в Уфе, он не может не только знать всю свою паству, но и посещать все храмы Божьи и узнать всех своих сотрудников и сомолитвенников. "Поэтому я замечаю, что часто делаю ошибки при назначении священников. Я исповедую перед вами, что я по пристрастию никого в пресвитеры и на церковные должности не назначил, но я также исповедую, что я вынуждаюсь ставить в священники людей, которые плохо знают священное писание. Между тем св. апостол заповедует: “Рук ни на кого не возлагай поспешно, не делайся участником в чужих грехах”.

Я не хочу снимать с себя ответственность в служении вам, но не хочу умножать ни своих грехов, ни чужих, поэтому, помолясь Богу, решаюсь просить вашей помощи при выборе и отыскании добрых пастырей"»[346].

[346] Уфимская жизнь. 1915. № 289.

* * *

ВНИМАНИЮ УЧРЕДИТЕЛЕЙ ВОСТОЧНО-РУССКОГО ОБЩЕСТВА

<30 декабря 1915>

«В памятном для многих заседании уфимского комитета попечения о беженцах 30 октября 1915 года выяснилась необходимость принять помощь от западнорусского общества для обслуживания русских нужд в нашей восточной окраине. Это до крайности ненормальное явление не могло не обратить на себя внимание присутствующих, и решено было основать свое Восточно-Русское культурно-просветительское общество. Ныне устав этого общества выработан по образцу западнорусского, и поэтому прошу г<*оспод*> учредителей окончательно его проредактировать и подписать.

Для этого прошу всех интересующихся этим делом собраться в реальном училище во вторник, 2 февраля, в 7 часов вечера. Особенно прошу быть на этом собрании духовенство г<*орода*> Уфы и г<*оспод*> педагогов; хотелось бы выслушать их замечания о задачах нового общества, которое может обещать многое. На собрании будут произнесены две речи.

Андрей, епископ Уфимский»[347].

---

[347] Уфимская жизнь. 1915. № 237. 30 декабря.

* * *

ОТ ЕПИСКОПА

<1 января 1916>

«К настоятелям церквей в районе 50 верст от Уфы.

Через два года моего пребывания в Уфе наконец у меня появилась возможность в порядке очереди посетить и храмы ближайших к Уфе сел. До Великого поста, если Господь даст мне здоровья, я могу побывать в этих селах в праздничные дни.

Для этого должны сговориться какие-либо два ближайших села и прислать за мной лошадей так, чтобы в одном я мог служить бдение, а в другом — святую Литургию, а вечером в этот праздник вернуться домой.

Инициативу в этом маленьком деле возлагаю на о<*тцов*>-настоятелей; они же о подробностях моих поездок должны условиться с о<*тцом*>-ключарем[348] кафедрального собора.

Епископ Андрей»[349].

* * *

ОТ ЕПИСКОПА УФИМСКОГО

<1 марта 1916>

«В Уфимский отдел Всероссийского Общества попечения о беженцах поступают просьбы расселенных в Уфимской губернии беженцев о предоставлении им работы.

---

[348] Ключарь — священник кафедрального храма, служащий заместителем настоятеля.

[349] Уфимские епархиальные ведомости. 1916. № 1. 1 января.

Ввиду этого прошу о<*тцов*>-настоятелей приходов, где имеются беженцы, незамедлительно обследовать и сообщить Отделу (Уфа, Архиерейский дом) о количестве работоспособных и желающих получить работу беженцев — мужчин и женщин, с обозначением их специальности (плотник, кузнец и т<*ак*> д<*алее*>). Для собрания таких же сведений в селениях инородческих, не входящих в состав православных приходов, я вместе с сим прошу содействия Его Превосходительства, господина Уфимского Губернатора.

Кроме того, прошу о<*тцов*>-настоятелей осведомить беженцев о том, что, согласно постановлению Совета Отдела, мною впредь воспрещена выдача одежды из склада при Архиерейском доме, если просители не представят от священника или от сельской администрации удостоверения о действительной нуждаемости, так как Отделом получены сведения, что некоторые из выданных беженцам вещей появляются на базаре. В первую очередь складом будут удовлетворятся ходатайства через священников, причем необходимо точно обозначать все сведения по прилагаемой ниже форме.

При выдаче вещей непременно записывать о том в имеющиеся у беженцев паевые книжки.

Епископ Андрей»[350].

---

[350] Уфимские епархиальные ведомости. 1916. № 5. 1 марта.

* * *

ОТДЕЛ ОФИЦИАЛЬНЫЙ

<Декабрь 1915>

«Рескрипт Ее Императорского Высочества Великой Княгини Елизаветы Федоровны на имя Его Преосвященства.

Преосвященнейший Владыка.

Невзирая на переживаемое родиной тяжелое время напряженной борьбы с вражеским нашествием, произведенный усердием духовных пастырей в Вербную неделю 1915 года во всех церквях Империи тарелочный собор на Святую Землю доставил в распоряжение состоявшего под Моим председательством Императорского Православного Палестинского Общества посильную народную лепту на святое дело помощи страждущим в турецкой неволе нашим соотечественникам и предстоящее по окончании войны восстановление в Иерусалиме и Святой Земле разграбленных врагами русских храмов и паломнических приютов.

Выражая Вашему Преосвященству Мою сердечную благодарность за своевременно принятые меры к производству сего сбора по вверенной Вам Уфимской епархии и крепко веря в неизменное сочувствие православного русского народа к находящейся в бедственном состоянии Святой Земле, я вновь решаюсь обратиться к Вам, Владыка, с убедительной просьбой предложить подведомственному Вам духовенству произвести в приближающиеся дни Вербной недели разрешенный Святейшим Синодом тарелочный церковный сбор на нужды Православия и русских богомольцев в Иерусалиме и Св. Земле. Как она, несомненно, в значительной степени облегчит предстоящие Обществу заботы по восстановлению созданных

народным усердием полвека тому назад русских богоугодных учреждений в Иерусалиме и поможет возродить прерванную войной благотворительную деятельность для поддержания Православия в Св. Земле.

Необходимые для производства вербного сбора воззвания и надписи к сборным блюдам будут доставлены во все церкви Уфимской епархии при № 8 "Церковных Ведомостей".

Испрашиваю Вашего Архипастырского благословения и поручаю Себя и Общество Вашим святительским молитвам.

ЕЛИЗАВЕТА.

P.S. Резолюция Его Преосвященства: Напечатать в "Епархиальных ведомостях". Отцы-настоятели должны внимательно отнестись к этому сбору — на разоренную ныне Святую Землю.

Е<*пископ*> А<*ндрей*>»[351].

* * *

ПРИВЕТ ОПТИНСКОГО СТАРЦА О<*ТЦА*> АНАТОЛИЯ ЕПИСКОПУ АНДРЕЮ

(Из личных воспоминаний)

<29 декабря 1915>

«Ныне весной вознамерился я повидать своего наставника, епископа Андрея, которого не видел с весны 1907 года. Совсем не видел его в омофоре архиерейском...

---

[351] Уфимская жизнь. 1915. № 295.

Направляясь в Уфу, я заехал в Оптину пустынь, чтобы посетить могилу великого старца-молитвенника о<*тца*> Амвросия[352] и у его ученика и преемника о<*тца*> Анатолия[353] испросить молитвы и благословения. 10 апреля молитвенный старец Оптины о<*тец*> Анатолий ввел меня в свою мирную зальцу. Услышав, что я еду в Уфу повидать своего наставника, старец оживился. Надо было видеть, каким восторгом загорелись его очи, когда я упомянул имя епископа Андрея! Слегка наклонившись и смотря на меня, батюшка стал передавать, как он не забывает прошлогодней своей встречи в Москве с епископом Андреем, какую глубокую радость доставила ему эта встреча и как он дорожит фотографической карточкой, подаренной ему владыкой. При этих словах о<*тец*> Анатолий снял со стены и показал мне фотографию владыки Андрея.

На другой день, в воскресенье, в седьмом часу утра я пришел к батюшке для исповеди; несмотря на ранний час, в приемной старца и на крылечке было народливо. Я прошел к дверям его кельи, где меня заметил келейник о<*тец*> Варнава и доложил старцу. Скоро двери открылись, и о<*тец*> Анатолий в короткой мантии, епитрахили и поручах появился на пороге и пригласил меня в келью для исповеди. После исповеди время до поздней обедни я провел на могиле батюшки, о<*тца*> Амвросия.

Эта могила — дорогое место для верующих людей! На ней, под сенью простенькой часовни, чувствуешь себя в особенно добром настроении. С любовью вспоминаешь здесь жизнь старца, богатую поразительными знамениями милости Божьей. Как много шло к нему людей всякого звания и положения, и как мудро и сильно

---

[352] Амвросий (в миру Александр Михайлович Гренков) — иеросхимонах, старец оптинский.

[353] Анатолий Младший (в миру Александр Алексеевич Потапов) — иеромонах, старец оптинский.

во Господе действовал батюшка о<*тец*> Амвросий, зачастую прочитывая, как открытую книгу, самые заметные движения человеческих сердец! Тут же, под общей крышей часовни, слева находится могила духовного отца его, богомудрого оптинского старца о<*тца*> Макария[354]. К нему о<*тец*> Амвросий сохранял до конца своей жизни самую трогательную признательность, самую искреннюю любовь. Свои письма к духовным чадам он часто заканчивал: "...мир и благопоспешение да будет с вами по молитвам блаженного отца нашего Макария!" Батюшка о<*тец*> Амвросий духовно вырос преимущественно под окормлением мудрого о<*тца*> Макария. Последний зорко следил за духовным его развитием и глубоко его любил — только любил не по-мирскому, а по-старческому: часто подвергал о<*тца*> Амвросия тяжелым испытаниям, нередко в присутствии посторонних делал строгие выговоры, даже выгонял из кельи. Но, когда затихали шаги о<*тца*> Амвросия, о<*тец*> Макарий говорил окружающим: "...О, какой дивный человек этот о<*тец*> Амвросий! Велик он будет!"

Мудрые старцы Оптины очень изобретательны на добро: они часто своих учеников ставят в искус, чтобы научить "руцы их на ополчение и персты их на брань", т<*о*> е<*сть*> обучать деятельным и умозрительным подвигом. Так и мудрый о<*тец*> Макарий знал прекрасно, какой крупный у него алмаз о<*тец*> Амвросий, поэтому и подвергал его суровой отделке. Зато, когда этот алмаз был отшлифован уверенной рукой о<*тца*> Макария и потом вставлен в дорогую оправу почетного положения старца Оптины, руководителя человеческих душ, — что это было за сокровище! Он загорался таким огнем молитвы, что напоминал преподобного Сергия Радонежского. А какой мудростью духовной блистал

---

[354] Макарий (в миру Михаил Николаевич Иванов) — иеросхимонах, старец оптинский.

о<*тец*> Амвросий! Его с восторгом слушал Достоевский, ему был предан Леонтьев; светлый, глубокий ум о<*тца*> Амвросия привлекал В. С. Соловьева. Сюда же приходил граф Л. Н. Толстой.

Последнему посещение Оптины осталось памятным. Что-то затронул в нем мудрый старец, так что Л. Н. до конца своей жизни помнил дорогу в Оптину пустынь...

В изголовье могилы о<*тца*> Амвросия, под такой же общей крышей, есть свежая могила — там покоится кроткий и праведный о<*тец*> Иосиф[355], великий старец оптинский, ученик о<*тца*> Амвросия. Последний духовно воспитал и оставил после себя двух молитвенных учеников своих: покойного старца о<*тца*> Иосифа, к которому направлялся граф Л. Н. Толстой, и ныне здравствующего старца о<*тца*> Анатолия. Народные волны, ломившиеся в дверь батюшки, о<*тца*> Амвросия, были весьма обильны и бурны; вручать их одному лицу было непосильно. Мудрый о<*тец*> Амвросий, умирая, эту волнистую народную реку разделил по двум главным направлениям.

После поздней обедни и братской трапезы я снова направился к батюшке о<*тцу*> Анатолию.

Не забыть мне этого послеобеденного приема! Батюшка опять заговорил о владыке Андрее.

— Свезите ему от меня поклон низенький, — сказал он и сам, быстро согнувшись, поклонился до земли, даже положил голову свою на ковер.

— Свезите владыке от меня подарочки, — продолжал старец и, отворив шкафчик, стал вынимать рукоделие оптинских иноков: точеные из липы подсвечники, ладанки, солонки. На каждой вещице было написано славянским письмом какое-либо нравоучительное изречение или же краткая цитата из Св. Писания. Говорят,

---

[355] Иосиф (в миру Иван Евфимович Литовкин) — келейник отца Амвросия, иеросхимонах, старец оптинский.

эти "надписи" доходят до разделения души и духа: ими охватываются характер человека, его стремления, его деятельность...

Оптинские богомольцы очень дорого ценят эти весьма недорогие липовые дары своих несравненных, простых старцев, потому что под сенью этой липовой простоты открываются весьма далекие горизонты.

Лично мне в тот день батюшка, в числе других вещиц, подарил книжечку ценой в одну копейку, приговаривая: "...У вас есть детки! Вот вам св. Архангела Михаила". Я не говорил старцу, есть ли у меня дети или нет; но один из четырех моих детей действительно был Михаил. Этот ребенок очень ждал моего возвращения из Уфы и по приезде моем пять дней при мне был здоров, на 6-й день заболел и через четыре дня умер от кори. 25 мая настоящего года мы его похоронили...

— Вот это передайте от меня владыке, — сказал батюшка и подал мне солонку. Я прочитал на ней надпись: "...Всего блаженнее любить Христа и быть от Него любимым". Потом старец взял в руки два точеных липовых светильника и приказал мне выбрать один для епископа Андрея. Я, было, заупрямился выбирать, ссылаясь на свою неопытность, и просил определить самого старца.

Но батюшка еще ближе поднес к моему лицу подсвечники и решительно приказал: "Нет, уж ты сам выбирай!" Подсвечники были вышиной около 9 вершков, одинакового рисунка. Один был подсвечник-лампада (имел расширенный верх, чтобы можно было поместить лампадный стакан), в другой становилась только свеча. На эту разницу батюшка обратил мое внимание.

Я выбрал для владыки подсвечник-лампаду, как вещь более практичную: в нее и лампаду поместишь, и к случаю можно, как-нибудь укрепив, поставить свечу.

Этот подсвечник-лампаду я взял из рук старца и поставил на стол, а старец наклонился и стал убирать другой подсвечник обратно в угольный шкафчик. Потом

вдруг неожиданно батюшка выпрямился, решительным движением руки снял со стола подсвечник-лампаду и поставил на это место другой подсвечник, приговаривая:

— Ему не этот, а вот какой!

На подсвечнике было написано: "...Во свете Твоем узрим свет".

Мне осталось очень памятным серьезное лицо старца о<*тца*> Анатолия и энергичное, резкое движение его руки...

Этот прием у батюшки был довольно продолжительным — приблизительно около получаса.

Я сам удивился, что батюшка провел со мной столько времени, когда ему дорога всякая минутка. В этот же день у него было очень народливо. Но батюшка благословил прийти к нему вечером попрощаться. На прощанье я благодарил батюшку за любовь к моему дорогому наставнику, епископу Андрею, просил, чтобы и впредь в его добром сердце сохранилось такое чувство вместе с молитвой о владыке, благодарил старца за слова утешения, обращенные ко мне лично...

На другой день, 21 апреля утром, я был уже в вагоне и направлялся в Уфу.

В Уфу прибыл 24 апреля после длинного, утомительного переезда. С замиранием сердца ехал я по улицам незнакомого большого города, где епископская кафедра дорогого наставника, и незнакомый город казался родным. Но меня ожидала печальная весть: владыка Андрей был в Петрограде, и его поджидали только к Вознесению, т<*о*> е<*сть*> через шесть дней. Однако ждать пришлось лишь три дня. Правда, эти три дня показались за три недели. Но зато все решительно забылось, когда я увидел знакомое дорогое лицо своего наставника. Ведь я не смотрел на эти дорогие мне черты целых семь лет, и это была глубокая боль моего сердца...

Зато потом видел их в продолжение шести дней, из них 29 (отдание Пасхи), 30 (Вознесение), и 1 мая влады-

ка совершал службы, за которыми я участвовал и принимал из рук его Тело и Кровь Моего Господа. Приветом из Оптины владыка был, видимо, обрадован, говорю, видимо, потому что владыка Андрей, при всей своей общительности, очень скупо открывает своего внутреннего человека. В этом отношении он оправдывает на себе правило св. Ефрема Сирина: изливай милость свою на всех, но буди спрятан от всех! Лишь из того, что владыка приказал келейнику соль к обеду всегда подавать в оптинской солонке, становилось ясно, как дорог ему привет оптинский...

На 1 мая, в 4 часа дня, владыка назначил время для обозрения епархии и потому после службы был в большой молве: давал разные распоряжения, делал визиты должностным лицам. С трудом я у него нашел минутку, чтобы попрощаться и поблагодарить за несравненный отеческий прием его. Но зато в этот прощальный день Господь привел меня участвовать в его службе и получить, как бы на прощание, Божественную Евхаристию. Это служение в епархиальном женском училище осталось мне памятным. За службой на тему храмового празднования св. Тихона Задонского владыка сказал прекрасное слово, в котором просил воспитанниц училища трудиться для Церкви Божьей и не тяготиться жизненными невзгодами, но искать в них воли Божьей, ибо в жизни лучшее положение не есть блестящее положение, но то, в которое тебя поставляет воля Божья. Вслед за этим в слове послышалась некая жуткая нотка.

— Вот мне, — говорил владыка, — хотелось бы удалиться на покой. Будете вы молиться, чтобы мне удалиться на покой? Будете вы молиться, чтобы со мной была воля Божья?

При этих словах мне почему-то ясно припомнилось, как старец о<*тец*> Анатолий решительно откинул лампаду и назначил свечу епископу Андрею. И я подумал: строгая Оптина, этот оплот Православия, в сих простых

вещах, в лице своего старца, преемника Амвросиева, не дала ли свое указание дорогому наставнику, что ему не полагается стремиться на покой ради молитвенного желания? Взамен молитвенной лампады на покое не другое ли назначается ему: быть сейчас на кафедре церковной, светить, чтобы в свете его узреть свет?..

В этом отношении молитвенный старец Оптины близко подошел к о<*тцу*> Иоанну Кронштадтскому, который писал наставнику в бытность его архимандритом, чтобы не отказывался от архиерейства и не говорил, как Аарон: "...Пошли иного..."

Может быть, в этом привете о<*тца*> Анатолия заключается поддержка для владыки Андрея и всех тех, кому он дорог в Господе...

Священник Димитрий Федотиков»[356].

* * *

ПИСЬМО ПРЕОСВЯЩЕННЕЙШЕМУ АНДРЕЮ УЧИТЕЛЬНИЦЫ ОДНОЙ ИЗ ШКОЛ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ

<Апрель 1916>

«Ваше Преосвященство!

Разрешите обратиться к Вам с некоторыми наболевшими вопросами. Я учительница одной из инородческих народных школ Бирского уезда. Служа 4 года в вотской деревне, я наблюдала жизненную обстановку, быт, нравы и религию вотяков местного края, так что их жизнь

---

[356] Санкт-Петербургские ведомости. 1915. № 290. 29 декабря.

мне более других знакома. Здесь меня поражает полнейшее отсутствие христианского духа вообще; вотяки стоят на распутье двух дорог — пути к христианству или же к мусульманству. Смутные представления о первом дает им народная школа, в которой обучается незначительный процент детей-инородцев, но т<*ак*> к<*ак*> в жизни дети окружены антихристианским влиянием, естественно, что все то, что дает им народная школа в этом направлении, губится плевелами жизни. Второе учение, т<*о*> е<*сть*> мусульманское, им более знакомо; вотские деревни окружены башкирскими селениями, говорят их языком, поют бытовые песни, исполняют некоторые религиозные праздники, дети видят и уважают фанатизм мусульманина.

Ввиду такого общения и теперь наблюдается переход вотяков в мусульманство. Мне в годы учения приходилось читать и слышать с амвона слова проповеди о тех диких странах, где люди еще стоят на низком уровне умственного развития, что исповедуют языческую веру, и проповедники Христова учения о<*тец*> Дамиан и Епископ Николай в Японии казались недосягаемо высокими. Теперь, когда жизнь толкнула не в далекую неведомую страну островов Тихого океана, а в соседний Бирский уезд Уфимской губернии, приходится делать невольное сравнение язычников, и возникает вопрос, не должен ли каждый из нас, народных учителей, стать проповедником, не должен ли каждый своими слабыми силами пролить свет во тьму? Должен...

Иначе учитель в инородческой школе будет только мертвым обучением, и лежащий на нашей ответственности хрупкий материал — душа язычника — не будет связан необходимым звеном Христианского педагогического воспитания. Безусловно тяжел этот труд, но вера в помощь Божью и в душу человека, которая по природе своей христианка, ободряет и поддерживает. Но так как для борьбы с господствующим здесь мусульманством не-

обходимы орудия — книги на инородческом языке, беседы для взрослых религиозно-нравственного характера, я бы просила Вас, Ваше Преосвященство, как духовного главу, содействовать в этом важном деле; только через Вас мы можем иметь в наших библиотеках книги изданий православных миссионерских обществ и разрешение вести чтение и беседы. Излагая свою просьбу, я надеюсь, среди коллег учителей инородцев найдется много таких, которых также терзает характер здешних школ, и они также с душой готовы будут работать в своей школе и деревне. И мы, народные учителя и учительницы, должны первые показать, что для людей, живущих в православном русском государстве, не должно быть выносимо господство ислама, проявляемое, например, в таких резко бьющих в глаза привилегиях: наши псаломщики православных церквей, не имеющие известного образовательного ценза, призываются на защиту родины, тогда как муллы и пономари башкирских мечетей освобождены от этого долга по отношению к родине.

Ужасная терпимость! Благословите, Ваше Преосвященство, нас, слабых тружеников глухих темных языческих школ, начать и исполнить великий и ответственный долг перед Богом и совестью — воспитание языческого юношества в христианском духе, для пользы их жизни и верности Царю и Отечеству. И только с Вашим молитвенным благожеланием легче будет работать, и всякий подвох и неприятность на этом пути будет побежден нашим христианским мужеством!

<подпись>

P.S. Я очень благодарю автора этого письма за ее сочувствие и религиозное одушевление. Дай Бог, чтобы ее коллеги были такими же ревностными слугами св. Церкви и школы.

Со своей стороны готов всемерно служить им теми небольшими средствами, которые находятся в моем распоряжении; особенно же прошу и госпожу М-ву, и ее возможных единомышленников со своими недоумениями и просьбами обращаться в Совет Восточно-Русского культурно-просветительского общества — там средства имеются.

Епископ Андрей»[357].

* * *

ПРЕОСВЯЩЕННЫЙ АНДРЕЙ У ВОЕННОПЛЕННЫХ СЛАВЯН

<31 декабря 1916>

«27 декабря Преосвященный Андрей посетил наиболее значительную группу военнопленных славян, помещающуюся в домах, что возле бывшего колокольного завода. Военнопленные, узнав о прибытии православного архиерея, быстро собрались и окружили Владыку. Владыка прежде всего попросил собравшихся вокруг него спеть тропарь праздника Рождества Христова, если они умеют спеть его. Оказалось, что военнопленные знают тропарь Рождеству Христову, и сейчас же тропарь был спет. Затем сам Владыка пропел кондак празднику и произнес краткую эктению с молитвой о всех живущих в "доме" и сродников их. После молитвы Владыка поздравил военнопленных с праздником и, севши на нарах, попросил всех, кто может, устроиться вокруг него. Очень скоро Владыка оказался в кольце военнопленных,

---

[357] Уфимская жизнь. 1916. № 15.

и началась беседа, продолжавшаяся около 20 минут. В заключение беседы ими была пропета очень любимая и наиболее известная в Галиции и Малороссии коляда, "Небо и земля ныне торжествуют, ангелы людям веселость празднуют...". Когда пишущий эти строки, слушая пение колядки, перенесся своей мыслью в Малороссию и сравнил "колядование", принятое в обычай там, с тем, которое звучало сейчас в ушах в далекой окраинной Уфе, невольно врывалась в сознание мысль: вот этих людей мы называем "военнопленными", но в сущности это — русские люди и, если бы условия жизни на их родине изменились, очень скоро, при некотором внимании к ним, они стали бы верными сынами православной России. Владыка поблагодарил за пение и затем, оставив некоторую жертву на нужды военнопленных славян, уехал, провожаемый выражением благодарности за посещение и участие»[358].

* * *

<15 января 1917>

ЕГО ПРЕОСВЯЩЕНСТВОМ ПРЕОСВЯЩЕННЕЙШИМ АНДРЕЕМ, ЕПИСКОПОМ УФИМСКИМ И МЕНЗЕЛИНСКИМ, СДЕЛАНО ЧЕРЕЗ УФИМСКУЮ ДУХОВНУЮ КОНСИСТОРИЮ СЛЕДУЮЩЕЕ РАСПОРЯЖЕНИЕ

«При объезде епархии за последнее время я заметил, что церковное богослужение во многих храмах совершается крайне не назидательно и даже небрежно: чтение

---

[358] Уфимская жизнь. 1917. № 214.

в храмах совершенно ни для кого не понятно, пение — грубо, не молитвенно и т. д. Все это создает почву для развития сектантства, любой фанатик-сектант может втолковать нашим православным богомольцам, что они в богослужении ничего не понимают, и сделать из этого соответствующие выводы — этого будет достаточно, чтобы посеять семена нецерковного настроения среди православной паствы. Поэтому признаю необходимым, чтобы епархиальный противосектантский миссионер не только боролся с развитием сектантства, где оно уже успело появиться, но и принял предупредительные против этого явления меры.

Поэтому предлагаю епархиальному миссионеру при посещении всех приходов епархии иметь наблюдение:

1) чтобы в св. храмах пение было всегда церковное, молитвенное, непременно гласовое и уставное в возможной мере;
2) чтобы к церковному пению псалмов и праздничных стихир привлекались все богомольцы; для этого отцы-законоучители должны всем своим школьникам заранее, на уроках Закона Божьего давать списывать из Минеи праздничные стихиры и с учениками эти стихиры прочитывать и даже заранее петь;
3) чтобы богослужебное чтение было все на середине храма и чтобы к этому чтению привлекались наиболее хорошие чтецы из мирян и мирянок; этим чтением можно избежать той скуки или уныния, которые можно наблюдать среди мирян при нынешнем, "дьячковском" чтении;
4) чтобы за богослужением была проповедь как необходимая часть богослужения; в случае неумения иереев справиться с этим делом прошу епархиального миссионера дать руководственные указания им;

5) необходимо добиться, чтобы у православных св. Евангелие было непременно в каждом доме и чтобы на внебогослужебных беседах слушатели имели свой экземпляр св. Евангелия;
6) т. к. чтение св. Писания без святого руководства св. отцов может повести к ложным его толкованиям, то необходимо снабдить все приходские храмы епархии подбором брошюр с толкованием хотя бы (сначала) одного св. Евангелия;
7) кроме всего вышеизложенного, г. епархиальный миссионер должен всемерно озаботиться, чтобы все прихожане были обеспечены возможностью приобрести для домашнего чтения хотя бы самое малое количество вообще полезных книжек; для этого должны быть при церковно-приходских советах открыты книжные склады не только одного религиозного содержания, а просто с хорошими полезными книгами.

О постепенном осуществлении этих моих просьб прошу г. епархиального миссионера мне сообщать через каждые шесть месяцев, а о моих новых распоряжениях сделать указания своим помощникам»[359].

[359] Уфимские епархиальные ведомости. Отдел официальный. 1917. № 2. 15 января.

* * *

<Февраль 1917>

ПРЕОСВЯЩЕННЫЙ ЕПИСКОП УФИМСКИЙ АНДРЕЙ В ЗЛАТОУСТОВСКОМ УЕЗДЕ

«Ночью 23 января Преосвященный Андрей, Епископ Уфимский, приехал на станцию Сулея Самаро-Златоустовской ж. д. и оттуда на лошадях поехал обозревать отдаленные села Златоустовского уезда, в которых еще никогда не бывали Уфимские Архипастыри. Владыка посетил Месиду, Тюлюк и Александровку; в двух последних селах Владыка отслужил литургию, а уже 28 января Владыка служил литургию в Саткинской женской единоверческой общине. Наутро Владыка совершил литургию в Саткинской православной церкви, где сказал слово, в коем им была сравнена жизнь иудеев в плену, когда они на реках Вавилонских сидели и плакали, вспоминая о Сионе, с жизнью наших воинов, находящихся в гораздо худшем, немецком плену. Владыка сказал, что этим последним понятен псалом "На реках Вавилонских" более, чем нам. Проповедь эта на молящихся произвела сильное впечатление.

30 января Владыка служил литургию в Саткинской единоверческой церкви, где по окончании литургии сказал слово, в коем призвал старообрядцев к единению; Владыка высказал много светлых и любвеобильных мыслей и чувств.

По окончании литургии Владыку и служившую с ним братию пригласил к себе на трапезу известный христолюбец И. С. Алпатов, который, кстати сказать, более недели ездил с Владыкой вместо кучера. Крестом на блюде И. С. Алпатов встречал Владыку около своего дома, а дочь И. С. с хлебом-солью, оба они плакали от радости,

видя в своем доме всем любимого Архипастыря. После трапезы М. Е. Селиверстов попросил у Владыки благословения на собственные средства выстроить каменную единоверческую церковь в селе Аскияп Златоустовского уезда Уфимской губернии. Архипастырь благословил его на это святое дело. В этот же день, в исходе третьего часа, Владыка отбыл из Сатки в село Тюбеляс, где тоже 31 января совершил литургию и сказал слово утешения о покорности воли Божьей в тех скорбных событиях, которые приносит настоящее военное время. Только терпение в скорбях может приблизить нас к Богу, как Иова, который слышал о Боге только краем своего уха, а уже после перенесенных испытаний видел Бога лицом к лицу. Жители Тюбеляса — люди очень отдаленные от культурной жизни — пережили большой подъем духа и сердечных волнений. В полдень того же дня все село со слезами проводило своего святителя в Уфу.

Местный»[360].

[360] Уфимские епархиальные ведомости. 1917. № 3–4. 1–15 февраля.

Приложение I

<Май 1981>

НОВОМУЧЕНИК ЕПИСКОП АНДРЕЙ УФИМСКИЙ

«Епископ Андрей, в миру Александр Ухтомский (из рода татарских[361] князей Ухтомских), родился 26 декабря 1872 г<*ода*>. Высшее образование получил в Московской духовной академии под руководством сначала ректора архим<*андрита*> Антония (Храповицкого), будущего митрополита и первоиерарха Русской Зарубежной Церкви, а затем архим<*андрита*> Арсения (Стадницкого), впоследствии митрополита Новгородского, иерархов, выдвинутых на Соборе 1917–18 г<*одов*> в качестве кандидатов на патриарший престол. По окончании Академии молодой Александр Ухтомский — ему было 23 года — принял монашество и через четыре года после пострига — священство.

---

[361] Не совсем корректная фраза. На самом деле родословная князей Ухтомских восходит к Рюрику, а с татарами, вернее, монголо-татарами они породнились в XIII веке, когда белозерский князь Глеб Васильевич женился на дочери хана Сартака.

Впоследствии в своем слове при наречении во епископа Владыка Андрей вспоминал, с каким трепетом он, молодой иеромонах, принял на себя это служение:

"Всю страшную мучительность этого вопроса я почувствовал впервые после того, как услышал слова, находящиеся в чине хиротонии иерейской: “Приими Залог сей (св. Тело Христово) и сохрани Его цел и невредим до последняго твоего издыхания, — о Нем же имаши истязан быти во второе и страшное пришествие великаго Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа”. Когда я услышал эти слова, обращенные ко мне, я ужаснулся той страшной, несравненной ответственности, которая этими словами возлагалась на меня. Я думал: “Как я могу сохранить великий Залог, вверяемое моей охране Тело Христово, если я не могу сохранить даже себя?” И тогда я почувствовал, что святые Тайны Евхаристии действительно — огонь, недостойныя опаляяй, и целых два года не находил себе покоя, совершая Святые Тайны в трепетном мучении за свое недостоинство и готовый отказаться от этого страшного служения. Но встреча с великим Кронштадтским о<*тцом*> Иоанном спасла мою душу от остроты, мучительности, почти болезни моего дальнейшего душевного раздвоения. Когда я обратился к нему за наставлением по этому поводу, о<*тец*> Иоанн сказал: “Да, мы все повинны пред Святейшими Тайнами, но мы должны нести свое пресвитерское служение как послушание святой Церкви. Оплакивая свою греховность, мы должны, однако, творить волю Церкви Христовой, указывающей нам чрез архипастырей наших наше церковное назначение”.

Эти слова о<*тца*> Иоанна были воистину елеем для моего израненного грехами и истерзанного разными сомнениями сердца; они завершили мое мировоззрение и указали путь моей жизни: я стал определять его только как наиболее точное исполнение церковного послушания, как наиболее исправное служение святой Церкви,

народу Божьему, людям Божиим, искупленным пречистою Кровию Христовою" ("Прибавления к Церковным Ведомостям" за 1907 год, № 49).

В 1899 г<*оду*> он был возведен в сан архимандрита с назначением на должность наблюдателя Казанских миссионерских курсов.

3-го октября[362] 1907 г<*ода*> в Спасо-Преображенском монастыре в г<*ороде*> Казани, в котором он был настоятелем, архимандрит Андрей был хиротонисан при участии шести иерархов во епископа Мамадышского, Казанского викария. Об этом периоде его святительства существует подробное описание монахини Т., лично знавшей Владыку:

"Кто в Казани не знал в тихие, благословенные царские времена молодого выдающегося епископа Андрея Ухтомского?

Его смирение, простота и вместе мудрость привлекали сердца. Он со всеми был радушен, приветлив, ласков, не разбирая чинов и сословий.

Владыка был просветителем инородцев и ведал инородческой миссионерской школой. Учащиеся безгранично его любили. Когда надо — он был строг, а в час отдыха, бывало, играл с семинаристами в городки и бабки с веселием юноши. Но учащиеся не теряли глубокого уважения к своему учителю, даже преклонения: они хорошо знали, какую строгую, высокую жизнь аскета, великого молитвенника проводил их любимый Владыка. Они знали его пост, молитвенность, бесконечное милосердие к бедным: ведь ни один нуждающийся, просящий у него помощи, не уходил без утешения и щедрого подаяния. У Владыки был секретарь, Василий Иванович Беневольский, — вдовец, бывший раньше чиновником особых поручений при

---

[362] Хиротония состоялась 4 октября 1907 года.

казанском губернаторе, а после кончины своей супруги ставший не просто секретарем молодого Владыки, а его любящим, заботливым отцом. Василий Иванович мне, духовной дочери Владыки, много поведал о его сокровенных подвигах. Ночи владыка Андрей проводил в молитве возле большого, каррарского мрамора креста, который подарил ему его почитатель, купец Стахеев. На короткое время Владыка забывался сном на голой кровати на досках, без подушки и одеяла. Он питался самою простою, всегда постною пищею — даже рыбы никогда не ел. Его почитатели-купцы ящиками подносили ему различные фрукты, которые очень скоро исчезали: его молодые ученики быстро опустошали ящики, зная доброту Владыки. После скудного обеда Владыка спрашивал иногда Василия Ивановича: "Есть у нас еще фрукты?" — "Да ваши любимцы всё уничтожили, всё!" Владыка улыбался. "Вот и хорошо. Пускай кушают на здоровье! Молодые, сильные юноши всегда хотят есть!"

Стучится в келью Владыки (он жил в Спасском монастыре) какой-нибудь бедняк, просит подаяния. Владыка Андрей открывает свой кошелек. Он пуст. Робко говорит Василию Ивановичу: "Может быть, вы дадите мне взаймы несколько рублей, сколько можете?"

Василий Иванович с доброю улыбкою отвечает: "Я, конечно, вам дам, Владыка, но вы ведь совсем недавно получили большую сумму денег". Владыка молчит. Василий Иванович хорошо знает, что он уже успел раздать всё нищим, и дает ему взаймы. Бедняк, утешенный, обрадованный, возвращается в свое жилище, благословляя Господа.

Бывало, что Владыку Андрея и обманывали. Однажды приходит бедно одетая женщина и со слезами говорит: "Муж мой умер. Не на что похоронить! Смилуйся над моим горем!"

Владыка тотчас же дает просящей на похороны и участливо спрашивает: "Где же вы живете?" — "В Во-

робьевом овраге, Владыка", — отвечает "вдова". Владыка знал, что там живет горькая беднота. В овраг во время весенних оттепелей или летних ливней потоками стремится вода и заливает бедные домишки. Сердце доброго Владыки полно сожаления к этой "вдове". Он заботливо спрашивает, на какой улочке живет она, как ее фамилия, как имя. После ухода этой женщины Василий Иванович говорит Владыке: "Мне что-то подозрительна эта баба. Уж очень она театрально причитала и "выдавливала" из себя слезы!"

"Ну, что вы, что вы, Василий Иванович, пойдите в Воробьев овраг по адресу этой горемычной и увидите, что в домике этой несчастной лежит покойник!"

Василий Иванович к вечеру пошел в Воробьев овраг. Найдя домишко "вдовы", он подошел к освещенным окнам. Оттуда доносились веселые звуки гармошки. На столе стояла миска с дымящимися пельменями и бутылка водки. Доносилось веселое пение! Василий Иванович рассказал Владыке, что вместо покойника он застал ужин. Владыка спокойно отнесся к рассказу. "Ну, пускай повеселятся эти большие дети. Ведь им радость — устроить сытный ужин с пельменями. Пусть немного утешатся в своей нищенской жизни, полной труда и лишений!"

Купцы дарили "своему владыке" богатые, драгоценные облачения, а он их раздавал бедным сельским священникам. Он всегда всюду ходил пешком, несмотря на то, что богачи дарили ему великолепных коней, коляски, сани и т<*ак*> д<*алее*>. Когда он каждую среду из своего Спасского монастыря шел в Благовещенский собор читать акафист святителю Гурию, где почивали его мощи, то инородцы — чуваши, черемисы, мордва — падали пред ним на колени, целовали его ноги. Матери подносили младенцев, чтобы он их благословил. Инородцы звали его "наш батька". Бывало, какой-нибудь грязный, всклокоченный чуваш подносит ему полотен-

це пестрое и говорит: “Вот тебе, батька, хусточка. Моя жена соткала для тебя”. И Владыка Андрей целует в лоб подслеповатого чуваша: ведь инородцы топили избы “по-черному”, то есть без печки и трубы, — дым выходил через отверстие в крыше, и эти бедные люди часто страдали трахомою глаз.

Не только православные, но и магометане-татары низко кланялись русскому Владыке, чувствуя в нем духовную высоту.

“Никогда не отказывайте просящим у вас”, — учил меня Владыка. “Вот я однажды шел в Петербургу по Николаевскому мосту. Ветер, снег порошит. Слышу жалобный голос человека: "Подайте Христа ради! Подайте Христа ради!" Я иду дальше со своими мыслями. Вдруг останавливаюсь. Поворачиваю назад. Подхожу к нищему. Это не старый еще человек, просящий ради Христа. Даю ему деньги, которые имел при себе. И вдруг все прохожие стали останавливаться возле бедняка и класть монеты в его замерзшие, посинелые руки. Как я мог пройти мимо просящего у меня малой помощи! Я был занят своим. Дал я — и все прохожие стали давать этому нищему. Никогда не проходите без подаяния убогим. Вы не знаете, почему нищие доходят до такой тяжелой жизни. Для спокойствия совести надо давать просящему, да еще просящему ради Христа!”

Владыка Андрей был большим психологом. Часто приходили к нему за советами, и он их мудро давал.

Владыка удивительно просто, кратко и сильно произносил свои проповеди. Когда он служил, ясно ощущалась его глубокая, проникновенная молитва!

Много у него было почитателей и почитательниц. Многие барышни стремились получить у него благословение на уход в монастырь, но немногие получали его.

Приходят к нему однажды две родныя сестры, окончившие Смольный институт, и просят благословения на поступление в обитель. Владыка говорит им: “Нет,

вы не выдержите монастырской жизни. Учительствуйте в миру". Барышни не послушались совета мудрого Владыки и поступили в монастырь. Скоро, однако, они оставили монастырь и стали в миру хорошими учительницами.

Некоторые замужние женщины собирались по недомыслию оставлять мужей и детей для поступления в монастырь. Владыка останавливал таких безрассудных и советовал им заботиться о детях и мужьях, быть хорошими матерями, супругами, а не идти по пути, на который их не благословил Господь.

Мне поведал Василий Иванович, как Владыка однажды своею проповедью остановил бунт на пороховом заводе, на котором было несколько тысяч рабочих.

В 8–9 верстах от Казани находился пороховой завод. В страшный 1905 год, в год первой революции, рабочие взбунтовались на этом заводе. Одного из 8 директоров злодейски убили — под влиянием красной пропаганды. Рабочие взорвали одну бочку пороха. На окраине Казани окна в домах, обращенные к пороховому заводу, полопались. Такая была страшная сила взрыва! Владыка Андрей сел верхом на своего коня и бесстрашно, рискуя жизнью, помчался на завод. Там его встретила разъяренная, разнузданная толпа. Бунтовщики стали осыпать Владыку ругательствами, насмешками. Он встал на каком-то возвышении и кротко ждал, пока утихнет безумная толпа. В него бросали комки грязи, огурцы, гнилые яблоки. Владыка спокойно стоял и смотрел на толпу и только молился. Толпа стала понемногу затихать. Чудом Божиим водворилась тишина. Владыка заговорил и стал увещевать бунтовщиков. И люди слушали его и с изумлением глядели на него, бесстрашного, спокойного. Говорил так, что они его заслушались, этого "долгополого монаха", как только что его называли. Краткими, но сильными словами Владыка привел дикую

толпу к раскаянию. Люди поняли, какой они совершили великий грех, убив неповинного своего директора. Рабочие освободили директоров и принялись за работу. С почтением провожали они Владыку, когда он возвращался в свой Спасский монастырь. От прежнего буйства и следа не осталось! Вот как, с Божьей помощью, владел владыка Андрей душами человеческими!

Владыка Андрей основал женский монастырь возле татарской деревни Ямбайки при впадении Камы в Волгу. Обитель была любимым детищем Владыки. Кроме русских сестер там было много юных послушниц-татарок. Иногда для них Божественную литургию служили на татарском языке. У новой обители были прекрасные нивы, пастбища, пасеки. Татарки были трудолюбивыми сестрами. В прекрасном месте была эта обитель в честь Покрова Пресвятой Богородицы. Стояла она на горе. Внизу, среди лесов, плавно текла с изумрудными водами красивая река Кама. За обителью возвышался густой бор. По благословению Владыки я поступила в этот монастырь. Три моих одноклассницы Мариинской гимназии города Казани тоже ушли в эту обитель. Моя подруга Екатерина Б. была назначена казначеей".

В 1911 г<*оду*> Владыка Андрей был переведен на Кавказ епископом Сухумским, где, пробыл два года и был возвращен в родные края, в Уфу, находящуюся недалеко от г<*орода*> Казани. В Уфе ему предстояла большая миссионерская работа, на которую он был призван еще с самого раннего своего служения Церкви. В епархии было много иноверцев, особенно мусульман, среди них Владыка проводил обширную миссионерскую работу. Ему много приходилось путешествовать, и благодаря этим поездкам он был известен и любим по всей России. Видя повсеместное отступление от веры и предчувствуя приближение революции, Владыка Андрей призывал весь православный русский народ

объединиться вокруг Помазанника Божия Государя Николая II:

"Что может спасти нас, сберечь наше православное отечество, возвратить Святой Руси ее былую славу?

Верую и твердо убежден я, что как выросла Святая Русь около Церкви Православной, так и воссоздать ее может только ее родное Православие.

Поэтому я жду на Руси великого дня, когда соберется Собор Русской Церкви в присутствии кротчайшего, христианнейшего Царя нашего, благочестивейшего Николая Александровича. Не безрелигиозные сборища самозванных гордецов, не толпы людей, ничем не объединенных и друг друга ненавидящих, укажут нам новые пути общественной и государственной жизни, а Собор иерархов церковных, вместе с лучшими представителями от мирян, в полном согласии и любви сошедшихся и с христианскою твердостию говорящих правду правдолюбивейшему из Царей. И когда устроятся дела церковные, когда умиротворится смятенный ныне дух народный, когда православный русский народ окружит тесным кольцом своих архипастырей и объединится с ними, — тогда обновится православная Русь, тогда возвратится мир и радость всей нашей общественной жизни во всей ее совокупности".

Вместе с митрополитом Антонием он был ревностным сторонником возобновления патриаршества в России. На соборе 1917–18 г<*одов*> Владыка Андрей принимал самое деятельное участие во время выборов патриарха; почитатели Владыки Андрея выдвигали и его кандидатуру в числе других. Что касается митрополичьих кафедр, то, подобно существовавшему в древнем Новгороде обычаю, верующие Москвы сами, путем голосования, избрали себе митрополита; им стал архиеп. Тихон, будущий Патриарх. Такие же выборы состоялись и в Петрограде; здесь голоса разделились между двумя: митр. Вениамином (Казанским) и епископом Андреем. Только благодаря многочисленным голосам рабочих,

особо почитавших Владыку Вениамина, он был избран на Петроградскую кафедру.

Вскоре после революции последовал первый арест епископа Андрея и начались почти непрекращающиеся мытарства по советским тюрьмам и лагерям.

Несмотря на его заключение, народ не забывал своего доброго пастыря и старался не терять с ним связи и всячески облегчать его страдания. Когда Владыку Андрея выпускали на свободу, то верующие устраивали ему сердечные встречи.

В 1922 г<*оду*> он вернулся из ссылки[363] в Уфу. В короткий промежуток своей относительной свободы Владыка Андрей позаботился оставить себе заместителя и хиротонисал (совместно с кем-то) протоиерея Виктора Пояркова во епископы с наречением его "Дивлекановским"[364]. После ареста Владыки Андрея епископ Иоанн Дивлекановский был назначен Патриархом Тихоном временно управляющим Уфимской епархией[365]. Владыка Иоанн продолжал дело епископа Андрея по борьбе

---

[363] С конца 1919 до августа 1922 — с небольшими перерывами Владыка находился в тюрьмах — сначала в Сибири, потом в Москве.

[364] Правильно — «Давлекановский». Хиротония была совершена по благословению владыки Андрея 12 декабря 1922 года, но сам он в ней уже не участвовал, так как накануне был арестован. Рукополагали епископа Иоанна уфимские викарии: епископы Стерлитамакский Марк (Боголюбов), Бирский Трофим (Якобчук) и Аввакум (Боровков). Первые два были рукоположены епископом Андреем и приведенным им к покаянию Николаем (Ипатовым) ранее, в ноябре 1922 года. А они в свою очередь рукоположили епископа Аввакума. По решению Союза приходских общин эти архиереи после ареста епископа Андрея управляли Уфимской епархией, успешно боролись с обновленчеством и совершали новые хиротонии. Епископ Иоанн возглавлял их малый архиерейский собор.

[365] Указом Патриарха от 13 августа 1923 года.

с обновленчеством[366]. Эта борьба стоила многим последователям епископа Андрея мученического венца.

Но особую опасность для Церкви принесла декларация митр. Сергия: она вышла от имени старого архиерея, верного на словах заветам покойного Патриарха, многими уважаемого, и оттого могла сойти за голос самой Церкви. Епископ Андрей объявил это прямой изменой Церкви, и благодаря авторитету его голоса многие не уклонились тогда на путь легализации Церкви. Выход декларации застал епископа Андрея в ссылке в Ашхабадской области[367], но, несмотря на это, он известил всех своих духовных чад о пагубности подобных компромиссов. Он призывал не верить митрополиту Сергию, предвещая, что все его обещания будут нарушены и затем последует полное порабощение Церкви. Действительно, после выхода декларации гонение не утихло, а усилилось. Теперь уже арестовывали за непризнание декларации, а признавших вообще за то, что они продолжали исповедовать православную веру. Таким образом, легализованная Церковь приобрести себе свободы не смогла, а продолжала терять ее. К началу 2-й мировой войны из легализованного епископата на свободе оставалось только 4 епископа во главе с митр. Сергием (Страгородским). Их, видимо, вполне хватало для показа Западу как примера "веротерпимости" новой власти.

Многие верующие, узнав их по плодам их, возвращались под омофор Владыки Андрея и под его руководством образовали тайную Катакомбную Церковь,

---

[366] К сожалению, в дальнейшей епископ Иоанн отошел от исповеднического пути и повел компромиссную политику. См. далее в примечании.

[367] С мая 1923 до марта 1926 — в ссылке в Туркестане. С апреля 1926 — на свободе в Уфе, в июне 1927 — арестован в Москве и приговорен к ссылке в Казахстан. С октября 1927 — в ссылке в Кзыл-Орде.

поставленную полностью в условия катакомб первых веков христианства. На молитву собирались в пещерах, на лесных полянах, в покинутых избах.

ГПУ знало, что в епархии работают тайноцерковники, но никак не находило способов выявить и выловить их. С провокационной целью обнаружить неуловимых ГПУ внезапно вернуло из ссылки епископа Андрея, который был глубоко чтим народом и всей Катакомбной Церковью. ГПУ надеялось, что тайноцерковники потеряют осторожность, метнутся к любимому Владыке и выявят себя. Так бы оно и могло случиться, но хранитель Своей Церкви — Сам Господь: Он дал Владыке Андрею евангельскую кротость и мудрость. Владыка знал, зачем его везут в Уфу, и принял свои меры. По его указанию только одна церковь в Уфе — в честь прав. Симеона Верхотурского, — про настроение <*верующих в*> которой ГПУ прекрасно знало ранее, приняла Владыку открыто. В сторожке этой церкви и поселился Владыка. Эта церковь стала фактически кафедральным собором епархии в недолгие дни относительной свободы еп<*ископа*> Андрея. Больше ни одной церкви из епархии к Владыке Андрею не примкнуло, а тайно у него перебывала вся епархия. ГПУ ошиблось: вместо выявления тайноцерковников происходило углубление и расширение внутренней, по-прежнему не доступной шпионам тайной Церкви. Убедившись в провале своего плана, ГПУ прекратило и дальнейшее пребывание Владыки Андрея на свободе: он был снова арестован и послан в ссылку[368].

Будучи в ссылке, Владыка Андрей не оставлял своего призвания к миссионерству. Так, в Кизиль-Орде[369], где он отбывал свой очередной срок заключения, им были присоединены к Православию ищущие общения

---

[368] Пребывание владыки Андрея в Уфе относится к 1926 году. См. специальное примечание в конце данной публикации.

[369] Правильно Кзыл-Орда.

с Церковью старообрядцы. Об этом был составлен акт воссоединения[370]. Владыка Андрей дал епископов этой новой церкви[371].

Было много лжи и клеветы вылито на епископов и самого Владыку Андрея по незнанию фактов, по злости, по ревности, не по разуму и по заданиям НКВД. Клеветали, например, будто бы епископ Андрей "перешел к беглопоповцам", будто они его "перемазывали" миром при присоединении и проч<*ее*>. Это мнение и до сих пор имеет место у советских церковных историков. Все это оказалось ложью. Он объединил старообрядцев, не принадлежавших к Церкви (раскольников), с Православием на условии равенства "обрядов" и фактически привел их к единоверию. В этом случае он действовал с согласия и благословения Святейшего Патриарха Тихона. Церковь эта осталась жива и начала расти. Некоторое время последователей ее называли "андреевцами". Церковь сразу ушла в "глубокую пустыню" (в СССР не говорили "в подполье") и повела работу, которую можно сравнить разве только с исторической, действительно катакомбной Церковью первых веков христианства. Владыка Андрей укреплял свою паству, заботился о сохранении иерархии и вдохновлял верующих идти на любые мучения ради Христа.

---

[370] На самом деле это произошло в Ашхабаде в августе 1925 года.

[371] Имеется в виду рукоположение епископа Климента (Логинова) владыкой Андреем и епископом Руфином (Бреховым) в 1925 году. Известно, что епископ Климент являлся временно управляющим старообрядческой Амурско-Иркутской епархией. В 1927 году отказался от управления, в том же году подписал в Уфе со стороны старообрядческой Белокриницкой митрополии исторический акт примирения и воссоединения с последователями архиепископа Андрея. Совершал тайные хиротонии. В 1938 году арестован, приговорен к ВМН и расстрелян.

Последний период жизни епископа Андрея мало известен. По свидетельству одного бывшего узника Бутырской тюрьмы, в мае 1932 г<*ода*> Владыка Андрей находился в той же тюрьме, в госпитале, куда его привезли прямо из ссылки, из Узбекистана, где он уже отбыл свой срок. До их встречи Владыка долго сидел в одиночке, затем лежал в палате для венерических больных, затем в палате для сумасшедших и, наконец, в палате для больных цингой. Цингой он действительно был болен и очень страдал от этого: у него выпали почти все волосы, исхудал он до неузнаваемости. Но все происходившее с ним переносил со смирением и покорностью воле Божией. В тюрьме Владыка Андрей часто беседовал с заключенными. К нему как-то невольно все проникались глубоким уважением; закоренелые преступники, воры, даже опальные коммунисты преклонялись перед величием его духа; в его присутствии прекращались драки и перебранка. Владыка Андрей остро реагировал на любую несправедливость по отношению к заключенным со стороны тюремного начальства, за что последнее еще больше притесняло его. Он много молился в тюрьме и не прекращал миссионерствовать даже в камере.

Власти, видя непреклонность духа святителя, решили с ним учинить окончательную расправу. Он был расстрелян в 1937 г<*оду*> в Ярославском изоляторе.

Составлено по статьям, напечатанным в «Православной жизни», № 6 за 1966 г., и в «The Orthodox Word» за 1972 г. (март — апрель, стр. 49)[372]».

---

[372] Православная Русь. Церковно-общественный орган. 1981. № 9. 1/14 мая. С. 6–8.

Примечание:

Краткое жизнеописание владыки Андрея, опубликованное в официальном издании Русской Зарубежной Церкви, основывалось на тех сведениях, которые сохранились в памяти очевидцев. Причем события казанского периода служения — с 1899 года архимандрита, затем с 1907 по 1911 год епископа Андрея — переданы по записям лично знавшей владыку Андрея монахини. А события уфимского периода, и в особенности последних лет ссылок и тюремных заключений, вероятно, изложены по рассказам и свидетельствам разных людей, которые могли быть и не знакомы с самим владыкой. Но то, что жизнь Уфимской епархии они знали хорошо, несомненно. Неточности и ошибки, неизбежные в данном случае, настолько несущественны (например, в датах или наименованиях мест ссылок и заключений)[373], что не нуждаются в особых комментариях.

Единственно требует разъяснения и уточнения рассказ о последнем пребывании владыки Андрея на свободе в своей епархии, когда его приняла Симеоновская церковь. Согласно данной публикации, владыка был возвращен в Уфу с провокационной целью для выявления тайноцерковников после декларации митрополита Сергия. На самом деле владыка вернулся на год раньше. Он был освобожден из ссылки в марте 1926 года и 14 апреля приехал в Уфу. Симеоновская церковь действительно стала его кафедральным собором, а многие другие церкви его не принимали, но это еще было связано не с организацией катакомбных или тайноцерковных общин, а с деятельностью управляющего Уфимской епархией епископа Давлекановского Иоанна (Пояркова)[374].

---

[373] Если еще учесть, что и названия, и административное деление неоднократно в СССР менялись.

[374] См. более подробно в приложении II.

Хотя на самом деле эта компромиссная предательская деятельность епископа Иоанна в масштабах Уфимской епархии мало чем отличалась от таковой же деятельности митрополита Сергия, претендовавшего на командование всею Поместной Русской Церковью[375]. И то, что в Уфе началось в 1924–1926 годах, с конца 1927 года происходило повсеместно: так же как и последователи владыки Андрея, исповедники подвергались гонениям не только со стороны властей, но и лжебратии и действительно в самом скором времени переходили к тайному, катакомбному служению.

Думается, что в упоминаемом эпизоде наложились, вернее, как бы соединились в одной точке события разных лет. Такое часто бывает, когда оглядываешься на прошедшее, и во временной перспективе события давних лет переплетаются или совмещаются. Тем более что рассказы об Уфимской епархии и ее исповедниках были принесены за границу уже после войны, то есть спустя почти два десятилетия после описываемых событий. Так, в 1947–1952 годах "Православной Руси" появились следующие публикации о Катакомбной Церкви:

---

[375] Как отмечают современные исследователи, именно компромиссная политика епископа Иоанна вызвала появление к концу 1924 года двух течений среди православных — «иоанновского» (поярковского) и «андреевского». «Очевидно, что это явление имело в своей основе те же причины, какие вызвали внутренние разделения в Русской Православной Церкви в 1927 году после выхода "Декларации" митрополита Сергия и принятия им предложенных властью условий легализации органов высшего церковного управления. Неслучайно в письмах епископа Андрея из ссылки повторяется мысль о тождестве тактики, которой придерживалось ОГПУ в центре и в Уфе...» (*Зимина Н. П.* Уфимская автокефальная епархия «непоминающих» андреевского течения: история, иерархия, ликвидация (1927–1938) // Материалы XXIII ежегодной богословской конференции ПСТГУ. М., 2013. С. 199).

Ищущим Мать. Из Очерков о Катакомбной Церкви // Православная Русь. 1947. № 10.

Очерки Катакомбной Церкви // Православная Русь. 1948. № 3.

Дар языков // Православная Русь. 1949. № 8–17.

Важное постановление Катакомбной Церкви // Православная Русь. 1949. № 18.

Особый путь: Повесть из жизни Уфимской церкви // Православная Русь. 1952. № 5–19; и отдельной брошюрой: Особый путь. — Jordanville, N. Y.: Holy Trinity Monastery, 1952.

Все они были подписаны "Брат Захария". В примечании к повести о жизни тайноцерковников "Дар языков" указывалось: "Автор — катакомбный священник, облекший в форму повести личные истинные переживания. Он в настоящее время находится в Зарубежье"[376], и еще в другом номере: "Напоминаем читателям, что за этой историей, облеченной в форму повести, скрываются истинные события. Некоторые герои этой повести живы и доселе, а иные из них даже за границей..."[377] В этой повести не называлась ни епархия, ни населенные пункты. Можно только догадываться, что события разворачиваются в Уфе (так, характерно, например, описание Сергиевского кладбища — самого старого в городе, с древней закрытой церковью преп. Сергия).

Через несколько лет в публикации "Особый путь" уже не только не скрывалось, а и в самом названии заявлялось — "Повесть из жизни Уфимской епархии". В ней также в художественной форме описывались церковные события, главным образом связанные с епископом Давлекановским Иоанном (Поярковым); действие происходило в Уфе в 1931 году и завершалось приездом

---

[376] Православная Русь. 1949. № 8–9. С. 16.

[377] Там же. № 12. С. 8.

владыки Андрея и предсмертным покаянием епископа Иоанна.

На самом деле епископ Иоанн умер в январе 1933 года, было ли у него покаяние — Бог знает. В 1931 году он оставался членом Синода митрополита Сергия, был возведен в сан архиепископа. Но перед смертью принял схиму... Возможно, автор повести таким образом выразил свою личную надежду. Несомненно, он хорошо знал не только епископа Иоанна, но и все его окружение; и мотивы, которыми те руководствовались в своей деятельности. В этом плане его пространная повесть представляет большой интерес и не потеряла своего исторического значения. Надеемся, что, когда придет время для издания подробных жизнеописаний мучеников и исповедников Уфимской епархии, она еще будет опубликована, так же как и повесть "Дар языков", в которой, несмотря на художественную форму, непридуманные рассказы о тайном служении, подлинное свидетельство об ушедшей в катакомбы XX столетия Русской Церкви.

Здесь приведем один из них — катакомбный епископ у одра умирающего исповедника, замученного пытками.

«Владыка Филипп пришел на другой день Крещения действительно рано: в четвертом часу утра. В комнате умирающего было несколько человек, пришедших проводить Сергия Климова в последний путь. Владыку все встретили радостно. Благословив всех, он подошел к постели Климова и стал надевать подрясник, епитрахиль и поручи. Присутствующие вышли: началась исповедь.

"Самое главное: не могу простить им, Владыка..." — порывисто заговорил Климов, когда епископ, прочитав молитвы перед исповедью, сел к нему на кровать. "Нет сил простить... Если бы просто мучили, а то..." — замолк он, задыхаясь; слезы бежали из воспаленных глаз по впалым щекам.

"Слушай, мученик Христов Сергий. Во страдании своем ты венец приял от Христа — Бога нашего. Имея крепость Его,

низложил ты мучителей, сокрушил демонов немощные дерзости. Мысль о том, что ты не можешь простить, не твоя, это лукавый свою последнюю дерзость тебе учиняет... Не только простил ты, но и любишь врагов своих. Не мучь себя этим: это не твое".

"Зло на них в моем сердце, Владыка".

"Нет в тебе зла. Скажи, желал бы ты им в отмщение таких же мук, какие они тебе причинили? "

Климов покачал головой: "Нет, не надо"...

"Вот видишь. А горших от твоих, адских мук — желаешь им?"

Опять покачал головой Климов: "Бог с ними... Не надо".

"Вот видишь. Нет зла в твоем сердце... В тебе только горечь и недоумение. Несогласие на такой исход, на победу зла над правдой. То же испытываю и я, смотря на тебя. Но ведь это не последний акт: это не все. Исход только еще впереди. Когда мы увидим заключительные, последние акты исхода этой борьбы, тогда наша горечь и недоумение сами пройдут"...

"Но я не люблю их, Владыка".

"Помнишь, Сергий, сказано: “Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, всею мыслею твоею и всем помышлением твоим”. Знай, что так любить можно только Господа. Чувством, волею и разумом: всем... К остальному, то есть не к Богу, такая любовь невозможна и не требуется поэтому. Человек любит других людей или только чувством, или только волей, или только разумом. Редко чувством и разумом вместе; еще реже чувством и волей... Жену любил ты чувством, не рассуждая разумом, достойна ли она любви, и не принуждая к этому волю... Меня, Анну Григорьевну любишь разумом, рассуждая, что мы заслуживаем таковую от тебя, ибо и сами любим тебя. А вот мучителей своих люби одной волей... И это правильно: по чувству ты не можешь их любить, а разумом и вовсе не согласен на любовь к ним. А к врагам и не нужна любовь чувством и разумом, только волей. Это и принуждает тебя не желать им того, чего не хочешь себе".

Чудным, неземным светом прояснилось лицо Климова. Широко открылись глубоко впавшие глаза; через темный потолок

избы увидел он нечто незримое другим и, не отрывая глаз от видения, Климов чуть слышно прошептал: "Причащай скорей, Владыка, идут за мной"... Владыка Филипп торопливо накрыл ему голову епитрахилью и, прочитав разрешительную молитву, позвал людей приподнять Климова для причащения и проститься.

Без пяти минут в шесть часов Климов скончался. Все присутствовавшие обращались к нему как к святому; про тело говорили мощи; просили молитв за себя, ублажали умилительными песнопениями...

"Приидите, мучениколюбцы вси. Христова страстотерпца течение совершивша, благочестно прославим Сергия славного. Сей бо змиеву главу сокруши и кровию землю освяти, от сущих зде преставися к вечным жилищам и от вседержительных рук подвигов почесть прият. Просит очищения душам нашим и велия милости".

"Днесь вселенная вся страстотерпца просвещается зарями и Божия Церковь цветы украшаема, мучениче Сергие, вопиет ти: угодниче Христов и предстателю теплейший, не престай молити о всех рабех твоих".

"Течение совершив истинное, мучителей всю крепость победил еси и приял еси венец от руки Вседержителя, Сергие всечестне, и показался еси ангелом сопричастник".

Как велика власть твоя, Церковь!

В страшный час, когда изменники объявили кровь святых твоих "заслуженным возмездием за контрреволюцию", ты дала верным твоим радость непосредственного зрения святых и торжество прославления страдальцев. Практический опыт первых веков мученичества Церковь воскресила вновь в ответе на клевету гонителей, на ложь лжебратии, на попытки террором уничтожить катакомбы. Немедленным прославлением мучеников, восторгом немедленного получения венца от Царя Славы, верою в прощение всех грехов за кровь пролитую и муки принятые, подняла Церковь чад своих до уровня исповедников давно прошедших времен.

Провожая мощи мученика, известного вчера как просто Сергий, прославляя терпение его, молясь ему уже как свя-

тому за муки вчерашние, зажгла Церковь в душах чад своих ревность к Господу. Огнем восторга святости видимой и ощущаемой очистила Церковь души верных от страха мук и пробудила жажду исповедания.

Только видевшие это поймут древних, выходивших на улицы с ликующим криком: "Я христианин". Уже есть это в Советах и будет массовым явлением.

И как некогда эта сила победила языческий мир, так и теперь только эта сила победит безбожие. Поэтому исповедничество есть единственный способ борьбы, с которым не справился и никогда не справится атеизм.

Для человеческого ума непонятна быстрота, с какою Церковь подняла, расширила и укрепила дух мученичества. В тысячах экземпляров распространяются жития новых страстотерпцев. Древним дыханием четьих-миней веет от них. Читая житие современного мученика, помещенное в одной тетради с мучеником, имя которого он носил, — теряешь грань времени... Будто и не было перерыва в борьбе Церкви за Господа... Да и был ли в самом деле? Первовековую практику записей опросов мученика, его ответов, распространения этих записей и чтения их пред или после богослужений опять оживила Церковь. Из неприступных, казалось бы, архивов Чека, ГПУ, НКВД, ревтрибуналов и всевозможных судов достает Церковь подлинные протоколы. В сотнях экземпляров переписывают их от руки и перепечатывают на машинках тайные христиане и христианки. Вера, что способствующий своим трудом распространению и прославлению памяти святого мученика, находится под его особым покровительством, подтверждена там сотнями известных всем знамений и явлений.

Каким почитанием и любовию окружена там память мученицы Лидии (Громаковой) и мученика Кирилла (Атаева)! Кто не знает там их биографий и кто из верных не пролил слез умиления, читая их жития? Лидия служила секретарем-машинисткой в отделе Леспромхоза. Уличенная в печатании житий по букве К (в ее машинке нижняя ножка буквы была сломана, что и было замечено в экземпляре, попавшем в руки спец-

отдела), она подверглась в подвалах ГПУ таким истязаниям, что стоявший на часах у дверей камеры рядовой войск ГПУ Кирилл Атаев не выдержал: в исступлении застрелил он двух палачей и в рукопашной схватке с остальными был убит. Последние его слова были обращены к мученице: "Святая, возьми меня с собой". — "Возьму" ... отвечала еле живая Лидия.

Эти и другие леденящие душу подробности принес Церкви тоже солдат ГПУ, более уже не возвратившийся к своей службе, ревностный распространитель житий святых Лидии и Кирилла и сам впоследствии мученик...

Молитвами их, Христе Боже, спаси нашу Родину!"[378]

В известном сборнике материалов о новомучениках протопресвитера Михаила Польского (второй том, первое издание 1957 года) — о новомученице Лидии еще более подробный рассказ. Хотя не названа ее фамилия, но указано, что она была дочерью старого священника в городе Уфе, уклонившегося в обновленческий раскол[379]:

«Дочь, кланяясь отцу в ноги, сказала: "Благослови меня, отец, уйти от тебя, чтобы я не связывала тебя

---

[378] Православная Русь. 1949. № 12. С. 5–7.

[379] Известно, что в Уфимской епархии протоиерей Граммаков Гавриил Иосифович (в 1926 — ему 59 лет), настоятель Свято-Троицкого храма, отказался от молитвенного общения с епископом Андреем и пребывал в подчинении епископа Иоанна (*Протокол приходского собрания 8 мая 1927 года // Национальный архив Республики Башкортостан. Ф. Р–168. Оп. 1. Д. 193*). Еще ранее он активно поддерживал обновленцев, так, например, 24 августа 1922 года председательствовал на градо-уфимском благочинническом собрании, признавшем обновленческое ВЦУ центральным органом управления Русской Церкви (см.: *Зимина Н. П.* Стояние в вере: временная автокефалия Уфимской православной епархии в период заключения Святейшего Патриарха Тихона (ноябрь 1922 г. — август 1923 г.) // Вестник ПСТГУ. II. 2007. Вып. 3 (24). С. 84).

в спасении души твоей". Старый священник знал свою дочь, как и сознавал сделанную им неправду. Он заплакал и, благословляя Лидию на самостоятельную жизнь, пророчески сказал: "Смотри, дочь, когда увенчаешься, скажи Господу, что, хотя сам я оказался не в силах на подвиг, но тебя не удержал — благословил". — "Скажу, папа", — сказала, лобзая его руку, Лидия и этим тоже пророчески предвосхитила свое будущее (епископ Андрей позднее при разговоре о старом священнике отце Лидии сказал осуждавшему его молодому священнику: "У отца протоиерея есть великая защита пред Господом: святая Лидия", — и прервал осуждающий разговор).

Лидии удалось поступить в Лесное ведомство, которое помещалось тогда в здании духовной семинарии; в этом она видела некое предопределение Божие, т<*ак*> к<*ак*> ей удалось спасти многое из прекрасной семинарской церкви, которую в это время переделывали на клуб лесных работников.

В 1926 году Лидию перевели в Леспромхоз на работу в низовом аппарате. Здесь она непосредственно столкнулась с простым русским народом, который горячо любила и который ответил ей тем же.

Огрубевшие от работы в тяжелых условиях, лесорубы и возчики с удивлением рассказывали, что в конторе Леспромхоза, где их встречала Лидия, у них являлось чувство, подобное тому, почти заглохшему, когда до революции они ходили встречать чтимую в губернии икону Богородицы из села Богородского под Уфой. В конторе не слышалось больше сквернословия, взаимооскорблений и криков; затухали злые страсти, люди нежнели друг к другу.

Это было удивительно и замечено всеми, в том числе и партийным начальством. За Лидией наблюдали, но ничего подозрительного не обнаруживали: в легализованные безбожниками церкви она не ходила совершен-

но, а тайные богослужения посещала редко и осторожно...[380]

Секретно-оперативный отдел давно разыскивал машинистку, которая снабжала рабочих Лесного ведомства печатными брошюрами житий святых, молитвенниками, речами и поучениями старых и новых исповедников веры Христовой. Было замечено, что в машинке этой машинистки у буквы "К" нижняя ножка сломана.

Частных машинок в Советском Союзе никто не имеет, а учрежденческие проверить не трудно, и Лидия была обнаружена.

ГПУ поняло, что в его руки попала нить к раскрытию тайной Церкви. Десять дней непрерывных допросов не сломили мученицы: она просто отказалась говорить что-либо. 20 июля выведенный из терпения следователь передал Лидию "спецкоманде" по допросам.

В четвертой камере подвала ГПУ, которое помещалось тогда в здании бывшей гостиницы "Россия" на Александровской улице, работала эта "спецкоманда". По коридору подвала ходил постоянный часовой, которым был в этот день Кирилл Атаев, рядовой 23 лет. Он видел Лидию, когда ее привели в подвал. Предыдущие десятидневные допросы высушили силы мученицы, и она не могла сойти по ступенькам вниз. Рядовой Атаев по окрику начальства под руки свел ее в камеру допроса.

— Спаси тебя Христос! — сказала часовому Лидия, почувствовав в красноармейце искру сожаления к ней по деликатной бережливости его крепких рук.

И Христос спас Атаева.

---

[380] Далее по тексту следует рассказ о последнем приезде владыки Андрея в Уфу и расширении тайной Церкви. Видимо, отсюда и проистекает путаница: приезд владыки, как уже указывалось, был в 1926 году, а вот дальнейшие события, арест и пытки Лидии скорее всего относятся уже к тридцатым годам.

Слова мученицы, девушки-жены, с глазами, полными боли и недоумения, запали в его сердце. Теперь он уже не мог равнодушно слушать ее непрерывный плач и крик, как слушал ранее такие же крики и плач других допрашиваемых. Лидию мучили долго. Пытки ГПУ обычно построены так, чтобы на теле пытаемых не оставалось особо заметных следов, но при допросах Лидии с этим не считались.

Плач и крик Лидии шел непрерывной нотой более полутора часов.

— Ведь тебе же больно: ты плачешь и кричишь, значит, больно? — спрашивали в перерывах утомленные палачи.

— Больно! Господи, как больно! — отвечала прерывистым стоном Лидия.

— Так чего же ты не говоришь? Еще больней будет! — недоумевали мучители.

— Нельзя мне сказать... Нельзя... Не велит... — стонала Лидия.

— Кто не велит?

— Бог не велит.

Палачи придумали что-то новое для мученицы. Их было четверо — нужен был еще один человек. Крикнули в помощь часового.

Когда Атаев вошел в камеру, увидал Лидию, понял способ ее дальнейшего мучения и свою роль при этом, — в нем совершилось чудо, подобное неожиданным обращениям древних мучителей. Вся душа Кирилла оттолкнулась от сатанинской мерзости, и святое исступление охватило его. Не сознавая скорее всего, что он делает, красноармеец из своего служебного револьвера тут же на месте убил стоявших перед ним двух палачей. Не отгремел еще второй выстрел, как стоящий сзади чекист ударил Кирилла кованой рукояткой своего нагана по голове. У Атаева еще хватило силы повернуться и схватить ударившего за горло, но выстрел четвертого свалил его на пол камеры.

Кирилл упал головой к растянутой ремнями Лидии, Господь дал ему возможность перед смертью еще раз услышать от мученицы слова надежды. И смотря прямо в глаза Лидии, брызгая кровью, Кирилл прохрипел присоединение к Господу:

— Святая, возьми меня с собой!..

— Возьму, — светло улыбнулась ему Лидия.

Звук и смысл этого разговора как бы открыли двери потустороннего мира, и стоявшим двум живым чекистам ужас помрачил сознание. С безумным воплем начали они стрелять в беспомощные и угрожавшие им жертвы и стреляли до тех пор, пока не кончились обоймы их револьверов. Прибежавшие на выстрелы люди увели их, безумно кричавших, и сами выбежали из камеры, охваченные неведомым страхом.

Один из этих двух чекистов помешался окончательно. Другой вскоре умер от нервного возбуждения. Перед смертью этот второй рассказал все своему другу, сержанту Алексею Иконникову, который обратился к Богу и принес Церкви эту повесть, за ревностное распространение которой сам потерпел мученическую кончину.

Всех троих: Лидию, Кирилла и Алексея — канонизировало церковно-народное сознание тайной Церкви как святых. За молитвы мучеников Твоих — Лидии, Кирилла и Алексея, Господи Иисусе Христе Боже наш — спаси народ русский!»

В этом же рассказе есть свидетельство о том, что у Лидии был портрет (вероятно, фотография) владыки Андрея.

«"Неправедно от паствы твоея изгнан был еси, отче преподобне. Приобщился еси страданиям и горьким заключениям", — написала Лидия на его обороте. Портрет этот с надписью мученицы по воле Господа сохранился: его забыли снять со стены девичьей комнаты-кельи при последнем обыске и аресте Лидии, и он был передан ле-

сорубами Церкви, которая и хранит его как священное воспоминание о девушке-мученице и исповеднике-епископе»[381].

* * *

<Декабрь 1989>

О ЕПИСКОПЕ УФИМСКОМ И МЕНЗЕЛИНСКОМ АНДРЕЕ. ВОСПОМИНАНИЯ МОНАХИНИ ТАВИФЫ[382]

«...Мне ничего неизвестно о его жизни и служении на ниве Христовой до 1914 года, когда он был назначен возглавлять Уфимскую епархию. Вступив в управление епархией, епископ Андрей вскоре отправился обозревать свои архипастырские владения. Совершив Божественную литургию в Свято-Троицком соборе города Златоуста, Владыка пожелал посетить учебные заведения города: школы, гимназии, ремесленное городское училище — и всюду говорил слово назидания и благословлял поодиночке каждого учащегося, начиная с малолеток. Его ласковое обращение, неподдельно искренний тон его речи находили горячий отклик в юных сердцах и запоминались на всю жизнь. Мне было тогда

---

[381] *Польский М., протопресв.* Новые мученики Российские: в 2 ч. Ч. 2. Репр. воспр. изд. 1957. М., 1992. С. 249–252.

[382] Кардаполова Зоя Михайловна, родилась 31/18 февраля 1903 в Златоусте. В 1938 — переехала в Уфу, где и проживала, посещая тайные богослужения; в 1983 — в возрасте 80 лет приняла тайный монашеский постриг с именем Тавифа; за 11 дней до кончины пострижена в схиму с именем Серафима. 31/18 февраля 1903 — скончалась в Златоусте, похоронена на Южном кладбище Уфы.

10 лет, я училась в первом классе гимназии. Когда после молитвы Владыка говорил нам слово и затем каждого из нас благословлял, сердце мое билось от радости, и я думала, то есть молилась, про себя такими словами: "Господи, сотвори так, чтобы мне когда-нибудь еще раз в жизни увидеть этого доброго Владыку!"

Через три года — революция, потрясшая до основания все устои жизни — церковной и гражданской. Давление на Православную Церковь со стороны безбожных властей, жестокое гонение истинных пастырей, вставших на защиту Церкви и веры по примеру Патриарха Тихона, убеждающего в своих посланиях не предавать Церковь Христову воле безбожных властей, стремящихся насилием и обманом полностью подчинить Церковь себе, принудить к отступничеству... Всех священнослужителей, не подчиняющихся этому требованию, лишали возможности служить, ограничивали в правах законных. Отнимались у храмов священные сосуды и отдавались в переплавку. Отбирались потиры, дарохранительницы, кресты напрестольные, золотые обложки Евангелий. Шла настоящая духовная война! Воспользовались этой сумятицей и сеяли свои плевелы на Христовой ниве разные ереси (обновленцы, живоцерковники и пр<*очие*>), привлекая в свои сети смущенный народ...

Шел 1924 год[383]. Закрыт в Уфе кафедральный собор, отнят архиерейский дом... Епископ Андрей живет на частной квартире. У него еще не отнято право служить в маленькой церкви Св. Симеона Верхотурского. Он еще не лишен права передвижения по епархии, говорить проповеди к народу, укрепляя его в вере православной и противлении нечестию. В этом году Владыка прибыл в город Златоуст, который имел у себя викарного архие-

---

[383] Здесь память изменяет монахине Тавифе, что немудрено на девятом десятке лет и спустя более шести с половиной десятилетий после описываемых событий. Скорее всего речь идет о 1926 годе.

рея Николая. Владыка Андрей служит всенощную в соборе. Является ко мне добрый человек и сообщает эту радостную мне новость. Я едва поверила своим ушам! Десять лет прошло с тех пор, когда я увидела этого Владыку впервые и молилась о том, чтобы когда-нибудь в жизни еще увидеть его. Окрыленная этой вестью, я побежала в собор.

Вхожу, собор переполнен народом. Служба еще не началась. Вижу: Владыка Андрей стоит возле гробницы, окруженный народом, молча молится... Лицо у него не изменилось, но волосы и борода из черных сделались белыми как снег. В это время ему было пятьдесят лет.

С замирающим сердцем, в слезах я простояла всю всенощную, после которой Владыка стал благословлять весь народ поодиночке. А людей была не одна тысяча!

По своему всегдашнему смирению после всех подхожу и я под благословение, не смея и глаз поднять на Владыку. Надо сказать, что в те годы (начиная с 20-го), я была в состоянии человека, убитого горем, и ежедневно ходила в церковь, чтобы, стоя в самом темном уголке, проливать невидимые миру слезы... На руках моих было трое круглых сирот, которым я была кормильцем; и всему миру не было до нас никакого дела! Жили мы после смерти родителей в каменном подвале, в который весной проходила вода... От всего перенесенного в те страшные годы (голод, эпидемии) у меня начиналась чахотка.

Мне и в голову не приходило, что такой чудный Владыка может заметить в этой толпе такое ничтожество, как я. Но Владыка не мог не заметить ни одного несчастного человека по своему сердоболию! Итак, я молча подхожу к нему, сложив руки, под благословение. И вдруг слышу: "Чадо мое, отчего у тебя такая истерзанная душа?" — "К кому обращены такие ласковые слова?" — подумала я. Но возле меня никого нет. Я поднимаю удивленный вопрошающий взгляд. Глаза Владыки об-

ращены на меня... "Да, да, я с тобой говорю!" — отвечает он. Затем он говорит: "Придя домой, ты опиши всю твою жизнь, а завтра после обедни отдашь мне эту тетрадь".

Не помню себя от радости, лечу домой. "Не сон ли это? — думаю. — Тот самый Владыка, которого я видела 10 лет назад, сегодня говорил со мной и пожелал узнать мою жизнь, которой никто не замечал!" ... Всю ночь я писала, а утром пошла к обедне, которую совершал Владыка Андрей в переполненном людьми соборе, и вручила ему тетрадь. "А! Это вчерашняя, — сказал он. — Хорошо!" В тот же день он уехал в Уфу.

Мне и в голову не приходило ожидать какого-нибудь отклика на мои записи; я была счастлива тем, что тот самый Владыка пожелал меня выслушать! Но вот совершенно неожиданно для меня через несколько дней по отъезде Владыки приходит ко мне на работу нарочный из Уфы и вручает письмо... от Владыки Андрея! Едва верю глазам своим. На конверте написано мое имя и такие слова: "Очень прошу ей доставить!" Письмо содержало христианские утешения. Я плакала от радости, читая его... И тут же решила поехать в Уфу, видеть Владыку и говорить с ним не на бумаге, а лицом к лицу. Беру отпуск на три дня и еду.

Владыка не удивился, а встретил меня как родного человека. "Сокровище мое! Ты приехала..." Он устроил меня на два дня у своих друзей, сказав им: "Пусть этот цыпленок у вас отдохнет, он весь измучился!"

Несмотря на свою великую занятость делами церковными, Владыка находил время беседовать со мной. В своих деловых прогулках по Уфе он никогда не пользовался транспортом, а ходил пешком. Он знал всех бедных и больных и посещал их сам, говоря: "У меня детки на горе, детки под горой..." Идя по улице, он подавал милостыню встречающимся бедным. За такую доброту ко всем народ назвал его Владыченькой. Он исполнял заповедь "Просящему у тебя — дай", не рассматривая

и не допытываясь, кто и почему просит. Однажды, идя из церкви домой, окруженный народом и детьми, он, по обыкновению своему, подавал именем Христовым в протянутые к нему руки. У дороги сидел нищий. Владыка хотел ему дать, но вот одна женщина из провожающих останавливает его: "Ах, Владычинка, не давайте ему — он пьяница!" Владыка с негодованием говорит ей: "И ты сама великая грешница, осмеливаешься так говорить о ближнем! Ему не на что сегодня купить хлеба. Проси у него прощения!" И подает ему...

Его доброта простиралась на все творения Божии — на птиц, на животных, он никому не позволял обижать их.

Великие церковные смуты и расстройства того времени не были для него препятствием для приема у себя всех нуждающихся в утешении, наставлении и всяческой помощи в любое время дня и ночи — двери его квартиры не запирались. Как-то раз, уходя в обычное путешествие по Уфе в послеобеденное время, Владыка оставил меня в своей келье, сказав: "Отдыхай здесь до моего прихода. Все для тебя открыто, замков нет". Какое доверие!

Приходящих к нему Владыка встречал словами приветствий: "Чадо мое родное! Сокровище мое! Радость моя! Ну, поговорим о душеспасении". В путешествии по деревенским приходам он избегал пышных встреч и часто являлся неожиданно, сидя на башкирской телеге, он проповедовал ее владельцу-башкиру о вере христианской православной и часто убеждал его к обращению в эту веру.

Владыка Андрей очень болезновал о расколе Русской Православной Церкви, много беседовал об этом с приверженцами раскола и многих из них приводил к принятию православия.

Через три дня я уехала в Златоуст к своим сиротам, счастливой от сознания, что теперь я уж не так одинока

в своем горе, а имею крепкую опору в лице епископа Андрея. Он стал для меня отцом родным. Возникшая между нами переписка продолжалась три года (?), в течение которых я Владыку не видела, а только утешалась его письмами...

В 1925 году умер Патриарх Тихон — столп и опора Русской Православной Церкви, сотрясаемой врагами Бога. Престол Патриарший занял местоблюститель[384] митрополит Сергий Страгородский. Ему было повелено вызвать из всех епархий епископов и брать с них согласие подчиниться воле властей-атеистов и отныне отдать Церковь Христову в полное им повиновение. Подчинившимся епископам и священникам давали кафедры и приходы. Глашатаи обновленцев и других богопротивных ересей ходили по народу, соблазняя вступать в их ряды. На упорствующих в истине истинных пастырей Церкви Христовой обрушились жестокие репрессии: аресты, тюрьмы, ссылки. Вплоть до отнятия жизни... Великое множество священномучеников — пшеницы Христовой — вошло тогда в житницу Небесную 1927 года. В страхе ожидаю вестей из Уфы... Получаю письмо: "Меня вызывают в Москву..." Замерло мое сердце: "Ах, успею ли я увидеть Владыку, проститься с ним? Ведь он не вернется из Москвы", — решила я, зная его твердость в вере.

Благодарение Богу — я чуть успела! Проведя в присутствии Владыки три дня, я проводила его на страдания. Последние его слова ко мне были: "Да укрепит меня Господь пойти вслед Патриарха Тихона! А ты приезжай жить в Уфу и здесь молись Богу, хотя без меня. Будь невестой Христовой. Не выходи замуж".

---

[384] Заместитель Патриаршего Местоблюстителя, во главе Церковного управления с 1926 года после ареста Патриаршего Местоблюстителя митрополита Петра (Полянского).

О дальнейшей судьбе епископа Андрея мне ничего неизвестно достоверно, только одна открытка дошла до меня из Кызыл-Орды с несколькими словами приветствия...

И так я живу в Уфе 60 лет. Пять лет тому назад епископ Андрей явился мне во сне и сказал: "А меня опять назначили в Уфу. Жить буду у вас". Вот радость! Богоспасаемый город Уфа состоит под его наблюдением! Слава и благодарение Господу за такое Его попечение об Уфе и ее народе! Ее любимый пастырь вернулся к ней, увенчанный венцом исповедника.

В 1989 году (через 62 года после описанных событий) я увидела епископа Андрея на иконе новомучеников российских, от безбожников пострадавших, среди мучеников и исповедников веры.

Написаны эти воспоминания в возрасте 86 лет, быть может, многое ушло из памяти, и способность писательская ослабела, и почерк стал неузнаваем... за все — благодарение Богу. Прошу прощения.

Грешная монахиня Тавифа.
Декабрь 1989.

Редакция благодарит А. И. Осипова, передавшего нам воспоминания монахини Тавифы. К сожалению, из-за болезни монахини Тавифы встретиться с ней и уточнить некоторые детали в период подготовки номера не удалось»[385].

[385] Уфимские епархиальные ведомости. 1992. № 3. С. 1–2.

* * *

<6 декабря 1994>

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ СХИИГУМЕНЬИ СЕРГИИ[386]

1. Архиепископ Андрей Уфимский

«Я ходила, конечно, с молодых лет в Церковь. В Уфе сорок церквей было. Много видела и епископов разных, но как-то после встречи с архиепископом Андреем, в миру князем Ухтомским, вся моя жизнь переменилась: я полностью обратилась ко Господу. Мне было двадцать два года тогда. Я слышала, как говорят, с каким восторгом: "Владыка приезжает в Уфу". И я тоже выразила желание большое повидать владыку. Я почему-то опоздала к началу. Уже церковь была полна народу, и в ограде был народ. Пришла, тихонько пробралась, встала в уголочек. И смотрю, — как раз Херувимскую тогда пели, — владыка стоит с распростертыми руками. Я не могу глаз оторвать от него. И других я видела, но это было что-то необыкновенное такое: я чувствовала, что он молится, а душа его прямо вся в Боге. И вот я смотрю, смотрю, за каждым движением его слежу.

И вот, когда он вышел благословлять всех — а ведь сколько народу было, — его взгляд встретился прямо с моим взглядом, совсем неожиданно для меня. Я очень удивилась и почувствовала сразу какое-то горение, словно огнем обожгло сердце мое. Это длилось несколько мгновений, я не знаю сколько, но знаю, что очень немного времени было все это. Он благословил, ушел в алтарь. А я стою, молюсь и вот чувствую, что-то со мной случи-

---

[386] В миру — Обухова Анна Григорьевна (1904–1996).

лось, как будто мне что-то понятно стало, раньше не так это было понятно. Я стою, прямо-таки ноги мои к полу приросли. Кончилась литургия, стал народ ко кресту подходить. Священник держит крест, а владыка стоит рядом и благословляет. Люди идут-идут, а я не могу, не могу подойти никак. Уже народу немного осталось, и я подхожу под благословение. И такой у него какой-то орлиный взгляд, посмотрел так на меня серьезно, благословил, пожал мне руки: "Христос с тобою, чадо мое". Меня прямо-таки всю потрясло даже от таких слов. Ну, я прошла дальше, встала в сторону.

Стали все уходить, и он вышел из храма. Народ был так рад, что он вернулся. Уфа очень любила его. И даже за оградой был народ, не уходили, ждали, пока он выйдет. Не знаю, что такое со мной происходило, но я вдруг поняла: почему это Христос на землю приходил, почему все стремится к Нему, мне как-то стало понятно все. Пришла домой, — я с родителями жила, — и как в тумане на все смотрю. Взяла Евангелие, стала читать. Раньше я брала Новый Завет, и надо мне было нудить себя, чтобы что-то прочитать. А тут, когда я начала читать, что-то такое по-другому я поняла, как будто сердце у меня открылось. И я прочитала подряд, не за один раз, но я всех четырех евангелистов прочитала, и у меня все больше и больше глаза открывались.

Владыка служил только в трех церквях, а остальные церкви были уже "подписанные", и он в них не служил. Где он служил, туда и народ шел. В других церквях никого нет, десяток старушечек, и все. А у нас в Симеоновской церкви полно народу. И если в другом месте служил, мы все туда бегали. Тогда не было трамваев в Уфе, так мы пешком ходили все. Проповеди, конечно, хорошие говорил. Все были в восторге. И, где бы он ни был, меня ничего не могло удержать, я всегда ходила к нему.

В 26-м году он приехал, а в 27-м году его арестовали. Арестовали в Духов день. Помню: раннюю литургию

отслужил он, и повезли его на станцию. Люди, знаете, все плакали: было так тяжело расставаться. А я, — словно сердце у меня вырвали, — я места себе не находила нигде. Вот его привезли на пролеточке на станцию. Несколько мужчин окружили его, удерживая людей. А народ хватает, целует рясу. Он идет, благословляет, благословляет всех. Вышли на перрон, — там стоял московский поезд, — и сразу его провели в вагон. Близко уже нельзя было никому подойти. И стояли все, смотрели. Народу было... Слезы капали у всех. Тут поезд тронулся. Владыка стоит в тамбуре, благословляет. Сначала поезд тихо-тихо стал удаляться, потом быстрее, и он платочек взял, и уже не видно ничего, только платочек видно было. И все, увезли нашего владыку. И с тех пор мы его не видели. Это было в 27-м году, ему было тогда 55 лет.

Собрались на вечерню. Начали молиться, стали все на колени. И заплакали все, сначала про себя, а потом общий гул появился. Поплакали-поплакали, но что же делать: увезли, и все, не видели больше владыку. И храм у нас остался пустой.

2. Иночество

Стала я читать больше, и для меня совсем новый мир открылся. И духовные переживания начались. Вот что-то непонятно мне, какой-либо вопрос появится помимо воли, и я думаю день, потом появится ответ на этот вопрос, — но это помимо воли моей, — и так опять. Читала книги, а там все о посте. Читала, как мало святые отцы ели хлеба, как много молились. Читала и думала: "Так что же? Это ведь не сказки, не выдумки, они такие же были люди. Почему бы и мне не начать, все это на себе не попробовать?" И я начала понемногу воздерживать-

ся. Семья наша была большая: папа, мама, пять сестер и два брата. Но помощи ни от кого не было. Никто меня тогда не поддерживал. Родители мои не были рады, что я пошла по этому пути. А вскоре у меня уже и потребность в духовной матери появилась. Ну, что своя мать: накормить, напоить, одеть, и все. А у духовной матери другое назначение: она хочет чадо свое ко Господу привести. Поэтому как-то собрала я свое барахлишко, часть сестрам раздала, а себе самое необходимое взяла. Машинка швейная у меня была, шила я. И приехала со всеми этими вещами в церковную сторожку к матушкам. Монахиня Иоанна, старшая из них, даже напугалась. Но они мне не отказали, конечно, приняли меня, и я там у них осталась жить. Матушки переписывались с владыкой Андреем[387], и он, смотрю, пишет: "Да Бог благословит, пусть живет".

В 1928 году у нас снова появился епископ — епископ Вениамин (Троицкий). Владыка Андрей в ссылке постриг его в монашество и отправил на послушание в Уфу. Приехал он из Ташкента архимандритом, здесь его повезли к схиепископу Петру[388], и тот вместе с епископом Иовом[389] посвятил его во епископа Байкинского.

И стал владыка Вениамин служить в Симеоновской церкви нашей. Несколько послужил, и я от него при-

---

[387] В то время владыка Андрей вновь находился в ссылке в Средней Азии.

[388] Владыка Питирим (Ладыгин), в схиме Петр, епископ Нижегородский, викарий Уфимский (около 1857 — 1.10.1950).

[389] Владыка Иов, епископ Уфимский. В 1912 году владыка Андрей, будучи на Сухумской кафедре, встретил семнадцатилетнего послушника на Кавказе. Он жил вместе с одним монахом в собственноручно созданной келье в пещере в горах. Владыка Андрей тайно рукоположил его во епископа в 1924 году. В 1930 году владыка Иов окормлял два прихода, состоявшие из верных чад владыки Андрея, затем был арестован.

няла иночество с именем Рипсимия. Мне было 25 лет тогда.

3. Ссылка

Ходила, молилась я и не замечала сначала давления власти. Но власть за нами следила, мы были для нее враги. И, конечно, владыка Андрей был для нее враг, "черным князем" они его называли. Когда его арестовали, сколько клеветы на него было... А он о себе говорил: "Я только был в пеленках князь, и больше я князем не был". Он с юности пошел по духовной линии, какой уж здесь князь, он все испытал в жизни... Только год прослужил у нас и епископ Вениамин, в 1929 году его арестовали. В то время сроки давали небольшие — 3 года, как правило. И мы опять остались одни. В 1930 году и меня арестовали тоже. Пришли ночью, сделали обыск и повели меня пешком через город. Темно, двое конвоиров ведут по середине улицы неизвестно куда. А я, знаете, ведь совсем молодая тогда была. Но страха не было, я чувствовала, что Господь рядом...

Довели до тюрьмы, я перекрестилась и переступила порог. Камера была переполнена. На нарах лежали люди, и под нарами, и на полу. Не знаю, куда стать. Вдруг, слышу, кто-то зовет меня: "Рипсимия!" Я с трудом пробралась туда. Это была знакомая верующая. Устроилась возле нее на полу. Пол был грязный, ночью все время ходили, наступали на меня. Было так душно, что у меня там вскоре начались сердечные приступы. Дышать нечем, подойду к двери, у глазка подышу немного. Лето, жара. Выводили на прогулку на несколько минут. Рядом с камерой стоял смертный ящик. Если кто умирал, складывали туда, пока не наполнится.

Много рядом людей страдало. И так мне было жалко их, так хотелось помочь им всем. Готова была все их сроки себе взять, только бы их отпустили! Три месяца была под следствием. Говорил мне следователь: "Напрасно вы губите свою молодость, зачем вы слушаете так своих священников?" А я всегда знала твердо: раз мои отцы по этой тропиночке пошли, значит, и я за ними должна идти. Дали мне ссылку — город Самарканд, 3 года. На пути в Самарканд в Самарском изоляторе была — страшный изолятор был... Такая, знаете, тюрьма старинная. На десять минут выпускают подышать воздухом и снова камеру запирают. В общем, испытала я тогда эту тюрьму, до конца узнала, что такое тюрьма.

Через шесть месяцев попала в Ташкент. В ташкентской тюрьме было лучше. Там двери открывали, мы на воздухе сидели. И ручеек рядом протекал, нам свободней было. Из Ташкента взяли тех, которые были назначены в Самарканд, меня и еще одного мужчину. Вместе с нами в Каттакурган везли целый вагон бандитов. И когда ехали через Самарканд, нас никто не встретил, чтобы нас принять, и нас дальше в Каттакурган повезли. Это далеко, Каттакурган. И такой, знаете, там был песок, как снег, до колена почти проваливалась нога. Этих бандюшек всех в тюрьму посадили, мужчину, моего попутчика, туда же поместили. А женщина только я была одна, а там женских камер не было. Ну и что, куда меня деть-то?

И вот там, в тюрьме, была такая временная лачужка. Там сидела одна женщина, анашу она продавала, за это ее и посадили. Меня туда и поместили. Принесут грамм 400–500 хлеба и немного воды — и все, потому что я не числилась в тюрьме, я для них была чужая. И еще такая же была камерка, мужчины там сидели, узбеки, "Узбекистан" называлась. Они этой женщине давали еду. Им жены принесут передачу, они ей отделят, а она мне: "Давай садись. Пока я жива, так ничего, не умрешь". Месяца два, наверное, я пробыла там.

Надо было обратно вернуться в Самарканд, но у меня денег своих не было. Тут мужчина один как раз ехал, тот, который был в Самарканд назначен, и он за меня заплатил. И нас двоих отвезли в Самарканд. Там освободили из-под ареста. Выпустили, и куда хочешь иди. Город незнакомый, денег ни копейки нет. И не знаю, куда идти. И вот там к одной женщине старушечка ходила. И эта женщина мне говорит: "Ну, не печалься. Я вам дам адрес этой старушечки, Марьи Ивановны, и вы пойдете к ней". И что же, дала она мне адрес, и мы пошли к этой старушечке. С этим дядечкой пошли, ему тоже негде было остановиться.

В старом городе она жила. Там такие, знаете, внутри были домики маленькие, а вокруг глиняные заборы выше роста человека с маленькой калиточкой. Пришли мы к этой старушечке. Она с мальчиком жила. Мы ей рассказали, — так и так, — и она: "Ну, что же, что же, пожалуйста". Нас приняла, так радушно. У ней было две комнатки. Она комнатку одну этому Александру Ивановичу отдала, а я с ней осталась. Одела меня, а мы что ж, из тюрьмы были, из этапа тем более, грязные были. Через два дня Александр Иванович устроился на работу, — мастер какой-то он был, — и комнатку ему дали. А я на работу устроиться не могу, не принимают меня на швейной фабрике, потому что я за агитацию сослана. У меня политическая статья была — 58–10–11. 10-я значит — агитация против власти, а если уж 10–11 — это групповая агитация.

Тогда карточная система была, нужно было устроиться на работу, чтобы получить карточки, и я уже в уныние начала впадать — не берут меня на работу. Знаете, мне 26 лет было, и я одна в чужом городе оказалась. Трудно было мне тогда еще. Но я думала: "Господь не оставит меня в этом положении, это мне только испытание". И не оставил Господь — приняли на фабрику все-таки. Приняли, а все равно, знаете, следили все время. Как

только выйду подышать в перерыв, а жара такая, каменные стены раскаленные, и я просто задыхалась, совершенно задыхалась. У меня всегда здоровье слабое было. Потом стали признавать расширение сердца. Я ни к кому не подхожу, а около меня тот, другой, третий — следят. Одна рабочая мне потом сказала: "Знаешь, о чем меня спрашивали? Вокруг нее всегда народ. О чем она говорит?"

Так и работала. Если какой непорядок на работе — все относили на мой счет. Раз в месяц ходила в НКВД отмечаться, как ссыльная. Вот прихожу, а меня вызывают во внутреннюю комнату. Там следователь мне и говорит: "Вы будете нам доносить, что на работе у вас делается". Я отказалась, конечно. Он встал. "Пошли", — говорит. Повел меня вниз, в подвал, где камеры с людьми. Открыл ключом дверь в камеру, внутри пусто было. Сказал: "Иди домой и подумай". Ну, что же, и я целый месяц переживала, все собиралась опять в тюрьму. И хозяйке уже сказала, и домой написала. Но Господь сохранил тогда, видно, не время было мне попасть в тюрьму. Когда снова пришла на отметку, больше ничего не предлагали. Так прошло три года...

А владыка Вениамин за Петроградом был в лагере. Там он заболел. В больнице врач сказал: "Перитонит. Операцию делать бесполезно". Ночью владыка видит во сне святителя Николая, который ему сказал: "Жизнь твоя будет продлена, но не в радость, а на скорбь". Наутро у владыки образовалось отверстие, и гной стал выходить. Он поправился, а врач сказал: "Первый раз в жизни вижу такое". После лагеря он попал в город Мелекесс. Вдруг я в Самарканде получаю письмо от владыки Вениамина. Пишет мне: "Приезжай". У меня уже заканчивался срок — три года. В Уфе меня ждали тоже, но, поскольку благословение было в Мелекесс, я поехала туда. Там тоже три года мы пробыли, там я поступила работать.

4. Лагерь

В 1937 году снова начались аресты. Забирали всех подряд, не только там иеромонахов или верующих забирали, а всяких, каких попало. О, какие были жуткие аресты! Владыку Вениамина сначала арестовали. Сколько уж прошло времени, не знаю, нас арестовали: меня, его брата иерея Михаила Троицкого, монахиню Филарету, у которой владыка жил, старушечку Наталью Павловну, из Уфы она была, уважала очень владыку, за ним ездила. А вот была со мной одна инокиня, жили в одной комнате, она осталась, а меня арестовали.

Судили в Ульяновске. В первом полугодии 1937 года давали по 5 лет всем, а во втором полугодии — а меня в декабре судили — уже по 10 лет. В тюрьме били сильно. Через стенку слышно было, как били, как кричали люди. Как-то после допроса встретила в коридоре отца Михаила, брата владыки. Он был весь избит, черный, глаза заплыли: "Рипсимиюшка, ты же знаешь, я ни в чем не виноват". Потом его этапом отправили в Архангельск, и он умер в дороге. С ним была матушка Филарета. И старушка наша не выдержала, умерла на пересылке в Сызраньской тюрьме. После суда погнали и меня на этап. Я еле шла — сил нет, а чуть отстанешь, собаки хватают за ноги. Потом привезли куда-то.

Тайга. Свердловская область, Серовский район, станция Сосьва. Дальше не было пути, поезда не ходили, была сплошная тайга. И вот сюда всех на лесоповал присылали. Лагерь большой там был, рядом село, где жило начальство Севураллага. В лагере наш этап был первым, за кем привозили еще людей. Заставляли нас пни корчевать — это для всех была непосильная работа, потому что от недоедания ни у кого сил не было. Меня поставили сучки обрубать, а я ведь и топор никогда в руках не держала. Рублю-рублю, а сучья все на месте. Руку себе чуть не отрубила тогда. После этого меня отправи-

ли в столовую посуду мыть. Видела, как люди страдают, бедненькие: супчик с крупочкой какой-нибудь дадут им, так они выпьют этот супчик весь, а потом каждую крупиночку собирают в рот. Я уж там про себя-то забывала — мне людей было очень жалко.

Поджила рука, отправили на скатку бревен. Там со мной уже сердечный приступ случился. Работала, и вдруг ноги подкосились, дышать стало нечем. Прислонили меня к дереву, а вечером принесли на носилках в барак. А там сразу в лазарет. Я долго болела. Помню, один раз сердце отказало совсем: все слышу, а глаза открыть не могу, и дыхания почти нет. Слышу, говорят рядом: "Умерла". Но Господь сохранил и в этот раз. Потом четыре с половиной года я медсестрой работала. Я знакома была с медициной несколько. И косить-то нас посылали. А я и косу-то не умела держать. Так там умеешь не умеешь — давай работай.

Конечная моя, что ли, остановка: после лечения по наряду меня взяли в швейный цех. Нашли, что я портниха. К тому времени я уже инвалидность в лагере получила, и на общие работы меня не посылали. Работала в цехе закройщицей. Денег не давали, конечно, нисколько. За кусок хлеба ценилась наша работа. Вот здесь я и кончила весь срок. В 1947 году в декабре месяце освободилась. Ехали долго, восемь суток. Я, помню, до того изнемогла, что больше не могла уже. Легла около стенки, вытянулась и так и уснула. Все на свете забыла. Часа два-три, наверное, я спала прямо на вокзале, на полу у двери. А там был какой-то старичок, священник, тоже ехал с нами, потом был еще дядечка из другого лагпункта, бухгалтер. Я, когда проснулась, они говорят: "А мы вас караулили. Как вы спали хорошо..."

5. После лагеря

В Уфу въезд мне был запрещен. И ближе ста километров от Уфы нельзя было жить. Устроилась с матерью и сестрой в латышском поселке в ста километрах от Уфы. Но в Уфе я бывала, знакомые монахини там жили. Через год одна монахиня приезжает ко мне и говорит: "Поедем к схиепископу Петру". Он рядом жил, недалеко. За ним следили, и попасть к нему было трудно. Мы поехали: я, две монахини и старичок один, вез владыке святые мощи. Владыка был очень старенький — девяносто лет. Мне хотелось скорей принять мантию, а там я готова была хоть снова в тюрьму за Господа. И он постриг меня на другой день с именем Нина. Потом вернулась к сестре. В 1948 году начались аресты "повторников" — забирали всех, кто уже сидел. Соседка была латышка, она сидела, и вот ее взяли. А я ждала, что теперь придут и за мной. Председатель в поселке том уже сказал както сестре: "Спрашивали про твою сестру". Но не угодно было это Господу, и больше в тюрьму я не попадала.

Через два года приехали матушки от владыки Петра: "Где моя овечка? Разыщите мне ее!" Вскоре удалось устроиться в Уфе. Там служил тайно иеромонах отец Михаил[390], которого посвятил владыка Петр, и мы стали ходить к нему. Моя мама приняла от отца Михаила мантию. После смерти отца Михаила нас взял к себе иеромонах Тимофей, его тоже посвятил владыка, но он был из белых священников. Ради Господа они с матушкой своей приняли монашество. За ним охотились власти, и он скрывался много лет на Кавказе. Мы уехали за ним на Кавказ. Жили там шесть лет. Двух моих сестер он постриг в мантию и вскоре после этого в 1975 году умер от астмы. Ему было уже 82 года.

А мы стали искать других истинно православных священников. И нашли их. Но это уже другая история...»

---

[390] Священник Михаил Панченко.

Приложение II

ПИСЬМО ВЛАДЫКИ АНДРЕЯ ЧУВАШСКОЙ ПАСТВЕ

<28 августа 1928>

«+[391]

...м. с. о. Н. Г. І. Х. С. Б. п. н. А.

Возлюбленный о Христе брат...[392]

Вчера я получил твое письмо, а сегодня отвечаю. Приветствую тебя и брата...[393] благодарю вас всех за любовь вашу и доверие ко мне грешному. Возлюбленные мои братия! Правду вы пишете, что тяжелое время мы все переживаем. И потому нам очень тяжело, что

---

[391] Сверху пером нарисован большой крест. Сбоку приписка рукой следователя: *«Эти письма изъяты у меня, священника»* и (далее другим почерком) *Павлов Семен* (*Гурий*), — очевидно, рукой иеромонаха Гурия.

[392] Имя замазано чернилами.

[393] Имя замазано чернилами.

пастыри и епископы оставили свою паству и живут не по Христову закону, а по чужим беззаконным приказаниям.

Вы пишете, что собираетесь для святой молитвы в одно место, так и молитесь. Это очень хорошо. Но вы все-таки должны избрать себе священника-пастыря, который хоть раз в месяц или раз в два месяца приезжал бы и служил бы у вас Божию службу. Главное, изберите человека хорошей жизни и с чистой совестью. Его и слушайте, с ним и молитесь!

А назначенных священников не принимайте; все они назначены антихристом и служат антихристу. А вы каждого священника испытывайте; и если он благочестивой жизни, принимайте, а если пьяница и блудник — гоните его от себя!

Вы спрашиваете, могут ли иеромонахи в приходских храмах крестить и венчать, — отвечаю: — могут; и в миссионерских приходах всегда иеромонахи даже венчали браки.

Дорогие мои братья! Боюсь ошибиться и сказать вам что-нибудь не на пользу, потому что за тысячи верст трудно рассмотреть, что нужно.

А вот советую вам съездить в Казань — хоть одному человеку. Там живет один ссыльный священник и епископ Стефан [394]. Вот посоветуйтесь с ними, что вам делать. Я не знаю их адреса, но вы найдите Марью Васильевну Борисову — она вам все расскажет. Живет она в Суконной Слободе, Спартаковская ул<*ица*> — Малое поле, дом 87. Она вам укажет, где живут честные священники. А епископа Стефана упросите, чтобы он был

---

[394] В миру Сергей Яковлевич Расторгуев (1861–1937) — пострижен в единоверческом Воскресенском монастыре Златоустовского уезда. В июле 1928 — епископами Вениамином (Троицким) и Руфином (Бреховым) рукоположен во единоверческого епископа Иргинского.

вашим епископом и чтобы он не слушал митрополита Сергия, явного изменника святой Церкви и обновленца. Митрополит Сергий очень обижает епископа Стефана за то, что Стефан хороший человек. В Казани еще найдите отца Ксенофонта и отца Аркадия, у них можно и исповедоваться.

Господь да благословит и укрепит вас всех на путях Божиих; помните, что сказал Господь: "блаженны изгнанные правды ради" и еще "блаженны алчущие и жаждущие правды".

Уговорите хоть одного или двух священников не подчиняться беззаконным епископам.

Ваш грешный богомолец и слуга
Епископ Андрей.

1928, авг<*уста*> 3»[395].

* * *

Это письмо было обнаружено в Чебоксарском архиве в 2005 году и впервые опубликовано нами по досадному недоразумению за подписью епископа Аввакума[396], хотя в примечании и отмечалось: "Очевидно, это письмо принадлежит архиепископу Андрею (Ухтомскому), а подпись Аввакум сделана по ошибке при переписке". В дальнейшем во время архивных изысканий удалось убедиться в несомненной принадлежности письма вла-

---

[395] Государственный исторический архив Чувашской Республики. Ф. 2669. Оп. 3. Д. 3098. Л. 142–145 об. Автограф епископа Андрея.

[396] Тайной Церкви ревнитель. Епископ Гурий Казанский и его сомолитвенники. Жизнеописания и документы. М.: Братонеж, 2008.

дыке Андрею. Оно было изъято при аресте иеромонаха Гурия (Павлова)[397].

Иеромонах, в последние годы епископ Гурий (Павлов Симеон Павлович) (1906–1996), — удивительной судьбы человек, один из немногих, если не единственный из катакомбных пастырей Русской Православной Церкви, доживших до окончания открытых богоборческих гонений и поведавший о своей многотрудной исповеднической жизни[398]. В его крестном пути, словно в малой капле, отразилась судьба Русской Православной Церкви XX столетия. Благочестивый отрок, воспитанный в православной чувашской семье и мечтавший о монастырской жизни, богоборческой властью в числе многих ему подобных был лишен всякой возможности не только спасаться в монастыре, но даже жить по-христиански. Тем не менее во время гонений он принял монашество, затем рукоположение в священнический сан и на протяжении почти семи десятилетий нес крест тайного пастырского служения.

11 октября 1928 года в Уфе Симеон был пострижен в монашество епископом Вениамином (Троицким) — вторым заместителем архиепископа Андрея на Уфимской кафедре. При постриге Симеону было дано имя св. Гурия, первого епископа Казанского. На следующий день епископ Вениамин рукоположил его в диаконский,

---

[397] И приобщено к материалам следственного дела № 237 1932 года по обвинению участников к/р организации «СПЦ» ЧАССР Григорьева А. Г., Хрисанфова А. Х., Чернова и других по ст. 58–10 и 58–11 УК, переданного из архива ФСБ Чувашской Республики в Государственный исторический архив Чувашии.

[398] Составленное на основании его рассказов краткое жизнеописание, дополненное архивными материалами из следственных дел 1932 и 1950-х годов, было опубликовано в упомянутой книге «Тайной Церкви ревнитель...» в серии «Новомученики и исповедники Российские пред лицом богоборческой власти».

а 13 октября — в священнический сан и по просьбе Владыки Андрея направил на служение к чувашам в Казанскую "губернию".

В 1932 году иеромонах Гурий был арестован по делу "Союза Православной Церкви" в Чувашии — ревнителей истинного православия — священников и мирян, прервавших общение с митрополитом Сергием и обратившихся за архипастырским руководством к находившему в ссылке в Ульяновске Уфимскому викарному епископу Аввакуму (Боровкову). Как священник-«*аввакумовец*» иеромонах Гурий обвинялся в том, что «*на протяжении целого ряда лет вел антисоветскую работу, путем бродяжничества и агитации по деревням Чувашской АССР организовывал сектантские ячейки, обрабатывая последних в антисоветском духе. Имел тесную связь, путем переписки и личных свиданий с к<онтр>р<еволюционными> епископами Аввакумом, князем Андреем Ухтомским и епископом Вениамином*»[399].

Характерно, что на третьем допросе 31 июля 1932 года отец Гурий подтвердил данные им ранее показания о своей связи с уфимскими епископами. Более того, он заявил: «*Епископ Вениамин и епископ Аввакум, по моему определению, являются настоящими православными епископами, они не признают митрополита Сергия, считают его изменником Православной Церкви и уклонившимся в обновленчество. Я с ними вполне согласен*»[400].

При обыске во время ареста у отца Гурия вместе с приведенным выше письмом владыки Андрея были обнаружены еще два письма — епископа Аввакума и Вениамина, приобщенные к материалам следственного дела как «*вещественные доказательства*» «*антисоветской пропаганды*».

---

[399] ГИАЧР. Ф. 2669. Оп. 3. Д. 3098. Л. 204.
[400] Там же. С. 202 об.

* * *

<21 октября 1928>

«Господи + [401] благослови.

Братиям чувашам.

Дорогие братия чуваши.

Вы сами знаете, как сейчас раздирают Церковь Божию, исполнилось пророчество, и теперь восстали лжепророки и лжепастыри, которые раздирают и продают достояние Божие.

Вы же помните и знайте, что теперь нужно с особенной твердостью беречь святую веру и святые предания, переданные нам от апостолов и святых отцов, а потому и вы устраивайтесь сами и избирайте себе сами достойного епископа, а не ждите, пока к вам пришлют какого-нибудь обновленца, который придет и разрушит у вас всякое церковное дело.

Теперь много стало архипастырей и пастырей ложных, христопродавцев и предателей святой истины, остерегайтесь таковых. Не сообщайтесь с таковыми, твердо стойте за святое Православие.

Помолитесь и обо мне
Аввакум, Епископ Старо-Уфимский

21 октября с<*тарого*> с<*тиля*> 28 г<*ода*>,
г<*ород*> Симбирск»[402].

---

[401] Крест изображен пером.

[402] ГИАЧР. Ф. 2669. Оп. 3. Д. 3098. Л. 147–147 об. Автограф епископа Аввакума.

* * *

<19 октября 1928>

«+

Возлюбленные братия о Христе Иисусе Господе нашем — деревни Хоруя!

Милость и благословение Спасителя нашего да будет со всеми вами.

Господу угодно стало, чтобы избранный Вами брат Симеон Павлов, а ныне честный отец иеромонах Гурий являлся пастырем Вашим и помог Вам во всех духовных нуждах Ваших. Берегите его и сами помогайте ему, ибо он еще молод, хотя и наградил его Господь чистою душою и добрым сердцем. Благодарим Вас за любовь и доверие к нашему Архипастырю владыке Андрею и ко всем нам — его ученикам. Владыка Андрей любил всегда чувашский народ и старался послужить ему, и мы также любим Вас и готовы помогать Вам во всех нуждах Ваших. Поэтому обращайтесь к нам со всем тем, что будет Вам необходимо и нужно, и мы готовы с радостью послужить Вам. Да сохранит всех Вас Господь молитвами Пр. Богородицы и святителей Гурия и Германа Казанских чуд<*отворцев*>. Просим Вас помолиться о нас.

Смиренный Епископ Вениамин
со всею Уфимскою Церковью.

19.10. 28 г<*ода*>»[403].

---

[403] ГИАЧР. Ф. 2669. Оп. 3. Д. 3098. Л. 148–148 об. Автограф епископа Вениамина.

* * *

Эти письма — яркое свидетельство архипастырской заботы владыки Андрея, не оставлявшего свою духовную паству даже во время жесточайших гонений. Из далеких ссылок и тюрем он поддерживал с ней связь и укреплял в исповедническом стоянии. В условиях все более нарастающих гонений на Православную Церковь архиепископу Андрею и его последователям удавалось сохранять и развивать церковную жизнь не только в Уфимской, но и в соседних епархиях. В настоящее время в результате серьезных исторических изысканий выясняется, что так называемая автокефальная епархия "андреевского" течения во второй половине 1920-х годов имела собственную иерархию и десятки приходов на территории Уфимской, Златоустовской, Челябинской и Казанской епархий.

Во многом, если не в целом это удивительное явление в богоборческом государстве объяснялось восстановлением в Уфе настоящей церковно-приходской жизни, что было осуществлением заветной мысли владыки Андрея — именно в возрождении православного прихода он видел единственное спасение и для Русской Церкви, и для Российского государства, обуреваемого революционной разрушительной стихией. "Приход — вот та живая вода, которая может залить кровавое пламя русского социализма, утолить ту жажду правды, в которой томится русский народ", — неустанно повторял владыка с самого начала своей архипастырской и еще ранее пастырской деятельности.

Можно спорить, насколько он был прав. И удалось ли бы предотвратить катастрофу, если бы действительно осуществили приходские реформы? Как бы то ни было, в масштабах страны ничего сделано не было, и владыка Андрей смог их провести только в Уфе фактически уже во время начавшейся революции.

Как отмечает досконально изучившая этот период церковной истории уфимская исследовательница: "Сильные, активные и достаточно самостоятельные приходские организации являлись плодом деятельности епископа Андрея (Ухтомского) на Уфимской кафедре в период 1913–1919 г<*одов*>. Владыка являлся убежденным сторонником активизации церковно-общественной жизни через возрождение прихода. Еще в июле 1916 года он ввел в епархии практику избрания настоятелей храмов собранием прихожан, а весной 1917 года осуществил приходскую реформу с введением выборности всего духовенства и приходского самоуправления. Согласно принятому в мае 1917 года экстренным епархиальным собранием духовенства и мирян "Уставу православных приходов в Уфимской епархии", для управления делами приходам надлежало на общих собраниях избрать приходские советы, причем председателем Совета мог быть как священник, так и мирянин. С осени 1917 года начался процесс консолидации приходов и их участия в общественно-политической жизни Уфимской губернии. В ноябре 1917 года избранное общим собранием Правление приходских советов Уфы на выборах в Учредительное собрание выступило с отдельным списком кандидатов. В декабре 1917 года был образован Союз приходских советов г<*орода*> Уфы, который победил на состоявшихся при белых осенью 1918 года выборах в Уфимскую городскую думу и провел своего кандидата на пост городского головы. Важно отметить, что руководителями приходских советов уфимских церквей являлись видные представители интеллигенции города, члены учрежденного по инициативе епископа Андрея Восточно-Русского культурно-просветительного общества... По окончании на территории губернии Гражданской войны (лето 1919 года) при отсутствии правящего архиерея приходские советы взяли на себя ряд вопросов восстановления

церковной жизни: началась регистрация приходов по новым правилам..."[404]

А когда в 1922 году после ареста Патриарха Тихона в Москве церковная власть была захвачена обновленцами и часть уфимского духовенства заняла компромиссную позицию, фактически подчинившись обновленческому Высшему церковному управлению, именно приходские советы, объединенные в Союз приходов, отказались признать обновленцев и пригласили в Уфу епископа Андрея. В это время владыка был освобожден из тюрьмы в Москве[405]. Богоборческие власти, вероятно, надеялись, что он (как пользовавшийся до революции репутацией "левого") присоединится к обновленцам. Однако они просчитались.

Епископ Андрей сразу же обличил обновленцев и воодушевил православную паству епархии и колеблющихся клириков. Руководствуясь известным постановлением Патриарха Тихона и Синода от 7/20 ноября 1920 года и посланием Заместителя Патриарха митрополита Ярославского Агафангела от 5/18 июня 1922 года, позволяющими архиереям самостоятельное управление епархиями и организацию церковного управления

---

[404] З*имина Н. П.* Стояние в вере: временная автокефалия Уфимской православной епархии в период заключения Святейшего Патриарха Тихона (ноябрь 1922 г. — август 1923 г.) // Вестник ПСТГУ. II. 2007. Вып. 3 (24). С. 81.

[405] В конце декабря 1919 года после взятия большевиками Новониколаевска епископ Андрей был арестован там как член сибирского Высшего церковного управления, доставлен в Омск, в ноябре 1920 освобожден. 8 марта 1921 — вновь арестован и помещен в Омскую тюрьму в одиночку; 1 ноября отправлен в Москву сначала во внутреннюю тюрьму ОГПУ, потом в Бутырскую; в тюрьме он заболел туберкулезом и был определен в одну из частных клиник. В январе 1922 — вновь заключен в Бутырскую тюрьму. В августе 1922 — освобожден, дело прекращено без суда.

в случае отсутствия центральной церковной власти или невозможности общения с нею, епископ Андрей сумел в самое короткое время организовать церковную жизнь в Уфимской епархии и устроить ее самостоятельное управление — так называемую временную автокефалию. Владыка Андрей принял покаяние уклонившегося в обновленчество епископа Златоустовского Николая (Ипатова) и, воссоединив его с Церковью, совершил с ним хиротонии двух новых викарных архиереев — Бирского Трофима (Якобчука) и Стерлитамакского Марка (Боголюбова). Владыка распустил обновленческое епархиальное управление и передал его функции совету Союза приходских советов.

9 декабря 1922 года, пробыв в Уфе чуть больше месяца, епископ Андрей был арестован и выслан в Москву. По его благословению викарии совершили хиротонии двух кандидатов во епископы, выдвинутых Союзом приходских советов, принявшим на себя управление епархией. 11 декабря был рукоположен во епископа Староуфимского Аввакум (Боровков)[406] и 12 декабря — в Давлекановского Иоанн (Поярков)[407], бывший протоиерей Виктор, принявший монашество. Союз православных приходов впредь до возвращения в епархию правящего архиерея передал четырем викариям временное управление Уфимской епархией, прося их самих из-

---

[406] В миру Григорий Антонович Боровков (1892–1937) — преподаватель физики в коммерческом училище в Уфе, потом в средней трудовой школе. В 1922 — пострижен в монашество, рукоположен в священнический сан.

[407] В миру Виктор Алексеевич Поярков (1883–1933) — с 1907 служил священником в Волынской епархии, с 1912 — настоятель единоверческой церкви в Казани, с 1914 — преподаватель Уфимского епархиального женского училища и настоятель церкви. В 1917 — избран от епархии на Поместный Собор, с 1919 — настоятель Никольской церкви Уфы.

брать председательствующего. Таковым и был признан епископ Иоанн (Поярков).

Уфимские викарии успешно вели борьбу с обновленчеством и в свою очередь рукополагали новых архиереев. К марту 1923 года в Уфимской епархии служили уже семь викарных "автокефальных" епископов, не считая епископа Аввакума (Боровкова), арестованного 27 декабря 1922 года и высланного на три года в Зырянский край. Все хиротонии были признаны Патриархом Тихоном после его освобождения из тюрьмы, и в августе 1923 года патриаршим указом епископ Давлекановский Иоанн был назначен временным управляющим Уфимской епархией.

Однако с начала 1924 года епископ Иоанн, столь усердно потрудившийся для укрепления православия в епархии (он не случайно был избран во епископы именно от приходских советов как один из авторитетнейших и уважаемых священников епархии, пользовавшийся полным доверием епископа Андрея), внезапно изменил свою церковную позицию и повел разрушительную политику. Продолжая противостоять обновленцам, он одновременно отрекся и от «*контрреволюционного тихоновского течения*», распустил выборные приходские советы, включил в состав епархиального совета не принесших покаяние обновленцев и далее стал действовать по указке ОГПУ.

В сентябре 1924 года его новообразованный епархиальный совет принял "Обращение к верующим", в котором заявлял «*о полной лояльности к советской власти, об отмежевании от какой бы то ни было политической работы и решительной борьбе с церковной контрреволюцией, а также о законности репрессивных мер, предпринимаемых в отношении контрреволюционно настроенного духовенства*». Православные в Уфимской епархии открыто возмутились такому изменению церковного курса. С этого момента началось новое разделение. Кро-

ме прежних отступников-обновленцев, православным пришлось противостоять и новому отступническому течению — "иоанновскому", или "поярковскому", как его назвали по имени епископа Иоанна.

Епископ Андрей, будучи уже в ссылке в Туркестане, но постоянно поддерживая обширную переписку с Уфой, знал о происходящем. Он расценил действия епископа Иоанна "как полное подчинение политике богоборческой власти" и определил его курс как "полуобновленчество" — тайное или скрытое обновленчество, еще более опасное, чем обновленчество открытое[408].

В последнее время это явление привлекло внимание церковных историков и весьма обстоятельно изучено на огромном фактическом материале не только Уфимской, но и ряда соседних епархий. Результаты этих исследований изложены в научных публикациях[409]. Примечательно, что они полностью подтверждают выводы и оценки владыки Андрея и его сторонников.

Полуобновленчество, будучи инспирировано гонителями, использовалось ими как одно из средств раскола и уничтожения Церкви. Являясь одной из форм соглашательской политики, полуобновленчество было не

---

[408] *Зимина Н. П.* Уфимская автокефальная епархия «непоминающих» андреевского течения: история, иерархия, ликвидация (1927–1938) // Материалы XXIII ежегодной богословской конференции ПСТГУ. М., 2013. С. 198.

[409] *Зимина Н. П.* Полуобновленчество в Русской Православной Церкви в середине 1920-х гг.: к вопросу об оценке церковной политики епископа Елабужского Иринея (Шульмина) и епископа Сарапульского Алексия (Кузнецова) // Вестник ПСТГУ. Сер. II. История. История Русской Православной Церкви. 2013. № 3; *Зимина Н. П.* К вопросу о полуобновленчестве как явлении в Русской Православной Церкви в период заключения Святейшего Патриарха Тихона (1922–1923 гг.) // Материалы XXII ежегодной богословской конференции ПСТГУ. М., 2012. Т. 1. С. 173–185.

единичным фактом, а получило довольно широкое распространение в середине 1920-х годов, когда ряд архиереев, пытаясь избежать гонений и получить легальный статус, переходили на обновленческие позиции во взаимоотношениях с властями, при этом сохраняя общение с канонической церковной властью и заявляя себя "староцерковниками":

"В связи с беспрецедентным давлением со стороны ГПУ-ОГПУ некоторые из них шли на негласные договоренности с властями и определенные компромиссы с обновленцами, официально оставаясь при этом в составе православной иерархии. Ценой уступок являлась личная безопасность, а также легализация органов епархиального управления и всей церковной деятельности.

Следствием указанных договоренностей стало появление с конца 1923 г<*ода*> так называемых "деклараций" — официальных заявлений архиереев о принципах своей церковной платформы, которые являлись одним из условий легализации. Первым неизменно декларировался принцип абсолютной лояльности советской власти, подразумевающий полное и безусловное одобрение всех ее действий в отношении Церкви..."[410]

Завершилась же эта эпоха "полуобновленческих компромиссов" в 1927 году "Декларацией" Заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергия (Страгородского), выступившего уже от имени всей Российской Церкви. И эта его "Декларация" не случайно нашла безоговорочную поддержку у сторонников "полуобновленческих" компромиссов.

Так и в Уфимской епархии епископ Иоанн (Поярков) признал и одобрил "Декларацию", в то время как сторонники владыки Андрея увидели в ней все то же — полуоб-

---

[410] *Зимина Н. П.* «Полуобновленчество» в Патриаршей Церкви в середине 1920-х гг.: епископ Иаков (Маскаев) на Оренбургской кафедре (1923–1925) // Вестник ПСТГУ. Сер. II. 2014. № 6 (61). С. 93.

новленчество, которое уже несколько лет проводил в Уфе епископ Иоанн. Таким образом, то разделение, которое еще ранее возникло в Уфимской епархии, окончательно оформилось после "Декларации" митрополита Сергия.

В октябре 1927 года на съезде православных старокерковнических приходов было принято решение об образовании автокефальной Уфимской епархии[411]. Ее главой был избран возвратившийся из ссылки летом 1926 года епископ Аввакум (Боровков), как "первый заместитель архиепископа Андрея", в то время опять отправленного в далекую ссылку, на этот раз — в Казахстан[412].

Следует отметить, что еще в Туркестанской ссылке в 1925 году владыка Андрей совместно со ссыльным епископом Львом (Черепановым) рукоположил трех новых архиереев для Уфимской епархии: Антония (Миловидова)[413], епископа единоверческого Усть-Катавского, Питирима (Ладыгина)[414], Нижегородского града Уфы,

---

[411] «Поскольку приходы андреевского течения находились на территории Уфимской, также Златоустовской и Челябинской епархий (в гражданском отношении входивших в состав Уральской области), то андреевская епархия получила название "Уфимско-Уральской автокефальной старокерковнической епархии"» (*Зимина Н. П.* Уфимская автокефальная епархия... С. 201).

[412] После освобождения из Туркестанской ссылки весной 1926 года владыка Андрей ненадолго возвращался в Уфу. Но в июне 1927 года был вызван в Москву, там арестован и по обвинению в «*борьбе с советской властью путем высказываний антисоветских идей*» приговорен к трем годам высылки.

[413] Александр Николаевич Миловидов (1877–1937); в 1908 пострижен в мантию в Троице-Сергиевой лавре, с 1913 — настоятель Воскресенского монастыря в Златоустовском уезде Уфимской епархии, в 1917 — возведен в сан игумена епископом Андреем.

[414] Потапий Трофимович Ладыгин (1866–1957), в монашестве — Питирим, в схиме с 1930 — Петр, афонский монах, с 1911 — настоятель подворья Андреевского скита в Одессе. После революции — проживал в Глазове, Уфе, Средней Азии.

и Руфина (Брехова)[415], единоверческого Саткинского. Эти архиереи принимали участие в съезде в 1927 году вместе с епископом Аввакумом и представляли собой иерархию "андреевской" автокефальной епархии.

Съезд единодушно признал своим правящим уфимским архиереем архиепископа Андрея, а его первым заместителем — епископа Аввакума. Обновленчество и "полуобновленчество", как наименовали течение митрополита Сергия и его сторонников в Уфимской епархии, во главе с епископом Иоанном (Поярковым) назвали разрушающими или разоряющими Церковь. На съезде были рассмотрены и разработаны различные вопросы церковного строительства и приняты важные решения в отношении организации церковной жизни.

Надеемся, что когда-нибудь материалы этого поистине исторического церковного события будут опубликованы полностью. Здесь мы приведем лишь небольшие выдержки из вступительного слова при открытии съезда и при его завершении. Поразительно, как после десятилетия безбожной революции, когда по всей стране закрывались последние монастыри, разрушались храмы и воинствующее безбожие готовилось к полному уничтожению религии, уфимская паства владыки Андрея продолжала свое церковное дело.

Из Протокола вечернего пленарного заседания съезда православных староцерковнических приходов в Уфе 3 (16) от 1927 года:

«...Вы, конечно, все понимаете, что сейчас идет дело строительства церковного, дело совершенно новое, дав-

---

[415] Роман Иванович Брехов (1882–1937) — до революции принял монашество в единоверческом монастыре Златоустовского уезда, после закрытия монастыря проживал в городе Сатка.

но забытое, так как многие сотни лет Церковь наша, народ церковный пребывал в полном сне и бездеятельности, а теперь на нашу долю выпала эта страшная ответственность, но счастливая доля быть участниками этого строительства.

Итак, приступая теперь по предлежащей повестке съезда, мы должны помнить и, так сказать, знать, постоянно держать следующее:

1. Что к нашей работе сейчас присматривается и прислушивается буквально весь православный верующий народ, даже и старообрядцы всех толков очень внимательно следят за нашей работой, а наши староцерковники, наш особенно верующий народ на нас возлагает многое. Не с меньшим, но думаю с еще большим вниманием на нас смотрят и другие течения, и поэтому мы должны быть настолько тщательны и осторожны в нашей работе, чтобы оправдать доверие одних и не дать повода к соблазну другим.
2. Нужно помнить, что Церковь сейчас находится в совершенно необычных для нее условиях, что мы, верующие, должны устраивать ее сами, вполне самостоятельно.
3. Мы строим огромное дело церковное, дело, которому нужно жить не минуту, — поэтому мы должны помнить, с каким настроением должны мы приступать к этому строительству. По словам Апостола Павла, "Я, по данной мне благодати, как мудрый строитель, положил основание, а другой строит на нем; но каждый смотри, как строит. Ибо никто не может положить другого основания, кроме положенного, которое есть Иисус Христос. Строит ли кто на этом основании из золота, серебра, драгоценных камней, дерева, сена, соломы, — каждого дело обнаружится; ибо день покажет, потому что

в огне открывается, и огонь испытает дело каждого, каково оно есть. У кого дело, которое он строил, устоит, тот получит награду. А у кого дело сгорит, тот потерпит урон; впрочем сам спасется, но так, как бы из огня" (1 Кор. 3, 10–15)...»[416]

«Братие, помните, что церковное устроение всей нашей жизни — это самое величайшее дело всякого верующего человека. Разрушаются общества, союзы, государства и царства, вспомните страшное разложение и падение Российского царства и научитесь из этого, насколько важно построить жизнь нашу так, чтобы она оставалась несокрушимой от всяких толчков, — такое построение — это только построение церковное, построение, основанное на подлинных вечных законах св. Евангелия, которые непреложны для всех времен и народов.

Итак, отгоните всякую лень, оставьте все свои личные дела, отдайте ваши силы и самые души ваши на это святое дело, на дело построения жизни на основах апостольских, и этим вы исполните ваше назначение здесь на земле, этим вы исполните завет Спасителя и получите от Него радость вечного пребывания с Ним.

Ему слава во веки веков. Аминь.
Епископ Аввакум»[417].

Церковного устроения жизни богоборческие власти ни в коем случае допустить не могли. Вскоре после съез-

---

[416] Национальный архив Республики Башкортостан. Ф. Р–168. Оп. 1. Д. 258. Л. 40–41.

[417] *Зеленогорский М. Л.* Жизнь и труды архиепископа Андрея (князя Ухтомского). М.: Мосты культуры, 2011. С. 396. Как указывает автор в примечании: «Некоторые материалы съезда в личном фонде Алексея Ухтомского (ПФА РАН. <СПбФ АРАН> Ф. 749. Оп. 3. Д. 25)».

да, в ноябре 1927 года, епископ Аввакум был арестован и отправлен в ссылку. Репрессиям были подвергнуты и несколько активных прихожан Симеоновской церкви. В конце года перешел к митрополиту Сергию епископ Антоний. Узнав об этом, владыка Андрей благословил новые хиротонии. В январе 1928 года епископы Питирим и Руфин рукоположили во епископа проживавшего в ссылке в Уфе архимандрита Иова (Афанасьева)[418], и через несколько дней епископы Иов и Питирим рукоположили во епископа архимандрита Вениамина (Троицкого)[419], направленного архиепископом Андреем из Ташкента с поручением возглавить автокефальную епархию в качестве своего второго заместителя.

Таковым епископ Вениамин и был признан. Поселился он в сторожке при Симеоновской церкви[420] — своего рода кафедральном соборе андреевской автокефальной епархии, каковой она стала в последний период служения епископа Андрея в Уфе (1926–1927 годы).

---

[418] Уроженец села Гречишкино Харьковской губернии. Епископ Андрей познакомился с ним еще во время пребывания на Сухумской кафедре. На Кавказе выступал против обновленцев, в 1925 — Майкопским судом был приговорен к высылке в Уфу.

[419] Епископ Вениамин, родом из Тверской губернии, из семьи священника, принял монашеский постриг в Нило-Столобенской пустыни на озере Селигер в 1918 году. За активную борьбу с обновленчеством был арестован в 1922 году и выслан в Среднюю Азию. Там он познакомился с архиепископом Андреем и стал его духовным сыном.

[420] Симеоновская церковь в честь св. праведного Симеона Верхотурского, построенная в 1903 году, располагалась в Северной слободе города Уфы. «Здание храма было деревянным, обшитым тесом желтого цвета, на каменном фундаменте. На колокольне было 9 колоколов: самый большой весил 111 пудов, самый маленький — 1 пуд 33 фунта» (*Васильева О., Латыпова В.* Дорога к храму. История религиозных заведений города Уфы. Уфа, 1993. С. 37).

Приходская община Симеоновской церкви являла собой пример истинно христианской жизни в духе первохристианских общин, о которой столь радел владыка Андрей. Священнослужители, монашествующие и прихожане вели активную миссионерскую, катехизаторскую и благотворительную деятельность: оказывали постоянную помощь всем нуждающимся, в бесплатной столовой при храме кормили множество бедных, собирали и отправляли помощь ссыльному духовенству. Этим во многом занимались сестры организовавшегося при храме сестричества.

«Нам известны имена Ольги Якиной, Нины Филимоновой, Нелли Соловьевой, Ольги Антипиной, Нюры Васильевой, но всего в составе сестричества было не менее 15 человек. Эти молодые девушки, горевшие по примеру своего пастыря ревностию о Церкви, занимались также перепиской и распространением среди верующих различных работ владыки Андрея. За это они были в 1928–1929 г<*одах*> арестованы и осуждены по статье 58 (10) УК РСФСР и сосланы в административные ссылки в Казань, Среднюю Азию сроком до 3 лет. Ни одна из них не отказалась на допросах от епископа Андрея и от своих религиозных убеждений. Вот строки из показаний одной из обвиняемых, Якиной Ольги Петровны (ныне здравствующей): "По показаниям самой обвиняемой, она настоящей контрреволюционной деятельностью занималась 1,5 года, после того как члены кружка сестричества были высланы из Башкирии в административном порядке, на поставленный вопрос — намерена ли Якина продолжать настоящую деятельность в случае, если на сей раз не будет привлечения к судебной ответственности, — показала, что она этой деятельности не прекратит никогда, наоборот, будет стремиться развивать таковую еще более интенсивно".

Согласно описям изъятого при обысках и арестах, членами сестричества были выполнены сотни копий

многих работ епископа Андрея, которые распространялись не только среди прихожан, но и среди духовенства, рассылались по разным епархиям (в том числе в Москву, Новосибирск, Барнаул, Томск, Пензенскую, Ульяновскую, Тамбовскую губернии). Сохранились изъятые при обысках и арестах тетрадки или просто сшитые листы, написанные то чернилами, то химическим или простым карандашом, — тетрадки эти можно назвать святыми, ведь именно за них люди подвергались гонениям, лишениям. Среди этих работ и отдельные проповеди (например, о покаянии и посте, Слово на день Пятидесятницы и др<*угие*>), и статьи по различным вопросам устроения церковной жизни (письма в защиту Церкви Христовой, 10 писем о церковном обновлении, "О модернизированной церкви или сергиевском православии", "Можно ли верить обновленцам", "Об истинно-церковной жизни и подделках ее", "Письма о церковно-общественной жизни" — всего несколько десятков наименований). Этим работам предназначалась важная роль в организации жизни Церкви в годы большевистских гонений.

Преследованиям подверглись и десятки верующих, не участвовавших в работе сестричества, но также занимавшихся переписыванием и распространением работ епископа Андрея, а кроме того, оказывавших помощь Владыке Андрею, епископу Аввакуму и другим архиереям и священнослужителям, находившимся в ссылке»[421].

Трудно назвать общее число исповедников из прихода Симеоновской церкви. Часть прихожан, общее число которых достигало нескольких сот человек, подверглись репрессиям в 1928–1931 годах, многие пострадали уже после закрытия церкви в середине 1930-х. Удивительно, что,

---

[421] *Протоиерей Валерий Мохов, Нина Зимина*. Мученический и исповеднический путь Церкви в Уфимской епархии // Уфимские епархиальные ведомости. 1996. № 4–5. С. 4.

несмотря на усиливающиеся гонения, церковная жизнь не прекращалась, а еще более оживлялась. В протоколе общего собрания прихода Симеоновской церкви от 26 мая 1929 года указывалось, что присутствовало 238 человек, а в списке прихожан на 29 марта 1931 года насчитывалось уже 663 человека[422]. Поражает смелость прихожан, не боявшихся в эти годы отстаивать свой храм и вносить свои имена в списки прихожан. Уфимскому НКВД приходилось регистрировать Симеоновский приход (вместе с его духовенством) и давать разрешение на его деятельность[423].

---

[422] Причем этот список был с подробной информацией о прихожанах, их именами, точными адресами.

[423] При столь огромном количестве прихожан власти не сразу решились закрыть Симеоновскую церковь, хотя для них она несомненно представлялась «*контрреволюционным центром*». «В конце 1928 года в центральных газетах Башкирии появились сообщения о готовящемся закрытии Симеоновской церкви. Народ стихийно поднялся на защиту храма: в декабре 1928 года толпа до 150 человек собралась у церкви. Верующие заявили: "Грабители коммунисты насильно хотят закрыть и ограбить нашу церковь. Умрем, а закрыть не дадим!" В начале 1929 года толпа верующих до 500 человек двинулась к зданию Горсовета с требованием не закрывать церковь. В этих волнениях было обвинено духовенство. Однако епископ Вениамин, напротив, призывал использовать мирные, церковные методы отстаивания церкви: по свидетельствам очевидцев и участников событий, после призыва епископа Вениамина "в Симеоновской церкви происходило усердное моление верующих, подряд три дня сюда стекались массы людей"; вся церковь держала пост, как это было принято на Руси в дни общественных бедствий» (*Протоиерей Валерий Мохов*. Указ. соч. С. 4–5). Прихожанам удалось тогда отстоять свой храм. Более того, в 1930 году властям пришлось принять заявление о перерегистрации Симеоновской общины, которое прихожане подали в связи с новым законом о религиозных объединениях. Не было выполнено и на следующий год постановление Башкирского ЦИК от 3 сентября 1931 года «О ликвидации Симеоновской церкви». И только в 1932 году эта церковь была закрыта по постановлению уже Президиума ВЦИК от 10 июня 1932 года.

4 апреля 1928 года совет Симеоновской общины официально пригласил епископа Вениамина служить в их храме и принять в духовное руководство православные общины, признающие своими духовными руководителями архиепископа Андрея и епископа Аввакума. Епископ Вениамин был признан вторым заместителем архиепископа Андрея и управляющим Уфимской автокефальной епархией.

«При епископе была создана канцелярия, велось обычное церковное делопроизводство. Совершались регулярные открытые богослужения в церквах автокефальной епархии. Епископ Вениамин совершал монашеские постриги, открытые диаконские и иерейские хиротонии. Течение укреплялось за счет возвращения приходов из обновленчества и от "поярковцев". Среди принявших постриг и затем хиротонию от руки преосвященного Вениамина оказался будущий катакомбный епископ Гурий (Павлов), который в начале 1929 года в сане иеромонаха был направлен в Казанскую епархию для окормления чувашских приходов андреевского течения»[424].

Как рассказывал об этом сам отец Гурий в последние годы своей жизни:

«Не признавшие декларации митрополита Сергия 1927 года чуваши искали истинных пастырей. В Казани они познакомились с находящимся там в ссылке уфимским иереем Аркадием Волокитиным. Отец Аркадий дал адрес владыки Андрея, и они написали ему в ссылку письмо: "Владыка Святый! Как нам теперь жить? Мы перестали ходить в сергиевские раскольнические храмы. Ходить или не ходить?" Он им пишет в ответ: "Не ходить. Там не Богу служат, а антихристу. Молитесь, как молились, в своем доме. Но найдите себе духовного

---

[424] *Зимина Н. П.* Уфимская автокефальная епархия... С. 202.

отца". В это время владыка Андрей узнал, что я свободный там иеромонах в Уфе, и пишет владыке Вениамину: "У Вас есть такой свободный священник, пошлите его к чувашам". Владыка Вениамин вызывает меня к себе и говорит: "Отец Гурий! Отправляю вас, как овцу посреди волков. Но будьте терпеливы, ибо претерпевший до конца — спасется". Положил мне голову на плечо и заплакал. Он дал мне святый антиминс, святое миро. Благословил меня, и я пошел к чувашам»[425].

Епископ Вениамин, направляя иеромонаха Гурия на служение в чувашскую деревню Хоруй Козловского уезда, передал с ним для верующих то самое письмо, которое впоследствии было изъято при аресте с письмами владыки Андрея и владыки Аввакума (см. выше тексты этих писем в начале главы).

«По ходатайству епископа Вениамина Административный отдел НКВД разрешал "автокефалистам" (как и представителям других течений) крестные ходы с чудотворными и особо чтимыми иконами. Последнее указывает на то, что существование автокефальной епархии de facto было признано, как и право возглавляющего ее архиерея вести переписку с государственными органами. Однако Епархиальный Совет автокефальной епархии не имел гражданской регистрации.

Основной проблемой в этот период являлся поиск путей дальнейшего бытия Церкви в сложившихся условиях. По-видимому, каждый из "андреевских" епископов имел по этому поводу свою точку зрения: от поиска компромиссного варианта во взаимоотношениях с властями до полного ухода в подполье. Так, епископ Вениамин предпринял безуспешную попытку зарегистрировать Епархиальный Совет автокефальной епархии, вызвав резкое недовольство находившегося в ссылке

---

[425] Тайной Церкви ревнитель... С. 40–41.

в Ульяновске епископа Аввакума. Последний отстаивал полную независимость епархии от власти. По-видимому, именно этот вопрос явился основой для нестроений в автокефальной епархии, которые прекратились лишь вмешательством самого архиепископа Андрея. В письме из Кзыл-Орды он напоминал послания Апостола Павла и призывал верующих отнестись с любовью к обоим епископам.

В это время епископ Аввакум, находясь в ссылке в Ульяновске, возглавил нелегальные (незарегистрированные) общины "непоминающих" андреевского течения как в самом городе, так и в селах Боклинского района Средне-Волжского края (территория современных Оренбургской, Самарской и Ульяновской областей), ряде селений Чувашской АССР и других. За эту деятельность в мае 1931 года он был арестован и заключен в самарский Дом заключения. Обвинялся по статьям 58–10, 58–11 и 59–2 УК РСФСР. Постановлением Тройки при ПП ОГПУ по Средне-Волжскому краю от 8 сентября 1931 года был приговорен к 10 годам ИТЛ[426].

Что касается позиций епископа Иова (Афанасьева), Руфина (Брехова) и, возможно, схиепископа Петра (Ладыгина), то помимо открытого служения каждый из них готовил кадры для служения подпольного — и в епархии появились тайные священники»[427].

Во второй половине 1930-х к тайному служению должны были переходить уже все. И если до середины 1930-х кое-где оставались действующие храмы и в

---

[426] Отбывал срок в лагере на территории Медвежьегорского района Карельской АССР. 20 сентября 1937 — арестован в лагере и приговорен по статьям 58–10, 58–11 к высшей мере наказания. Расстрелян 15 октября 1937. Место захоронения — станция Медвежья Гора (Сандармох).

[427] *Зимина Н. П.* Уфимская автокефальная епархия «непоминающих» андреевского течения... С. 202.

1935 году у епископа Руфина даже был Тихвинский собор города Стерлитамака (второго по значению в Башкирии), а в 1936–1937 годах еще продолжалась борьба между автокефалистами и сергианами за ряд сельских храмов и Сергиевскую церковь в Уфе, то после репрессий 1937 года, когда было расстреляно большинство священнослужителей и закрыты все храмы[428], церковная жизнь сохранялась в самом глубоком подполье. Едва ли мы узнаем о ней во всей полноте. Мало кто выжил из ее очевидцев, и еще меньше было записано и сохранено их рассказов. Но и те немногие, однако пронзительные по силе духа и искренности веры свидетельства, запечатленные в воспоминаниях, опубликованных в послевоенные годы Русской Зарубежной Церковью, а за последние два с небольшим десятилетия и в различных изданиях в России, достаточны для того, чтобы понять, какой великий подвиг в богоборном государстве совершали православные христиане, сохранившие истинную веру и не поддавшиеся соблазну компромиссов с богоборцами.

Замечательно, что эти свидетельства участников и очевидцев церковной жизни в подполье или в катакомбах XX столетия дополняются также в нынешнее время и научными публикациями на основании изучения архивных материалов. Пока это еще довольно краткие статьи с самыми общими сведениями. Однако упоминаемый материал настолько обширен, что можно надеяться на то, что в будущем появятся более подробные статьи и книги как в целом по истории автокефальной "андреевской" уфимской епархии, так и о ее выдающихся деятелях-"андреевцах" — архиереях, священниках, монашествующих и мирянах — ревнителях истинного православия.

---

[428] В 1941 году на территории Башкирии была открыта единственная церковь — Сергиевская в Уфе, хотя священника не было, и прихожане молились там сами.

Мы в свою очередь уже опубликовали в книге нашей серии о епископе Гурии (Павлове) как его свидетельства, так и архивные материалы об уфимских исповедниках[429]. Отец Гурий, рукоположенный в 1928 году в Уфе и направленный на служение к чувашам, хранил память об уфимских архиереях всю свою долгую и многотрудную жизнь[430]. С архиепископом Андреем ему так и не довелось познакомиться. Когда в начале 1932 года отец Гурий узнал, что владыка Андрей в Москве на свободе после многолетней ссылки и тюремных заключений[431], он хотел поехать на встречу с ним. Однако не успел, так как сам был арестован и приговорен к заключению в концлагерь.

С епископом Вениамином, очевидно, отец Гурий также больше не виделся. В июле 1930 года владыка Вениамин был арестован в Уфе, приговорен к 10 годам концлагеря и отправлен в Вишерский лагерь Уральской области, а с 1933 года проживал в ссылке в Мелекессе[432]. Не сохранилось ни письменных, ни устных

---

[429] Например, о монахине Евфросинии (Батеевой), бывшей насельнице Мамадышского монастыря, знавшей владыку Андрея еще как викарного епископа Казанской епархии в 1907–1911 годах; о иеромонахе Митрофане (Васильеве), с 1904 года подвизавшемся в Одигитриевском монастыре Уфимской епархии и рукоположенном епископом Андреем в иеродиаконы в 1915 году и в иеромонахи — в 1918-м (см.: Тайной Церкви ревнитель... С. 65–67; 68–69, 142–160).

[430] Только несколько месяцев иеромонаху Гурию довелось служить в открытом храме — в селе Шутнерово в 1930 и 1931 годах. Все остальное время (а это более 65 лет!) он служил тайно, пребывая в постоянных гонениях, подвергаясь неоднократно арестам, побоям, тюремным и лагерным заключениям.

[431] Владыка Андрей приехал в Москву в октябре 1931 года, где и пребывал до нового ареста 14 апреля 1932 года.

[432] В Вишерском лагере на непосильных работах владыка Вениамин заболел, и у него развился гнойный плеврит. Его положение было

свидетельств о том, чтобы отец Гурий посещал епископа Вениамина в ссылке. Лишь с епископом Аввакумом отец Гурий повидался несколько раз в 1930 году в Ульяновске, где тот отбывал ссылку после ареста в Уфе в 1928 году.

Вскоре эти архиереи, как и все уфимские (да и в целом большинство архиереев Русской Церкви), были убиты. По обвинениям в «*организации контрреволюционной деятельности против советской власти*» их приговорили к расстрелу. 4 сентября 1937 года, после нескольких лет заключения в Ярославском политизоляторе, был расстрелян архиепископ Андрей; 15 октября расстрелян отбывавший срок в концлагере епископ Аввакум; 16 апреля 1938 года расстрелян арестованный вместе со своими близкими в 1937 году в Мелекессе епископ Вениамин.

Иеромонах Гурий не знал об этом[433]. О судьбе уфимских архиереев у него не было точных сведений. Однако, справедливо предполагая, что они замучены до смерти безбожной властью, отец Гурий почитал их святыми. В последние годы жизни он не мог удержаться от слез, вспоминая архиереев-мучеников. На протя-

---

признано безнадежным. Узнав об этом, владыка Андрей написал письмо Е. П. Пешковой, возглавлявшей Политический Красный Крест, умоляя ее спасти умирающего епископа Вениамина. По ходатайству Пешковой владыка Вениамин был освобожден из лагеря в феврале 1933 года и для отбытия оставшегося срока выслан в Мелекесс, где совершал тайные богослужения и поддерживал связь с уфимским духовенством.

[433] На допросе в 1952 году отец Гурий показал, что в 1933 году в Свирском лагере он услыхал о «кончине» епископа Вениамина от монаха Агафопуса, которому написал об этом брат, диакон Ананий. Вероятно, это был слух о смертельной болезни епископа в Вишерском лагере (ГИАЧР. Ф. 2669. Оп. 3. Д. 3116. Л. 40 об.).

жении десятилетий отец Гурий бережно хранил фотографии епископов Аввакума и Вениамина, которые они ему подарили и подписали, чудом уцелевшие во время десятилетий его постоянных скитаний. И когда в начале 1990-х годов ему сделали копию фотографии архиепископа Андрея из изданной книги, отец Гурий заплакал и сказал, что если бы все архиереи в Русской Церкви были такие же, как владыки Андрей, Аввакум и Вениамин, то советская богоборческая власть долго бы не продержалась.

Именной указатель[355]

Аввакум (Боровков), епископ 507, 544, 546, 547, 552, 553, 556–560, 562–566, 569, 570
Агафангел (Амосов), архимандрит 223
Агафангел (Преображенский), архиепископ 196, 212, 213, 220, 551
Алексеев И. Е. 14
Алексий, святитель 147
Алексий (Дородницин) 351
Алексий (Соловьев), иеромонах 223
Алпатов И. С. 496
Алфеев Николай 451
Амбросимов Н. 350
Амвросий (Гренков), иеросхимонах 483–485
Анастасий (Грибановский), епископ 473
Анатолий (Потапов), иеромонах 482–489
Анисимов А. 350
Анисимов Я. 350
Антипина О. 561
Антоний (Вадковский), митрополит 171, 172, 352, 354
Антоний (Миловидов), епископ 556, 560
Антоний (Храповицкий), архиепископ 121, 187, 188, 209, 212, 214, 215, 323, 324, 380, 498
Арсений (Брянцев), архиепископ 324
Арсений (Стадницкий), архимандрит, митрополит 498
Атаев Кирилл 518–522
Атаманов Алексий 406, 407

Бабанина Надежда 340
Бебель Ф. 44, 48, 54
Беневольский В. И. 500–502, 504
Берг А. Н. 404
Брянцев В. И. 454
Бухалов Н. А. 115, 116, 118, 120

Васильев А. В. 128
Васильев Борис 428, 449
Васильева О. 560

Варсонофий, святитель 146
Вдовин Павел 411
Вениамин (Троицкий), епископ 534, 535, 538, 539, 545, 546, 548, 560, 563–565, 568–570
Вильгельм, император 70
Винавер М. М. 85, 200
Витте С. Ю. 65
Владимир (Богоявленский), митрополит 171
Воздвиженский Михаил 405
Воронцов Александр 156
Воскресенский А. А. 266
Восломский А. 17, 312, 314, 316, 319, 321
Восторгов И. И. 382

Галанин И. В. 11
Гапон Г. А. 84
Гарисов И. С. 261
Герман, преподобный 147
Герман (Гомзин), игумен 223
Герценштейн М. Я. 85
Гессен В. М. 200
Городцев С. Д. 383
Горький М. 65
Граммаков Г. И. 519
Граммакова (Громакова) Лидия 518–524
Гребенщиков В. 350
Гребенщиков С. 350
Гузалев Ф. 350
Гурий, святитель 146, 163
Гурий (Павлов), иеромонах, епископ 542–548, 564–570
Гурий (Буртасовский), епископ 337
Гучков А. И. 103

Деревицкий А. Н. 265
Димитрий (Муретов), епископ 209, 371
Димитрий (Самбкин), архиепископ 148, 188
Димитрий (Сперовский), епископ 356, 380–382, 385
Димишев М. 350
Добросов И. 350
Достоевский Ф. М. 485
Дробышев Антоний 449
Дурново Н. 355, 357, 382–385
Дурново П. Н. 85

Еварестов К. 396
Евсеев В. 350
Евстифеев М. 350
Евстифеев Я. 350
Евфросиния (Батеева), монахиня 568
Елизавета, вел. княгиня 395, 399–401, 451–457, 460–463, 481, 482
Ефимов Павел 445–447, 464, 465
Ефрем Сирин, преподобный 309

Жариков С. 350
Жарков И. 350
Жарков Иоанн 419
Жевахов Н. Д. 237–239, 467
Жилов Сергий 328

Зелинская А. И. 339, 340
Землянов С. А. 242
Зимина Н. П. 513, 551, 554–556, 562, 564
Зосима, преподобный 147
Зыкина М. Т. 457

Иаков (Пятницкий), архиепископ 243, 361
Иванов Стратоник 408, 417, 418
Иерон (Носов), схиархимандрит 221
Иерофей, священномученик 146
Извольский П. П. 171–172
Иконников Алексей 523
Илиодор (Труфанов), иеромонах 315, 371
Ильминский Н. И. 134, 135, 229
Индолев Николай 454
Иннокентий (Беляев), архиепископ 357, 371
Иннокентий (Борисов), архиепископ 371
Иннокентий (Попов-Вениаминов), епископ, митрополит 352
Иоанн (Поярков), епископ 507, 508, 512–515, 552–557
Иоанникий (Руднев), митрополит 371
Ионафан (Руднев), архиепископ 372
Иоанн Кронштадтский, праведный 195, 489, 499
Иов, преподобный 147
Иов (Афанасьев), епископ 534, 560, 566
Иона, святитель 147
Иосиф (Литовкин), иеросхимонах 485
Иуда Искариотский 44, 344

Каллистов Козьма 449
Каменский Г. К 245
Каменский Ф. К. 245
Катагощин Василий 156
Каутский К. И. 42
Козлянинова А. Н. 11
Козлянинова Е. Н. 11
Колесников И. 350
Комб Э. 44
Кузнецов Илья 449
Кузнецов Н. Д. 327, 467
Кузнецов П. 350

Латыпова В. 560
Лафарг П. 44
Лев (Черепанов), епископ 556
Леонид (Окропиридзе), епископ 168, 249
Леонтий (Лебединский), митрополит 372
Лука (Войно-Ясенецкий), епископ 341

Макарий (Иванов) иеросхимонах 484
Макарий (Невский), епископ, митрополит 19, 164
Мариам (Макаровская), игуменья 287–289
Мария (Максимович), игуменья 452, 460
Марк (Боголюбов), епископ 507, 552
Макаров Георгий 407
Макаровский Ф. 287–289
Малыгин Флор 411
Матвеев Стефан 427, 451, 454
Мацнев С. В. 460
Мирополький Алепксандр 158, 159

Митрофан (Васильев), иеромонах 568
Михей (Алексеев), епископ 331

Нафанаил (Троицкий), епископ 453
Невзоров И. А. 88, 89
Нестор (Анисимов), иеромонах 237–239
Нечволодов А. Д. 312–314
Никандр (Молчанов), архиепископ 165
Никандр (Покровский), епископ 370
Никанор (Бровкович), епископ 371
Никанор (Каменский), архиепископ 183, 351
Николай (Ипатов), архимандрит 454, 455, 460, 552
Николай (Касаткин), архиепископ 209
Никольский Н. В. 252
Нина (Вачнадзе), игуменья 249, 250

Ориген 309
Осипова И. И. 17

Павел, апостол 51, 397, 450
Павлов Архип 444
Панченко Михаил 541
Папков А. А. 142, 467
Перлова З. А. 457
Петр, святитель 147
Петр (Питирим Ладыгин), схиепископ 534, 541, 556, 566
Петр (Полянский), митрополит 529
Петров Порфирий 404, 405, 416
Питирим (Окнов), митрополит 283, 474
Пихтин И. П. 191
Платонова В. А. 329, 330, 332–338, 341
Плеве В. К. 62, 343
Победоносцев К. П. 172, 343, 380
Польский Михаил, протопресвитер 519, 524
Поселянин Е. Н. 277, 286, 287, 373
Пуришкевич В. М. 342
Пыхтеев С. И. 419, 428

Ренан Ж. Э. 122
Рогович А. П. 171–173
Родичев Ф. И. 69, 84
Романов Павел 430, 449
Руфин (Брехов), епископ 510, 557, 566, 567

Саблер В. К. 360
Савватий, преподобный 147
Самарин А. Д. 466, 467, 471
Сапожникова С. Д. 12
Святополок-Мирский П. Д. 62
Серафим (Мещеряков), архиепископ 380
Сергий, преподобный 147
Сергий (Ларин), архиепископ 372
Сергий (Ляпидевский), митрополит 372

Сергий (Страгородский), архиепископ 142, 196, 220, 323, 515, 529, 544, 555
Сергий (Петров), епископ 286
Сергия (Обухова), схиигумень 531–541
Сидаш Т. Г. 12
Сизов П. 419
Симеон (Шлеев), епископ 326
Скворцов В. М. 270, 326, 336
Смирнов Василий, священник 350
Соловьева Н. 561
Соловьев В. С. 109, 110, 485
Спирюхин С. 350
Стахеев И. Г. 420, 430
Стефан (Архангельский), епископ 196
Стефан (Расторгуев), епископ 543, 544
Столыпин П. А. 102
Стрелков Федор 454
Строков А. П. 66

Тавифа (Кардаполова), монахиня 524–530
Титов Ф. И. 73, 93, 96
Тихомиров Иоанн 411
Тихон (Белавин), святитель, патриарх 510, 529
Толстой А. Г. 453
Толстой А. К. 209
Толстой Л. Л. 257–260
Толстой Л. Н. 257–260, 485
Троицкий И. И. 454
Троицкий Николай 156
Трофим (Якобчук) 507, 552, 556
Трубецкой С. Н. 33, 63

Устинов В. С. 454
Ухтомская Е. Е. 11
Ухтомский А. А. 17, 322–339
Ухтомский А. Н. 11
Ухтомский А. В. 280
Ухтомский Н. В. 11
Ухтомский Э. Э. 325
Ухтомский Ю. А. 280

Федотиков Димитрий 489
Филимонова Н. 561
Филипп, святитель 147
Фома, апостол 49

Харитонов К. П. 454
Хвольсон Д. А. 305, 306

Шарапов С. Ф. 31–35
Шестаков П. Д. 265
Шервашидзе К. Г. 261, 262
Шипов Д. Н. 103
Шмидт П. П. 84, 85

Щетинкин П. В. 180

Юновидов Г. 404, 405

Якина О. П. 561

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК АНДРЕЙ,
АРХИЕПИСКОП УФИМСКИЙ

Статьи 1905–1918 годов,
документы и воспоминания

Составители
Н. И. Колева, *Л. Е. Сикорская*

Корректор *Е. А. Соседова*
Верстка *О. Б. Русакова*
Обложка *И. И. Мамыкин*

ООО «Издательство «Братонеж»
127273, Москва, ул. Отрадная, д. 44

Подписано в печать 09.06.2019.
Формат 60x90 $^{1}/_{16}$. Усл. печ. л. 36,0.
Тираж экз. Заказ № .